

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Косолапов Михаил Федорович

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК РОССИИ И
МЕЖДУНАРОДНО—ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ: ПРЕДЕЛЫ И
МЕХАНИЗМ РЕЦЕПЦИИ**

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация

на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Научный консультант –
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской
Федерации, доктор юридических
наук, профессор
Эбзеев Борис Сафарович

Саратов – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	29
§ 1. Конституционный и международный правопорядок: соотношение понятий.....	29
§ 2. Механизм интернационализации конституционного правопорядка на современном этапе	51
§ 3. Конституционные основы и пределы рецепции международно-правовых стандартов в правовую систему РФ.....	75
§ 4. Влияние процесса интернационализации на закрепление и реализацию конституционных ценностей.....	99
§ 5. Эволюция концепции государственного суверенитета под влиянием процесса глобализации	119
ГЛАВА II. ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ	144
§ 1. Проблемы дефиниции понятия «международный стандарт» в российском и международном праве	144
§ 2. Международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы.....	169
§ 3. Значение международного «мягкого права» в национальной правовой системе.....	196
§ 4. Развитие международных стандартов в правоприменительной практике международных органов в области прав человека	219
§ 5. Специфика формирования стандартов защиты прав человека в деятельности международных консультативных органов.....	254
ГЛАВА III. ПРАКТИКА КОНВЕНЦИОННЫХ ОРГАНОВ ООН И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	284
§ 1. Заключительные замечания квазисудебных органов ООН по правам человека: правовой статус и значение для национальных правовых систем.....	284

§ 2. Влияние соображений (мнений) комитетов по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику	302
§ 3. Замечания общего порядка как источник международных стандартов прав человека в российской правоприменительной практике ...	317
ГЛАВА IV. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО (ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ)	338
§ 1. Международные стандарты в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации	338
§ 2. Международные договоры и решения межгосударственных органов как объект конституционного судебного контроля	360
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	387
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	393

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Принятие в 1993 году Конституции РФ положило начало формированию новой концепции имплементации положений международного права в Российской Федерации. Включение таких элементов как международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права в российскую правовую систему значительно расширило возможности реализации последних на внутригосударственном уровне.

Лаконичность конституционных положений, имеющаяся неоднозначность в трактовке таких понятий как «общепризнанный принцип (норма) международного права», а также отсутствие необходимой детализации положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ со стороны законодателя способствовали актуализации данной проблематики для российской правовой доктрины и активизации работы по выработке соответствующих правовых позиций со стороны высших судебных органов относительно порядка применения рассматриваемых элементов международного права, определения их места в системе источников российского права¹.

Очевидно, что в силу объективных причин конституционные положения не охватывают все имеющееся разнообразие элементов международного права, прямо или косвенно включаемых или имеющих значение для правовой системы России в силу взятых ею международных обязательств или продиктованных особенностями внутригосударственного применения источников международного права. В этой связи в национальной

¹См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 (в ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

правовой доктрине достаточно прочно укоренилось понятие «международно-правовой стандарт».

Исходя из того, что новая терминология не возникает спонтанно, тем более не укореняется в правовой доктрине при условии наличия множества других схожих понятий, в том числе тех, что упоминаются в Конституции РФ, можно утверждать, что появление данной правовой категории свидетельствует о реальной потребности в использовании нового понятия.

Универсальность и отсутствие жесткой привязки термина «международно-правовой стандарт» к одному из источников международного права, а в большинстве случаев возможность объединить в нем целый ряд элементов международного права в конкретной области правоотношений способствовали его широкому распространению как в правовой среде, так и в других смежных областях. Вместе с тем массовое и порой бессистемное использование понятия «международно-правовой стандарт» не сопровождалось анализом его содержания, выявлением его отличительных характеристик и структуры. Имеющаяся амбивалентность понятия в значительной степени усложняет процесс выполнения международных обязательств и приведения российского законодательства и правоприменительной практики в соответствие с действующими международными обязательствами. Это вызывает необходимость комплексного исследования как самой категории «международно-правовой стандарт», так и элементов, его образующих.

Появление в системе международного права новых международно-правовых регуляторов («мягкого» права, правовых позиций международных контрольных органов, актов доктринального характера), порой не выражающих прямого волеизъявления государства, требуют переосмысления механизма их имплементации в рамках национальной правовой системы.

Конституционные поправки 2020 года создали предпосылки для нового осмысления российскими конституционалистами такого элемента международного права как решения межгосударственных органов. Новая

редакция ст. 79 Конституции РФ устанавливает, что такие решения, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению. Установление данного критерия потребовало расширения полномочий Конституционного Суда РФ по проведению такой проверки. Поскольку причиной постановки вопроса о необходимости проверки Конституционным Судом РФ данных решений международных органов является процесс эволюционного изменения положений международного договора путем толкования, это вызывает необходимость комплексного исследования полномочий и подходов к толкованию договоров, используемых международным органом, правовой природы интерпретационных актов, а также правового отклика на такие решения со стороны российской правоприменительной практики.

На протяжении двух десятилетий российская правовая система в первую очередь была ориентирована на европейские правовые стандарты, включая постановления Европейского суда по правам человека. Национальные судебные органы выработали соответствующие правовые позиции относительно формирования надлежащего правового отклика на факт принятия такого рода решений международных судов. Со стороны законодателя была предусмотрена процедура пересмотра решений судов в виду новых обстоятельств дела и т.д. При этом практика учета решений универсальных контрольных органов не получила должного внимания, хотя она не менее информативна с точки зрения современных тенденций развития прав человека. В связи с этим представляет несомненный интерес ее изучение, порядка ее формирования и особенностей ее использования в национальной правовой системе, исходя из уже сформированных подходов к ее имплементации государственными органами Российской Федерации. Тем более, что данные акты отличаются большим разнообразием форм и в большей степени ориентированы на учет имеющихся индивидуальных национальных особенностей исторического, культурного, религиозного и

экономического развития, а в силу своей правовой природы - на уважение принципа государственного суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела. Значение данных универсальных международных стандартов возрастает в связи с выходом Российской Федерации из - под юрисдикции Европейского суда по правам человека в смысле ст.ст. 17 и 46 Конституции РФ, провозглашающих принцип реализации прав и свобод в РФ, и закрепляющих право на обращение граждан России в международные органы для защиты своих прав.

Учет во внутригосударственной практике международно-правовых стандартов, в первую очередь в области прав человека, безусловно способствует обогащению национальной правовой системы, придает импульс ее развитию в свете общемировых тенденций. Вместе с тем, непоследовательное использование элементов международного права, особенно внедоговорного характера, могут оказывать негативное, а в ряде случаев разрушительное влияние на функционирование национальных правовых институтов.

Отнесение к международно-правовому стандарту элементов международного права, не основанных на прямом волеизъявлении государств, способствуют высокой степени «подвижности», двойственности данной правовой модели, в ряде случаев допускающей многовариантность его трактовки, исходя из политической, экономической и иной выгоды отдельных участников международных отношений.

Возникновению различного рода коллизий на национальном уровне способствует безусловное включение в структуру международно-правового стандарта правовых позиций международных судебных органов. Непрозрачность формирования выводов, отсутствие четкого правового регулирования, а также игнорирование национальных правовых особенностей в практике использования европейского (международного) консенсуса могут трактоваться государством как вмешательство в его внутренние дела.

Международно-правовые стандарты в области прав человека в современном международном праве являются общепризнанной правовой доминантой, и в некоторых случаях выступают в качестве основы для формирования вторичных правовых стандартов в тех областях регулирования, которые являются чувствительными для суверенных государств: стандарты демократического правления, правового государства, гражданского общества, конституционных ценностей.

Международно-правовые стандарты в первую очередь базируются на согласовании волеизъявлений государств, т.е. тех международных положениях, в отношении которых государства четко выразили свое желание следовать им. В связи с этим реализация иных элементов международного стандарта остается на усмотрение государств.

Степень научной разработанности темы исследования.

Многоаспектность выбранной темы диссертационного исследования обусловила обращение к целому комплексу входящих в нее проблем, затрагивающих общую теорию государства и права, конституционное и международное публичное право, философию права, сравнительное правоведение.

На современном этапе развития национальной доктрины вопросы взаимодействия национального права России и международного права находятся в поле зрения не только ученых международников и конституционалистов, но других отраслей права, т.е. носят межотраслевой характер. На отраслевом уровне исследователи обращаются к различным аспектам этого вопроса, например, к проблемам интернационализации в сфере административно-правового регулирования обращались А.А. Демин, Н.М. Конин, В.И. Крайнов, В.М. Манохин, А.А. Мамедов; влияние норм международного права на уголовно-процессуальные нормы изучали: В.М. Волженина, Е.М. Ворпаховская, А. С. Шаталов, О.А. Вострецова.

Некоторые составляющие проблемы рассматривались в работах ученых-конституционалистов: С.А. Авакьяна, М.В. Баглая, Н.В. Витрука,

С.А. Глотова, В.Д. Зорькина, Е.В. Колесникова, В.В. Комаровой, Г.Н. Комковой, В.А. Кряжкова, О. Е. Кутафина, Л.В. Лазарева, В.И. Лафитского, Е.А. Лукьяновой, Н.Я. Лыгина, В.В. Мамонова, М.А. Митюкова, Т.Г. Морщаковой, С.Э. Несмеяновой, А.М. Николаева, Ж.И. Овсепян, А.М. Осавелюка, Т.М. Пряхиной, М.С. Саликова, И.А. Умновой (Конюховой), Т.Я. Хабриевой, В.С. Хижняк, В.Е. Чиркина, Б.С. Эбзеева.

В доктрине международного права вопросы, затронутые в диссертации, являлись предметом исследования А.Х. Абашидзе, С.В. Бахина, Ю.С. Безбородова, М.М. Бирюкова, И.П. Блищенко, А.Л. Буркова, Р.М. Валеева, А.С. Гавердовского, В.В. Гаврилова, С.А. Горшковой, М. Даниленко, А.В. Демина, А.А. Дорской, А.Е. Епифанова, Г.В. Игнатенко, Р.А. Каламкаряна, А.Я. Капустина, А.И. Ковлера, Ю.М. Колосова, Д.В. Красикова, И.И. Лукашука, С.Ю. Марочкина, С.В. Молодцова, Р.А. Мюлерсона, Т.Н. Нешатаевой, Б.И. Осминина, Ю.С. Ромашова, А.Н. Талалаева, О.И. Тиунова, А.Ю. Тихомирова, В.А. Туманова, Г.И. Тункина, Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко, Е.А. Шибяевой, М.Л. Энтина.

Особое внимание при изучении отдельных вопросов, связанных с проблематикой диссертации, было уделено работам исследователей в области общей теории государства и права: С.С. Алексеева, М.И. Байтина, В.В. Богатырева, А.Б. Венгерова, В.Л. Кулапова, А.Е. Лакеева, О.Е. Лапиной, П.А. Лаптева, Е.А. Лукашева, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Е.Г. Потапенко, В.Н. Синюкова, Ю.А. Тихомирова, В.Р. Торосян, И.Е. Фарбера.

Отдельные аспекты интернационализации внутригосударственного правопорядка были затронуты в работах Е.С. Аничкина, Д.С. Велиевой, Е.А. Гагаевой, С.А. Глотова, И.А. Кравца, М.А. Лимонниковой, В.В. Невинского, В.Е. Чиркина.

Проблемы государственного суверенитета на современном этапе, а также вопросы его правовой защиты от негативного влияния глобализационных процессов исследовались рядом ученых, среди которых можно выделить: С.А. Акакьяна, Н.И. Грачева, В.Д. Зорькина, В.Т. Кабышева,

С.В. Каламанову, М.В. Карасева, В.И. Конурова, В.В. Красинского, И.И. Лукашука, Н.Б. Пастухову, В.Е. Чиркина, Б.С. Эбзеева.

Разработка научной концепции международно-правового стандарта в национальной доктрине была предпринята в трудах М.А. Амировой, Е.М. Варпаховской, М.Р. Воскобитовой, А.Е. Епифанова, А.Е. Лакеева, В.Н. Ткачева, Л. Ульяшиной, Н.Я. Лыгина, С.М. Ягофарова и др.

Вопросы действия норм международного права в рамках судебной системы Российской Федерации были рассмотрены в трудах А.М. Барнашова, А.Л. Буркова, И.В. Воронцовой, М.Е. Грачевой, О.В. Девятовой, Б.Л. Зимненко, А.С. Исполинова, И.И. Лукашука, С.Ю. Марочкина, Т.В. Соловьевой, А.Р. Султанова, В.В. Терешковой, О.И. Тиунова, Н.А. Цивадзе.

Высоко оценивая вклад вышеуказанных ученых в развитие науки и теории взаимодействия внутригосударственного и международного права, все же очевидно, что их работы применительно к выбранной теме, имеют точечное отношение, затрагивают только отдельные аспекты исследования. Представленная работа является первым концептуальным, комплексным юридическим исследованием, посвященным широкому спектру вопросов действия международно-правовых стандартов в конституционном правопорядке России.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является формирование современной концепции действия международно-правового стандарта в рамках российской правовой системы, выявление и рассмотрение его ключевых элементов, а также системное изучение возможностей и особенностей применения отдельных компонентов международного стандарта на национальном уровне.

Для достижения указанной цели были определены следующие задачи:

-выявление трансформационных изменений в конституционном правопорядке, обусловленных современным процессом интенсификации международных отношений;

-установление предпосылок, форм и пределов влияния международного правопорядка на механизм принятия, внесения изменений в национальные конституции;

-рассмотреть причины формирования и правовое закрепление категории общечеловеческих конституционных ценностей на национальном уровне и в международном праве;

-исследовать проблему согласования конституционных и международных аксиологических установок в контексте вопроса формирования общечеловеческих конституционных ценностей;

-проанализировать основные направления и тенденции развития суверенной государственности в условиях интенсификации международных отношений, а также условия обеспечения суверенитета России на фоне процесса глобализации, исходя из концепции государственного суверенитета, закрепленного в Конституции РФ;

-сформулировать дефиницию «международно-правовой стандарт», выявить и раскрыть его характерные черты, провести его классификацию;

-выявить механизм формирования международно-правового стандарта и его эволюционное развитие;

-определить элементы международного права, включаемые в понятие «международно-правовой стандарт» и выявить механизм их взаимосвязи, а также условия действия вышеупомянутых элементов в рамках правовой системы Российской Федерации;

-проанализировать проблемные аспекты использования механизма международного (европейского) консенсуса как способа изменения международно-правового стандарта, выявить возможные негативные последствия его использования для национальных правовых систем и национальной идентичности;

-выявить особенности «мягкого права» как регулятивного инструмента в структуре международно-правового стандарта;

-проанализировать практику применения «мягкого права» судебными органами Российской Федерации;

-изучить роль и значение для национальной правовой системы правоприменительной практики международных квазисудебных органов ООН, составляющей неотъемлемую часть универсального международного стандарта в области прав и свобод человека;

-проанализировать роль Конституционного Суда РФ в имплементации международно-правовых стандартов в российскую правовую систему.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе взаимодействия международного и внутригосударственного (национального) права, формирования международно-правовых стандартов, и их реализации на национальном уровне органами государственной власти РФ.

Предметом настоящего исследования являются теоретические представления о конституционно-правовом механизме взаимодействия международного и внутригосударственного права Российской Федерации; категория «международно-правовой стандарт», а также практика имплементации органами государственной власти РФ (прежде всего судами) международно-правовых стандартов на внутригосударственном уровне.

Методологическая основа диссертационного исследования. Познавательный инструментарий, используемый в диссертации, определяется спецификой предмета исследования, поставленными целью и задачами.

Основополагающим методом исследования является диалектический, позволивший автору рассмотреть процесс формирования международно-правового стандарта в динамике, и механизм его имплементации в рамках национальной правовой системы Российской Федерации.

Наряду с диалектическим методом была использована система общенаучных и специальных методов научного познания. Среди общенаучных методов в работе были применены системный,

функциональный, логический метод (дедукции и индукции, анализа и синтеза). В качестве частнонаучных – сравнительно-правовой, формально-юридический и другие методы. Системно-структурный метод применялся при анализе категории «международно-правовой стандарт», анализе общей структуры данного правового явления. Сравнительно-правовой метод позволил соотнести тенденции интернационализации конституционного законодательства за рубежом и на национальном уровне, проанализировать практику имплементации международно-правового стандарта в различных государствах, рассмотреть практику использования эволютивного подхода к толкованию международных договоров как механизма изменения действующего международно-правового стандарта. Формально-юридический метод анализа нормативно-правовых актов был использован для анализа источников права, их классификации, а также в целях интерпретации юридических понятий и явлений.

Нормативно-правовая база диссертационного исследования включает в себя: Конституцию РФ 1993 г., федеральные конституционные законы, федеральные законы, включая кодифицированные акты, подзаконные нормативно-правовые акты: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, международно-правовые акты (международные договоры Российской Федерации, акты международных организаций), документы, отражающие внешнеполитическую деятельность конституционных органов РФ (Президента, Правительства, Государственной Думы и т.д.), Конституции и законодательство СССР и РСФСР, конституционные положения отдельных зарубежных государств (Германии, Франции, Австрии, Болгарии, Казахстана, Чехии, Боснии и Герцеговины, Румынии и т.д.), имеющие значение для рассматриваемой области отношений.

Эмпирической основой исследования являются: решения Конституционного Суда РФ; постановления и определения Верховного Суда РФ и его коллегий; решения судов общей юрисдикции; обзоры судебной практики Верховного Суда РФ касающиеся обобщения и разъяснения

практики применения судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ, обзоры практики межгосударственных органов по защите прав человека и основных свобод, подготовленные Верховным Судом РФ и т.д.; результаты обобщения и анализа постановлений, определений Конституционного Суда Российской Федерации, характеризующих механизм применения Судом различных компонентов международно-правового стандарта, а также содержащих правовые позиции относительно порядка действия принципов и норм международного права, решений международных контрольных органов в области прав человека в рамках российской правовой системы; решения (постановления, соображения), акты толкования и иные решения (правоприменительная практика) международных судебных и квазисудебных органов универсального и регионального уровня в области прав и свобод человека; акты рекомендательного (или доктринального) характера, принимаемые международными консультативными органами, действующими в рамках международных организаций; публикации СМИ; статистические данные.

Научная новизна диссертационного исследования. Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем на основе имеющегося теоретического, нормативного материала разработана авторская концепция международно-правовых стандартов, выявлен конституционный механизм и пределы их рецепции в конституционный правовой порядок Российской Федерации.

В диссертационном исследовании разработан ряд теоретических положений и практических рекомендаций, совокупность которых может быть квалифицирована как решение научной проблемы:

-уточнены дефиниции науки конституционного права Российской Федерации: конституционный правовой порядок, публичный правовой порядок, международно-правовой стандарт и т.д.

-впервые рассмотрен и проанализирован зарубежный опыт международного участия (форм и механизмов) в процессе разработки, принятия, внесения изменений в конституционные тексты;

-выявлен процесс взаимного влияния национальных (конституционных) и международных ценностных установок, и международно-правовых стандартов на закрепление, содержание конституционных ценностей и негативное воздействие, которые они могут оказать в рамках национальных правовых систем;

-разработана научная концепция международно-правового стандарта, в рамках которой исследуемое правовое явление рассматривается как сложная, многоуровневая правовая категория;

-впервые были рассмотрены акты квазисудебных органов ООН в области прав человека и международных консультативных органов как возможные элементы универсального международно-правового стандарта, и практика их реализации в рамках российской правовой системы;

-диссертантом сформулированы и иные новые теоретические положения и практические выводы, рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики относительно оптимизации процесса реализации элементов международного права в Российской Федерации.

На защиту выносятся следующие основные положения, отражающие новизну диссертационного исследования:

1. Предложены либо уточнены формулировки категориального аппарата науки конституционного и международного права в рамках темы диссертационного исследования:

- «конституционный правопорядок» — максимально полное соответствие существующих общественных отношений установлениям, заложенным в нормах Конституции РФ, конституционного законодательства, в общепризнанных принципах и нормах международного права, а также действующим международным обязательствам РФ.

- «международно-правовой стандарт» — перманентно развивающийся комплекс норм, принципов, правовых позиций, выработанных субъектами международного права в конкретной области взаимодействия. Данное понятие включает в себя не только положения международных договоров, общепризнанные принципы и нормы, но и международные акты рекомендательного характера, решения и иные акты международных контрольных органов, составляющие последующую практику его реализации и последующую договорную практику государств.

- «мягкое» международное право — акты международных организаций или органов, содержащих формализованные общие положения, не имеющие обязательной юридической силы, предполагающие дискреционный порядок исполнения относительно объема и механизма реализации адресатами.

- «правовая позиция международного органа» — это правовые выводы (мнения) компетентного международного органа (суда), сформированные в результате процесса толкования договорных положений или анализа внутригосударственной и международной практики их реализации.

- «стандарты консультативных международных органов» — это квалифицированное мнение (вывод) международных экспертов о лучшей (или целесообразной) с точки зрения действующего права модели правового регулирования или практики, основанное на анализе норм международного и внутригосударственного права и практике их реализации.

2. Обосновано, что в Конституции РФ реализован определенный баланс между возможностью рецепции (восприятия) российской правовой системой международно-правовых стандартов, способствующих ее развитию, выполнением государством своих международных обязательств и наличием системы механизмов, препятствующих проникновению в национальную систему тех элементов международного права, которые вступают в

противоречие с ее отдельными компонентами, нивелируют национальные культурные, правовые и иные ценности. Основания и пределы рецепции международных стандартов могут быть установлены исключительно конституционными положениями.

3. Утверждается, что свойственные современным государствам исторические, экономические различия, особенности формы правления, степени демократизации, политических режимов и т. д. способствуют сохранению национальных особенностей конституционного строя. Установлено, что современные интеграционные процессы создали условия для интернационализации многих сфер конституционного правопорядка, однако до настоящего времени международное сообщество не подошло к выработке единого, приемлемого для всех, универсального «шаблона» конституции или механизма его реализации. Действия современных международных организаций в процессе интернационализации конституционного правопорядка имеют тенденцию к формированию критериев, предъявляемых к содержанию основного закона государства. Учитывая главенствующее значение принципа государственного суверенитета для подавляющего большинства стран мира, не вовлеченных в процесс интенсивной правовой, экономической интеграции, эта тенденция неизменно встречает закономерное противодействие. Отсюда — верховенство идей о конституционном плюрализме, который способствует закреплению, реализации и защите базовых национальных ценностей.

4. Выявлено, что в качестве предпосылок интернационализации конституционного правопорядка выступают различные факторы. Наиболее распространенной предпосылкой этого правового феномена является стремление государства к унификации публичного права, что обеспечивало бы эффективное исполнение государством своих функций в правовой, экономической, политической и других сферах межгосударственных отношений. Утверждается, что интернационализация протекает в трех основных формах: использование «мягких», консультативных видов участия

международного сообщества в процессе конституционных преобразований; имплементация норм международного права во внутригосударственное; интернационализация с использованием обязательных международных установок, которая возможна только в рамках наднациональных международных организаций или связана с полномочиями Совета Безопасности ООН по поддержанию мира и безопасности. Жесткое регулятивное вмешательство международного сообщества во внутренний конституционный процесс является экстраординарным событием и не всегда свидетельствует о состоятельности такого метода, который разрушает национальные институты и ставит под сомнение поступательное развитие государства. Его использование может быть оправдано исключительно необходимостью сохранения жизнеспособности государства, предотвращением гуманитарной катастрофы.

5. Обосновано, что самым масштабным случаем воздействия со стороны международного сообщества на процесс разработки и принятия национальных конституций является процесс постконфликтного мироустройства. Анализ механизма интернационализации конституционных актов в рассмотренных ситуациях свидетельствует о том, что степень и объем международного участия в конституционной реформе во многом определяются особенностями внутригосударственного кризиса, масштабами внутреннего противостояния и зависят от готовности различных этносов или внутригосударственных политических групп к поиску консенсуса. Этим обусловлены невозможность четкого правового регулирования международным сообществом конституционного процесса и отсутствие какого-либо универсального алгоритма действий в правовом поле постконфликтной ситуации. Различие в причинах возникновения кризиса предполагает многовариантность средств его преодоления. В одних случаях вмешательство может быть ограничено предоставлением общих рекомендаций и осуществлением контроля за их выполнением, а в других —

являться более сложным по охвату и методам работы международных структур в процессе конституционных изменений.

6. Установлено, что в рамках процесса интеграции многие конституционно-правовые нормы, закрепляющие национальные ценности, подвергаются внешнему правовому воздействию. Это осуществляется посредством действия всеобщих принципов функционирования международного сообщества, принятием унифицирующих международных договоров, членства государств в международных организациях и органах. Процесс унификации правовых ценностей способствует сближению национальных правовых систем, облегчает межгосударственное взаимодействие. Утверждается, что, несмотря на общую положительную тенденцию, такое положение вещей создает угрозу нивелирования национальных конституционных ценностей и риск действительной конкуренции между ними в связи с тем, что они объективно могут иметь различающееся внутреннее содержание и структуру, а также инициировать различные подходы к иерархии норм, что актуализирует вопрос о необходимости создания механизмов защиты конституционных ценностей в целях сохранения национальной идентичности.

7. Установлено, что такие категории, как «демократия», «демократическое правление», «народовластие», перешли в разряд общечеловеческих ценностей, о чем свидетельствует ряд универсальных международно-правовых документов и значительная часть доктрины. Формирование международного стандарта демократического правления в первую очередь происходит в рамках правозащитной деятельности международных организаций и органов. Обосновывается, что международные организации не должны пытаться вывести единый стандарт демократии, пропагандируя какую-либо одну ее модель. Их роль не должна выходить за рамки защиты отдельных базисных ценностей, без которых не может существовать ни одна из форм демократии. Имеющиеся индивидуальные особенности у государств-членов определяют

многовариантность подходов к реализации демократии, не позволяют выявить единую, образцовую модель демократии. В каждом конкретном случае модель демократии будет характеризоваться индивидуальным набором признаков и характерных черт, что отражается в большинстве конституций стран мира.

8. Выявлено что интенсификация международных отношений привела к созданию новых тенденций во внутригосударственном праве, которые в ряде случаев трактуются как кардинальные изменения в природе государственного суверенитета: на международный уровень могут быть переданы полномочия отдельных органов публичной власти, вопросы прав человека не являются исключительно внутригосударственным вопросом и т.д. В работе обосновывается, что данные изменения не могут рассматриваться как умаление государственного суверенитета, не могут служить доказательством его делимости. Передавая согласно конституционным положениям часть полномочий на надгосударственный уровень или предусматривая возможность международной защиты прав человека, государства в первую очередь решают стоящие перед ними задачи и достигают поставленных целей, т.е. не делятся своим суверенитетом, а реализуют его. Теория ограничения, деления государственного суверенитета не имеет какого-либо правового обоснования, а скорее используется для достижения определенных политических целей.

9. Выявлено, что практика эволюционного толкования как основание для адаптации «жестких» конвенционных положений к реалиям сегодняшнего дня способствовала существенным новациям в области международных стандартов в области прав человека. Однако любой подход, способствующий расширению обязательств государств в одностороннем порядке исключительно международным органом, неоднозначен. Доминирование позиции коллективного Запада, выраженное через призму их национального законодательства, и игнорирование национальных правовых традиций отдельных государств приводят к тому, что такой подход вызывает

возражения со стороны национальных властей и порождает негативные последствия в их национальной правовой системе, что делает исполнение решений проблематичным, а в некоторых случаях даже неисполнимым. Использование эволютивного толкования не свободно от погрешностей, связанных с такими факторами, как субъективизм исследователя, недостатки при сборе информации, произвольность критериев выборки и др., что является неприемлемым, учитывая обязывающий характер актов, на нем основанных.

10. Аргументировано, что конституционные изменения 2020 г., касающиеся проверки возможности исполнения Российской Федерацией решений межгосударственных органов, принятых на основе такой интерпретации положений международного договора, которая противоречит Конституции РФ, не вносят существенных изменений в процесс соотношения международного и внутригосударственного права. Концепция такого соотношения была изначально заложена в тексте Конституции РФ. В ее основе — безусловный приоритет конституционных положений над всеми элементами национального права и всеми источниками международного права, рассматриваемыми как составная часть ее правовой системы. Внесенные изменения необходимо воспринимать как дополнительный механизм защиты суверенитета Российской Федерации и закрепленных конституционных ценностей.

11. Обосновано, что положения международного права рекомендательного характера («мягкое право») представляют собой важный элемент современного международного стандарта и являются необходимым элементом внутригосударственного правоприменительного процесса, так как отсутствие обязательной юридической силы у данных актов способствует адаптивному восприятию соответствующего международного стандарта правовой системой РФ с учетом культурных, исторических, правовых традиций, а также конституционных

аксиологических установок государства. Выявлено, что обращение национальных судебных органов к актам «мягкого права» наряду с положениями международных договоров обусловлено несколькими факторами:

- положения некоторых рекомендательных актов воспринимаются российской правоприменительной практикой как источник общепризнанных принципов и норм международного права;

- учет в практике подобных актов способствует эффективной реализации положений договора и в конечном итоге способствует добросовестному исполнению обязательств государством;

- обращение к актам «мягкого права» в обход «жестких» (договорных) регуляторов может быть вызвано пробелами договорного правового регулирования. В этом случае акты «мягкого права» создают для судебных и иных правоприменительных органов Российской Федерации необходимые правовые ориентиры для принятия взвешенного и обоснованного решения по наиболее сложным, проблемным вопросам (биоэтика, оказание психиатрической помощи и т.д.). Концепция «мягкого» правового регулирования получила определенное признание и на внутригосударственном уровне. Использование такого рода внутригосударственных актов способствует решению ряда проблем правового регулирования.

12. В условиях выхода Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, а также нахождения в процессе новации контрольного механизма СНГ (Комиссии по правам человека) особое значение, в контексте реализации права граждан РФ на обращение в межгосударственные органы по защите своих прав, приобретает универсальный механизм контроля в рамках ООН (комитеты по правам человека). Данная система контроля, в силу организационного разнообразия и «специализации» позволяет действовать более

ориентированно и эффективно подходить к защите как прав и свобод, составляющих общий международный стандарт, так и направленных на защиту отдельных групп прав (запрет пыток, дискриминация, права детей, инвалидов и т.д.). Использование различных механизмов контроля (доклады, индивидуальные обращения) позволяет государству комплексно подходить к решению проблем в области прав человека; рекомендательный характер принимаемых комитетами актов предоставляет национальным органам определенную степень дискреции в процессе их реализации.

13. Выявлены комплексные недостатки в механизме правового регулирования процесса реализации актов квазисудебных контрольных органов в области прав человека ООН. Во-первых, аргументировано, что формирование соответствующего правового отклика со стороны национальной правовой системы на вынесенное Комитетом по правам человека решение по индивидуальной жалобе только на основании правовых позиций высших судебных органов не всегда является эффективным. Сложившуюся в России судебную практику, выработанную в процессе реализации решений региональных правозащитных механизмов, целесообразно распространить и на акты контрольных органов в области прав человека системы ООН, включая установленную законом возможность пересмотра судебного решения ввиду новых обстоятельств, в качестве которых рассматривалось, помимо прочего, и вынесение международным органом положительного решения по жалобе заявителя.

14. Установлено, что замечания общего порядка, принимаемые комитетами по правам человека ООН, являются для российской правотворческой и правоприменительной практики важным элементом универсального международного стандарта прав человека. Так, данные акты содержат разъяснения (толкования) договорных положений с учетом их эволюционного развития, восполняют пробелы в международно-правовом

регулировании, таким образом, устраняется двойственность в трактовке международных норм. Определенные параллели (с учетом различий правовой природы актов) можно провести между статусом и целями Замечаний общего порядка комитетов ООН и Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, направленными на разъяснение вопросов судебной практики.

15. Доказано, что правовые позиции Конституционного Суда РФ в ряде случаев направлены на корректировку, уточнение практики реализации положений международных договоров, общепризнанных принципов и норм международного права, а также выступают одним из способов легитимации последних для национального правоприменителя, отражаются и «проецируются» в деятельности и правовых актах других российских государственных органов, обеспечивают дальнейшую детализацию статуса конкретных правовых или правоприменительных актов международных органов в российской правовой системе.

16. Обосновывается, что предварительный конституционный контроль над международными договорами РФ является важной частью действующего порядка принятия федеральных законов о ратификации международных договоров, поскольку способствует достижению необходимого баланса двух правопорядков — внутригосударственного и международного, а также позволяет предотвратить вступление в силу не соответствующих Конституции РФ и не отвечающих интересам государства и общества международных договоров. Факультативный характер обращений уполномоченных государственных органов и должностных лиц с запросом о проверке международных актов на соответствие Конституции делает практику рассмотрения данной категории дел достаточно ограниченной. В связи с этим обосновывается целесообразность введения обязательной практики обращения соответствующих субъектов с запросом о соответствии Конституции РФ не вступившего в силу международного договора, имеющего существенное значение для государства (в контексте ст. 15

Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г.).

17. В работе указывается на то, что введение новых полномочий Конституционного Суда по решению вопросов о возможности исполнения решений международных органов и судов, противоречащих Конституции и основам публичного правопорядка Российской Федерации, выступает дополнительным элементом поддержания баланса между внутригосударственным и международным правопорядками. Новая редакция положений Конституции РФ относительно решений международных органов и международных судов (арбитражей) коренным образом не изменила механизм соотношения национального и международного правопорядков. Она носит скорее детализирующий характер относительно критериев реализации в РФ данных правоприменительных актов. Концепция верховенства конституционных положений в правовой системе РФ была однозначно закреплена в ч. 1 и 4 ст. 15 Конституции РФ еще в первоначальной редакции 1993 г.

18. Конституционная регламентация процесса исполнения решений международных органов выступает специфическим конституционным механизмом легитимации правовых позиций международных органов в части толкования положений международных договоров с участием РФ в национальной правовой системе и одновременно является способом установления пределов такого допуска элементов международной правовой системы во внутригосударственную.

Основанием для восприятия российской правовой системой новой (эволюционной) интерпретации международного договора посредством правовых позиций международных органов является ее соответствие Российской Конституции, закреплённому в ней принципу государственного суверенитета и иным ценностным установкам, а также выполнение международных обязательств.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в нем положения и выводы дополняют и расширяют национальную концепцию о соотношении внутригосударственного и международного права, практику реализации на государственном уровне международно-правовых комплексов, именуемых международно-правовыми стандартами. В работе уделено внимание рассмотрению проблем, связанных с интернационализацией конституционного правопорядка и конституционализацией международного права.

Сформулированные автором положения, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы при дальнейшем комплексном и системном исследовании теоретических проблем общей теории права, конституционного и международного права, иных отраслевых юридических наук, а также при изучении курса «Конституционное право России», международного права, чтении спецкурсов, подготовке учебных программ и учебно-методической литературы. Результаты диссертационного исследования, выводы и предложения могут быть приняты во внимание в законодательной и правоприменительной деятельности федеральных органов государственной власти.

Многие вопросы, поднятые в диссертации, рассмотрены через призму функционирования основных международных механизмов защиты прав человека и связаны с особенностями принимаемых ими актов, в связи с чем сделанные в работе выводы могут иметь значение в сфере практической деятельности государственных и иных органов и учреждений, обеспечивающих защиту прав и свобод человека, принимающих активное участие в реализации международных и национальных предписаний в рамках внутригосударственной практики Российской Федерации.

Определённое значение результаты диссертационного исследования могут иметь в сфере российского правосудия, в рамках которого был

сформирован эффективный механизм применения международно-правовых норм на внутригосударственном уровне.

Апробация результатов исследования проходила по следующим направлениям:

- работа подготовлена на кафедре конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», где проводилось ее рецензирование и обсуждение;

- практические рекомендации высказывались автором в ходе подготовки экспертных заключений для Саратовской областной Думы, участия в депутатских слушаниях, круглых столах, проводимых Саратовской областной Думой;

- научные выводы и рекомендации, сформулированные в диссертационном исследовании, использовались автором в процессе преподавания дисциплин «Конституционное право зарубежных стран», «Защита прав граждан в межгосударственных объединениях», «Конституционный судебный процесс», «Международное право», «Международное правосудие», «Сравнительное правоведение», а также связанных с ними дисциплин, преподаваемых в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;

- по теме диссертационного исследования опубликовано 85 работ, в том числе три монографии (две индивидуальные и одна коллективная), двадцати четырех статей (1 в соавторстве), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертационных исследований;

Основные положения диссертации были также апробированы автором в ходе выступления с научными сообщениями на научно-практических конференциях, форумах, «круглых столах» международного, всероссийского и межрегионального уровня. Среди них, в частности: Международная

научно-практическая конференция «Систематизация законодательства: общетеоретические и отраслевые аспекты» (Казань, 2015); Международная научно-практическая конференция «Взаимодействие институтов публичной власти и общества в сфере защиты прав человека» (Саратов, 2015); Международная научно-практическая конференция «Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса в условиях экономического кризиса» (Саратов, 2016); Международная научно-практическая конференция «Экологизация – главная задача устойчивого развития общества» (Саратов, 2017); Международный конституционный форум «Российский конституционализм: научное осмысление и реальность» (Саратов, 2018); Международно-практическая конференция «Публичная власть: реальность и перспективы» (Саратов, 2019); Международная научно-практическая конференция «Гражданин. Выборы. Власть. Избирательная система современной России: проблемы и перспективы» (Саратов, 2019); Крымские юридические чтения. «Развитие конституционализма в России» (Симферополь, 2020); «Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы», посвященная памяти доктора юридических наук, профессора Василия Ивановича Радченко (Саратов, 2022); VI Международный форум юристов и экономистов «Современные проблемы права и экономики в Европе и Азии» (Москва, 2023); Научно-практическая конференция «Конституционное обеспечение суверенитета России в условиях геополитических трансформаций» (Москва, 2023).

По теме диссертационного исследования опубликовано 78 научных работ, в том числе: 3 индивидуальных монографии и 1 коллективная; 23 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, из них 1 статья в соавторстве. Общий объем научных публикаций – 77 п.л.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения и списка использованной литературы и источников.

Глава I. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

§ 1. Конституционный и международный правопорядок: соотношение понятий

До настоящего времени в российской доктрине не сформировалось единого подхода к категории «конституционный правопорядок». К сожалению, текст Конституции РФ 1993 г. не упоминает данный термин. В ч. 1 ст. 72 и ч. 1 ст. 102 содержится только понятие «правопорядок», в п. «е» ч. 1 ст. 114 употребляется понятие «общественный порядок», а поправка 2020 г. закрепила в конституционном тексте понятие «публичный правопорядок» (ч. 5 ст. 125 Конституции РФ).

Определенную сложность вызывает тот факт, что отсутствуют четкие ориентиры для уяснения понятия «конституционный правопорядок» и в отраслевом законодательстве, и в правоприменительной практике. Имеющиеся случаи использования данного термина в правовых актах единичны и малоинформативны. Что касается правоприменительной практики, то упоминаний данного понятия в ней значительно больше, однако они касаются отдельных аспектов конституционного правопорядка, и их можно сравнить с отдельными фрагментами мозаики.

В силу объективных причин наибольшая частота употребления термина приходится на решения Конституционного Суда РФ. В аналитической справке Конституционного Суда РФ отмечается, что именно он «обогастил догматику российского права категорией «конституционный правопорядок»¹. Суд впервые оперирует данным понятием в Постановлении от 14 июля 1997 г. № 12-П., в рамках которого, рассматривая особенности регулирования федеративных отношений, Суд отмечает, что «Конституция РФ исходит из

¹ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решение Конституционного Суда РФ от 19.10. 2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2024).

необходимости сохранения исторически сложившегося государственного единства, стабильности и конституционного правопорядка на всей территории Российской Федерации»¹.

В дальнейшем Конституционный Суд обращался к данному термину при рассмотрении таких вопросов, как: порядок функционирования органов государственной власти², защита прав и свобод человека и гражданина³, соотношение международного и внутригосударственного права⁴ и т.д., однако ни в одном из таких дел не раскрывал содержание данного понятия.

Возвратимся к понятиям «правопорядок», «общественный порядок», «публичный порядок», упоминающихся в тексте Конституции РФ и рассмотрим их содержание и соотношение с категорией «конституционный правопорядок».

Как правило, в юридической доктрине под «общественным порядком» понимают «социальные отношения и связи, которые складываются при воздействии на них общественных норм поведения»⁵. Поэтому, если проводить сравнение этого понятия с категорией «правопорядок», то согласно сложившейся в правовой доктрине аксиоме, эти два понятия соотносятся как

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.1997 № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Балаяна, М.С. Дзюбы и других» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2023. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части второй статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Великанова» // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2747.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

⁵ *Калустов Р. Г.* Общественный порядок: понятие и содержание категории // Социология и право. 2020. №2 (48). С. 97.

часть и целое. Если «правопорядок» — это «состояние урегулированности общественных отношений правовыми нормами (правом)¹, то «общественный правопорядок» представляет собой более широкое понятие, так как базируется на общественных нормах, включающих как правовые, так и неправовые нормы (мораль, обычаи, традиции)². Такое соотношение между рассматриваемыми понятиями отмечалось А.С. Пиголкиным: «правопорядок – одна из основных частей общественного порядка, складывающегося в результате осуществления различных видов социальных норм, регулирующих разнообразные сферы общественной жизни и различающиеся между собой характером и несовпадающим способом воздействия на поведение людей»³.

Существующие в доктрине подходы к определению сущностных характеристик понятия «правопорядок» с определенной долей условности можно разделить на несколько групп, каждая из которых различается в зависимости от широты взгляда исследователя на данную категорию. Наиболее лаконичными по содержанию являются его определения «как система правоотношений»⁴ или как «состояние урегулированности правоотношений на основе права»⁵. Подобное упрощение понятия нельзя признать оправданным. В связи с этим, Байтин М.И. отмечал, что для

¹ Алексеев С.С. Теория государства и права. М. 1986. С. 307; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. «Юрист». 2004. С. 201-202; Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 6.

² Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 15; Шевченко П.Н. К вопросу о содержания понятия «общественный порядок» // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 38; Кузнецов А.П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 2. С. 7; Завьялова Н. Ю., Руденко А. Н. К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №10-1. С. 213-216.

³ Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Я. Сухарев. – М.: Сов. энцикл, С. 278.

⁴ Стручкова Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 22.

⁵ Баланик Б.Г. Теория государства и права. М., 1963 С. 173. Литвинова А.В. К вопросу о понятии термина «правопорядок» в российском праве // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4. С. 77-79.

правопорядка характерен набор специальных признаков, с учетом которых им было предложено следующее определение правопорядка: «это порядок в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений, обеспечиваются их правомерное поведение, осуществление законности»¹.

Как и во всех ранее рассмотренных случаях, единого подхода к определению категории «конституционный порядок» в российской правовой доктрине также не существует. Более того, некоторые авторы, хотя и выделяют данное понятие, рассматривая понятие «правопорядок» в конституционно-правом измерении, характеризуют их как «практически тождественные понятия»².

В самом общем виде, в том числе опираясь на ранее рассмотренные понятия, «конституционный правопорядок» определяют как «соответствие существующих общественных отношений на определенной территории конституционной модели общественного и государственного устройства, заложенной в нормах Конституции и развивающего положения конституционного законодательства»³. А.И. Ястребова к этому добавляет «...в котором организация и функционирование всей системы власти, отношения между властью и населением основаны на законе»⁴. Далее она отмечает достаточно важную характеристику: «конституционный порядок образует ядро, сердцевину «общественного порядка».

При рассмотрении составляющих «конституционного правопорядка» необходимо учитывать особые свойства Конституции как правового акта –

¹ *Байтин М. И.* Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права, 2006. С. 304.

² *Безруков А.В.* Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... док. юрид. наук: - Екатеринбург, 2017. С. 14.

³ *Басиев М.С.* Институт федерального вмешательства как чрезвычайный механизм обеспечения конституционного правопорядка на территории федеративного государства: сравнительно-правовой анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 14.

⁴ *Ястребова А.И.* Проблемы научного осмысления понятия «конституционный правопорядок» // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 48.

это верховенство и прямое действие. С точки зрения А.В. Безрукова любое нарушение существующего правопорядка «необходимо рассматривать как нарушение конституционного правопорядка»¹.

Несколько иной подход к определению конституционного порядка был предложен Х. Ю. Цвижба, с ее точки зрения конституционный правопорядок – это «основанное на положениях Конституции исторически обусловленное состояние усвоения обществом и реализации государством конституционных ценностей, достигаемое правотворческой и правоприменительной деятельностью высших органов государственной власти, учитывающих национальные традиции и уровень конституционного регулирования в целях совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности государства»². Несмотря на то, что ценностный акцент и ряд других идей автора вызвали критические замечания³, представляется, что такой подход является вполне оправданным, принимая во внимание место Основного закона в национальном праве и то значение, которое имеет данный документ для общества в целом и для каждого человека в отдельности.

В большинстве случаев при определении понятия «конституционный правопорядок» делается акцент на то, что его источником является Конституция РФ и законодательство, основанное на ее положениях. Данное утверждение бесспорно, однако, как представляется, из поля зрения исследователей выпадают как минимум два положения Основного закона, которые необходимо учитывать при определении правовой основы конституционного правопорядка. Речь идет о ч. 1 ст. 17, и ч. 1 ст. 69, которые в целях наилучшей регламентации и реализации прав и свобод в Российской

¹ *Безруков А.В.* Конституционализация правопорядка: сущность, реализация, условия // *Российская юстиция.* 2016. № 5. С. 12-14.

² *Цвижба Х. Ю.* Конституционный правопорядок в Республике Абхазия: автореферат дис. ... канд. юрид. наук – М., 2022. С. 10.

³ *Безруков А.В.* Правопорядок и конституционный правопорядок: на пути к междотраслевым исследованиям (рецензия на диссертацию Х. Ю. Цвижбы «Конституционный правопорядок в Республике Абхазия») // *Юридическая наука и правоохранительная практика* 2022. № 2 (60). С. 101-104.

Федерации предусматривают учет в данной сфере общепризнанных принципов и норм международного права.

Кроме того, если рассматривать конституционный правопорядок как «порядок в общественных отношениях, регулируемых Конституцией», то важной его составляющей является деятельность государственных органов по созданию гарантий реализации и охране содержащихся в ней правовых предписаний, обеспечению конституционной законности¹.

С. В. Нарутто при определении критериев обеспечения конституционного правопорядка выделяет такие свойства Конституции РФ как «обеспечение верховенства и прямое действие ее положений, а также эффективную работу органов государства в целях создания благоприятных условий для развития общества и реализации прав и свобод граждан и их объединений, исполнение их юридических обязанностей, а также обеспечение неотвратимости привлечения правонарушителей к юридической ответственности»².

В этом плане поддержание должного конституционного правопорядка и обеспечение верховенства Конституции РФ возлагается на единую систему публичной власти³. Например, А. В. Безруков отмечает, что «особая роль в формировании и характере правопорядка принадлежит законодательной власти как ветви власти, главной функцией которой является принятие законов»⁴. Однако, как отмечает большинство исследователей, ключевая роль

¹ Громова О.Н. Конституционная законность и ее обеспечение в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 4 (20). С. 20.

² Нарутто С.В. Верховенство Конституции как основа конституционного правопорядка в России // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3. С. 31.

³ Федеральный закон от 08.12.2020. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039; Федеральный закон от 21.12.2021. № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

⁴ Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России. М., 2015. С. 188.

в установлении конституционного правопорядка принадлежит Президенту РФ¹ и Конституционному Суду РФ².

Согласно конституционным положениям, Президент наделяется особым статусом – гаранта Конституции РФ (ст. 80) и достаточно широким набором правовых и организационных инструментов по его реализации, некоторые из которых Президент реализует самостоятельно или путем обращения в другие органы, в частности, в Конституционный Суд РФ.

В одном из первых Посланий Президента РФ после принятия Конституции РФ 1993 г. отмечалось, что «на Президенте РФ, которому российский народ вручил мандат доверия, лежит конституционная обязанность защищать интересы всего государства, гарантировать правовой порядок на территории всей страны. Такая защита предусматривает различные формы и методы, в том числе применение мер ответственности к должностным лицам за нарушение Конституции Российской Федерации»³.

Наиболее важным элементом поддержания конституционного правопорядка является исключение из правовой системы страны тех нормативно-правовых актов, которые вступают в противоречие с положениями Конституции РФ и тем самым искажают установленный Основным законом порядок. К этой группе можно отнести предоставленное ему право отклонения на стадии подписания федеральных законов (ст. 107

¹ *Абаева Е.А.* К вопросу о статусе Президента как гаранта Конституции РФ // Конституционное развитие России. Межвузовский сборник научных статей. Том 18. С 25-34; *Полунина И.Е.* Глава российского государства как гарант Конституции Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 27 с.; *Фисенко Е.С.* Особенности правореализации статуса Президента РФ как гаранта Конституции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С181-183.

² *Ильин И.М.* К вопросу о конституционном правопорядке в России и его обеспечении на современном этапе с учетом влияния факторов и деятельности органа конституционной юстиции // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 3, том 1. С. 65-66; *Безруков А.В.* Роль Конституционного Суда России в обеспечении конституционного правопорядка // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 22; *Пожарский Д.В.* Охранительная функция государства (теоретико-методические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 34.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 06.03.1997 «Порядок во власти – порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. № 47, 07. 03. 1997.

Конституции РФ), право «отмены постановлений и распоряжений Правительства РФ (ст. 115 Конституции РФ), а также право «приостановления действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ как гарантию обеспечения их конституционности» (ст. 85 Конституции РФ). Аналогичную цель преследует и конституционное право Президента РФ обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о решении вопроса о конституционности законов и иных нормативных актов в силу ст. 125 Конституции РФ.

В целях решения несколько иной проблемы, а именно необходимости принятия тех законодательных актов, которые напрямую предусмотрены Конституцией РФ для обеспечения должного правопорядка, «Президент наделен неограниченным правом законодательной инициативы, позволяющей ему в конкретной правовой форме ставить вопросы о реализации конституционных положений, приведении законодательства в соответствие с Конституцией»¹. Предусмотренное ст. 80 Конституции РФ направление деятельности Президента РФ как «обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти» позволяет главе государства проводить политику неукоснительного соблюдения соответствующими органами публичной власти и должностными лицами конституционных положений.

Рассмотренные полномочия Президента РФ как гаранта конституционного правопорядка являются одним из важных направлений его деятельности, однако она осуществляется наряду с другими функциями главы государства. В этом плане деятельность Конституционного Суда РФ по поддержанию конституционного правопорядка можно отнести к специализированной. Согласно конституционным установлениям (ч.1 ст.125), «Конституционный Суд РФ является высшим органом конституционного контроля, осуществляющим ... защиту конституционного строя, основных

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. – М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 364.

прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации», осуществляющим функцию конституционного контроля, нормативного и казуального толкования. Принимая во внимание статус Конституционного Суда РФ и предоставленные ему полномочия, правовое воздействие, оказываемое его решениями на правовую действительность, согласно мнению профессора Б.С. Эбзеева, его можно охарактеризовать как «живой орган конституционного правопорядка»¹.

Поддержание Конституционным Судом правопорядка, установленного в Конституции РФ, в первую очередь выражается в исключении из правового поля тех нормативно-правовых актов, которые вступают с ней в противоречие или затрудняют реализацию ее предписаний. Данное полномочие реализуется путем осуществления как последующего, так и предварительного конституционного контроля. Объектом проверки выступают все нормативные акты всех органов государственной власти, включая «договоры между органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, договоры между органами государственной власти субъектов РФ». Кроме того, исходя из признания Конституцией РФ частью национальной правовой системы такого источника международного права как международные договоры, означающего, что их положения получают возможность «оказывать регулирующее воздействие на внутригосударственные отношения»², Конституционный Суд проверяет данные нормативно-правовые акты на соответствие их положений установленному конституционному правопорядку. Более того, из смысла ч. 1 ст. 4 Конституции РФ следует, что условием включения того или иного акта в

¹ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. - 336 с.

² Петрова Е.А. Национальный правопорядок и международное право в условиях глобализации // Правопорядок и его институциональные основы. Сборник трудов международной конференции. Воронеж, Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕС». 2019. С. 548.

качестве составляющей национального и конституционного правопорядков является строгое соответствие его норм конституционным положениям.

На поддержание должного конституционного правопорядка направлено и такое полномочие Конституционного Суда РФ, как разрешение споров о разделении компетенции между различными органами государственной власти, предусмотренное ч. 3 ст. 125 Конституции РФ.

Несмотря на тот факт, что данная процедура, исходя из практики Суда, является мало востребованной¹, она потенциально способствует повышению устойчивости конституционного правопорядка и решению других смежных проблем в рамках национальной правовой системы².

Толкование Конституции, содержащихся в ней предписаний, осуществляемое Конституционным Судом РФ, имеет высокое правовое значение для гарантии конституционного правопорядка³, т. к. оно имеет целью «обеспечение правильного воплощения заложенных в Основном Законе принципов и норм в общественную практику»⁴. Данное направление деятельности Суда можно охарактеризовать как монопольное. Только данное толкование воспринимается российской правовой системой как официальное и обязательное для всех органов публичной власти и других субъектов

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.1998. № 11-П. «По делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации, между Государственной Думой и Президентом Российской Федерации об обязанности Президента Российской Федерации подписать принятый Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 4; Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999. № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 6.

² *Никитина А.В.* Проблемы разрешения споров о компетенции в порядке конституционного судопроизводства // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 3 (54). С. 71.

³ *Митюков М. А.* Главный итог - стабильность Конституции // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 30-31.

⁴ *Романовская Л. Р.* Конституционный Суд РФ как главный субъект толкования Конституции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 168.

национального права. Как отмечает Т.Я. Хабриева главенствующая роль Конституционного Суда оправдана с точки зрения «профессионализма и компетентности судей», а «авторитет актов толкования высок по той причине, что они аккумулируют в себе силу компетентного и доктринального толкования»¹.

Рассматривая практику деятельности Конституционного Суда РФ по обеспечению конституционного правопорядка, можно констатировать, что она не ограничивается только рассмотренными направлениями. В процессе функционирования должный правопорядок поддерживается путем совершенствования (изменения) правоприменительной практики², в том числе и судебной, а также «выявляя, преодолевая правовые пробелы»³, «которые могут также включать обращенные к законодателю рекомендации относительно возможных путей конституционно- значимого улучшения нормативного регулирования»⁴.

Большинство исследователей, которые касались рассмотрения вопросов обеспечения конституционного правопорядка и роли Конституционного Суда в его обеспечении, оперируют таким понятием, как «конституционный риск»⁵. Как правило речь идет о тех ситуациях, которые государство решает и

¹ Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. – М.: «Юрист», 1998. С. 67-68.

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012. № 1248-О. «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1.

³ Безруков А. В., Письменных А.Ю. Роль судебной власти в обеспечении конституционного правопорядка в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Краснодарского ГАУ. 2020 № 2. С. 99.

⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Методические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10. 2021) // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.04.2024).

⁵ Ильин И.М. К вопросу о конституционном правопорядке в России и его обеспечении на современном этапе с учетом влияния факторов и деятельности органа конституционной юстиции // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 3, том 1. С. 68; Безруков А.В. Реализация идеи конституционализации

предотвращает посредством деятельности конституционной юстиции. Например, возникновение спора о компетенции между органами государственной власти¹, риски, связанные с правотворчеством (пробелы в законодательстве, неконституционность актов) и т.д., которые могут ослабить конституционный правопорядок. В самом общем виде данная категория определяется как «вероятное наступление события и совершение действий для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере»². В рассматриваемом контексте можно говорить о потенциально возможных ситуациях, которые могут привести к нарушению конституционного правопорядка. Как отмечает Т.С. Масловская «риск связан с категориями неопределенности и альтернативности»³.

Рассмотренные выше ситуации, которые порождают риски для конституционного правопорядка, можно отнести к внутригосударственным, возникающим в рамках национального права. Вместе с тем конституционные риски могут носить и внешний с точки зрения национальной правовой системы характер. К такого рода случаям можно отнести факт вынесения решения межгосударственным органом, адресованного РФ, основанного на таком истолковании договорного обязательства, которое вступает в противоречие с конституционными установлениями, создает угрозу действующему правовому порядку.

Эффективное исполнение взятых государством обязательств по международному договору возможно при отсутствии каких-либо противоречий между его положениями и установлениями внутреннего права, прежде всего конституционного. В случае обнаружившихся расхождений

правопорядка в условиях выявления, минимизации и устранения конституционных рисков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С. 44-56.

¹ Кереев В.В. Конституционные риски, обусловленные особенностями разделения властей в современной России // Правопорядок: история, теория, практика. 2015 № 1 (4). С. 152-154.

² Риск и право: Научное издание / Тихомиров Ю.А., Шахрай С.М. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. - 64 с.

³ Масловская Т.С. Риски в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 18.

государство должно предпринять необходимые меры для их нивелирования путем внесения изменений в действующее законодательство, либо путем заявления оговорок к договору. При невозможности данных мер государство отказывается от выражения согласия на договорные обязательства. Одним из возможных механизмов проверки такого соответствия можно считать рассмотренную выше возможность обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке «не вступивших в силу международных договоров» (п. г. ст. 125 Конституции РФ).

Вместе с тем, действующие международные договоры, в силу объективных причин, в процессе реализации нуждаются в истолковании, в том числе и эволюционном, при котором первоначально заложенный смысл договорных обязательств может измениться. Процесс толкования может породить для государства новые, не согласованные в установленном порядке обязательства, которые потенциально могут вступить в противоречие с действующим конституционным правопорядком. Во внутригосударственной практике РФ такие случаи возникали неоднократно¹. Данные случаи побудили законодателя расширить полномочия Конституционного Суда РФ по обеспечению поддержания конституционного порядка путем решения вопроса о возможности исполнения такого рода решений на территории РФ.

На основании изложенного можно дать следующее определение конституционного правопорядка: это максимально полное соответствие существующих общественных отношений установлениям, заложенным в нормах Конституции РФ, конституционного законодательства, в

¹ См.: Постановление Европейского суда по правам человека «Konstantin Markin v. Russia» (жалоба № 30078/06) от 7 октября 2010 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/ukr#%7B%22itemid%22:%5B%22001-109868%22%5D%7D> (дата обращения: 14.01.2022); «Anchugov and Gladkov v. Russia» (жалобы №№ 11157/04 и 15162/05) от 4 июля 2013 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Anchugov%20and%20Gladkov%22%5D,%22documentcollectionid%22:%5B%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22%5D,%22itemid%22:%5B%22001-122260%22%5D%7D> (да обращения: 10.04.2023); «ОАО Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia» (жалоба № 14902/04) от 20 сентября 2011 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-106308> (да обращения: 10.04.2023).

общепризнанных принципах и нормах международного права, а также действующим международным обязательствам РФ.

Как представляется, изначальное отсутствие в тексте Конституции РФ категории «конституционный порядок» можно объяснить тем, что это понятие рассматривалось как составная часть общего термина «правопорядок». Однако, с течением времени в процессе реализации конституционного текста, включая деятельность Конституционного Суда РФ, было выявлено, что это не только «порядок, основанный и функционирующий в соответствии с нормами Конституции», ее текст содержит целый ряд важных для государства аксиологических установок (конституционных ценностей), носит программный характер, определяя взаимоотношения субъектов не только на сегодняшний день, но и на десятилетия вперед. Поэтому появление понятия «конституционный правопорядок» как самостоятельной категории в российской правовой доктрине и практике было вполне логичным и предсказуемым. Новая терминология не возникает спонтанно, без особых причин. Существование категории «конституционный правопорядок» с 1997 года в российской доктрине и его активное использование в правоприменительной практике наряду с понятием «правопорядок» свидетельствует об имеющихся различиях между понятиями, о чем свидетельствует методологический принцип «бритвы Оккама» - «не следует множить сущее без необходимости». По этой же причине можно согласиться с мнением И.А. Ястребовой¹ и утверждать, что «конституционный порядок» в какой-то части совпадает с понятием «правопорядок», но является более широким понятием.

Как уже отмечалось, конституционные поправки 2020 ввели в конституционный оборот новый термин: «публичный правопорядок» (ч. 5.1. ст. 125 Конституции РФ). Данное понятие употребляется в контексте нового полномочия Конституционного Суда РФ относительно решения вопроса «о

¹ *Ястребова А.И.* Соотношение понятий «общественный порядок», «правопорядок», «конституционный порядок» // Закон и право. 2013. № 12. С. 16.

возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка».

В совокупности с другими поправками, можно согласиться с мнением М.В. Маргейма о том, что «возведение на конституционный уровень публичного правопорядка расценивается как внятный знак в пользу государственного суверенитета, а также национальных интересов как исходной опоры в межгосударственных отношениях»¹.

Включение категории «публичный правопорядок» безусловно можно рассматривать новеллой с точки зрения конституционной терминологии, однако данная категория широко применяется в гражданском, семейном, а также международном частном праве.

Использование именно такой формулировки вызвано в первую очередь именно особенностью объекта проверки Конституционным Судом – решений иностранных (международных) судов и арбитражей, так как оговорка о публичном порядке является «общеизвестным институтом международного частного права и служит критерием, который суды используют при решении вопросов о применении иностранного права, а также о признании и исполнении решений иностранных судов и арбитражей»². Такая конструкция содержится в целом ряде международных соглашений и законодательстве большинства государств. Например, в ст. 1193 (Оговорка о публичном порядке) Гражданского кодекса РФ отмечается: «норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку)

¹ *Маргейм М.В.* Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник РГЭУ. 2022. № 3. С. 25.

² *Жарова К.С.* Публичный порядок в международном частном праве и его значение для судебной практики государств // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 5А. С. 196-206.

Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае применяется соответствующая норма российского права»¹. В Семейном кодексе РФ (ст. 167 Ограничение применения норм иностранного семейного права) употребляется термин «основы правопорядка (публичный порядок)». Таким образом, противоречие публичному порядку, исходя из российского законодательства, является основанием не признавать и не исполнять на территории Российской Федерации решения, вынесенные зарубежными судебными учреждениями или арбитражами².

Несмотря на частое употребление в законодательстве данного (и смежных) понятия в контексте применения иностранного права и исполнения решений международных арбитражей, понятие «публичный порядок» не получило какой-либо детализации.

Определенное ориентирующее значение данного понятия можно найти в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г.: «под публичным порядком ... понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. От 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2024).

² *Никифорова Е.А.* Категория «публичный» в конституционной норме и судебных актах: к вопросу о понятиях единой системы публичной власти, публичного правопорядка и иных смежных категориях // Российский правовой журнал. 2020. № 4(5). С. 34-38.

больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц»¹.

С учетом этого разъяснения Президиума ВАС, а также принимая во внимание существование смежного (равнозначного по смыслу) понятия «основы правопорядка»², данный термин можно содержательно привязать к главе 1 и 2 Конституции РФ: «Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина». Такое понимание публичного правопорядка очень близко к категории «конституционный правопорядок»³, хотя по объему значительно шире, так как не ограничивается приведенными главами Конституции РФ и включает, помимо прочего, еще и положения отраслевого законодательства.

Определенный вклад в понимание данного термина был сделан Президиумом Верховного Суда РФ. В одном из своих постановлений он отметил, что под «публичным правопорядком следует понимать основные принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации и законах РФ»⁴. Позже эта позиция была несколько расширена Определением Верховного Суда, на сегодняшний день отмененного: «Под публичным правопорядком Российской Федерации понимаются основы общественного строя Российского государства. Оговорка о публичном порядке возможна лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС 2013. № 5.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223 ФЗ (ред. От 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2024).

³ *Безруков А.В., Жильцов А.В.* Общественный порядок, правопорядок и безопасность: грани пересечения и соотношение правовых категорий // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 17-18.

⁴ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 02.06.1999. № 19пв-99пр // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

бы породить результат недопустимый с точки зрения российского правосознания»¹.

При этом можно привести правовую позицию Верховного Суда РФ, сформулированную при разъяснении им порядка применения норм международного частного права судами общей юрисдикции: «суд может принять во внимание иностранную норму ... При этом суд обязан отказать в применении иностранной нормы непосредственного применения, если ее назначение и характер несовместимы с основами правопорядка (публичным правопорядком) Российской Федерации, затрагивают суверенитет или безопасность Российской Федерации, нарушают конституционные права и свободы российских граждан и юридических лиц»².

Анализ категории «публичный правопорядок» был предпринят в одном из недавних решений Конституционного Суда РФ. Суд отмечает, что хотя «процессуальное законодательство не дает определения этому понятию, это не порождает его неясности, недопустимой с точки зрения конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства». Отмечая, что данная категория неоднократно упоминается в федеральном законодательстве, Суд отмечает, что эта терминология «свидетельствует, что «понятия «публичный правопорядок» и «основы правопорядка» тождественны, а значит нарушение публичного правопорядка может быть установлено в случае посягательства не на любые элементы правопорядка в виде тех или иных норм материального и процессуального права, включая нормы арбитрабельности споров, а лишь на основополагающие принципы регулирования материально-правовых и процессуальных отношений»³.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 25.09.1998. № 5-Г98-60 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019 № 10.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 03. 10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации»

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что рассматриваемые понятия тесно связаны друг с другом, но не совпадают по объему. Самым широким по значению понятием является понятие «общественный порядок», включающий в себя все остальные. Понятие «правопорядок» по своему содержанию включает в себя «конституционный» и «публичный». Что касается соотношения последних двух категорий, то публичный порядок представляет сердцевину конституционного правопорядка.

Подходы к определению категории «международный правопорядок» также характеризуются большим разнообразием. Попытки дать всеобъемлющее определение данному понятию, в силу присущих ему особенностей, предпринимались исследователями различных научных направлений (право, международные отношения, политология, философия). Исследованию проблемных вопросов обеспечения международного правопорядка в отечественной правовой доктрине в разное время были посвящены работы И.П. Блищенко, В.А. Василенко¹, И. И. Лукашук², А.П. Мовчана³, А. С. Смбатян⁴, И.А. Ушакова⁵, С.В. Черниченко⁶, Ю. М. Колосова⁷.

Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // СЗ РФ. 2023. № 42. Ст. 7596.

¹ *Василенко В.А.* Стратегия международного обеспечения миропорядка // Вестн. Киев. Ун-та: Международные отношения и международное право. 1984. Вып. 18.

² *Лукашук И.И.* Международно-правовое регулирование международных отношений. М., 1975. С. 17-18.

³ *Мовчан А.П.* Вклад ООН в укрепление международного правопорядка (к 40-летию ООН) // Правоведение. 1985. № 6.

⁴ *Смбатян А. С.* Эволюция международного правопорядка: универсализация или фрагментация // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2013. №6. С. 48-58.

⁵ *Международное право и международный правопорядок / Редкол.: Менжинский В.И., Славин М.М., Ушаков Н.А. (Отв. ред). М., Изд-во ИГиП АН СССР. 1981. -172 с.*

⁶ *Черниченко С.В.* Теория международного права: Современные теоретические проблемы. В 2-х томах. Т.1. - 336 с.

⁷ *Колосов Ю.М.* Новый международный информационный порядок и проблема поддержания мира. М. 1983. - 83 с.

Однако, как справедливо отмечают многие авторы, общепризнанного понятия так и не было выработано¹. Как правило мировой правопорядок рассматривается как система отношений между государствами, урегулированных международным правом. Международный правопорядок в его юридическом понимании в самом общем виде определяют как «фактическое состояние выполнения требований международно-правовых норм»². Л. Е. Гринин, рассматривая вопрос о формировании мирового порядка, отмечает: «международный порядок – это некая система отношений и представлений о том, на каких принципах должны выстраиваться отношения между странами и в целом в мире»³. Однако, международное право достаточно фрагментировано как по сферам регулирования, так и по охвату участников, что в определенной степени затрудняет формирование правовой основы такого правопорядка. В связи с этим можно выделить универсальный (глобальный) международный правопорядок, региональный международный правопорядок и т. д.

Сравнительно небольшое количество международных договоров обладают таким качественным признаком как всеобщность, обязательность для всех участников. Вместе с тем, прибегая к аналогии с конституционным правопорядком, можно сказать, что роль условной «конституции» в международном правопорядке, положения которой порождают обязательства для всех без исключения участников международных отношений, на сегодняшний день может выполнять только Устав ООН 1945 г. С определенной долей условности к ним можно отнести кодифицированные международные соглашения, такие как Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. Устав ООН в силу своей универсальности

¹ Например: *Мовчан А.П.* Международное право и мировой порядок // Московский журнал международного права. 1993. № 2. С. 16; *Нефедов Б. И.* Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 24.

² *Нефедов Б.И.* Мировой порядок: международно-правовой аспект: монография. – М., Проспект. 2024. С. 25

³ *Гринин Л. Е.* Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 24.

по охвату участников, также закрепляет основополагающие и разделяемые всеми принципы функционирования всего международного права. В нем получили отражение большинство действующих на сегодняшний день закономерностей развития межгосударственных отношений, учитывающих существующие различия государств в политической, экономической и правовой сферах. Как представляется, именно таким пониманием рассматриваемых элементов руководствовались Н.А. Ушаков и М.Л. Энтин, уточняя, что речь идет «о принципах — нормах, имеющих императивный характер общеобязательного права (*jus cogens*)»¹.

При этом, учитывая специфику формирования норм международного права, можно сказать, что важной составляющей международного правопорядка является также наличие свободного волеизъявления непосредственных участников вступить в отношения и заинтересованности в их стабильности и предсказуемости.

Как и в случае с конституционным правопорядком, важно учитывать еще один аспект при определении международного правопорядка — это фактический результат осуществления предписаний и норм международного права. В этой связи можно согласиться с точкой зрения Р.А. Мюллерсона о том, что «международный правопорядок — это такое состояние международной системы, которое характеризуется высокой степенью соответствия фактического состояния международных отношений требованиям принципов и норм международного права»².

Обобщая изложенные доктринальные подходы к определению категории «международный правопорядок», можно сделать следующий вывод: это сбалансированное состояние международной системы, характеризующееся фактическим соответствием международных отношений

¹ Ушаков Н.А., Энтин М.Л. Современный международный правопорядок // Международный порядок: политико-правовые аспекты / Под ред. Г.Х. Шахназарова. — М., 1986. — С. 83.

² Мюллерсон Р.А. Рецензия на книгу «Мировой океан и международное право: основы современного правопорядка в Мировом океане // Советское государство и право. 1998. № 6. С. 147.

требованиям фундаментальных, общепризнанных принципов и норм международного права.

Несмотря на существование некоторых общих черт, выявленных в подходах к определению категорий «конституционный правопорядок» и «международный правопорядок», они в значительной степени различаются. Это проявляется в субъектах («международный порядок» — это порядок в первую очередь в отношениях между государствами), природе составляющих эти правопорядки правоотношений, механизмах поддержания правопорядка, а также, как уже отмечалось в способе нормообразования.

Таким образом, на основе проведенного анализа рассматриваемых категорий можно сделать вывод, что в российской правовой доктрине не сформировалось единого подхода к их определению. Категория «правапорядок» по сути является многоплановым явлением, что предполагает множественность аспектов его познания. В ряде случаев различие предопределяется в зависимости от широты взгляда на понятие, являющееся предметом исследования. Как представляется этим же фактором обусловлено выделение в качестве самостоятельных таких понятий как «конституционный», «международный» и «публичный» правопорядок.

Выделение категории «конституционный правопорядок» в качестве самостоятельного видится вполне логичным, учитывая наличие у Конституции РФ таких свойств как верховенство, прямое действие, принимая во внимание ее особую роль и значение в механизме правового регулирования.

§ 2. Механизм интернационализации конституционного правопорядка на современном этапе

Конституционные акты занимают особое место в системе источников национального права и во внутригосударственной правовой системе в целом. Являясь высшим законодательным актом страны, конституция представляет собой ту основу, на которой строится вся политическая, социальная и правовая жизнь государства. Обладая высшей юридической силой, закрепляя такие системообразующие элементы, как конституционный строй государства; систему органов государственной власти, порядок их взаимодействия, компетенцию; правовые основы личности, ее права и свободы, она отражает саму сущность государства, его характеризующие признаки¹. Вне зависимости от ситуации и возникающих проблем, она призвана обеспечивать необходимый уровень социальной и политической стабильности в стране. Этим в первую очередь обусловлен особый механизм ее разработки (с учетом позиции всех слоев населения) и принятия (как правило, учредительным собранием либо на референдуме).

На протяжении многих десятилетий любое влияние извне на эти процессы рассматривалось как недопустимое, вступающее в противоречие с основами как внутригосударственного, так и международного права. Сопряжение таких основных принципов международного права, как невмешательство во внутренние дела и суверенного равенства государств, предполагает, что государства обязаны «уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои внутригосударственные системы, в том числе и право устанавливать свои законы и административные

¹ Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. – М.: Проспект, 2018. С. 139.

правила»¹. Фактически это означает, что субъекты международного права должны воздерживаться от какого-либо давления на государство с целью повлиять на процесс внутригосударственного правотворчества².

Современный этап интернационализации внес некоторые коррективы и в этот, казалось бы, незыблемый постулат. Конечно, речь идет не о том, что рассматриваемые процессы сегодня определяются требованиями, устанавливаемыми международным сообществом. Разработка, принятие основного закона страны, а также внесение изменений в его текст остаются исключительно в сфере внутренней компетенции, являются прерогативой каждого народа, что неоднократно подчеркивается в международных документах³. Речь идет скорее о точечном воздействии и использовании мягких форм влияния в этой области. Как правило, это является следствием международных обязательств, взятых государствами, в том числе членством в международной организации; в качестве мер, предпринимаемых в целях постконфликтного мироустройства в государстве; защиты (или превенции нарушения) основных прав и свобод человека и т.д.

Качественные изменения, происходящие в области международного права, свидетельствуют о формировании как универсальных, так и региональных подходов, пусть и сформулированных в достаточно общей форме, по ключевым конституционным процессам.

Речь в первую очередь идет о становлении международных стандартов, касающихся содержательной части конституции, ее ключевых принципов. Права человека, принцип демократии, верховенства права,

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 10.09.2021)

² Курс международного права. В 7 т. Т. 2 Основные принципы международного права/ Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. М.: Наука, 1989. С. 145.

³ Устав ООН 1945 г., Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета 1965 г., Декларация принципов международного права 1970 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г. и др.

разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, справедливые и транспарантные выборы на сегодня перешли в разряд общемировых ценностей, сформировали концепцию надлежащего управления (good governance)¹, которая, как правило, не может не учитываться государствами при разработке или внесении изменений в конституции. Данная концепция рассматривается международным сообществом как возможность построения справедливого и прочного мира во всем мире. Некоторые международные процедуры допускают проведение международной экспертизы как самого текста конституций, так и вносимых поправок. Как правило, эта процедура носит консультативный, рекомендательный характер и может быть инициирована, в том числе, и самим государством. Определенные изменения коснулись и самого порядка разработки и принятия конституций. В целом ряде международных документов оговаривается, что разработка конституционного текста должна осуществляться при непосредственном участии населения и учитывать интересы всех слоев общества, а приоритетной формой ее принятия является всенародное голосование. Формирование таких подходов диктуется не столько международным правом, сколько является отражением сформировавшихся общих тенденций на внутригосударственном уровне. На международный уровень выносятся анализ и обобщение общемировых тенденций, выявление наиболее эффективной практики конституционного строительства, что в конечном итоге способствует более плодотворному правовому обмену.

Но вместе с тем процесс унификации конституционного и иного законодательства, таит в себе определенные угрозы для

¹ Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу верховенства права на национальном и международном уровнях. Принята резолюцией 67/1 от 24 сентября 2012 г. // URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ruleoflaw2012.shtml (дата обращения: 20.08.2020).

внутригосударственного права, в первую очередь, выражающиеся в постепенной потере национальной правовой идентичности.

Процесс интернационализации внутригосударственного права не происходит без определенных проблем. Любое интегрирование норм и институтов иной системы механически, без каких – либо шагов по их адаптации под особенности национальной правовой системы, как правило, приводит к сложностям реализации данных положений либо происходит полное их отторжение.

В некоторых случаях даже поверхностное изучение конституционных текстов показывает, насколько велика схожесть между текстами конституций отдельных государств, насколько велик объем осознанного правового заимствования¹. При разработке конституционных текстов государства, как правило, исходят из общих принципов конституционализма и одинаковых институтов. Подавляющее число конституционных моделей являются производными друг от друга, при этом в качестве исходных образцов используются конституционные модели Франции, США и ряда других государств.

Современная внутригосударственная практика позволяет сделать вывод, что основаниями для интернационализации могут быть два различных фактора: внутригосударственный, предусмотренный в конституционном законодательстве, и внешний, например, порожденный процессом постконфликтного миростроительства. При этом они, безусловно, взаимосвязаны между собой, и такое деление весьма условно.

Обращение к положениям Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что в ней не содержится каких-либо установок, препятствующих интернационализации конституционного правопорядка, напротив, содержание ч. 4 ст. 15 (и ряд других статей) свидетельствует как раз об

¹ *Осятынський В.* Парадоксы конституционного заимствования// Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 53.

обратном. Отражением возможности процесса добровольной интернационализации внутригосударственного правопорядка является то, что данная черта в той или иной степени характерна для большинства конституций последнего времени. При этом методы имплементации в национальную правовую систему элементов международного права в определенной степени разнятся. Выбор модели допуска положений международного права в национальную правовую систему является суверенным правом каждого государства, однако какой подход ни был бы выбран, государство несет обязательства по международному праву в соответствии со статьей 26 Венской конвенции о праве международных договоров, которая предусматривает, что «каждый действующий договор является обязательным для сторон и должен выполняться ими добросовестно». Далее ст. 27 данной Конвенции предусматривает, что «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора»¹. Поэтому в большинстве случаев, когда речь идет об интегрировании норм международного права, указываются вступившие в силу для государства международные договоры².

В других государствах, как и в случае с Российской Федерацией, частью правовой системы признаются помимо договоров общепризнанные принципы и нормы международного права³, в редких случаях устанавливается привязка к актам международных организаций: «Положения международных договоров и актов международных организаций, которые являются общенормативными и обязательными к

¹ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 13.02.2022).

² Конституция Республики Польша 1997 г. (ст. 9); Конституция Республики Армения 1995 г. (ст. 6) // URL: <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

³ Конституция Португальской Республики 1976 г. (ст. 8) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=141> (дата обращения: 06.04.2021).

исполнению всеми лицами, подлежат применению только после их опубликования»¹. Отдельные трудности в определении конкретных элементов международного права, которые являются частью правовой системы, связаны с отсутствием перечня конкретных источников, которые заменяются в определенной степени расплывчатыми терминами, такими как: «общие принципы (или общепризнанные нормы) международного права». Так, Конституция Германии в ст. 25 устанавливает, что «Общие нормы международного права являются составной частью права Федерации...»².

При этом, как представляется, подход, реализованный в тексте Конституции РФ 1993 г., является достаточно сбалансированным. Указание на то, что помимо международных договоров в правовую систему включаются общепризнанные принципы и нормы, является более четким и развернутым, привносит ясность и помогает в большей степени определить степень включения международного права в национальный правопорядок, расширяет возможности государства в области интернационализации, так как не ограничивается только договорными положениями, поскольку по смыслу конституционной нормы имеются в виду другие, отличные от договорных (не исключая их) источники международного права, к которым потенциально можно отнести и положения международных обычаев, общенормативных актов международных организаций, международных договоров, не ратифицированных Российской Федерацией³, и т.д. в том случае, если они отвечают критерию общепризнанности.

¹ Конституция Королевства Нидерландов 1983 г. (ст. 93) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=143> (дата обращения: 05.04.2021).

² Конституция Федеративной Республики Германия 1949 г. (ст. 25) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 05.04.2021).

³ Решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 05.03.2007 по делу № 3-7/07 «О признании пункта 1 статьи 4 Закона Республики Саха (Якутия) «Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики Саха (Якутия)» от 30.11.2004 173-З N 353-III недействующим //

Помимо этого нет никаких оснований утверждать, что в Конституции РФ реализован примат элементов международного права над положениями Основного Закона¹. Как считает Б.С. Эбзеев, «в рамках российской правовой системы нет актов, которые по своей юридической силе стояли бы выше Конституции»².

Эта точка зрения прослеживается и в правовых позициях высших судебных органов. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ указал, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных дел должны руководствоваться положениями Конституции РФ. Понимание рассматриваемой конституционной нормы он видит через призму уже рассмотренных положений Федерального закона РФ (ред. от 01. 12. 2007) «О международных договорах Российской Федерации»³.

Кроме того, руководствуясь тем, что Конституция РФ разграничивает федеральные законы и конституционные законы, следует признать, что международные договоры имеют приоритет только перед федеральными законами, так как федеральные конституционные законы мы рассматриваем как часть Конституции РФ.

Приоритет норм Конституции РФ перед международными договорами подтверждается еще и тем, что именно Конституция РФ

URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=A99CCDF93DB1F75987257AA2423F3A9A&SORTTYPE=0&BASENODE=32904-10&ts=hoZz5mS06vXTTDUy&base=SODV&n=763&rnd=DD24F1FB5317EB856A5077F2292C97C6#9ZB16mSiNKiDTk4> (дата обращения: 17.10.2021).

¹ См.: *Зимненко Б.Л.* Соотношение международно-правовых и внутригосударственных норм в правовой системе России // *Российский ежегодник международного права.* 2001. СПб., 2001. С. 128; *Туманов В.А.* Выступление на всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» // *Государство и право.* 1996. № 2. С. 4.

² *Эбзеев Б.С.* Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) // *Правоведение.* 1996. № 1. С. 12.

³ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1995. № 29, ст. 2757; 2007. № 49. Ст. 6079.

наделяет данные источники международного права свойством действовать в правовой системе Российской Федерации.

В пользу данной точки зрения говорит и текущее законодательство: оно нацелено при помощи законодательных мер на недопустимость появления в правовой системе Российской Федерации международных договоров, положения которых противоречили бы Конституции России¹. Явный приоритет норм международного договора перед нормами Конституции РФ не требовал бы проведения проверки Конституционным Судом РФ международных договоров на их конституционность².

В связи с этим из самой Конституции текстуально вытекает положение, согласно которому международный договор не может иметь приоритет над конституционными положениями и, следовательно, отменить те или иные конституционные нормы. Поэтому если возникает коллизия между положениями, содержащимися в нормах Конституции РФ и международного договора, то правоприменитель должен отдавать приоритет именно конституционным нормам.

В Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) указано, что международный договор имеет приоритетное применение только в том случае, если договор содержит «иные правила». Однако если правила международного договора и закона совпадают, то такого приоритета нет, и закон соответственно имеет приоритетное применение, являясь по природе нормами внутреннего права.

В определенной степени на данный вопрос могут ответить сами конституционные положения, раскрывающие иерархию норм международного и внутригосударственного права в рамках национальной правовой системы. Конституционная практика предусматривает несколько

¹ См.: *Зимненко Б.Л.* Указ. соч. С. 128.

² См.: Ст. 3. ФКЗ (ред. от 02.06.2009) «О Конституционном Суде Российской Федерации»// СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447; 2001. № 7. Ст. 607; 2001. № 51. Ст. 4824; 2004. № 24. Ст. 2334; 2005. № 15. Ст. 1273; 2007. № 7. Ст. 829; 2009. № 23. Ст. 2745.

различных сценариев такого закрепления. В большинстве случаев конституции ясно дают понять, что международные договоры имеют равную или даже преимущественную силу над внутренним законодательством государства. В этом случае можно сослаться на Конституцию Боливии.

Однако если механизм интернационализации конституционного законодательства, и, следовательно, остальных отраслей внутригосударственного права путем «допуска» в национальную правовую систему элементов международного права свойственен большинству современных конституций, то по вопросу соотношения элементов международного права и норм конституции в результате такого взаимодействия, позиции государств расходятся. Как правило, государства исходят из приоритета конституционных норм над нормами международного права. Только некоторые государства предусматривают возможность внесения изменений в конституцию в связи с участием в международном договоре.

Таким образом, можно сказать, что сам текст конституций исходит из того, что он может быть дополнен положениями международного права, что их действие соизмеряется с положениями международных стандартов.

В определенной степени об этом свидетельствует и практика Конституционного Суда РФ, который в своей деятельности при мотивировке своих решений ссылается на положения международных договоров и другие акты международного права, в том числе с целью интерпретации положений Конституции РФ. Отдельно хотелось бы отметить ссылки на решения международных контрольных органов в области прав человека. Схожим подходом руководствуется и Верховный Суд РФ. Он неоднократно в своих Постановлениях ориентировал нижестоящие суды на необходимость учета при рассмотрении дел,

касающихся прав и свобод человека, принимать во внимание международные договоры РФ с учетом их толкования, даваемых международными контрольными органами.

Процесс воздействия международного права на конституционное законодательство сложно назвать равномерным даже на региональном уровне. Нельзя не заметить имеющиеся региональные различия в международном сотрудничестве групп государств. В основе таких различий лежат в первую очередь исторические, политические, экономические, географические и иные факторы, отражающиеся в заключаемых региональных (субрегиональных) международных договорах и возникающих правовых обычаях. Более интенсивно процесс интернационализации проявляется на европейском континенте, для которого характерен высокий уровень интеграционных процессов в рамках деятельности целого ряда межгосударственных объединений, каждое из которых в своей сфере деятельности стремится сформировать среди государств—членов единые конституционные ценности. Более того, Европа является родиной первой, и на данный момент единственной, надгосударственной международной организации – Европейского Союза. Значительное влияние на развитие конституционного права государств-членов, в первую очередь в области закрепления и защиты прав и свобод человека, оказывает Совет Европы. О сильных европейских традициях в области кодификации и прогрессивного развития международного права свидетельствует тот факт, что большинство действующих универсальных международных соглашений были приняты именно здесь (венские, гаагские, женеvские и т.д.)¹ В связи с этим процесс европеизации

¹ См.: Европейское международное право: Учебник / Отв. Ред. Ю.М. Колосов, Э. С. Кривчикова, П.В. Саваськов. – М: Междунар. отношения, 2005. С. 9.

конституционного права можно рассматривать как самостоятельный правовой феномен¹.

Вторая группа предпосылок определяется сложившимся международным правопорядком. Они связаны с процессом формирования международным сообществом единых подходов к пониманию ключевых конституционных категорий (демократия, верховенство права, права человека, принципы функционирования и компетенция государственных органов), определяющих в конечном итоге стандарты, касающиеся порядка разработки и принятия текста конституций, которые государства могут учитывать при разработке и принятии конституции или решения вопроса о необходимости внесения в нее изменений.

Степень вовлечения международного сообщества в процесс конституционных реформ и используемые им формы могут в значительной степени варьироваться. В одних случаях они могут осуществляться исключительно на внутригосударственном уровне, когда государство в рамках процесса конституционных изменений ориентируется на действующие международные стандарты или международные обязательства, а использование международных «ресурсов» происходит только в рамках консультативной помощи (например, анализ текста конституции на соответствие ее положений международным стандартам в целом или на соответствие международным обязательствам в связи с членством в международной организации). Таким примером может служить деятельность Совета Европы и в первую очередь ее консультативного органа Венецианской комиссии, в арсенале которой присутствуют исключительно «мягкие», консультативные формы участия

¹ Гагаева Е.А. Влияние европейского права на конституционное законодательство государств Восточной Европы: автореферат дисс. ...канд. юрид. наук. Челябинск. 2010. С. 4.

в процессе конституционных преобразований государств—участников¹. В своем заключении, имеющем рекомендательный характер, Венецианская комиссия формулирует свою позицию о соответствии законодательного акта (в том числе конституции) правовым стандартам, принятым в европейских государствах². В других случаях инициатива начала конституционной реформы может быть предусмотрена международным соглашением или инициирована решением международной организации.

Если первоначально в процесс интернационализации конституций были вовлечены только государства, то отличительной чертой современного этапа является появление нового субъекта, имеющего широкие возможности влияния в сфере конституционного строительства – международных организаций.

Процесс интернационализации конституций в ходе постконфликтного мироустройства представляет совершенно особую ситуацию. Военные действия вне зависимости от их причины являются дестабилизирующим фактором для социально—экономического развития, помимо этого они негативно сказываются на внутригосударственной правовой системе и системе государственного управления. Поэтому с точки зрения ООН невозможно решить проблемы, порожденные военными действиями, без укрепления этих систем, а в некоторых случаях - без их кардинальной реформы³. Этот случай, как правило, связан с решением более глобальной задачи – обеспечение (поддержание) мира и безопасности в постконфликтной ситуации, где конституционная реформа выступает как часть этого процесса. Именно такая форма была

¹ Revised Statute of the European Commission for Democracy through Law. Res (202)3 // URL: <https://www.venice.coe.int> (дата обращения: 12.04.2021).

² Amicus Curiae Brief for the Constitutional Court of Moldova on the Interpretation of Articles 78.5 and 85.3 of the Constitution of Moldova (CDL-AD (2010)002-e) // URL: <http://www.venice.coe.int> (дата обращения: 22.04.2021).

³ Report of the UN Secretary General in accordance with the statement adopted on January 31, 1992 at the Security Council summit meeting «Preventive diplomacy, peacekeeping and peacekeeping» // URL: <https://undocs.org/ru/A/47/277> (дата обращения: 15.03.2021).

использована в Камбодже. Соглашением о всеобъемлющем политическом урегулировании Камбоджийского конфликта¹, заключенным при участии Генерального Секретаря ООН, помимо вопросов мирного урегулирования, было предусмотрено определение основных принципов новой конституции, которая должна быть принята Учредительной ассамблей, сформированной, в свою очередь, под контролем ООН.

Ранее таким же образом процесс разработки конституции прошел в Намибии: во исполнение Резолюции 435 Совета Безопасности (1978)² был сформулирован ряд принципов, которые были положены в основу разработки текста будущей конституции³. В соответствии с ними Намибия определялась как унитарное, суверенное государство с демократической формой правления, а права и свободы человека должны соответствовать положениям Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

В исключительных случаях, в зависимости от внутригосударственной ситуации, интернационализация может достигать максимума и включает не только процесс разработки новой конституции, но и создание механизмов внешнего управления. Протекторат ООН в Восточном Тиморе осуществлялся через Временную администрацию (ВАООНВТ), созданную на основе Резолюции 1272 Совета Безопасности, согласно которой на Администрацию была возложена «общая ответственность за административное управление в Восточном Тиморе, и

¹ Agreement on a Comprehensive Political Settlement of the Cambodian Conflict 1991 (Paris Agreement) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901748139> (дата обращения: 24.04.2021).

² UN Security Council Resolution 435 of September 29, 1978 // URL: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/435\(1978\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/435(1978)) (дата обращения: 04.02.2021).

³ Letter dated 82/07/12 from the Representatives of Canada, France, Germany, Federal Republic of, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America addressed to the Secretary-General. (S/ 15287) URL: <https://digitallibrary.un.org/record/31638?ln=ru#record-files-collapse-header> (дата обращения: 04.02.2021).

которая была наделена всеми законодательными и исполнительными полномочиями, включая отправление правосудия»¹.

В каждом конкретном случае фактор внешнего участия в вопросах конституционного реформирования или строительства неизбежно вызывает неоднозначную оценку относительно правомерности такого рода действий со стороны международных организаций или группы стран.

Правовой основой для развития практики интернационализации процесса конституционных изменений в данном случае выступают положения Устава Организации, предоставляющие ООН полномочия по поддержанию мира и безопасности, а также действующие на универсальном уровне принципы демократии, верховенства права и защиты прав человека. Впервые данная концепция была сформулирована в 1992 году в докладе Генерального Секретаря ООН². Последующие акты, принимаемые ООН, демонстрируют наличие более четкой позиции: «демократия является единственной долгосрочной основой для балансирования сталкивающихся этнических, религиозных и культурных интересов, сводя к минимуму опасность ожесточенного внутреннего конфликта»³.

При непосредственном участии ООН в 2002 г. в Бонне была проведена Международная конференция по Афганистану⁴. Боннскими соглашениями были созданы условия для прекращения военных действий и поэтапных мирных правовых, экономических и иных реформ. В своей резолюции 1383 (2001) Совет Безопасности ООН одобрил текст

¹ Resolution 1272 (1999) adopted by the Security Council at its 4057th meeting on 25 October 1999. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1272\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1272(1999)) (дата обращения: 18.02.2021).

² Доклад Генерального секретаря ООН: «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (A/47/277) от 2 июля 1992 г. // <https://undocs.org/ru/A/47/277> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Доклад Генерального секретаря ООН «Повестка дня для развития» 1994 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/48/935> (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ Соглашение о временных мерах в Афганистане до восстановления постоянных правительственных институтов (Боннское соглашение) 2001 г. // URL: <https://peacemaker.un.org/afghanistan-bonnagreement2001> (дата обращения: 25.09.2020).

соглашения и призвал все афганские политические силы выполнить его в полном объеме.

Договоренности предусматривали разработку новой конституции страны с учетом основных демократических принципов, гарантий основных прав и свобод человека, защиты прав национальных, религиозных меньшинств, создание правовой основы для проведения свободных и транспарентных выборов. При отсутствии эффективной системы управления и правового регулирования предусматривалось создание афганской конституционной Комиссии, в задачу которой входила разработка новой конституции при широком участии общественности. С учетом нестабильной ситуации в стране предусматривалось создание Временного органа, структура и основные направления деятельности которого также определялись международным соглашением. Функционирование данного органа предполагалось до восстановления постоянно действующих правительственных институтов. Временная администрация, помимо прочего, наделялась правом представлять Афганистан в ООН, на международных конференциях, а также в ее специализированных учреждениях.

До принятия новой конституции были установлены временные правовые рамки и основы судебной системы. Был обращен призыв к судебной комиссии восстановить судебную систему в соответствии с исламскими принципами и действующими международными стандартами, учредить Верховный Суд Афганистана.

В двух рассмотренных случаях роль ООН сводилась к оказанию помощи в организационной сфере и носила скорее консультативный характер. Организация установила общие рамки конституционного процесса и институциональной деятельности, предоставив государствам принимать решение по большинству вопросов самостоятельно, в том числе и в процессе конституционных преобразований.

Несколько иной подход к интернационализации конституции был реализован в отношении Боснии и Герцеговины. Если ранее рассмотренные примеры интернационализации касались установления достаточно общих рамок конституционного процесса или порядка разработки конституции (Намибия, Афганистан), в данном случае международными соглашениями решались все без исключения конституционные вопросы.

Статус Боснии и Герцеговины (далее — БГ) как независимого государства был провозглашен в 1992 г., однако процесс государственного строительства был затруднен возникшими межнациональными противоречиями, которые стали причиной военных действий на ее территории. В процесс мирного урегулирования были вовлечены сразу несколько международных организаций — ООН, ЕС, СБСЕ и НАТО, однако окончательное урегулирование ситуации проходило при активном посредничестве США, в результате которого в 1995 г. было подписано «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине» (Дейтонские соглашения)¹. Структура Дейтонских соглашений состоит из общей части и 12 приложений. Помимо аспектов мирного урегулирования и стабилизации в регионе в структуру Дейтонских договоренностей был включен текст Конституции Боснии и Герцеговины, Соглашение о выборах, Соглашение о правах человека и ряд других. Таким образом, уникальность Конституции БГ проявляется в том, что она является частью международного договора, была принята без непосредственного участия населения страны и использования других демократических процедур² и по многим критериям переворачивает устоявшиеся воззрения на

¹ Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонские мирные соглашения) 1995 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (дата обращения: 20.08.2020).

² *Абашидзе А. Х., Солнцев А.М.* Балканы – ахиллесова пята евро-атлантической безопасности (к 15-летию Дейтонских соглашений) // *Обозреватель: Научно-аналитический журнал* 2010. № 8 (247) С. 59.

конституционные акты, существовавшие до этого времени¹. Договаривающиеся стороны были фактически отстранены от внесения поправок и инициирования изменений, более того, вопреки указанию в преамбуле на то, что Конституцию принимают народы БГ, она вступила в силу с момента трехстороннего подписания. Данное обстоятельство было отмечено делегацией Венецианской комиссии во время визита в БГ: «это представляет уникальный случай, когда Конституция первоначально не публиковалась на официальных языках страны, а была согласована и опубликована на иностранном языке»².

Данное обстоятельство в определенной степени ставит под сомнение демократичность ее принятия. Теоретически необходимым условием демократичности Основного Закона страны является непосредственное участие в разработке и принятии Конституции граждан государства через референдум или косвенно через своих представителей. Если даже принять во внимание процедуру, по которой был принят данный документ (международное соглашение), то и она не содержит каких—либо указаний на необходимость его ратификации парламентом, как это принято для столь основополагающих договоров.

Даже если абстрагироваться от привычных представлений и считать лиц, которые подписывали соглашение, представителями народов, проживающих на территории государства, а последующую поддержку соглашения законодательным органом условно расценить как ратификацию, то и в этом случае способ далек от принципа демократии в такого рода вопросах.

¹ European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission) Draft Opinion on the constitutional situation in Bosnia and Herzegovina and the powers of the High Representative CDL(2005)021rev // URL: <https://www.venice.coe.int> (дата обращения: 20.02.2021).

² European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission) Draft Opinion on the constitutional situation in Bosnia and Herzegovina and the powers of the High Representative CDL(2005)021rev // URL: <https://www.venice.coe.int> (дата обращения: 20.02.2021).

Необходимо отметить, что закономерным следствием международной разработки Конституции БГ явилась высокая степень интернационализации ее текста. Это прослеживается по всему документу, однако в максимальной степени это проявляется в преамбуле и в части, посвященной правовому статусу человека и гражданина. В преамбуле, где традиционно в концентрированном виде находят отражение наиболее важные для государства обстоятельства, исходные установки, ставшие предпосылкой для принятия Конституции, провозглашаются основные принципы и задачи акта — превалируют ссылки на различные международные документы. Указывается, что граждане БГ при принятии Конституции руководствовались положениями Устава ООН, Всеобщей декларации прав и свобод человека, Международных пактов по правам человека и т.д., а также выразили свою решимость обеспечить полное соблюдение международного гуманитарного права.

В тексте отсутствует традиционная конституционная норма о соотношении внутригосударственного и международного права. В статье «Международные соглашения» указывается, что БГ остается или становится участником международных соглашений, перечисленных в приложении № 1 к Конституции. Создается убеждение, что в государстве была реализована монистическая модель соотношения, согласно которой международное и внутригосударственное право — это элементы единой системы права, при этом международное право приобретает доминирующее значение.

Признание Конвенции 1950 г в качестве системообразующего документа в области национальной регламентации прав и свобод означает ориентацию внутригосударственного механизма не только на международные правовые стандарты, но и на правоприменительную практику международных контрольных органов, что позволяет говорить об имплементации в правовую систему Боснии и Герцеговины помимо

Конвенции постановлений Европейского суда по правам человека, интерпретирующих и развивающих ее положения.

Как следует из ст. II Конституция конституционализирует Конвенцию 1950 г., что означает отсутствие каких—либо оснований для оспаривания данных положений, а также возможность какого—либо внутригосударственного изменения статуса человека и гражданина и отсутствие права на заявление оговорок в будущем.

Таким образом, можно сказать, что Конституция БГ это уникальный в истории конституционализма, да и международного права в целом, случай. Впервые основной закон страны был принят в формате международного договора, и только по своей структуре напоминал конституционный текст. Более того, степень влияния международно-правовых стандартов на его содержание никогда не достигала таких масштабов. Отсутствие каких—либо признаков правовой преемственности, национальной идентичности, а также сомнительный характер легитимации документа, создает впечатление искусственности и нежизнеспособности.

Анализ механизма интернационализации конституционных актов в рассмотренных ситуациях свидетельствует о том, что степень и объем международного участия в конституционной реформе во многом определяется особенностями внутригосударственного кризиса, масштабами противостояния враждующих сторон и зависит от готовности различных этносов или внутригосударственных политических групп к поиску консенсуса. Этим обусловлена невозможность четкого правового регулирования международным сообществом этого процесса и отсутствием какой-либо единой модели такого участия. Как справедливо отмечал Генеральный Секретарь ООН Б.Б. Гали «поскольку причины

конфликта различны, различны должны быть и средства их устранения»¹. В одних случаях влияние может быть ограничено предоставлением общих рекомендаций и осуществлением контроля за их выполнением, а в других — более сложным по охвату и методам работы международных структур процессом конституционных изменений.

Еще одним аспектом, вызывающим неоднозначную оценку, является отсутствие четкой договорной регламентации участия международных организаций, прежде всего ООН, в этом процессе. Как правило, в качестве фундамента правового обоснования для развития практики интернационализации процесса конституционных изменений с участием ООН выступают положения Устава Организации, предоставляющие ей полномочия по поддержанию мира и безопасности, а также сложившиеся в результате практики и реализуемые на универсальном международном уровне принципы демократии, верховенства права и защиты прав человека.

Впервые концепция универсального измерения демократии была сформулирована в 1992 году в докладе Генерального Секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира»². Последующие акты, принимаемые ООН, демонстрируют наличие более четкой позиции: «демократия является единственной долгосрочной основой для балансирования сталкивающихся этнических, религиозных и культурных интересов, сводя к минимуму опасность ожесточенного внутреннего конфликта»³. Таким образом, большую часть правового

¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Развитие и международное экономическое сотрудничество» 6 мая 1994 г. A/48/935 // URL: <https://undocs.org/ru/A/48/935> (дата обращения: 12.05.2021).

² Report of the UN Secretary General pursuant to the statement adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 31 January 1992 An Agenda for peace «Preventive diplomacy, peacemaking and peace-keeping» // URL: <https://undocs.org/en/A/47/277> (дата обращения: 23.02.2021).

³ Report of the UN Secretary General «An agenda for development» on 6 may 1994 (A/48/935) // URL: <https://undocs.org/en/A/48/935> (дата обращения: 15.03.2021).

обоснования участия в процессе конституционных изменений международного сообщества составляют отдельные положения Устава и их системное толкование относительно закрепления перечисленных ценностей, а также акты международных организаций, имеющие, как правило, рекомендательный характер.

Среди документов ООН наиболее информативным актом, в котором раскрывается участие ООН в процессе оказания правовой и иной помощи государствам в разработке нового текста конституции или внесения в текст поправок, является Директивная записка Генерального Секретаря об оказании содействия процессам разработки конституций со стороны ООН 2009 г.¹ В ней сделана попытка обобщить накопленный практический опыт Организации в данном направлении деятельности путем использования действующих международных норм, стандартов, а также лучших практик. Документ содержит перечень руководящих принципов, в нем освещены необходимые компоненты конституционного процесса и ряд других аспектов.

С точки зрения Организации, принятие новой конституции или внесение в нее изменений способствует поиску межнационального или политического консенсуса, поэтому является базовым этапом решения постконфликтной ситуации или политического кризиса в стране. При этом необходимо отметить, что отсутствует какой-либо единый конституционный шаблон, нет и единого подхода к определению объема и формы участия Организации в оказании соответствующей помощи. Стратегия всегда должна быть эксклюзивной, учитывающей специфику ситуации. Гарантией эффективности действий ООН в этом процессе является его инициирование самим государством и активное участие в нем всех заинтересованных субъектов. Одним из важнейших принципов

¹ United Nations Assistance to Constitution-making Processes APRIL 2009 // URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/Guidance_Note_United_Nations_Assistance_to_Constitution-making_Processes_FINAL.pdf (дата обращения: 13.01.2021).

оказания содействия государству в работе над конституционным текстом является приоритет национальной ответственности, согласно которому разработка Основного закона — это суверенный национальный процесс, который не должен навязываться извне. Высшие органы государственной власти, гражданское общество должны принимать активное участие в этом процессе и нести соответствующую ответственность за ее содержание — роль Организации в этом процессе должна носить субсидиарный, консультативный характер. Только при таком подходе конституция будет в максимальной степени отвечать местным условиям и будет отражать консенсус между всеми группами населения.

Так, проект Конституции Афганистана, разработанный совместной группой, куда входили международные эксперты, был представлен Большому совету, в состав которого входили представители различных групп страны (вожди племен, представители гражданского общества, духовенство, представители религиозных меньшинств, лидеры политических партий), которые имели возможность внести необходимые изменения в ее текст¹. Следование данным правилам позволяет говорить о том, что Организация при принятии решения о своем участии в данном случае придерживается основополагающих положений своего Учредительного акта.

Учитывая сформировавшийся межгосударственный консенсус относительно универсальных ценностей, а также преследуя цель содействия процессу принятия новой конституции, отвечающей основным мировым тенденциям, Организация стремится к информированию об основах демократического правления, действующих международных

¹ Core document forming part of the reports of states parties. Afghanistan. (HRI/CORE/AFG/2007) // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=HRI%2FCORE%2FAFG%2F2007&Lang=ru (дата обращения: 01.03.2021).

принципах и стандартах всех групп населения с целью их последующей вовлеченности в процесс реализации конституции в будущем.

Главной задачей организации в первую очередь является укрепление демократических институтов, утверждение верховенства права, обеспечение необходимого уровня защиты прав человека в соответствии с действующими международными стандартами. Только какое-либо отступление от этих базовых ценностей является основанием для вмешательства. Спектр оказываемой помощи может быть самым широким и может включать как проведение правовой экспертизы и консультирования, так и участие в процессе ведения переговоров и поиска консенсуса между заинтересованными сторонами по порядку разработки и определения ключевых конституционных принципов.

Конституция является основополагающим документом, в котором отражаются все аспекты жизни государства, общества, человека. В связи с этим ООН при оказании технической и правовой помощи прибегает к мобилизации широкого круга специалистов как внутри Организации, так и за ее рамками. Как показывает практика, обращение в ООН не влечет создание специальной организационной структуры или специализированного международного органа. Конституционная помощь предполагает сочетание накопленного опыта в различных органах или агентствах, таких как Департамент по политическим вопросам (политическое содействие), Управление по правовым вопросам, Управление Верховного Комиссара по правам человека, Комитеты по правам человека, Детский фонд и т.д.

Особое внимание Организация уделяет последующему наблюдению за реализацией принятой конституции. Речь идет о строгом соблюдении конституционных норм при принятии отраслевого законодательства. С точки зрения организации возможные отступления могут подрывать

стабильность и эффективность ее норм¹. В данном направлении работает, например, Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека. В Камбодже после принятия Конституции Управление осуществляет контроль за важными изменениями в правовой системе государства, проводит юридический анализ осуществления прав и свобод, оказывает техническую помощь соответствующим государственным учреждениям в целях обеспечения того, чтобы законы и порядок их применения соответствовали конституционным положениям².

Таким образом, современный процесс интернационализации пока не подошел к выработке единого, приемлемого для всех, универсального «шаблона» конституции или механизма его реализации. Действия Организации Объединенных Наций в процессе интернационализации конституционного правопорядка, как правило, сводятся к оказанию помощи в организационной сфере и носят консультативный характер: устанавливаются общие рамки конституционного процесса и институциональной деятельности, государствам предоставляется право принимать решение по большинству вопросов самостоятельно, в том числе и в процессе конституционных преобразований.

Свойственные государствам различия в форме правления, в степени демократизации, в видах политических режимов и т.д. способствуют сохранению национальных особенностей конституционного строя. Без нивелирования подобных различий формирование общего стандарта в обозримом будущем вряд ли возможно, так как предсказуемо будет встречать противодействие со стороны государств.

¹ United Nations Assistance to Constitution-making Processes APRIL 2009 // URL:https://www.un.org/ruleoflaw/files/Guidance_Note_United_Nations_Assistance_to_Constitution-making_Processes_FINAL.pdf (дата обращения: 13.01.2021).

² Annual report of the UN High Commissioner for Human Rights and reports of the OHC on human rights and the Secretary General. (A/HRC/7/56) // URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=47fc84c52> (дата обращения: 20.02.2021).

§ 3. Конституционные основы и пределы рецепции международно-правовых стандартов в правовую систему РФ

Анализируя современный уровень интернационализации, можно выделить целый ряд предпосылок, способствующих развитию данного процесса. В зависимости от сферы их проявления, как представляется, они могут быть разделены на две группы: заложенные внутренним законодательством, которые легко отслеживаются в самом тексте конституций, и внешние, находящиеся за пределами внутригосударственного права в целом, порожденные действующей международной практикой.

Первые являются отражением исключительно воли самого государства, что позволяет их отнести к добровольной рецепции. К этой группе можно отнести конституционные положения, содержащие непосредственные ссылки на положения международного права, документы в тексте конституции, определяющие допуск и порядок действия отдельных элементов международного права в рамках национальной правовой системы; ориентирование конституционных положений в области прав и свобод на действующие международно-правовые стандарты в данной области; включение в конституционный текст новых, обусловленных действующими международными обязательствами положений и т.д.

Рассмотренные предпосылки, как представляется, в своей основе закрепляют различные механизмы рецепции, что позволяет говорить о единовременной и прямой (длительной, программной) рецепции.

Единовременная (производная) рецепция международных стандартов, как правило, применяется при разработке текста новой конституции или внесении в нее изменений, когда конституционный или законодательный акт изначально создается (или изменяется) с учетом

действующих международных обязательств и иных правовых стандартов, учитываемых соответствующим государством. Таким примером можно считать широкомасштабный процесс правовых реформ, проходивших в России в 90-х годах. Составными элементами данного процесса можно считать учет конституционного опыта зарубежных стран, международно-правовых стандартов, в том числе в области прав человека, а также переосмысление сложившихся национальных правовых традиций. Таким образом, можно констатировать, что Конституция РФ 1993 г., законодательство и правоприменительная практика России менялись с учетом основных международных обязательств и ценностей международного сообщества¹.

Вместе с тем, как представляется, процесс рецепции международно-правовых стандартов национальной правовой системой не должен заканчиваться на этапе разработки и принятия того или иного акта. В силу объективно существующего правового развития международной системы в целом, и в связи с расширением (изменением) договорной практики государства этот процесс должен носить непрерывный характер. Только такой порядок способствует сбалансированному развитию всей национальной правовой системы и содействует добросовестному выполнению международных обязательств государства.

Наиболее эффективным способом решения данной задачи без использования сложной законодательной процедуры является закрепление в тексте основного закона положения, предусматривающего механизм прямого заимствования международно-правовых стандартов, которые не были учтены при разработке документа, появились или эволюционировали после его принятия. Речь идет о конституционной норме, предполагающей включение в национальную правовую систему определенных элементов международной системы (принципов, норм международного права, международных

¹ *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. –М.: РЮИД, 1997. С. 204.

договоров), а также ориентирование конституционных положений и законодательства в сфере прав и свобод на действующие международно-правовые стандарты в данной области. Применительно к Конституции РФ 1993 г. речь идет о ч. 4 ст.15, ч. 1 ст. 17, свидетельствующих об отсутствии каких-либо установок, препятствующих интернационализации национального правопорядка. Причем, как в случае с производной (единовременной) рецепцией, так и в случае с прямой, этот процесс санкционируется государством, носит добровольный характер.

Особо хотелось бы отметить, что степень рецепции международно-правовых стандартов в правовую систему РФ может различаться в зависимости от сферы регулирования. Так в Конституции РФ помимо общей позиции, выраженной в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о включении общепризнанных принципов и норм международного права в российскую правовую систему, конституционный законодатель отдельно оговаривает то, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам» (ст. 17). Исходя из приведенной конституционной нормы следует, что в рамках данной области происходит правовое сопряжение национальной и международной правовых систем, а правовое регулирование осуществляется консолидировано: актами обоих правопорядков¹.

В этом плане можно согласиться с мнением, что конституционные положения в области прав и свобод - «это конгломерат оригинального конституционного текста и того объема международно-правовых

¹ *Тхагалегова М. М.* Гармонизация взаимодействия институтов конвенционного и конституционного нормоконтроля - суверенитет правовых систем // Ученые записки юридического факультета. Вып. 39 (49) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. С. 43.

стандартов, который в нем признается действующим наравне с конституционными нормами»¹.

Достаточно интересными представляются положения ст. 69 Конституции, согласно которой «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами». В этой области было принято значительное количество документов различного рода, включая акты «мягкого права». основополагающим документом в данной области считается Конвенция МОТ № 169² «О коренных народах и народах, ведущих племенную образ жизни» 1989 г. И, несмотря на то, что Российская Федерация на данный момент не ратифицировала данный документ (следовательно данный договор согласно ч. 4 ст.15 Конституции РФ не является частью правовой системы РФ), отдельные положения Конвенции частично были реципированы национальным законодательством³.

В значительной степени рецепции международно-правовых стандартов способствует правоприменительная практика высших судебных органов. Решения Конституционного Суда и выраженные в них правовые позиции, опирающиеся на международно-правовые нормы, по сути, способствуют включению их в правовую систему Российской Федерации, а также оказывают правовое воздействие на деятельность государственных органов⁴. В силу особой правовой природы решений Конституционного Суда такое

¹ Умнова И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 22.

² Indigenous and Tribal Peoples Convention, 1989 (№169) // URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169 (дата обращения: 12.09.2021).

³ Кряжков В.А. Конвенция МОТ 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах // Государство и право. 2019. № 9. С. 62.

⁴ Барнашов А.М. О применении Конституционным Судом Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 35.

комплексное применение элементов двух правовых систем создает предпосылку для дальнейшего восприятия подобной модели правотворческими, правоприменительными органами РФ, способствует формированию единообразной практики в конкретной области правоотношений¹.

Данный подход в той или иной степени характерен для большинства конституций, принятых в мире за последние десятилетия. При этом методы имплементации в национальную правовую систему элементов международного права в определенной степени разнятся. Выбор модели «допуска» положений международного права в национальную правовую систему является суверенным правом каждого государства, однако какой бы подход ни был выбран, он всегда должен осуществляться с учетом обязательств по международному праву в соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Помимо международных договоров Российской Федерации, частью правовой системы признаются общепризнанные принципы и нормы международного права². Обращение к зарубежной практике показывает, что в редких случаях устанавливается привязка к актам международных организаций: «Положения международных договоров и актов международных организаций, которые являются общенормативными и обязательными к исполнению всеми лицами, подлежат применению только после их опубликования»³. Как правило, такой подход используется государствами с высокой степенью международно-правовой интеграции.

При этом, как представляется, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 года, выстроен достаточно гармоничный подход к соотношению элементов

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.11.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2023).

² Конституция Португальской Республики 1976 г. (ст. 8) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=141> (дата обращения: 06.04.2021).

³ Конституция Королевства Нидерландов 1983 г. (ст. 93) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=143> (дата обращения: 05.04.2021).

международного и внутригосударственного права, который, несмотря на некоторую абстрактность формулировки, расширяет возможности компетентных органов государства использовать международно-правовые стандарты в своей деятельности. Согласно последующей правоприменительной практики под «общепризнанными принципами и нормами международного права», национальные суды понимают положения различных по своей природе международных источников (обычаи, общенормативные акты международных организаций, международных договоров, подписанных, но не ратифицированных РФ). К такого рода источникам можно отнести положения Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 г., которая по своей природе не является договором, но ее положения всегда учитываются на внутригосударственном уровне наряду со схожими по содержанию положениями актов договорного порядка. Очевидно, что в отношении данной группы элементов международного права Конституция РФ, в отличие от международных договоров, не устанавливает какого-либо приоритета перед национальным законодательством. Однако это подразумевает, что правоприменительная система государства, включая конституционное правосудие, в пределах своей компетенции вправе применять соответствующие принципы и нормы международного права. Отсутствие четкого законодательного определения таких категорий как «общепризнанный принцип» и «общепризнанная норма» международного права, неоднозначность трактовок этих понятий ни в какой мере не умаляет значение данного положения для практики применения этих элементов международного права в российской правовой системе.

Вместе с тем установление нормами конституций общих параметров рецепции элементов международного права не предполагает, что этот процесс ничем не ограничен. Положения международного правопорядка, даже сформированные с участием государства, в любом случае не в

состоянии учитывать все его интересы и особенности. Внешнее влияние не всегда играет положительную роль для национальной правовой системы. С целью исключения возможности введения в нее несовместимых элементов международного права, вводятся конституционные положения, устанавливающие пределы такого вмешательства.

Как отмечает Л.А. Шарнина, «интегрирование в конституционное право наднациональных элементов должно иметь пределы как формально-нормативного характера, связанного с соблюдением установленных процедур, компетенции, требований к иерархии форм права, так и содержательного свойства, представляющего собой ограничения по включению в правовую систему правовых положений, противоречащих национальному правосознанию и не согласующихся с социально-экономическими, культурными, духовными условиями жизни в стране»¹.

К одному из таких «барьеров» можно отнести закрепление иерархии в системе национальных и международных норм. Однако если механизм рецепции международно-правовых стандартов свойственен большинству современных конституций, то по вопросу соотношения элементов международного права и норм конституции в результате такого взаимодействия, позиции государств расходятся. Как правило, государства исходят из верховенства конституционных норм над нормами международного права. Только некоторые государства предусматривают возможность внесения изменений в конституцию в связи с участием в международном договоре. Что касается Российской Федерации, то текст Конституции РФ и выраженные Конституционным Судом РФ правовые позиции однозначно свидетельствуют о приверженности России первой позиции: ни одна правовая норма, в том числе вытекающая из

¹ Шарнина Л.А. Пределы усмотрения при интернационализации конституционного права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 9-10.

международных обязательств, не должна противоречить Конституции РФ как акту, обладающему высшей юридической силой и прямым действием на всей территории страны¹. Приоритет норм Конституции РФ перед международными договорами подтверждается еще и тем, что именно Конституция РФ наделяет данные источники международного права свойством действовать в правовой системе Российской Федерации.

Аналогичная позиция была выражена и высшими судебными органами. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ указал, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных дел должны руководствоваться положениями Конституции РФ. Понимание рассматриваемой конституционной нормы он видит в том числе через призму положений Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации»².

Поскольку Конституция РФ разграничивает федеральные и конституционные законы, следует признать, что международные договоры имеют приоритет только перед федеральными законами, так как конституционные законы мы рассматриваем как часть Основного закона РФ. В Конституции РФ указано также, что международный договор имеет приоритетное применение только в том случае, если договор содержит «иные правила».

Таким образом, текст Конституции РФ выступает в качестве универсального критерия «допуска» элементов международного права в национальную правовую систему.

Значительная роль в процессе обеспечения баланса международно-правовых стандартов в рамках национальной правовой системы принадлежит Конституционному Суду РФ. Ст. 125 Конституции предусматривает

¹ См.: *Эбзеев Б.С.* Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) // *Правоведение.* 1996. № 1. С. 12.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2757; 2007. № 49. Ст. 6079.

возможность рассмотрения им вопросов о соответствии Основному закону не вступивших в силу международных договоров.

Как уже указывалось ранее, международное право значительно ограничивает случаи признания недействительными вступивших в силу международных договоров. В целях обеспечения необходимого уровня согласованности положений внутригосударственного права, и прежде всего Конституции РФ, с предписаниями межгосударственных соглашений, проверку следует осуществлять до признания обязательств по ним.

Достижение такого баланса необходимо в силу обеспечения принципа верховенства конституционных положений в правовой системе России, а также в целях следования положениям Венской конвенции «О праве международных договоров» 1969 г., закрепляющей принцип добросовестного выполнения международных обязательств (*pacta sunt servanda*). Конституционный Суд неоднократно обращал внимание на эти два фактора в своих решениях. Так, при сопоставлении ряда конституционных положений (ч. 1 и 4 ст. 15, ст. 79 и ч. 6 ст. 125) Суд сформулировал следующую правовую позицию: «Россия...не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции РФ, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие несомненно, особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе, основанной на верховенстве Конституции РФ»¹.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

В то же время, Конституционный Суд высоко оценивает роль и значение международных соглашений в сфере поддержания современных международных отношений как способа мирного разрешения споров, как механизма поддержания международной безопасности, достижения провозглашенных Организацией Объединённых Наций целей¹.

Проверка на конституционность международного договора, согласно российскому законодательству, имеет ряд ограничений. В ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» упоминается несколько видов договоров, в отношении которых он вправе осуществлять конституционный контроль, однако по смыслу п. «г» объектами проверки могут быть только международные договоры РФ, контрагентами которых являются иностранные государства или международные межправительственные организации, т.е. исключительно субъекты международного права. При этом юрисдикция Суда распространяется на все виды таких договоров, вне зависимости от уровня их заключения: межгосударственные, межправительственные или межведомственные.

Помимо требования о межгосударственном характере соглашения, объект контроля, по смыслу ст. 89 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» ограничивается также договорами, подлежащими ратификации Государственной Думой или утверждению иным органом государственной власти, т.е. договорами, которые вступают в силу в случае выражения согласия на их обязательность в отношении РФ. Этим в принципе и объясняется конституционная формулировка «не вступившие в силу». Данная характеристика представляется ключевой, так как ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», как и Венская конвенция 1969 г., предусматривает

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. №8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3.

помимо ратификации и утверждения еще несколько способов выражения согласия на обязательность договора, поэтому узкое толкование ФКЗ в этом плане не является правильным. До момента выражения согласия на обязательность с позиции РФ данный международный договор считается либо международным договором, связывающим иностранные государства (в случае его многосторонности), либо воспринимается РФ исключительно как «проект» будущего договора¹. Хотя предварительное согласие на вступление в договор не исключает, как представляется, определённого морально-политического значения для участвующего в переговорах государства.

Некоторая «пауза» между стадиями заключения договора в данном случае имеет определенное внутригосударственное значение. Во-первых, это своего рода «система сдержек и противовесов» между органами государственной власти в рамках договорного процесса, во-вторых, это возможность для органов государства обсудить и решить проблемные вопросы, связанные в том числе с синхронизацией его положений и установлениями внутреннего права.

С точки зрения конституционного права ратификация представляет собой акт законодательного органа государства, принимаемый в форме федерального закона, выражающий согласие быть связанным договором². Исходя из ст.ст. 16, 17, 18 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», временной интервал, в рамках которого Конституционный Суд вправе рассмотреть вопрос о проверке конституционности договора, можно определить следующим образом: с момента принятия решения о подписании договора Президентом РФ, Правительством РФ, т. е. еще до внесения его на рассмотрение в Государственную Думу, период его рассмотрения в палатах Парламента, и до подписания и обнародования его Президентом РФ. В этот период времени любой из органов государственной власти и должностных

¹ Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. М.: Юрид. лит., 1996. С. 271.

² Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2 т. Том I. Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 412.

лиц, перечисленных в ст. 125 Конституции РФ имеет право обратиться с запросом в Конституционный Суд. Как представляется, в случае поступления запроса в период рассмотрения процесса о ратификации в парламенте, Суд может быть ограничен во времени рассмотрения запроса, в связи с чем он может обратиться в палату о временной приостановке процесса ратификации до вынесения соответствующего решения Конституционным Судом.

Согласно ст. 89 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не каждый международный договор может стать объектом проверки. Закон определяет два критерия, необходимых для обращения в Суд с запросом о конституционности международного договора: 1) контроль должен быть предварительным, т.е. договор еще не вступил в силу; 2) «заявитель считает не вступивший в силу международный договор не подлежащим введению в действие и применению в РФ из-за его несоответствия Конституции РФ». Необходимость осуществления предварительного конституционного контроля в отношении международных договоров обусловлена необходимостью исключить появление в правовой системе Российской Федерации норм, которые могут вступить в противоречие с положениями Конституции РФ. Однако, как показывает практика, количество обращений в Конституционный Суд в связи с проверкой не вступившего в силу международного договора минимально, особенно на фоне объема договоров, ратифицируемых и утверждаемых в РФ.

В связи с этим высказывается необходимость обязательной проверки всех международных договоров, подлежащих ратификации (утверждению) по примеру других государств. В качестве аргумента обычно приводится тот факт, что ратификация (утверждение) международного договора в обход Конституционного Суда, может привести к применению не соответствующего конституционным положениям международного договора на практике¹. Данная позиция весьма логична и объяснима: введение

¹ *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2010. С. 144; *Дагубев А.В.*

обязательного предварительного контроля международных договоров, подлежащих ратификации (утверждению), способствует достижению согласованности норм международного и внутригосударственного права¹, особенно если речь идет о соглашениях, предусматривающих членство РФ в международных организациях² и/или о распространении на РФ обязательной юрисдикции актов международных органов.

Процедура рассмотрения обращений на конституционность международных договоров осуществляется исходя из установленных конституционным законодательством пределов проверки. Ст. 90 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает соответствие нормативных актов Конституции РФ по содержанию норм, по форме договора, по порядку подписания, с точки зрения принципа разделения властей и компетенции, а также исходя из разграничения предметов ведения между органами государственной власти РФ³.

Правовая природа международного договора коренным образом отличает его как объект конституционного контроля. Во-первых, это связано с занимаемым им местом в системе источников национального права. Во-вторых, это определяется его ролью и значимостью для системы международных отношений, что может быть определенным препятствием для осуществления последующего конституционного контроля. В соответствии со ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего

Некоторые особенности производства по делам о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров РФ // Юридический мир. 2008. № 11. С.35.

¹ Хисамов Э.Р. Некоторые особенности реализации полномочий Конституционного Суда РФ по проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров // Казанская наука. 2013. № 9. С. 246.

² Саликов М.С. Международные договоры РФ как объекты конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 24.

³ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2022).

права в качестве оправдания для невыполнения им договора»¹. Международное право в целом, и Венская конвенция в частности определили только один случай, когда нарушение внутригосударственного права может привести к недействительности международного договора: речь идет о явном нарушении предписания, касающегося компетенции заключать договор и затрагивает нормы внутригосударственного права, имеющие особо важное значение (ст. 46 Конвенции). В ином случае отказ от выполнения международного договора в виду признания его неконституционности, будет трактоваться как невыполнение государством взятых на себя обязательств и влечет наступление ответственности. Все это обязывает компетентные государственные органы проверить соответствие положений заключаемого международного договора национальному праву и в первую очередь конституции или предпринять необходимые меры для снятия таких противоречий до принятия его текста.

Как уже отмечалось, для целей согласования национального законодательства, и прежде всего Конституции РФ, с положениями международных договоров РФ осуществляется только предварительный конституционный контроль последних. Последующий конституционный контроль международных договоров в РФ, как и в большинстве государств мира, не предусмотрен. В отличие от Закона РСФСР², принятие заключения о неконституционности вступившего в силу международного договора действующий Закон не предусматривает. В связи с этим представляется достаточно интересным с точки зрения его практической реализации вопрос о рассмотрении Конституционным Судом дел, связанных с оспариванием конституционности не самих договоров, вступивших в силу, а

¹ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 12.04.2023).

² Закон РСФСР «О Конституционном суде РСФСР» (В редакции Закона Российской Федерации от 25.02.93 г. № 4549-1) // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102020039&backlink=1&&nd=102012069> (дата обращения: 24.07.2022.)

внутригосударственных актов, посредством принятия которых государство берет на себя обязательство по ним (федеральных законов о ратификации, утверждении, актов Президента и Правительства РФ) исходя из полномочий ч. 2 ст. 125 Конституции РФ.

В данном случае речь идет о тех договорах, которые не являлись объектом его проверки. Согласно конституционным положениям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» такой вариант вполне допустим ввиду отсутствия какой-либо конкретизации относительно предмета закона (или иного акта), и по логике рассматриваемых норм это может быть любой федеральный закон (указ, постановление).

Однако при этом необходимо отметить, что принятие федерального закона о ратификации или другого внутригосударственного акта, выражающего окончательное согласие с положениями международного договора, имеет два аспекта правовых последствий: во-первых, внутригосударственный, исходя из которого с этого момента договор включается в правовую систему страны и может непосредственно реализовываться; во-вторых, это международный аспект - с момента ратификации согласие приобретает международно-правовое значение и порождает международные последствия¹. Предусматривая такой вид контроля, необходимо учитывать два эти фактора в неразрывной связи, так как при принятии «негативного» решения Конституционным Судом может сложиться достаточно сложная правовая ситуация.

Признание несоответствующим Конституции РФ Закона о ратификации (или иного акта об утверждении) означает, что в силу ст. 79 ФКЗ утрачивают силу, а, следовательно, становятся недействующими и санкционированные им соответствующие международные договоры. Неисполнение последних может породить негативные последствия как для самого государства, так и

¹ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2 т. Том 1. Заключение международных договоров /И.И. Лукашук; Рос. Акад. наук, Ин-т государства и права. – М.: Волтерс Клувер, 2004. С 412-413.

для других участников договора. Единственно возможным вариантом, который не будет нарушать баланс между национальным аспектом ратификации (утверждением) и международным, является проверка конституционности компетенции федеральных органов власти заключать рассматриваемый международный договор¹, так как в этом случае констатация неконституционности рассматривается ст. 46 Венской конвенции 1969 г. как факт правомерного отказа от заключенного международного договора. Определение компетенции государственных органов на заключение международных договоров и установление внутригосударственной процедуры – это суверенное право каждого государства. Оно решает этот вопрос на конституционном или ином уровне, исходя из национальных особенностей системы государственных органов, принципа разделения властей и ряда других факторов, самостоятельно. Международное право в силу объективных причин не может и не должно регулировать данные вопросы. Поэтому вводя правило, что государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права как на основание для невыполнения международного договора, оно вместе с тем закрепляет допустимое исключение из этого правила, предусматривающее такую возможность в тех случаях, когда это явно свидетельствует о нарушении особо важной нормы, регулирующей право заключения договора. Как отмечает А.Н. Талалаев «нарушения установленного в конституции процесса волеобразования могут привести к существенным порокам договорной воли государства»². В связи с этим, у государства появляется вполне закономерное право оспорить данный договор.

Федеральное законодательство, регулируя вопросы соответствия Конституции РФ международным договорам, в качестве условия

¹ *Осьминин Б.И.* Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право / Б.И. Осьминин. М.: Инфотропик Медиа, 2010. С. 311.

² *Талалаев А.Н.* Конституционный Суд и международные договоры России (к вопросу о конституционности международных договоров РФ) // Государство и право. 1996. № 3. С. 119.

рассмотрения Конституционным Судом такого рода дела, именно это обстоятельство указывает как вполне допустимое, если такое разделение компетенции предусмотрено конституционными положениями. Орган, выразивший согласие на международное обязательство, но не имеющий на это компетенции с точки зрения Суда, должен предпринять меры, предусмотренные международным правом, к прекращению договора или его изменению¹. В ином случае признание Конституционным Судом РФ закона о ратификации, акта Президента или Правительства РФ об утверждении международного договора будет иметь только внутригосударственное значение. Признание неконституционным имплементирующего акта может свести на нет внутригосударственную реализацию соответствующего договора², следствием чего будет невыполнение взятых на себя международных обязательств и наступление международной ответственности, так как с позиции международного права договор продолжит свое действие в отношении Российской Федерации до момента его отмены в соответствии с положениями международного права и самого договора.

Таким образом, согласно конституционным положениям и отраслевому законодательству, Конституционный Суд РФ не обладает правом проверки на конституционность вступивших в силу договоров как непосредственно, так и посредством признания имплементирующего внутригосударственного акта неконституционным в силу п. 2 ст. 125 Конституции РФ. Вместе с тем, в случае нарушения органом государственной власти положений Конституции, касающихся полномочий выражать согласие на обязательность для государства положений международных договоров, вмешательство Конституционного Суда исключать нельзя.

¹ *Осьминин Б.И.* Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право /Б.И. Осьминин. М.: Инфотропик Медиа, 2010. С. 315.

² *Лукашук И.И.* Международное право в судах государств. - СПб.: «Россия-Нева», 1993. С. 251.

Дополнительные конституционные пределы рецепции международно-правовых стандартов в правовую систему Российской Федерации были установлены по итогам реформы 2020 г. Конституционные изменения касаются расширения компетенции Конституционного Суда РФ относительно проверки возможности исполнения актов международных контрольных органов, а также иностранных и международных судебных учреждений.

Международные обязательства по договорам, в первую очередь касающиеся защиты прав и свобод человека, предполагают не только имплементацию содержащихся в них предписаний, но и необходимость исполнения решений учреждаемых ими контрольных органов, обладающих, помимо прочего, правом осуществления официального толкования договора, порой накладывающего на государство дополнительные обязательства.

Являясь по своей сути правоприменительными актами, решения, констатирующие нарушение прав человека со стороны государства, не имеют непосредственно нормативной силы для государств, и по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции не являются напрямую частью правовой системы страны. Однако, в силу принятых РФ международных обязательств, все же должны учитываться в правотворческой и правоприменительной практике государственных органов, в том числе и судебных¹.

Необходимость внимательного отношения к деятельности международных контрольных органов в первую очередь можно объяснить тем, что эти органы при осуществлении своей деятельности дают официальное (или авторитетное) толкование соответствующих договоров в области прав человека, в основе которого лежит обобщение на универсальном уровне практики реализации договорных положений государствами - участниками, и выявление лучшей, с точки зрения органа, модели реализации закрепленных в них прав и свобод человека.

¹ *Абдрашитова В.З.* Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского суда по правам человека: автореф... дисс. кан. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

В отличие от ранее рассмотренного механизма рецепции посредством правового заимствования действующих международно-правовых стандартов, рецепцию стандартов, содержащихся в международной правоприменительной практике, трудно отнести к процессу, находящемуся под полным контролем государства.

Первые изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены в декабре 2015 г. Согласно им «по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека»¹.

Данные изменения, как представляется, не ставят под сомнение не только само обязательство РФ по выполнению какого-либо решения согласно международному договору, но и возможность межгосударственного органа давать толкование (в том числе и «эволюционное») его положениям. Вопрос о возможности исполнения мог быть поставлен только в том случае, если возникали сомнения, что такое толкование соответствует положениям Основного Закона, обладающего высшей юридической силой.

Данная формулировка, хотя и имеет абстрактную отсылку к решениям межгосударственных органов по защите прав человека, на самом деле подразумевает, как представляется, постановления Европейского Суда по правам человека. Из всей системы международных правозащитных

¹ Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 14 декабря 2015 № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2015. № 51 (часть 1). Ст. 7229.

механизмов, признаваемых РФ, только его решения носили обязательное, а не факультативное значение для государства.

Введение нового полномочия Конституционного Суда РФ в первую очередь было продиктовано неоднозначностью выводов Страсбургского Суда в отношении отдельных жалоб по российским делам. Несмотря на то, что определенные возражения со стороны российских властей и дискуссию в научных кругах постановления ЕСПЧ вызывали и ранее¹, вопрос о необходимости какого-либо механизма проверки не поднимался, пока правовые позиции ЕСПЧ не затронули особо защищаемые с точки зрения внесения изменений статьи Конституции РФ.

Анализ данного направления деятельности Конституционного Суда представляется достаточно затруднительным в виду ограниченности соответствующей практики: во-первых, с момента обретения данного полномочия Судом прошёл достаточно ограниченный период времени и было вынесено только два Постановления², во-вторых, оба Постановления касались практики только одного такого органа - Европейского суда по правам человека. При этом, несмотря на признание Конституционным Судом невозможности их исполнения, его решения, как представляется, носили все же компромиссный характер.

Предоставленное полномочие Конституционный Суд реализовал впервые в 2016 г. при рассмотрении возможности исполнения Постановления ЕСПЧ «Anchugov and Gladkov v. Russia»³. В Постановлении Европейский

¹ Например: Постановления Европейского суда по правам человека «Pascu and others v. Moldova and Russia» (жалоба № 48787/99); «Konstantin Markin v. Russia» (жалоба № 30078/06).

² См: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5/

³ Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Anchugov and Gladkov v. Russia» (жалобы №№ 11157/04 № 15162/05) // URL:[https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:\[%22Anchugov%20and%20Gladkov%22](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:[%22Anchugov%20and%20Gladkov%22)

Суд, при отсутствии четкой регламентации со стороны Конвенции, опираясь на внутригосударственную практику государств-участников Совета Европы, при толковании ее положений, констатировал наличие общеевропейского консенсуса, согласно которому установление ограничений активного избирательного права лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, противоречит положениям Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. В результате вывод Суда вступил в противоречие с четким установлением ст. 32 Конституции РФ, согласно которой граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными. Особый статус 2 главы Конституции РФ не позволял исполнить данное Постановление путем внесения изменений в текст Основного Закона.

Вместе с тем, несмотря на признание Конституционным Судом невозможности исполнения Постановления в части мер общего характера, его позиция, изложенная в Постановлении,¹ носит достаточно компромиссный характер, она не исключает возможность дифференцированного подхода к регулированию данного вопроса на законодательном уровне.

Конституционная реформа 2020 г. внесла изменения, которые расширили полномочия Конституционного Суда в сфере контроля в отношении актов межгосударственных органов².

Содержание п. «б» ст. 125 Конституции РФ имеет достаточно сложную структуру: в ней присутствует две группы международных органов, причины

],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22ite mid%22:[%22001-122260%22]} (да обращения: 10.04.2023).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

² *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7-24; *Кряжков В.А.* Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18-32.

проверки решений которых на конституционность различны. В первом случае речь идет о решениях межгосударственных органов, содержащих такую интерпретацию договора, которая вступает в противоречие с Конституцией РФ, во втором упоминаются международные суды, включая арбитраж, решения которых по мнению заявителей противоречат основам публичного порядка РФ. Из этого можно сделать вывод, что первая группа органов относится к международному механизму защиты прав и свобод человека, несмотря на то, что в последней редакции Закона данная конкретизация была исключена. Таким образом используемая в Конституции РФ и отраслевом законодательстве формулировка «решения межгосударственных органов» стала достаточно широкой¹, охватывающей всю систему данных международных органов. Исходя из международных обязательств в области прав человека, это могут быть как судебные органы (Европейский Суд по правам человека), так и группа правозащитных органов системы ООН: «квазисудебные» органы - комитеты по правам человека ООН, Рабочая группа по произвольным задержаниям и т.д. Отсутствие широкой практики по рассматриваемой категории дел несколько затрудняет ее анализ.

Инициаторами запроса в Конституционный Суд РФ о возможности исполнения решений межгосударственных органов могут быть Президент, Правительство, Верховный Суд, Генеральная прокуратура Российской Федерации. По сравнению с предыдущими редакциями Закона данный перечень расширился и стал более конкретным². Таким образом в рамки данной процедуры были вовлечены все органы и должностные лица, являющиеся гарантами Конституции РФ, в компетенцию которых входит принятие мер по исполнению решений межгосударственных органов, а также связанные с обеспечением представительства и защиты интересов РФ в

¹ Ромашов П.А. О некоторых новых полномочиях Конституционного Суда РФ // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов. Сборник научных статей / Отв. ред. В.Г. Голубев, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 132.

² Перечень субъектов на обращение за несколько лет подвергался корректировке, как и сама формулировка данной статьи: См.: СЗ РФ. 2015. № 51 ст. 7229; СЗ РФ. 2020. № 46. ст. 7196.

межгосударственных органах, иностранных и международных судах. При этом Генеральная прокуратура «принимает решение об обращении в Конституционный Суд на основании заключения федеральных государственных органов, в компетенцию которых входит принятие мер по исполнению решений межгосударственного органа». ФКЗ допускает возможность обращения в том случае, если заявитель сталкивается с проблемой невозможности исполнения решения межгосударственного органа, так как оно основано на таком истолковании международного договора Российской Федерации, которое вступает в противоречие с конституционными положениями. Причем, как представляется, данное несоответствие выявляется непосредственно в процессе реализации решения. Поэтому в случае вынесения Конституционным Судом решения о констатации невозможности (полностью или частично) исполнить решение международного органа, совершение каких-либо действий, в том числе принятие актов, направленных на исполнение такого решения, не должны реализовываться на территории Российской Федерации.

Пределы проверки по данному направлению конституционного контроля определены очень лаконично в отличие от других категорий дел, рассматриваемых Конституционным Судом (ст. 86 ФКЗ). Здесь речь идет исключительно о соответствии конституционным положениям интерпретации договора международным органом.

Вопрос о необходимости проверки решения международного органа исключительно в отношении аспекта истолкования международного договора, связан в первую очередь с тем обстоятельством, что сами международные договоры, в установленном порядке подписанные, ратифицированные и являющиеся частью правовой системы Российской Федерации, считаются соответствующими Конституции РФ. Данный тезис нашел отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21- П. В нем Конституционный Суд отметил, что «международный договор, который при присоединении к нему РФ как по своему буквальному

смыслу, так и по смыслу, предававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, соответствовал Конституции РФ, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточной степени абстрактности его норм) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции РФ, прежде всего относящимся к правам и свободам человека и гражданина, основам конституционного строя, а также государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции РФ»¹.

Согласно законодательству, Конституционный Суд может вынести одно из трех решений: констатирующее возможность исполнения решения в целом, исполнение в части, и о полной невозможности исполнения решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Конституции РФ реализован определенный баланс между возможностью рецепции (восприятием) российской правовой системой международно-правовых стандартов, способствующих ее развитию, выполнением государством своих международных обязательств и наличием системы механизмов, препятствующих проникновению в систему тех элементов международного права, которые вступают в противоречие с отдельными ее компонентами, нивелируют национальные культурные, правовые и иные ценности². Причем эталонным критерием во всех случаях выступает в силу своей особой правовой природы Основной закон.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

² *Ряховская Т.И.* Этапы и пределы интернационализации конституционного права России // Вестник ВУиТ. 2022. № 2 (101). С. 55.

§ 4. Влияние процесса интернационализации на закрепление и реализацию конституционных ценностей

Конституция, являясь основополагающим законодательным актом страны, обладает ярко выраженной способностью отражать в концентрированном виде наиболее важные ценности государства и его народа, учитывать характерные черты исторического развития, уникальность культурного наследия, а также определять основные направления государственного развития¹. Исходя из содержания общепризнанных международных принципов, как уже отмечалось, каждое государство обладает исключительным правом определения своего, уникального «набора» конституционных ценностей, формируя тем самым свою национальную конституционную идентичность.

Специфика закрепляемых конституцией ценностей определяется ее правовой природой, что позволяет выделить такие их признаки, как верховенство, историческая обусловленность, иерархичность, высокая степень стабильности².

С точки зрения Н.В. Витрука «конституционные ценности – объекты реальной действительности, признанные в качестве основных ценностей и нашедшие свое закрепление и гарантирование в использовании, реализации, охране и защите в Конституции Российской Федерации»³.

И.А. Карасева предлагает определять конституционные ценности «как блага, воплощенные в различных юридических формах (нормах—принципах, правах и свободах, иных нормах наиболее общего характера), закрепленные в

¹ Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни. Избранные научные труды. М., 2013. С. 84.

² Снежко О.А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение 2005. № 2 (51). С. 14.

³ Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции и 60-летию Всеобщей декларации прав человека (Санкт-Петербург, 13-14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2009. С. 270.

конституции и выводимые из ее содержания путем официального толкования»¹.

Основываясь на научной доктрине, можно сделать вывод, что провести четкую границу между такими категориями, как «конституционные ценности», «конституционный принцип» достаточно трудно, однако можно предположить, что провозглашаемые ценности стоят несколько выше принципов и порождают последние. В некоторых случаях между ними ставится знак равенства. Так или иначе, эти две категории выполняют одну и ту же функцию: определяют базовые идеи, которые и делают Основной Закон таковым.

Конституционные ценности современных государств представляют собой достаточно сложную и разветвленную систему, элементы которой могут различаться по объему и месту в иерархии. Как правило, к наиболее важным, конституционным ценностям относят демократию, права и свободы человека и гражданина, суверенитет, государственное устройство, разделение государственной власти и т.д.². При этом необходимо отметить, что некоторые из них в силу высокой степени обобщения, обладают сложной внутренней структурой, состоящей из целой совокупности отдельных элементов. Например: права и свободы человека как конституционная ценность включают целый ряд отдельных структурных элементов, таких как право на жизнь, свобода и личная неприкосновенность и т.д., Кроме того, распределение конституционных ценностей по тексту Конституции неравномерно. В наибольшей степени они сконцентрированы в преамбуле, главах, посвященных основам конституционного строя и правам и свободам человека. Одной из главных функций конституционных ценностей является стабилизация конституционного строя, что положительным образом влияет

¹ Карасева И.А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда российской Федерации и зарубежных стран: автореф...дис. канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.

² Саликов М.С., Нечкин А.В. Конституционные ценности современного российского государства // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 71-72.

на жизнь общества и государства¹. Кроме того, они способствуют пополнению текста конституции новыми положениями, по сути, выходящими за пределы конституционных положений².

Процесс интернационализации конституционных текстов, характерный для современного этапа общественного развития, приводящий к их постепенной унификации, нивелированию содержащихся в них отдельных национальных особенностей, в значительной степени актуализировал вопрос о закреплении и реализации конституционных ценностей. Различные аспекты проблемы последних были затронуты в работах Б.С. Эбзеева³, В.В. Мамонова⁴, В.Е. Чиркина⁵, В.Д. Зорькина⁶, С. А. Авакьян⁷ и многих других.

Процесс интернационализации в определенной степени снижает объем конституционных ценностей, которые можно отнести к формирующим национальную конституционную идентичность государства. Широкое участие государств в многосторонних международных договорах, членство в международных организациях способствует процессу формирования международных стандартов в области традиционных конституционных ценностей (демократия, права человека и т.д.), что ставит под сомнение их восприятие как элемент исключительно национальной конституционной идентичности.

¹ *Комкова Г.Н.* Модификация современной Конституции России // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, выпуск 1. С. 90.

² *Гарлицкий Л.* «Конституционные ценности и Страсбургский суд // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6 (67). 81.

³ *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. М.: Юрид. лит., 2005. - С. 122.

⁴ *Мамонов В.В.* Конституционные ценности современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 125-132.

⁵ *Чиркин В.Е.* Общечеловеческие ценности и российское право // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 64–76.

⁶ *Зорькин В. Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 7-20.

⁷ *Авакьян С. А.* Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Социальные интересы. 2001. № 4. С. 44-47.

В свете данного подхода, представляется, что все конституционные ценности необходимо разделить на две большие группы: универсальные или общечеловеческие ценности и национальные конституционные ценности.

Анализ конституционных текстов показывает, что какого-то единого перечня общечеловеческих (высших) ценностей не существует. В каждом конкретном случае он определяется государствами самостоятельно. В большинстве случаев к ним относят свободу, равенство, гуманизм, мир, справедливость, благополучие и т.д.

Анализ большинства текстов современных конституций демонстрирует определенное сходство отдельных ценностных конституционных установок в различных странах мира. Учитывая данный факт, можно предположить, что процесс интернационализации национального права, в определенной степени затрагивает и ценностные конституционные установки, что позволяет говорить о наличии общечеловеческих (универсальных) ценностей, т.е. тех, которые признаются всеми без исключения государствами. Прямое упоминание о приверженности общечеловеческим ценностям получило широкое распространение в текстах конституций, особенно новых.

Они имеют значение для каждого человека вне зависимости от гражданства, отражают современные тенденции, в том числе сложившиеся в области межгосударственных отношений. При этом в текстах конституций подтверждается верность общечеловеческим ценностям в целом, без какой—либо конкретизации (Конституция Армении 1995 г.), либо такие ценности перечисляются. Так, в преамбуле Конституции Болгарии провозглашена приверженность таким общечеловеческим ценностям, как: «свобода, мир, гуманизм, равенство, справедливость и терпимость».¹

В Конституции Бразилии «социальные и личные права, свобода, безопасность, благосостояние, развитие, равенство и справедливость» провозглашены как высшая ценность. В некоторых случаях события,

¹ Конституция Болгарии 1991 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=120> (дата обращения: 20.09.2020).

которые предшествовали или стали причиной смены конституций, налагают свой отпечаток на провозглашаемые государством общечеловеческие ценности: Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. основывается «на уважении достоинства, свободы и равенства людей, стремлении к миру, терпимости и примирению».

Как представляется, указание на желание народа занять «достойное место в мировом сообществе» (Казахстан) или на осознание себя как часть мирового сообщества (Российская Федерация) можно также воспринимать как дополнительное подтверждение приверженности государства общечеловеческим и универсальным ценностям.

Эффект общности конституционных ценностей усиливается в странах одного географического региона в силу общности их исторического, культурного, правового, религиозного развития¹. Более того, многие из ценностей получают не только конституционное закрепление, но и отражаются государствами в текстах заключаемых ими международных договоров и актах международных организаций². Такое «двойное» закрепление, как представляется, свидетельствует о возможности выделения как отдельных видов общечеловеческих (универсальных), так и региональных конституционных ценностей. Соответственно, основываясь на данном подходе, можно выделить и третью группу конституционных ценностей, которые характерны исключительно для данного государства, т.е. национальные конституционные ценности.

Как представляется, от общечеловеческих ценностей, получивших закрепление в текстах конституций, следует отличать универсальные международные ценности, такие как верховенство права, демократия, права человека, народовластие. В последнем случае речь идет о фундаментальных

¹ Бурла В.М. Система ценностей в конституциях государств-членов Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2022. С. 4.

² Комарова В.В. Интернационализация институтов и ценностей демократии: Тенденции и проблемы // Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография /Под. ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. – М.: ИГП РАН, 2017. С. 168.

ценностях, которые также получили широкое распространение в конституционных текстах, но в отличие от общечеловеческих, имеют определенное правовое содержание, содержатся в универсальных международных договорах, актах универсальных международных организаций, и имеют либо правовую фиксацию, либо закрепление характеризующих эти ценности признаков.

Какое бы значение ни имели б универсальные или региональные ценности, основной массив работы по отстаиванию и защите таких ценностей принадлежит исключительно внутригосударственному уровню.

Процесс интернационализации ценностей в определенной степени размывает национальные конституционные ценности, нивелирует национальную конституционную идентичность¹, вместе с тем, как показывает международная и внутригосударственная практика их реализации, универсальные и региональные ценности в первую очередь зависят от внутригосударственной политики. Кроме того, внутригосударственная практика реализации в определенной степени является первичной, именно она наполняет универсальные и региональные ценности конкретным содержанием.

Некоторое совпадение в провозглашении ценностных установок в Уставе ООН и в конституционных текстах можно встретить достаточно часто, и, как правило, частота их появления возрастает именно в послевоенный период. Это свидетельствует о наличии определенной взаимосвязи между национальными правовыми ценностями и ценностями, получившими закрепление в международном праве. Однако последнее не должно трактоваться как безусловное и первичное влияние международно-правовых норм в этом процессе, и соответственно признание примата

¹ *Несмеянова С.Э.* Конституционное правосудие в условиях глобализации // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2018. С. 30-34.

международного права над национальным. Положения Устава ООН, хотя и были «прорывными» для действующего на тот момент времени международного права, включая ценностные установки, но они не формулировались с нуля, а являлись отражением господствующих в национальных обществах идей и намерений, положений и ценностных установок национального законодательства, национальных внешнеполитических интересов.

Права человека как ценность утвердились благодаря концепции естественного права, получившей закрепление задолго до Устава во французской Декларации прав человека и гражданина, Билле о правах в Великобритании и США, и т.д. В этом ряду стоит также назвать первые акты советской власти, которые оказали значительное влияние на развитие международного права¹. В них были впервые провозглашены равноправие и суверенность народов, свободное самоопределение², справедливый и демократичный мир и ряд других³. В связи с этим многие положения Устава необходимо рассматривать как субсидиарное (вторичное) закрепление этих национальных устремлений.

Формируясь исключительно путем согласования волеизъявлений участников, путем взаимных уступок и компромиссов, международное право аккумулирует в себе все положения, по которым у участников нет расхождений. Это в равной мере относится и к правовым ценностям. На универсальном (глобальном) уровне, прежде всего, отражаются те обобщенные установки, которые разделяются всеми и к достижению которых стремится большинство государств, вне зависимости от своих культурных, правовых и иных особенностей.

¹ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 152.

² Декларация прав народов России, принятая Советом народных комиссаров РСФСР 17 ноября 1917 г. // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307> (дата обращения: 23.11.2020).

³ Декрет о мире, принят II Всероссийским Съездом Советов 26 октября 1917 г. // URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111503-dekret-o-mire-prinyat-ii-vserossiyskim-sezdom-sovetov-26-oktyabrya-8-noyabrya-1917-g> (дата обращения: 23.11.2020).

Вместе с тем для процесса глобализации, результатом которого можно считать появление универсальных ценностей, характерен и другой процесс – регионализация, т. е. формирование ценностных установок, учитывающих правовые и иные традиции, культурную, историческую особенность географического региона, что в определенной степени иногда трактуется как противовес процессу универсализации. Однако это не совсем так. В этом плане можно согласиться с мнением Е.А. Лукашовой¹, согласно которому это скорее стремление регионов подстроиться под универсальные стандарты, дополнить их региональными элементами в целях развития. Действительно, на региональном уровне, где между участниками прослеживается большая общность, приводит к расширению круга ценностных установок или наполнению содержания универсальных новыми элементами, характерными для соответствующего международного сообщества. При этом необходимо отметить, что в большинстве случаев на региональном уровне подчеркивается неразрывная связь между двумя этими уровнями.

Например, подобное положение содержит и преамбула Африканской хартии прав человека и народов, в которой государства дали «торжественное обещание... содействия международному сотрудничеству, проявляя при этом должное уважение к Уставу ООН и Всеобщей декларации прав человека»². Таким образом, Хартия, принятая под влиянием универсальных ценностных установок в области прав человека, в своем тексте содержит достаточно четкую привязку к региональным особенностям стран Африканского континента³.

Первостепенное значение в формировании и развитии ценностных установок имеет внутригосударственное право. Некоторые из

¹ Лукашова Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 50-52.

² Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. // URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instate/Rz1afchar.html> (дата обращения 12.12.2020).

³ Keba Mbaye, Les droits de l'homme en Afrique (Paris, Editions A. Pedone/Commission Internationale de Juristes, 1992), p. 161.

провозглашаемых ценностей, таких как демократия, права человека, верховенство права и т.д., находятся в постоянном развитии, и совершенствование механизмов их защиты возможно только благодаря «положительным» изменениям, которые происходят во внутригосударственном праве. Международная система в силу определенных причин не имеет необходимой базы к их продуцированию. Имеющиеся различия между государствами позволяют на международном уровне сформировать представление о лучшей правовой модели закрепления и реализации этих ценностей¹. Т.е. без национальной практики защиты тех или иных ценностей, их аналог на международном уровне утратил бы тенденцию к развитию, и стал бы статичным. Анализ такой конституционной ценности как уважение прав и свобод показывает, что действующие международные механизмы и имеющиеся в их распоряжении ресурсы не рассчитаны на их защиту изолированно от внутригосударственного механизма. Кроме того на внутригосударственном уровне стандарты прав и свобод зачастую значительно выше, чем на международном.

С другой стороны, первичность конституционных (внутригосударственных) ценностных установок не означает, что универсальные установки в конечном итоге не влияют на конституционные. Утверждение конституционных ценностей в международных документах способствует их стабилизации, более широкому их распространению и развитию.

Единство человечества, приверженность важным для мирового сообщества ценностям, в том или ином виде находят закрепление в тексте большинства современных конституций. Подтверждением этого могут быть действия государств, свидетельствующие об одобрении международных документов, закрепляющих эти ценности (голосование за принятие соответствующего акта международной организации или выражение

¹ Аничкин Е.С., Рудт Ю.А. Соотношение универсальных и национальных ценностей в странах Европейского Союза // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 2(29). С. 87.

согласия на обязательность для себя соответствующего договора), а также текст национальных конституций, в которых содержится желание следовать универсальным или общечеловеческим ценностям (Польша), международному правопорядку (Бразилия). Помимо прямого признания можно выделить косвенное или подразумеваемое признание. Свидетельством такого принятия универсальных (общечеловеческих) ценностей можно считать общее, без конкретизации, указание на это, как это сделано в преамбуле Конституции РФ, в которой отмечается, что многонациональный народ России осознает себя частью мирового сообщества. Еще одним фактором косвенного признания можно считать включение международных договоров и других элементов международного права, содержащих, в том числе и ценностные установки, в правовую систему страны.

Как правило, в текстах национальных конституций не указывается конкретный источник, содержащий перечень международных ценностей. Однако в некоторых случаях можно встретить прямое указание на такие документы. Так, в Конституции Румынии в ст. 20 указывается, что толкование и применение конституционных положений о правах и свободах граждан осуществляется в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека, международными пактами и другими договорами, стороной которых Румыния является, при этом устанавливается приоритет международного правового регулирования¹.

Вместе с тем выявить исчерпывающий для всех перечень международных ценностей, которые разделяются всеми государствами, не представляется возможным, да и международное сообщество не ставит такой задачи. Это определяется целым рядом факторов: отсутствием специального документа, содержащего перечень таких ценностей, национальными и иными особенностями каждого государства, а также отсутствием единой системы связывающих их договорных обязательств.

¹ Ст. 20 Конституции Румынии 1991 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=111> (дата обращения: 14.12.2020).

Международные документы, в которых находят отражение международные ценности, различны по своей природе. Безусловно главенствующее место среди них занимает Устав ООН, в силу своего статуса и значения его можно отнести к основополагающим документам в данной области. В нем утверждаются такие ценности как мир, безопасность, справедливость, равноправие, прогресс и т.д. Указание на некоторые из них в тексте Устава делается неоднократно, в отдельных случаях предусматривается соответствующий механизм для отстаивания данных ценностей Организацией. Однако, как представляется, права и свободы человека занимают среди перечисленных ценностей особое место. Государства—участники ООН «преисполнены решимости...вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин...».

Подводя промежуточные итоги своей деятельности, ООН неоднократно подчеркивала, что Организация прилагает все усилия в реализации общих ценностей человечества. В Декларации, принятой в 1970 году, Генеральная Ассамблея отмечает, что «в течение первых 25 лет ООН стремилась к содействию выполнению целей Устава в деле поощрения уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех. Международные конвенции и декларации, заключенные под эгидой Организации Объединенных Наций, являются выражением моральных принципов человечества и представляют собой гуманитарные нормы для всех членов международного сообщества»¹.

В октябре 2015 года было выражено убеждение, что «в Уставе закреплены общечеловеческие ценности, которые объединяют нас сегодня, как и семьдесят лет назад, несмотря на языковые, культурные и религиозные

¹ Декларация Генеральной Ассамблеи ООН по случаю двадцать пятой годовщины Организации Объединенных Наций (A/RES/2627) от 13 октября 1970 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2627%28XXV%29> (дата обращения: 20.10.2020).

различия»¹. Генеральная Ассамблея в одной из последних деклараций обозначила основные проблемы, угрожающие ценностным установкам Устава на сегодняшний день.

Параллельное закрепление общих ценностных установок на национальном и международном уровнях, не означает их параллельное развитие, но между ними действуют прочные связи и взаимовлияние. Закрепление универсальных, общих для всех стран ценностей на международном уровне придает им определенную стабильность, ориентируя все без исключения государства на необходимость их поощрения и защиты, в том числе и на внутригосударственном уровне².

При этом факт закрепления рассматриваемых ценностей в специальных случаях не является главенствующим: «открытость» конституции и правовой системы в целом способствует «проникновению» в них основополагающих принципов и норм международного права. Подтверждением этого может служить ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, рассматривающей принципы и нормы международного права, положения международных договоров частью ее правовой системы. Этому в принципе способствуют и существующие между ценностными установками связи, способствующие их определенной системности.

Вместе с тем, как представляется, именно аккумуляция передового национального опыта по охране данных ценностей, осуществляемая на международном уровне, способствует их дальнейшей эволюции, которая в свою очередь ведет к совершенствованию как международного, так и внутригосударственного права³.

¹ Декларация Генеральной Ассамблеи ООН по случаю семидесятилетия Организации Объединенных Наций (A/70/L/4) от 21 октября 2015 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/3> (дата обращения: 20.10.2020).

² Хабриева Т.Я. Конституция как инструмент правовых, социальных и политических преобразований // Журнал российского права 2013. № 12. С. 150-153.

³ Баранов П.П. Международное право и конституционное право Российской Федерации: современные проблемы соотношения, взаимодействия и взаимопроникновения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1. С. 89.

Помимо универсальных международных ценностей проявляются и региональные ценности, которые также закреплены в текстах международных договоров, ограниченных рамками действия конкретного географического региона. Региональное международное сотрудничество порождает формирование общих ценностей для государств-участников в различных областях взаимодействия (гуманитарных, политических экономических и иных объединений).

Характерной особенностью региональных конституционных ценностей является их большая конкретизация в силу общности культурных, религиозных и иных традиций. Кроме того, перечень общерегиональных ценностей, находящихся отражение в конституциях, в первую очередь предопределяются степенью интегрированности государств. Высокая степень интегрированности в рамках отдельных международных структур предполагает выделение в группе региональных ценностей отдельную группу — наднациональных ценностей¹.

Значительную роль в этом процессе играют региональные международные организации. Вступление в организацию означает для государства следование целям деятельности организации, восприятие провозглашенных ею ценностей. В рамках, например, европейского континента к такого рода структурам можно отнести Совет Европы, Европейский Союз и ОБСЕ. Присоединившиеся к Уставу Совета Европы государства тем самым разделяют цели Организации и утверждают «свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства права, лежащих в основе любой истинной демократии»².

¹ *Аничкин Е.С., Рудт Ю.А.* Соотношение универсальных и национальных конституционных ценностей в странах Европейского Союза // Вестник алтайской академии экономики и права. 2013. № 2 (29). С. 86-88.

² Устав Совета Европы 1949 г. // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/001> (дата обращения: 12.09.2020).

Формирование региональных европейских ценностей осуществляется и в рамках Европейского Союза. В статье 2 провозглашено, что «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств—членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин». Вместе с тем вряд ли данный перечень следует рассматривать как исчерпывающий. Анализ договорных норм позволяет расширить его такими ценностями, как устойчивый мир, солидарность, устойчивое развитие¹.

Рассмотренные ценности можно отнести к системе общеевропейских ценностей, которые позволяют определить особенности европейской идентичности. В отношении государства, чья деятельность будет идти вразрез с основополагающими принципами организации, могут быть применены соответствующие меры (ст. 8 Устава СЕ, ст. 7 Договора ЕС).

Таким образом, в рамках европейского континента была создана целая система ценностей, которая отражает в обобщенном виде наиболее существенные компоненты, характерные для государств региона.

Определенное сходство в конституционных ценностях прослеживается в африканских странах. Как правило, обращают на себя внимание ценности, которые направлены на ликвидацию остатков колониализма и направлены на свободное развитие государства, на борьбу с отдельными проявлениями дискриминации, суверенитет над природными ресурсами: суверенитет, свобода, равенство, солидарность (преамбула конституций Руанды, Южного Судана, Замбии). Аналогичные ценности провозглашаются и на международном уровне: в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., Учредительном акте Африканского союза. Африканская хартия прав

¹ *Игумнова Л.О.* Европейские механизмы диффузии универсальных ценностей и международных норм // Вестник ИрГТУ. 2012. № 1 (60). С. 233.

человека напрямую указывает на наличие ценностей африканской цивилизации, которые, по мнению участников, должны «найти отражение в формировании и содержании концепции прав человека».

Рассмотрим процесс интернационализации конституционных ценностей на примере принципа демократии.

Демократия как явление на протяжении долгого времени развивалась исключительно на национальном уровне. В связи с этим ранее данный термин не относился к общепринятым и широко применяемым в международном публичном праве. Однако анализ международных документов, принятых в рамках международных организаций и конференций за последние десятилетия, свидетельствует о том, что он является не только характеризующим элементом современного государства, но и «активно используется и реализуется в рамках международной правовой системы»¹.

Общая позиция о том, что «демократия – это универсальная ценность, основанная на свободном волеизъявлении народа, который определяет свои политические, социальные и культурные системы, и на его активном участии в решении вопросов, касающихся всех аспектов его жизни», была выражена главами государств по результатам Всемирного саммита 2005 г.²

Данные изменения в значительной степени затрагивают права и интересы государств в связи с тем, что установление каких—либо стандартов, касающихся внутренней организации государственной власти, порядка организации и проведения выборов может быть воспринято как посягательство на суверенные права государств, прямое вмешательство во внутренние дела.

Международно-правовая основа демократии достаточно специфична. Здесь отсутствуют какие—либо договорные источники, раскрывающие ее

¹ *Дадуани А.Г.* Роль Организации Объединенных Наций в содействии демократии: международно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. С. 2.

² Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 г./ / URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 20.05.2020).

понятие, характерные признаки, напрямую провозглашающие демократию как принцип современного международного права. В большинстве случаев международное закрепление аспектов, напрямую с ней связанных, раскрывается посредством рекомендательных актов международных организаций, конференций и их органов.

Лидирующие позиции на универсальном уровне в области поощрения и развития демократии принадлежат Организации Объединенных Наций. В первую очередь речь идет о поддержке демократии путем выработки единых подходов к организации и проведению выборов, рациональной организации политического процесса в государствах—членах. Организация неоднократно отмечала, что принцип демократии является основополагающим принципом, в том числе и для нее самой. Вместе с тем, в Уставе ООН 1945 г. данный принцип не только не закреплен, он ни разу в нем не упоминается. Данный факт можно объяснить историческими и международно-правовыми особенностями, существовавшими на момент принятия Устава. Во-первых, как отмечает сама Организация¹, на момент принятия учредительного акта «система демократического устройства» существовала только на территории отдельных государств, а во-вторых, как представляется, вынесение вопросов, связанных с демократией в повестку дня Организации — это результат длительной эволюции взглядов государств на такие явления, как права человека, национальный суверенитет и т.д.

Вместе с тем, в Уставе можно найти несколько связанных с понятием «демократия» принципов и норм. Неоднократно отмечалось, что определенной отсылкой к рассматриваемому понятию является его преамбула, которая гласит: «Мы народы...», тем самым делается акцент на один из основополагающих элементов демократии, указывающий, что источником легитимности суверенных государств, включая и ООН в целом, является воля народа. Кроме того, нельзя отрицать, что закрепление в Уставе

¹ Демократическое управление // URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 21.05.2020).

принципов равноправия и самоопределения народов, всеобщего уважения прав и свобод человека, а также наличие достаточно широких полномочий по поддержанию международного мира и безопасности, предоставили Организации возможность активно содействовать распространению и развитию демократических форм правления в государствах — участниках.

Принимая во внимание наличие прямой, неразрывной связи между демократией и правами человека, зафиксированной в ст. 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., можно сделать вывод, что самую многочисленную группу документов, подтверждающих концепцию о том, что демократия является одной из основных универсальных ценностей и принципов ООН, составляют договоры и иные документы, касающиеся прав и свобод человека.

Всеобщая декларация прав человека и основных свобод 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и ряд других документов закрепляют право человека на «участие в периодических нефальсифицированных выборах». Обобщая внутригосударственную практику реализации ст. 25 Международного пакта в государствах—членах, Комитет ООН по правам человека в Замечании общего порядка № 25 (57)¹ немного дополнил лаконичное содержание статьи, выявив наиболее эффективную модель реализации избирательных прав граждан. Им были сформулированы ряд правовых позиций, которые могут служить критерием оценки демократичности избирательного процесса, соответствия правоприменительной практики в государстве согласно их обязательствам по Пакту.

Однако демократию с точки зрения прав человека недостаточно воспринимать как реализацию исключительно избирательного права. Она подразумевает более широкий спектр прав, без которых построение

¹ General Comment No. 25 - The right to participate in public affairs, voting rights and the right of equal access to public service (Art. 25) CCPR/C/21/Rev/1/Add/7 // URL: <https://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 20.06.2020).

подлинной демократии невозможно: свобода выражения мнений, свобода мысли, совести и религии, свобода собраний и ассоциаций и ряд других.

Отдельную группу составляют документы, касающиеся лиц, чьи права и интересы необходимо особо учитывать при осуществлении государственной власти: права коренных и малочисленных народов, инвалидов и т.д.

Значительное внимание проблемам демократии уделяется в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН¹, Совета по правам человека². Что касается практической деятельности в поддержку демократии, то она осуществляется Департаментом по политическим вопросам и вопросам миростроительства, Программой развития ООН, Фондом демократии, Департаментом операций по поддержанию мира, а также через комитеты по правам человека ООН и Управление Верховного комиссара по правам человека.

На региональном уровне в силу более высокой степени общности государств в области культуры, экономики, схожести моделей правового регулирования, исторического развития, интеграционные процессы выражены более рельефно, в связи с чем механизм выработки общих подходов к содержанию демократии там конкретизирован в большей степени по сравнению с универсальным.

Так, в отличие от ООН, Устав Совета Европы (далее — СЕ или Организация) в своем тексте непосредственно провозглашает, что демократия является общей ценностью государств—членов Организации. В преамбуле Учредительного акта Организации, провозглашено, что «правительства...утверждая свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным

¹ Развитие и упрочение демократии. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 2001 г. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/96> (дата обращения: 20.05.2020).

² Права человека, демократия и верховенство права. Резолюция, принятая Советом по правам человека 19\36 2012 г. // URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/RES/19/36 (дата обращения: 22.05.2020).

источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства права, лежащих в основе любой истинной демократии...приняли настоящий Устав».

Роль Европейского суда по правам человека в системе органов Совета Европы по поддержанию демократии имеет ряд специфических черт. Во—первых, в отличие от актов всех других органов Совета Европы, которые носят рекомендательный характер, его решения являются обязательными для государства—участника, а с учетом их прецедентного характера, содержание его постановлений учитывается и другими государствами-участниками. Во—вторых, правовые позиции по отдельным аспектам демократии формируются Европейским судом по правам человека в первую очередь на основе положений Конвенции 1950 года и Протоколов к ней, а также на основе обобщения и анализа общеевропейского опыта построения демократии в результате реализации электоральных прав граждан¹.

По инициативе государств, органов Совета Европы Комиссия осуществляет подготовку заключений по проектам конституций, поправок к ней, а также иного конституционного законодательства, оказывает содействие в их разработке. Помимо целевых заключений публикуются и обобщенные сборники правовых позиций по конкретному правовому вопросу. Данные сборники адресованы всем заинтересованным субъектам, в том числе и членам Комиссии, столкнувшимся с конкретным правовым вопросом. При всех достоинствах стандартов, касающихся основ демократии, вырабатываемых в рамках деятельности данного консультативного органа, они не свободны от ряда недостатков. Опора на общеевропейский (или международный) консенсус не способствует выработке целостных стандартов по всем основным вопросам реализации демократии. Отсутствует однородность и в практике применения стандартов Комиссией: иногда прослеживается так называемая «практика двойных

¹ *Бояшов А.С.* Роль судей Европейского суда по правам человека в поддержании демократических норм // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 3. С. 22.

стандартов», выражающаяся в предъявлении «различных требований к западным демократиям и к странам новой демократии»¹. Помимо этого, анализ практики формирования демократических стандартов ВК позволяет сделать вывод о том, что они, хотя и направлены на формирование транснационального подхода к ключевым элементам демократии, в силу своей рекомендательной природы определяют достаточную свободу усмотрения государств относительно практики и объема их реализации.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что такие категории, как «демократия», «демократическое правление», «народовластие» перешли в разряд общечеловеческих ценностей, что во многом исключает произвольность их национальной трактовки. Формирование международного стандарта демократического правления в первую очередь происходит в рамках правозащитной деятельности международных организаций и органов. При этом международные организации не пытаются вывести единый стандарт демократии, не пропагандируют какую – либо одну ее модель. Их роль, как правило, сводится к определению и защите отдельных базисных ценностей, без которых не может существовать ни одна из форм демократии.

Подобная позиция международных организаций и международного сообщества в целом легко объяснима. Имеющиеся индивидуальные особенности у государств-членов определяют многовариантность подходов к реализации демократии, не позволяют выявить единую, образцовую модель демократии: существуют парламентские, президентские и даже монархические демократии. Совершенно очевидно, что демократия унитарного государства не может служить стандартом для демократии, существующей в рамках федеративного государства. В каждом конкретном случае модель демократии будет характеризоваться индивидуальным набором признаков и характерных черт.

¹ Гришин Н.В. Международный уровень управления в сфере избирательного процесса // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 91.

§ 5. Эволюция концепции государственного суверенитета под влиянием процесса глобализации

Вопросы государственного суверенитета всегда находились в центре научного интереса, вместе с тем, в некоторые исторические моменты заинтересованность в нем значительно возрастала. Речь в первую очередь идет о тех этапах развития, когда происходили неординарные события в жизни международного сообщества или группы государств: вооруженные конфликты, процесс трансформации сложных по своей структуре государств, возникновение новых, проблемы обеспечения мира и безопасности.

Актуализация вопроса о содержании и возможной трансформации концепции государственного суверенитета в настоящее время обусловлено интенсификацией процесса интернационализации, в связи с этим в контексте данного исследования, вопрос о тенденции трансформации понятия суверенитет в XX—XXI в. будет основополагающим.

Свидетельством интереса к рассматриваемому вопросу является тот факт, что в последнее время предпринимались множественные попытки осмыслить современную концепцию суверенитета в условиях таких изменений с точки зрения различных направлений исследований: экономики¹, философии², политологии³, права.⁴

¹ *Юрьева Н.П.* Национальный экономический суверенитет в условиях глобализации: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2009. – 34 с.

² *Рамазанов С.О.* Глобализация как социальный процесс: структурно-компонентный анализ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Тверь, 2009. – 19 с.

³ *Конуров А.И.* Государственный суверенитет в условиях глобализации: автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2012. – 42 с.; *Волков В.Н.* Суверенизация институтов российской государственной власти в условиях глобальной политико-правовой унификации: автореф. дисс. ... д-ра наук. Ростов-на-Дону, 2008. – 25 с.

⁴ *Грязев Н.И.* Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М. 2009. - 44 с.; *Пастухова Н.Б.* Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. – 45 с.; *Каламанова С.В.* Суверенитет государства в условиях глобализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 25 с.; *Моисеев А.А.* Соотношение

Предпосылкой для постановки вопроса о трансформации государственного суверенитета в рамках рассматриваемой работы явилась прогрессирующая тенденция усиления влияния на большинство сфер внутригосударственной деятельности и государственных институтов со стороны международных организаций и их органов, формирование международных стандартов в сферах, затрагивающих суверенные права государств, расширение перечня передаваемых государствами полномочий органам интеграционных объединений и легитимация этой передачи со стороны внутригосударственного права и в первую очередь конституций.

Действительно, достаточно широкий спектр отношений, составляющих саму сущность категории суверенитет уже можно назвать интернационализированными: определенные области правового регулирования (например, права человека), экономическая деятельность государства (экономический, финансовый суверенитет), обеспечение безопасности¹. Поэтому можно сказать, что вкладываемый в классическое определение суверенитета смысл с точки зрения юридической науки формально вступает в противоречие с современным его практическим наполнением².

Определенную роль играет и появление новых, несuverенных акторов в международных отношениях, таких как международные организации, объединения интеграционного характера, транснациональные корпорации, чье воздействие на внутригосударственные правопорядки возрастает, при отсутствии должного международно—правового регулирования. Такие традиционные

суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. – 43 с.

¹ *Курьянович Н.В.* Экономические аспекты национальной безопасности России в условиях глобализации: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2008. С. 7.

² *Порфильев А.И.* Национальный суверенитет в российском федерализме: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3.

признаки суверенитета, как верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость вовне, все чаще подвергаются ограничению. Отчасти с этим соглашаются даже критики концепции относительного суверенитета, отмечая, что деятельность государств на международной арене должна быть подчинена требованиям общепризнанных принципов и норм международного права.¹

Фактор глобализации в значительной степени внес коррективы как в сферу внутригосударственных, так и международных отношений. Значительный рост международных организаций, обусловленный удобством и эффективностью международного сотрудничества в рамках данной организационной формы, прервал монополию государств как единственных участников международных отношений. Не обладая большинством характеристик государств (в первую очередь суверенитетом), они между тем стали влиятельными участниками международных отношений, оказывающими значительное влияние на основных участников международных отношений путем принятия обязывающих их решений (Совет Безопасности ООН, институты Европейского Союза). Таким образом, государственный суверенитет, как один из основополагающих признаков участника международных отношений, уже не воспринимается в качестве такового. Подобные изменения многих исследователей привели к мысли о необходимости пересмотра традиционного подхода к категории «суверенитет».

Несмотря на изменения, происходящие в современном мире, государственный суверенитет остается фундаментом государственного строя большинства государств и среди основных принципов международного права. Таким образом основные положения вестфальского договора все еще остаются незыблемыми.

¹ См.: Шибалева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М., 1980. С. 48.

При этом необходимо отметить, что государственный суверенитет никогда не был абсолютным, даже в период своего становления. При этом каждый составляющий элемент государственного суверенитета так или иначе подвергался изменениям¹. Если раньше независимость государства в международных отношениях трактовалась как независимость от других государств, то после учреждения ООН она трактуется как независимость, но уже с учетом рамок, устанавливаемых основными принципами Организации. Такие же изменения касаются и территориального верховенства.

В доктрине международного и внутригосударственного права можно встретить достаточно широкий спектр подходов к определению данного понятия, и конечно оно кардинальным образом отличается от определения, данного Ж. Боденом в 1576 г. как «высшей, абсолютной и постоянной власти над гражданами и подданными в политическом обществе»².

Определение понятия «суверенитет» с одной стороны является необходимым с точки зрения того, что эта категория является определяющей характеристикой любого государства, с другой стороны попытки сформулировать для него общепризнанное, эталонное определение сталкиваются с определенными трудностями в связи с его постоянной эволюцией и наличием определенных противоречий³. Поэтому, как представляется, «несмотря на традиционность и кажущиеся простоту и обыденность рассматриваемой тематики (суверенитета), она имеет важное теоретическое и практическое значение»⁴.

¹ Ключев П.А. Проблемы суверенитета в сложных государственных образованиях: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 4.

² Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993 г. С. 368.

³ Осветимская И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Правоведение. 2017. №2 (331). С. 154.

⁴ Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 2. С. 186.

Ввиду высокой степени актуальности рассматриваемого вопроса в российской и зарубежной литературе нет недостатка в исследованиях, посвященных данной категории, однако как показывает анализ, можно столкнуться с множеством различных подходов к его определению.

Б.С. Эбзеев определяет суверенитет как «организационно-политический и функциональный, а также юридический принцип государственной власти, выражающийся в верховенстве государства на своей территории и его независимости во внешних сношениях»¹. Последние характерные черты являются доминирующими².

Таким образом, категория «государственный суверенитет» неразрывно связана с государством, определяется в качестве его основного признака³. Он «определяет все стороны бытия государства: его возникновение, конституционное оформление, установление и закрепление основ его общественного и государственного устройства, конструирование им органов государственной власти и управления»⁴. О важности это свойства свидетельствуют и конституционные нормы, закрепляя его в своем тексте в качестве основополагающего и не неотъемлемого признака, ключевыми из которых можно считать ст. ст. 3, 4, 67 и 79 Конституции РФ. В одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ, базируясь на перечисленных конституционных нормах, отметил, что «суверенитет предполагает верховенство,

¹ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. С. 395.

² Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. – М.: Издательство БЕК, 1998. С. 442; Байтин М. И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972. С. 159; Тункин Г.И. Основы современного международного права. – М., 1956. С. 15; Кабышев В.Т. Элементы понятия государственной власти // Проблемы конституционного права / Отв. ред. И.Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 20-27; Гринин Л.Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. №1. С. 87; Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963.

³ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2005. С. 92.

⁴ Манелис Б.Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент, 1964. С. 54.

независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно—правовой статус»¹.

Согласно приведенным определениям, можно сказать, что суверенитет по своей природе имеет два взаимосвязанных «измерения»: международное, согласно которому участником межгосударственного общения в полной мере могут быть только суверенные государства, и внутригосударственное. В связи с этим это явление необходимо рассматривать в этих двух «измерениях».

Сегодня принцип суверенного равенства государств (наряду с другими принципами) составляет базу для всех международных отношений. Устав ООН 1945 г. в этом плане можно назвать самым авторитетным документом, где этот принцип получил свое закрепление: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов»².

В дальнейшем принцип был подтвержден и дополнен целым рядом международных документов³. Помимо этого, он является неотъемлемой частью любого учредительного документа международной организации, в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30359.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).

² Устав ООН 1945 г. // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 12.09.2021).

³ Например: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 06.08.2022).

котором подчеркивается, что деятельность последней строится на уважении суверенных прав государства - члена¹.

Принцип суверенного равенства распространяется на все государства и налагает на государства целый ряд обязательств, согласно которым суверенитет принадлежит каждому государству без каких—либо различий. Согласно Декларации принципов международного права 1970 г. юридическое содержание принципа предполагает наличие нескольких образующих элементов: юридическое равенство государств, возможность реализации всех прав, присущих полному суверенитету; уважение каждым государством правосубъектности других государств в качестве обязательства; неприкосновенность в отношении политической независимости и территориальной целостности каждого государства; право выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы. Заключительный акт ОБСЕ 1975 г. в некоторой степени расширяет положения Декларации, указывая на то, что суверенные государства имеют право устанавливать свои законы и административные правила². При этом не стоит забывать о ряде других принципов, без учета содержания которых достаточно трудно уяснить целостное содержание рассматриваемого принципа (принцип невмешательства во внутренние дела; принцип территориальной целостности; принцип самоопределения народов).

К сожалению, в указанных документах содержится только указание на данный принцип и его составляющие элементы, но понятие суверенитета как такого не определяется.

Некоторую недоговоренность по данному вопросу проясняет национальное законодательство, и прежде всего конституции. В подавляющем числе современных конституций в качестве источника,

¹ Устав ООН 1945 Г., Устав ЮНЕСКО 1954 г. и т.д.

² Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. // URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 12. 09.2021).

обладателя суверенных прав признается народ. «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», гласит ст. 3 Конституции РФ. Как представляется, данное положение позволяет развести два понятия: государственный суверенитет и государственная власть. Данная мысль подтверждается в остальных частях конституции: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Этим подчеркивается, что все конституционные полномочия государственной власти в РФ исходят от народа через его свободно выражаемую волю¹.

Суверенитет на современном этапе с юридической точки зрения ограничен внутренним правом (в правовом, демократическом государстве) и внешним, со стороны международного права². С точки зрения влияния процесса глобализации остановимся на втором факторе.

В связи с этим встает вполне закономерный вопрос: какова степень ограничения суверенитета со стороны международного права, международных отношений, и насколько это позволяет говорить о «размывании» государственного суверенитета и правомерности постановки вопроса о его трансформации.

Современные научные исследования не дают однозначного ответа на данный вопрос. Международная практика позволяет говорить о существовании некой тенденции, которая определенным образом влияет на компетенцию государства. Говорить о возможности полного исчезновения суверенного образования пока не приходится.

Процесс глобализации, как отмечалось, привел к определенному переосмыслению ценностных установок, лежащих в основе современного миропорядка, что привело к конкуренции двух, опирающихся на разные

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации. / Общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. – М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 22.

² *Василенко В.А.* Проблемы теории международного права. Киев, 1989.

ценностные ориентации, концептуальных подхода: всеобщее уважение прав и свобод человека и принципа независимости государства как выражения суверенитета¹.

Классическая трактовка сущности суверенитета предполагает, что государства в силу данного политико—правового свойства обладают исключительным верховенством на своей территории и в международных отношениях, свободны от подчинения какой бы то ни было политической власти извне². Следовательно, определение правового статуса индивида относится к исключительному ведению соответствующего государства и любое внешнее влияние на этот процесс, может быть расценено как нарушение принципа суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела.

При этом участившиеся случаи масштабного нарушения прав и свобод человека, справиться с которыми в индивидуальном порядке государства порой просто не в состоянии, появление других глобальных проблем, а также формирование общей тенденции к гуманизации международных отношений, обусловленной, в том числе, и сходной внутригосударственной и международной политикой государств³, способствовали возникновению в данной области параллельного внутригосударственному трансграничного регулирования.

В последние десятилетия был принят солидный перечень международных документов с широким кругом участников, закрепляющих правовой статус человека и гражданина, этот свод норм налагает на государства конкретные обязательства по их выполнению.

¹ Габрелян Э.В. Суверенитет и права человека в условиях глобальной модернизации // Правоведение. 2013. № 4. (309). С. 46.

² Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципов современного международного права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. – М.: Наука, 1989. С. 54.

³ Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

Международно-правовое регулирование прав и свобод, особенно если речь идет об универсальном уровне, способствует установлению единого стандарта правового регулирования и гарантию их защиты для любого индивида вне зависимости от места его нахождения и гражданства.

Основываясь на этом, сторонники альтернативной концепции делают акцент на приоритетном значении прав и свобод человека по сравнению с принципом государственного суверенитета, исходят из доминирования международного регулирования по этому направлению над национальным правом. Логическим следствием такой позиции может стать «возможность вмешательства во внутренние дела государства в случае установления нарушения универсальных стандартов прав человека»¹. Так, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, выступая с лекцией в Кембриджском университете, заявил, что «закрепленный в Уставе ООН принцип суверенитета государств не должен позволять их правительствам беспрепятственно попираť права своих граждан. В то же время он подчеркнул, что принцип суверенитета остается основой международного права, а военная интервенция в страну с целью защиты ее граждан должна быть «последним средством»².

Права человека на сегодняшний момент находятся в перманентной повестке дня международного сообщества и можно сказать, что они заложили основу для возникновения новых (или придали новое измерение существовавшим) направлений межгосударственного сотрудничества и международной стандартизации (демократия, обеспечение мира и безопасности, экология и т.д.)³.

¹ Габрелян Э.В. Суверенитет и права человека в условиях глобальной модернизации // Правоведение. 2013. № 4. (309). С. 47.

² Генсек ООН: суверенитет государств не должен препятствовать защите прав человека. ТАСС // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2637796> (дата обращения: 01.02.2022).

³ Косолапов М.Ф. Принцип демократии: транснациональное измерение // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 3. С. 41.

При рассмотрении вопроса о влиянии процесса универсализации (или европеизации) прав и свобод человека на реализацию принципа государственного суверенитета невозможно избежать обращения к положениям внутригосударственного и прежде всего конституционного права. Наибольшее значение при этом приобретают две российские конституционные нормы: согласно ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», и ч.1 ст. 17, где провозглашено, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». В современном конституционном праве подобный подход к правовому регулированию прав и свобод характерен для большинства демократических государств.

Таким образом, наличие подобных конституционных положений может трактоваться как признак отступления государств от традиционных подходов к определению содержания государственного суверенитета, изъятие прав и свобод из-под государственного регулирования и перевод их на международный (надгосударственный уровень), или как минимум легитимации со стороны государства параллельного правового регулирования статуса индивида со стороны международного права. Эффект еще более усиливается, если принять во внимание, что в ряде случаев государствами предусмотрено наличие специально созданного международного механизма «в целях рассмотрения прогресса, достигнутого государствами-участниками в выполнении обязательства»¹.

Поэтому логическим продолжением приведенных выше конституционных норм можно считать ч. 3 ст. 46, в которой Конституция

¹ Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.; Конвенция о правах ребенка 1989 г.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и т.д.

РФ предусматривает право на обращение граждан и других физических лиц, находящихся на территории Российской Федерации, правом в соответствии с международными договорами обращаться в международные органы для защиты прав по исчерпанию внутригосударственных средств защиты.

Вместе с тем, как представляется, приверженность государств, помимо внутригосударственных гарантий, к международным стандартам прав и свобод человека, свидетельствует об общей ценностной переориентации демократических стран.

Вместе с тем, связывать данную тенденцию современного международного и внутригосударственного права с переформатированием классической трактовки принципа государственного суверенитета под влиянием процесса глобализации будет не совсем верным. Речь скорее идет о смене ценностных приоритетов современных демократических государств в сторону реализации и защиты прав и свобод человека. Действующие международные стандарты прав человека - это не навязанные извне правовые установки, а результат добровольного волеизъявления государств, которое, помимо прочего, основывается на внутригосударственной практике в данной области. Признавая юрисдикцию международных контрольных органов, государство создает условия, чтобы периодические сбои во внутригосударственном механизме защиты прав были компенсированы, и права человека были гарантированно защищены. Тем самым достигается закрепленная в Конституции высшая ценность прав и свобод.

На сегодняшний день наличие международного механизма защиты прав человека ни в коей мере не может составить конкуренцию существующим внутригосударственным гарантиям. Государство остается основным субъектом, на котором лежит обязанность признания, соблюдения и защиты прав человека (ст. 2 Конституции РФ). «Они

определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти», обеспечиваются в первую очередь национальным правосудием (ст. 18 Конституции РФ)¹. В принципе, формирование и реализация прав и свобод человека невозможно представить вне государства, не зависимо от того, в какой степени они закреплены на международном уровне и каков межгосударственный механизм их защиты.

Каталог прав и свобод на внутргосударственном уровне, в силу объективных причин, как правило, обширнее международного. Международные стандарты прав человека из-за экономических, культурных, правовых особенностей государств будут носить усредненный, минималистичный характер, охватывая только основные, наиболее важные для индивида права и свободы, в отношении которых государства достигли консенсуса. Так, международно-правовое закрепление права на жизнь во Всеобщей декларации прав человека фиксируется в достаточно общей форме, без какой-либо детализации относительно гарантий его осуществления. Такой важный вопрос как применение смертной казни оставлен без рассмотрения. В Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. данное право провозглашается как неотъемлемое право, хотя с определенными ограничениями, но предусматривает вариант применения смертной казни за тяжкие преступления на основании закона. Таким образом, положения Пакта, несомненно, защищая право на жизнь, основываются на компромиссном варианте, объединяя общим обязательством страны, в которых этот вид наказания предусмотрен законодательством, и те, где он не применяется. Показательна в этом плане практика Российской Федерации, которая в

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с изм. от 4 октября 2022 г.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416; Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 03.07.2022).

период членства в Совете Европы, в рамках которого был принят Протокол № 6¹ к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., предусматривающий отмену смертной казни, воздержавшись от его подписания, тем не менее, ввела мораторий на ее применение, несмотря на то, что данный вид наказания допускается согласно внутреннему праву. В данном случае это решение было принято не в силу того, что государство являлось членом Организации и участником ранее принятого соглашения, а исключительно по своей суверенной воле в целях достижения максимально возможного обеспечения данного права². Как представляется, это подтверждает ранее высказанный тезис о том, что внутригосударственное законодательство в ряде случаев может закреплять более высокий уровень прав и свобод.

Таким образом, установление международных стандартов имеет вторичное происхождение, производное от внутригосударственных стандартов прав человека. Государства при заключении договора в области прав человека дают согласие только на то, что не будет противоречить их внутреннему праву.

Из практики функционирования международного контрольного механизма также можно сделать вывод, что импульсом к последующему развитию международного стандарта прав человека являются объективные изменения внутригосударственной практики государств-участников

¹ Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни 1983 г. // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=114> (дата обращения: 21.09.2021).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 N 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2020).

соглашения. Любые дополнения, вносимые в текст соглашения (или эволюционного толкования, основанного на обобщении правоприменительной практики) диктуются сформировавшимися тенденциями в законодательстве большинства участников соглашения¹.

В этом плане можно согласиться с мнением Ю.А. Тихомирова о первичном юридикообразующем значении внутреннего права, поскольку именно суверенитет государства предопределяет правообразование внутри и вне разных сфер жизни общества².

Также необходимо отметить, что в некоторых случаях содержание и реализация международных стандартов в области прав человека зависят от внутригосударственных условий. В этом плане показательна ст. 2 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Согласно ч. 1 указанной статьи Пакт возлагает на каждое государство обязательство «принимать в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенное полное осуществление» провозглашенных в нем прав. Ч. 3 Пакта делает оговорку о том, что «развивающиеся страны могут с надлежащим учетом прав и свобод человека и своего народного хозяйства определять, в какой мере они будут гарантировать признаваемые в настоящем Пакте экономические права лицам, не являющимися их гражданами». Таким образом развивающиеся страны получили возможность претворять положения акта постепенно, исходя из своих социально—экономических условий. При этом Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в своей практике большое значение придает концепции «постепенного проведения в жизнь»

¹ Например, практика подготовки Замечаний общего порядка в Комитетах по правам человека.

² *Тихомиров Ю.А.* Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3-12.

соответствующих прав и свобод при оценке выполнения государством закрепленных в Пакте обязательств¹.

В некоторых случаях в качестве признака ограничения государственного суверенитета в связи с защитой прав человека приводится аргумент существования международных контрольных органов в этой области, в том числе с правом принятия решений, обязательных для исполнения государствами—участниками. Сегодня на международном уровне действительно существует достаточно разветвленная и неоднородная по своей природе система органов и организаций. На универсальном уровне это, как правило, система самостоятельных по отношению друг к другу комитетов, являющихся квазисудебными органами. Создание таких органов предусматривается специальным договором (или иным международным актом)² или их правовой статус включен в текст соответствующего договора по правам человека³.

Несомненно, само их появление поставило под вопрос классическое представление о государственном суверенитете, так как правозащитная функция всегда является исключительно внутригосударственным аспектом деятельности, но приводит ли это к ущемлению государственного суверенитета? Как представляется, это не совсем так. Во-первых, создание такого рода органов не означает передачу всех полномочий или вернее обязанности государства обеспечить всем лицам, находящимся на их территории, защиту нарушенных прав. Например, Конституция РФ возлагает эту обязанность прежде всего на органы

¹ General comment No. 1: Reporting by States parties // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCESCR%2fGEC%2f4756&Lang=ru (дата обращения: 20.22.2021).

² Второй факультативный протокол к пакту о гражданских и политических правах // URL: <https://undocs.org/ru/E/RES/1985/17> (дата обращения: 29.09.2021).

³ Комитет по правам ребенка 1989 г.; Комитет по правам женщин // URL: <https://www.ohchr.org> (дата обращения: 29.09.2021).

государственной власти государства¹. Об этом свидетельствуют сразу несколько статей Конституции РФ (в первую очередь ст. 46, а также ст.ст. 17, 18, 71, 72). Статья 46 Конституции, предусматривая гарантию судебной защиты прав и свобод, создает важную и эффективную предпосылку реализации провозглашенных в ст. 2 Конституции РФ положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита это обязанность государства². Право на обращение в международные контрольные органы у индивида появляется только в том случае, если он использовал для этих целей все внутригосударственные средства защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ).

Что касается международного механизма, то он, в том виде, в котором он существует на данный момент, не располагает необходимыми возможностями самостоятельно гарантировать реализацию и защиту прав и свобод человека. Природа международных органов носит по отношению к внутригосударственному механизму защиты субсидиарный характер (с лат. *subsidiarius* – «резервный», «дополнительный»). Характеристика международного механизма как дополнительного содержится в самих международных соглашениях, которые предусматривают ряд условий, при которых индивид может подать жалобу на предполагаемое нарушение его прав и свобод в эти органы, главным из которых является исчерпание внутригосударственных средств защиты. Кроме того, решения комитета носят для государств рекомендательный характер.

Таким образом, право на обращение в международные органы за защитой своих прав не стоит рассматривать как умаление

¹ Комарова В.В. Деятельность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере политических прав: современные вызовы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 64-75.

² Комментарий к Конституции Российской Федерации. /Общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. – М.: Фонд «Правовая культура», 1996. – С. 207.

государственного суверенитета¹, а скорее как способ достижения государством наибольшей защиты провозглашенных в конституции ценностей².

Однако, параллельное существование двух концепций все же нельзя назвать бесконфликтным. В большинстве случаев государства положительно относятся к практике международного правозащитного механизма. Так, например, Конституционный Суд РФ в одном из своих Постановлений отметил: «не только Конвенция о защите прав человека и основных свобод, но и решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими ... дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, ... – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права»³. Схожие правовые позиции были сформулированы и Пленумом Верховного Суда РФ⁴.

Вместе с тем, озабоченность национального правительства, практических работников и ученых вызывают отдельные решения международных органов, констатирующих нарушение прав человека со

¹ *Несмеянова С.Э.* Роль Конституционного Суда в развитии конституционного законодательства // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения. Материалы VII Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 69.

² *Грачева С.А.* Конституционный путь к доктрине субсидиарности в международном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 63.

³ П. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошика, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision36802.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8352/> (дата обращения: 10.01.2022).

стороны государства¹. В первую очередь речь идет о международных судебных органах, обладающих правом принимать обязательные для государств—участников решения. В случае с Российской Федерацией такая ситуация неоднократно возникала в период ее членства в Совете Европы.

Среди постановлений, вызвавших широкую дискуссию, можно выделить Постановление «Konstantin Markin v. Russia», (жалоба № 30078/06) от 22 марта 2012 г., а также Постановление «ОАО Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia», жалоба № 14902/04) от 31 июля 2014 г. Также подвергались критике Постановления «Alekseyev v. Russia», от 21 октября 2010 г.², «Republican party of Russia» от 12 апреля 2011 г.³, «Anchugov and Gladkov v. Russia» от 4 июля 2013 г.⁴ и т.д.

Высказывались мнения о политической мотивированности деятельности Европейского Суда по правам человека⁵, о злоупотреблении правом на эволюционное толкование отдельных прав и свобод без учета национальных и иных особенностей государства⁶, а также выход за рамки

¹ Кротов А.В. Пределы государственного суверенитета в постановлениях Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8 (87). С. 78-80; Кожеуров Я. С. Споры о соотношении Конституции России и Европейской конвенции о защите прав человека: можно ли избежать цугцванга? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 49-54.

² Зорькин В.Д. Предел уступчивости // РГ. № 5325 от 29 октября 2010 г.

³ Эбзеев Б.С. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Республиканская партия России против России», или утраченные иллюзии о гармоничной преемственности общеевропейских правовых стандартов // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 545-555.

⁴ Романовский Г. Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения конституционного Суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран // Lex Russica. 2017. №2 (123). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-anchugova-i-gladkova-i-resheniya-konstitutsionnogo-suda-rf-organov-konstitutsionnogo-kontrolya-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 07.01.2022).

⁵ Путин не исключил возможность выхода РФ из-под юрисдикции ЕСПЧ. Интерфакс. 24 августа 2014 // <https://www.interfax.ru/russia/391379> (дата обращения: 10.12.2021); Василий Коннов проиграл дело против Латвии. Коммерсант от 19 мая 2010 г. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1370699> (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ Зорькин В. Россия и Страсбург: проблемы реализации Конвенции о правах человека // РГ от 21.10.2015. № 238 (6809).

своей субсидиарной природы¹. Особенно чувствительным для государств являются те случаи, когда правовые позиции ЕСПЧ «вторгаются» в конституционно—правовую сферу.

Согласно конвенционным нормам, ЕСПЧ не наделен правом создания новых правовых норм, он позиционируется только как правоприменитель и толкователь норм Конвенции о защите прав и основных свобод, а «высокие договаривающиеся стороны обязуются обеспечить каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права, и свободы, определенные в настоящей Конвенции». Как отметил в своем отдельном мнении судья Зекиа в деле «Golder v. the United Kingdom»,² для государств-участников Совета Европы не должно существовать обязательств, не закрепленных в Конвенции 1950 года.

Совершенно очевидно, что Европейский Суд по правам человека не относится к положениям Конвенции, а именно к объему и содержанию закрепленных в ней прав и свобод, как к чему—то статичному, неизменному. Он неоднократно заявлял о том, что содержание прав и свобод должно определяться, исходя из изменения исторических, социальных и культурных условий, что необходимо рассматривать Конвенцию как «живой инструмент» правового регулирования, что ее положения необходимо толковать с целью повышения требований правового стандарта, применяемого в области защиты прав человека и основных свобод³.

¹ *Оганесян Т.Д.* Процедура пилотного постановления Европейского Суда по правам человека: правовая сущность и содержание // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 130.

² См. Постановление Европейского суда по правам человека «Golder v. the United Kingdom» (жалоба № 4451/70) от 21 февраля 1975 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.08.2016).

³ См.: Постановление Европейского суда по правам человека «Selmjuni v. France» (жалоба № 25803/94), «Mayeka and Mitunda v. Belgium» (жалоба № 13178/03), «Sandra Jankovic v. Croatia» (жалоба № 38478/05) и т.д.

Как вторжение в сферу национального суверенитета в ряде случаев трактуется принятие Европейским Судом так называемых пилотных решений, констатирующих наличие в правовой системе государства «системных проблем»¹. Установление Европейским судом по правам человека нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. подразумевает скорейшее восстановление нарушенного права. Субсидиарная природа европейской системы защиты прав человека предполагает определенную специфику взаимоотношений по вопросам реализации решения внутри страны². Суд в постановлении ограничивается только констатацией факта нарушения конвенционных норм и необходимостью выплаты потерпевшему справедливой компенсации. Главной задачей Суда является реагирование на единичные «сбои» в законодательстве или правоприменительной практике государства, приведшие к нарушению конвенционных норм. Государству в связи с этим предоставляется определенная свобода в выборе мер (индивидуальных или общих), которые необходимо предпринять для надлежащего исполнения решения³, определить перечень государственных органов, которые необходимо для этого задействовать. В идеале, государство—ответчик должно выбирать такую модель его исполнения, которая выходит за рамки конкретного дела, с тем, чтобы охватить все подобные случаи и не допустить возникновения подобных ситуаций в будущем⁴.

¹ Регламент (правила процедуры) Европейского суда по правам человека (правило 61. Внесенное Европейским судом 21 февраля 2011 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.05.2020).

² Грачева С.А. Конституционный путь к доктрине субсидиарности в международном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 1. 2020. С. 55.

³ Ковлер А.И. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по делам против Российской Федерации (2006-2008 гг.) // Российское правосудие. 2008. № 8. С. 6.

⁴ Лаптев П.А. Выступление на научно-практической конференции «Десять лет участия Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Российское правосудие. 2008. № 8. С. 99.

Ограничиваясь только индивидуальными мерами (выплата компенсации и восстановление права индивида), невыполнение или частичное принятие государством превентивных мер в ответ на вынесенное решение ЕСПЧ вынуждает Суд принимать «повторяющиеся» постановления. А такая ситуация, с точки зрения контрольного органа, является уже показателем не единичного, «случайного» сбоя, а наличия в рамках национальной правовой системе структурной проблемы, которая препятствует соблюдению прав человека.

Рассмотрение Судом «клоновых» дел, вытекающих из одной проблемы, в принципе возможно, однако это входит в противоречие с субсидиарной природой ЕСПЧ и замедляет его работу. Задача выявления и решения «системных проблем» должна решаться на внутригосударственном уровне путем анализа выносимых Судом постановлений. При отсутствии должной реакции со стороны национальных властей, ЕСПЧ выходит за рамки традиционных подходов к своим решениям, и, излагает свои позиции о тех мерах, которые необходимо предпринять государству для исправления сложившейся ситуации. При этом Суд устанавливает срок, в течение которого государство совместно с Комитетом Министров разрабатывает обязательный к исполнению временный график введения в действие эффективных средств правовой защиты и принятия общих мер.

Впервые данная процедура была применена ЕСПЧ в 2004 году¹. Первое пилотное решение в отношении Российской Федерации было вынесено в 2009 году². На сегодняшний день принято около 6 решений

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека «Broniowski v. Poland» (жалоба № 31443/96) от 22 июня 2004 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-61828> (дата обращения: 07.02.2022)

² Постановление Европейского Суда по правам человека «Burdov v. Russia (no. 2)» (жалоба № 33509/04) от 15 января 2009 г. по делу // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90671>. (дата обращения: 2.02.2022).

(невыполнение решений российских судов, условия содержания в следственных изоляторах, условия перевозки заключенных и т.д.)¹.

Так, в 2012 году Суд вынес два решения («Ananyev and others v. Russia», *Bashirov and Bashirova v. Russia*), объединенные констатацией в российской пенитенциарной системе делящейся структурной проблемы². С точки зрения Суда, реализация постановления требует комплексного подхода и вовлечения в процесс всей системы правоохранительных органов. Снижение количества заключенных на определенной площади предполагает внесение соответствующих изменений в федеральное законодательство (например, решение вопроса о целесообразности заключения под стражу по целому ряду преступлений, соблюдение сроков рассмотрения дел). В целях следования стандартам Конвенции необходимо улучшить условия содержания в следственных изоляторах. С точки зрения Суда профилактика нарушений требует усиления контроля по соблюдению правил содержания заключенных, корректировки механизма правовой защиты и предоставления заявителям адекватного и достаточного возмещения в случае неудовлетворительных условий содержания под стражей.

Таким образом, пилотные решения по своему функциональному значению выходят за рамки конкретного дела и ориентированы в первую очередь на превенцию нарушений прав, оказание помощи государству в решении «системных проблем». Безусловно, с точки зрения прав человека констатация «системной» проблемы в решениях ЕСПЧ вполне допустима, однако, как отмечает Б.С. Эбзеев, конвенционные положения «не наделяют Суд полномочиями подвергать ревизии конституцию

¹ Постановления Европейского Суда по правам человека: «Gerasimov and Others v. Russia», «Karelin v. Russia», «Tomov and Others v. Russia» // URL: [http:// hudoc.echr.coe.int](http://hudoc.echr.coe.int) (дата обращения: 03.02.2022).

² Постановление Европейского Суда по правам человека «Ananyev and others v. Russia» (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08) от 10 января 2012 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2022).

государства – участника либо давать конкретные предписания национальному законодателю об изменении норм, которые он счел противоречащими Конвенции»¹.

Одним из аргументов ряда исследователей, якобы свидетельствующим о «размывании» классической концепции суверенитета, является вступление государства в члены международной организации и закрепляемая в большинстве конституций возможность передачи ей части своих полномочий.

Появление такого субъекта как международная организация связано, прежде всего, с появлением глобальных или как минимум общих проблем государств. Их прогрессирующий рост в последние десятилетия связан, прежде всего, с эффективностью межгосударственного сотрудничества в рамках их деятельности. Сам феномен глобализации напрямую связан с возникновением глобальных проблем, решение которых в одиночку труднодостижимо: международный терроризм, преступность, экологические проблемы, обеспечение мира и безопасности. Поэтому вступление государства в члены организации в первую очередь объясняется необходимостью решения внутригосударственной или внешнеполитической проблемы более эффективно. Таким образом, «государство сознательно идет на создание новых структур, в которых его территория, население и власть получают более благоприятные условия для своего существования и развития»².

Согласно Конституции, Российская Федерация, в соответствии с действующими международными соглашениями, может передавать какие-либо полномочия, только если это не порождает ограничения прав и свобод человека и не вступает в противоречие с установленными

¹ *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. – М., Проспект. 2019. С. 447.

² *Эбзеев Б.С., Айбазов Р.А., Красноярцев С.Л.* Глобализация и государственное единство России /Отв. ред. Б.С. Эбзеев – М.: «Формула права», 2006.С. 109.

основами конституционного строя (ст. 79). В данном контексте важным вопросом является объем передаваемых полномочий. Скорее всего, речь идет только о той части полномочий, которая необходима для поддержания необходимого уровня сотрудничества в конкретных сферах взаимодействия.

Как представляется, факт вступления в межгосударственное объединение, хотя и предполагает передачу некоторых полномочий, вряд ли кардинальным образом сказывается на характеристиках государственного суверенитета, причем вне зависимости от уровня и направления деятельности организации.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что вступление государства в международную организацию предполагает потерю ими своих суверенных прав. Скорее, вступая в организацию, они приобретают дополнительные возможности для реализации своих суверенных прав, достижение ими своих целей. Кроме того, приобретение статуса государства-члена осуществляется передача только в какой-либо узкой деятельности (безопасность, права человека, экономическое сотрудничество и т.д.).

Несколько иная ситуация складывается при вступлении в международные организации интеграционного характера (ООН, финансово—экономические институты, Европейский Союз), предполагающие более широкий круг вопросов взаимодействия. Но даже в этом случае у государства сохраняется суверенное право решать вопросы членства в случае возникновения противоречий с деятельностью организации (например, выход Великобритании из Европейского Союза, Российской Федерации из Совета Европы).

Выход государства из организации может быть вызван утратой консенсуса с государствами-участниками, навязыванием каких-либо неприемлемых условий со стороны органов организации, излишней политизированностью при решении вопросов, стагнацией организационных структур, падением авторитета организации и т.д.

Глава II. ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

§ 1. Проблемы дефиниции понятия «международный стандарт» в российском и международном праве

Включение в российскую правовую систему таких элементов международного права, как договоры, общепризнанные принципы и нормы, и последовавшее за этим поэтапное расширение практики их применения не только способствовало значительной актуализации вопросов о взаимодействии и соотношении норм национального и международного права, но и потребовало значительного расширения правовой терминологии.

Как свидетельствует большинство научных исследований, их авторы при рассмотрении механизма взаимодействия двух систем права вынуждены зачастую выходить за терминологические рамки, установленные ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. При этом большая часть понятийного аппарата заимствовалась из сферы межгосударственных отношений, а также из других смежных областей. К числу понятий, получивших наибольшее распространение наряду с уже упомянутыми в Конституции элементами международного права, можно отнести категорию «международный стандарт».

Привлекательность данного термина заключается в том, что он наиболее полно отражает роль, которая принадлежит международному праву в процессе согласования положений двух систем права. Обычно значение термина «стандарт» (от англ. *standard* — норма, образец) определяется как типовой образец (эталон), которому что—либо должно удовлетворять по размеру, форме, качеству, принимаемый за исходный

для сопоставления с ним других подобных объектов¹. Принимая во внимание правовой аспект, можно сказать, что эталонность правила поведения не подразумевает какой — либо альтернативы в поведении государств².

Вхождение термина «международный стандарт» в российскую правовую действительность было связано с реализацией правовой реформы, ориентированной на приведение национального законодательства и правоприменительной практики в соответствие с общемировыми правовыми тенденциями. Об этом свидетельствует преамбула Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятая Постановлением Верховного Совета РСФСР 22 ноября 1991. В ней «отмечается необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека»³.

Потребность реализации в рамках российской правовой системы предписаний, содержащихся в актах международных организаций, способствовала вхождению в официальные документы и российскую юридическую доктрину таких понятий как «минимальные стандарты ООН», «стандарты Международной организации гражданской авиации»⁴,

¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 14 / редакторы тома Л.И. Балаховская и Л.А. Войцова. М.; Л., 1963. С. 718; Словарь иностранных слов. 11-е изд., стереотип. М., 1984. С. 470; *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 53000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2005. С. 998; Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М. 1984. С. 453; Большой юридический энциклопедический словарь / автор-сост. А.В. Барихин. М., 2000. С. 720, 311.

² См.: *Тиунов О.И.* Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов // *Международное публичное и частное право.* 2003. № 2 (11). С. 16.

³ Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР № 52 1991г. Ст. 1862.

⁴ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 декабря 1997 г // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2016).

«стандарты Международной организации труда»¹ и т.д. Вступление России в Совет Европы привело к широкому распространению таких словосочетаний, как «стандарты Совета Европы»², «европейские стандарты прав человека»³, «стандарты Европейского Суда по правам человека»⁴.

Именно в таком контексте данный термин используется в большинстве случаев. Например, в Постановлении Государственной Думы РФ от 7 марта 2001 г. отмечается: «Государственная Дума считает необходимым активизировать работу по реформированию правовой системы Российской Федерации, присоединению России к договорно-правовым актам Совета Европы, а также по совершенствованию законодательства Российской Федерации в соответствии с закрепленными в указанных актах стандартами»⁵.

В Распоряжении Президента РФ от 26 июня 1992 г. указывается: «Законодательство Российской Федерации должно быть приведено в соответствие с общепринятыми стандартами Совета Европы в области прав человека и демократических институтов», а в Распоряжении от 28 декабря 1996 г. указывается на «необходимость разработки проекта Федеральной программы совершенствования законодательства и

¹ См.: *Люттов Л.Н.* Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соотношение и перспективы совершенствования. М., 2012.

² См.: *Глотов С.А.* Россия и Совет Европы: политико-правовые проблемы взаимодействия. Краснодар, 1998. С. 276–307; *Горшкова С.А.* Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001. С. 49.

³ См.: *Лукьянцева Г. Е.* Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. М., 2000.

⁴ См.: Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: сборник аналитических статей / под ред. М.Р. Воскобитовой. М., 2005.

⁵ См.: Постановление Государственной Думы Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 1218-III ГД «О сотрудничестве с Парламентской Ассамблеей Совета Европы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2016).

правоприменительной практики в соответствии со стандартами Совета Европы»¹.

В ряде случаев вхождение данного термина в национальное законодательство можно объяснить заимствованием терминологии из международно-правовых документов, в соответствии или во исполнение которых принимаются внутригосударственные акты. Так, активное использование в российском законодательстве таких терминов, как «стандарт Совета Европы», «европейские стандарты прав человека» и т. д. в последние десятилетия было связано с вступлением Российской Федерации в данную Организацию. Это заимствование осуществлялось из документации ПАСЕ², Комитета Министров³ и других органов Совета Европы. Под влиянием терминологии Чикагской конвенции 1944 года термин «международный стандарт» вошел в Воздушный кодекс Российской Федерации⁴. Согласно положениям Конвенции 1944 года, Международная организация гражданской авиации (ИКАО) наделяется правом принятия и изменения международных стандартов, касающихся аэронавигации, являющихся обязательными для сторон договора.

¹ Например, в Распоряжении Президента РФ от 26 июня 1992 г. «О мерах по подготовке к вступлению РФ в Совет Европы» указывается: «Законодательство Российской Федерации должно быть приведено в соответствии с общепринятыми стандартами Совета Европы в области прав человека и демократических институтов», а в Распоряжении от 28 декабря 1996 г. «О мерах по обеспечению участия Российской Федерации в Совете Европы» указывается на «необходимость разработки проекта Федеральной программы совершенствования законодательства и правоприменительной практики в соответствии со стандартами Совета Европы» // Официальный сайт президента РФ URL:<http://kremlin.ru> (дата обращения: 13.01.2016).

² Согласно Заключению № 193 (1996) Парламентской Ассамблеи Совета Европы по заявке России на вступление в Совет Европы Ассамблея ожидает, что будут приняты новые законы, соответствующие стандартам Совета Европы (п.7). // URL: <http://assembly.coe.int> (дата обращения: 10.10.2016).

³ См.: Рекомендация № Rec (2002) 5 «О проверке соответствия законопроектов, действующего законодательства и административной практики стандартам, установленным в Европейской конвенции по правам человека» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2016).

⁴ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 г. (ред. от 30.12.2015) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2016).

Интернационализация большинства сфер внутригосударственной деятельности сделала данный термин общепризнанным и общеупотребительным: его использование стало характерно не только для юридической среды. Он вошел в лексикон политиков, журналистов, социологов и экономистов¹. Однако, массовое и порой небрежное использование понятия «международный стандарт», в отсутствие четко выработанного доктринального подхода к его содержанию, сделало его содержание амбивалентным. Данная особенность отмечается многими авторами.² Так, О.И. Тиунов отмечает: «широкое использование понятия «международный стандарт» в научной литературе не привело к анализу его содержания, определению его отличительных характеристик»³.

И хотя отсутствие единства в понимании терминологии не является редкостью для юридической среды⁴, в данном случае имеющаяся небрежность в использовании, как отмечает З.Б. Демичева, может значительно усложнить процесс выполнения международных обязательств и приведения российского законодательства и правоприменительной практики в соответствие с принятыми стандартами⁵.

¹ См.: *Варнаховская Е.М.* Международно-правовые стандарты в области защиты жертв преступлений. Иркутск, 2008. С. 35.

² *Павлова Л.В.* Формы и методы имплементации стандартов Совета Европы в национальное законодательство // Журнал международного права и международных отношений. № 3. 2012; *Демичева З.Б.* К вопросу о понятии «правовые стандарты Совета Европы» // Московский журнал международного права. 2006. № 3. С. 42-43; *Ульяшина Л.В.* Международно-правовые стандарты в области прав человека и их реализация: теория и практика применения. Вильнюс, 2013. С. 58.

³ *Тиунов О.И.* Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2003. № 2. С. 15.

⁴ См.: *Салтыков К.Г.* Оттенки смысла юридических терминов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 1 (42). С. 161; *Фомина Л.Ю.* Унификация нормативной правовой терминологии: автореф. дисс...канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 4-5.

⁵ *Демичева З.Б.* К вопросу о понятии «правовые стандарты Совета Европы» // Московский журнал международного права. 2006. № 3. С. 43.

Если отталкиваться от термина «международный стандарт» и контекста, в котором он используется, то можно дать следующее определение данному понятию: это «унифицированные минимально необходимые международно-правовые требования, которые государства должны соблюдать при осуществлении внутригосударственного регулирования и правоприменения в отдельных областях деятельности»¹.

Однако, данная трактовка не учитывает особенности правовой природы элементов международного права, включаемых в структуру стандарта, специфику механизма их реализации в рамках национальной правовой системы и т.д.² Порой данный термин используется как способ акцентировать внимание на международном аспекте исследования или как аналог (синоним) других, близких по смыслу понятий³.

Как представляется, наиболее важным здесь является вопрос о том, что может быть источником международных стандартов, так как различие в природе источников коренным образом влияет на механизм действия рассматриваемых стандартов в рамках правовых систем.

К сожалению, анализ внутригосударственных и международных актов не решает проблему неоднозначности трактовки данного понятия. В правовых актах, где оно используется, его содержание не раскрывается. Нет однозначного ответа на то, что входит в структуру международного стандарта, какова правовая природа элементов, его составляющих, и какова его роль в рамках национальной правовой системы. В каждом конкретном случае его смысловое значение может быть определено только исходя из контекста документа⁴.

¹ См.: Голубок С.А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 112.

² Варпаховская Е.М. Международно-правовые стандарты в области защиты прав жертв преступлений. Иркутск, 2008. С. 36.

³ Оганесян С.М. Понятие международных стандартов прав человека // Международное публичное и частное право. 2008. №2 (41). С. 18.

⁴ Так, например, исходя из текста преамбулы Декларации прав и свобод человека и гражданина, указывающей на необходимость «приведения законодательства РСФСР в

В одних законодательных актах отсутствие дефиниции не создает особых трудностей в силу четкой определенности того, о каких именно стандартах идет речь в законе, и кто их разрабатывает¹. Так, в ст. 24.1 Воздушного кодекса Российской Федерации содержится четкое указание на упоминаемые в Законе международные стандарты, — они принимаются в рамках Международной организации гражданской авиации (ИКАО). И хотя в самой Чикагской конвенции такие понятия как «стандарт» или «международный стандарт» нормативно не закреплены², принимая во внимание направление деятельности ИКАО, правовую природу издаваемых ею актов, можно составить определенное представление о содержании таких стандартов, и порядке их реализации в рамках национальной правовой системы. Аналогичная ситуация складывается и с международными стандартами финансовой отчетности, упоминаемыми в целом ряде актов органов государственной власти Российской Федерации³.

соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека» можно только предположить, что под «признанными международным сообществом стандартами» понимаются нормы Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 года, и развивающие ее положения нормы Международных пактов 1966 г.

¹ См.: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 декабря 1997 г.; Федеральный Закон РФ «Об аудиторской деятельности от 30 декабря 2008. и т.д.

² Это было сделано только в рамках первой сессии Ассамблеи ИКАО, состоявшейся в мае-июне 1947 г. Ассамблеей была принята следующая дефиниция: «стандарт представляет собой требование к физическим характеристикам, конфигурации, материальной части, техническим характеристикам, персоналу или правилам, единообразное применение которого признается необходимым для обеспечения безопасности или регулярности международной аэронавигации и которое Договаривающиеся государства будут соблюдать согласно Конвенции». В случае невозможности соблюдения Стандарта Совету в обязательном порядке направляется уведомление в соответствии со статьей 38 Конвенции.

³ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 208-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 07.04.2020) «О консолидированной финансовой отчетности»; Постановление Правительства от 25 февраля 2011 г. «Об утверждении Положения о признании международных стандартов финансовой отчетности и разъяснений международных стандартов финансовой отчетности для применения на территории Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).

В других случаях это сделать достаточно сложно в виду неопределенности самих формулировок. Например, в Заявлении Государственной Думы Российской Федерации от 23 ноября 2005 г. «О соблюдении прав человека в ходе послевоенного восстановления Ирака»¹, депутаты, осуждая методы обращения с заключенными со стороны американских военнослужащих, отмечают, что «подобная практика не соответствует международным стандартам в области прав человека, закрепленным в документах ООН, ОБСЕ, Совета Европы». Здесь употребляется достаточно абстрактное указание на «документы» в области прав человека, принятые в рамках международных организаций, что не позволяет четко определить, какие именно это акты, их правовую природу. Исходя из учредительных документов перечисленных организаций, можно предположить, что это могут быть акты различной правовой природы: договорные, рекомендательные, правоприменительные.

Большинство исследователей, оперирующих понятием «международный стандарт», подразумевают под ним исключительно нормы международного права². Грефрат Б., отмечает, что «международные стандарты прав человека относятся к числу норм современного международного права, предусматривающих такие демократические требования и обязанности, которые государства должны

¹ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 ноября 2005 г. № 2445-IV ГД // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.10.2016).

² См.: *Матвеев Д.Ю.* Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Мюлерсон Р.А.* Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 13; *Хасанов У.Ф.* Реализация международных избирательных стандартов в законодательстве субъекта российской Федерации. Уфа, 2004. С. 13; *Оганесян С.М.* Понятие международных стандартов прав человека // *Международное публичное и частное право.* 2008. № 2 (41). С. 18; *Стремоухов А.В.* Международные стандарты прав человека: определение и классификация // *Международное публичное и частное право.* 2014. № 5(80). С. 3; *Ефремова Н.Н.* Влияние международно-правовых стандартов судебной защиты прав человека на российскую доктрину правосудия в сфере предпринимательской деятельности // *Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации: материалы международной конференции.* Саратов, 2006. С. 219.

воплотить и конкретизировать в своих правовых системах с учетом особенностей своего общественного строя, национального развития»¹.

Различие позиций по вопросу о том, можно ли считать нормами международного права положения рекомендательных актов, разделило последователей данной концепции на сторонников «узкого» и «широкого» подхода к трактовке рассматриваемого понятия².

Сторонники первого подхода исходят из того, что структуру международного стандарта образуют исключительно нормы, имеющие обязательный для государств характер. Так, например, С.А. Глотов, рассматривая понятие «международные стандарты» в контексте деятельности Совета Европы, отмечает, что они закрепляются в международно-правовых документах, и под ними «понимаются, прежде всего международно-правовые обязательства, развивающие и конкретизирующие принципы уважения прав человека»³. Аналогичная позиция была выражена и З.Б. Демичевой: европейские стандарты — это комплекс договорных норм, касающихся непосредственно реализации принципов и целей Совета Европы, нарушение которых предполагает международно-правовую ответственность⁴. Если следовать этой позиции, то к элементам, образующим международный стандарт, необходимо отнести и нормы обычного международного права⁵.

¹ *Graefrath B.* Implementation of international standards of human right // *Ibid.* N 3/ P. 3-41. (цитировано по: Мовчан А.П. Принципы всеобщего уважения прав человека и основных свобод // Курс международного права в 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права. М., 1989. С. 164.

² См.: *Павлова Л.В.* Формы и методы имплементации стандартов Совета Европы в национальное законодательство // *Журнал международного права и международных отношений.* 2012. № 3. С. 3.

³ См.: *Глотов С.А.* Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека. – Саратов: Издательство Саратовской государственной академии права, 1999. С. 149.

⁴ См.: *Демичева З.Б.* Правовые стандарты Совета Европы: автореф. дисс....канд. юрид. наук, М., 2006.

⁵ См.: *Тиунов О.И.* Международно-правовые стандарты прав человека: достижения и перспективы в свете современных реалий // Конституционное правосудие и

В ряде случаев, сторонники «узкого» подхода для акцента на обязательственном для субъектов международного права характере элементов рассматриваемого понятия, используют словосочетание «международно—правовой стандарт».

Формирование данной позиции вполне закономерно. Во-первых, обязательства, взятые по международному договору (признанные в силу обычая), исключают какую-либо возможность для государства отклониться от установленной ими модели поведения. Любое отступление от договорных установлений квалифицируется как нарушение обязательств, и, как следствие, влечет наступление для государства негативных международно-правовых последствий. Во-вторых, нормы международных договоров, в отношении которых государство выразило свое согласие на обязательность, являются для него эталоном, в соответствии с которым оно должно соотносить свое законодательство и правоприменительную практику, на его основе формировать и развивать свои национальные правовые стандарты, так как именно международные договоры, согласно Конституции РФ, в отличие от общепризнанных принципов и норм международного права, не только являются частью правовой системы, но и имеют приоритет перед национальным законодательством.

В ряде случаев такая позиция находила отражение в правовых актах. Например, в Постановлении от 7 марта 2001 г. № 1218¹ «Государственная Дума считает необходимым активизировать работу по реформированию правовой системы РФ, присоединению России к договорно—правовым актам Совета Европы, а также по совершенствованию законодательства РФ в соответствии с закрепленными в указанных актах стандартами». В

международно-правовые стандарты прав человека в России. Материалы международного круглого стола. Нальчик, 2002. С. 22.

¹ См.: Постановление Государственной Думы РФ от 7 марта 2001 г. № 1218 «О сотрудничестве с Парламентской Ассамблеей Совета Европы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2016).

данном случае Постановление не дает перечень документов, содержащих международные стандарты, но ограничивает его исключительно рамками договорных норм.

Несмотря на свою логичность, данная точка зрения, на наш взгляд, не учитывает некоторые современные тенденции развития в области международно-правового регулирования, полностью исключая возможность распространения понятия «международный стандарт» на положения рекомендательных актов, принимаемых в рамках международных организаций (так называемое «мягкое право» (англ. soft law)). Между тем резолюции - рекомендации, в последнее время, нередко выступают в качестве важного правового ориентира (образца) для внутригосударственного законодателя и правоприменителя.¹ Так, исходя из целей принятия Европейских пенитенциарных правил², следует, что они направлены на установление единых минимальных требований для государств-членов Совета Европы в отношении ряда аспектов управления пенитенциарными учреждениями. После вступления в Организацию, данные правила были учтены Российской Федерацией при реформировании национальной системы исполнения уголовных наказаний³, а также неоднократно применялись высшими судебными органами в качестве правового ориентира⁴.

¹ См.: *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международном правовом регулировании. М., 1998. С. 100.

² См.: Recommendation №. R (87) 3 of The Committee of Ministers to member states on The European prison rules. Adopted by the Committee of Ministers on 12 February 1987 at the 404th meeting of the Ministers' Deputies // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804f856c> (дата обращения: 12.03.2017).

³ См.: Указ Президента РФ от 08.10.1997 № 1100 «О реформировании уголовно - исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации»; Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (в ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2017).

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом

На данное обстоятельство делает акцент в ряде статей профессор О.И. Тиунов. Придерживаясь позиции, что международные стандарты это прежде всего разновидность международных норм, имеющих юридически обязательный характер, он, вместе с тем, отмечает, что существует целый ряд положений международного права, имеющих признаки стандарта, но не обладающих юридической силой, которые все же используются государствами в одностороннем порядке.¹ К ним он относит резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, МОТ, ЮНЕСКО. Учитывая их рекомендательный характер, О. И. Тиунов, вместе тем, отмечает роль подобных актов в формировании договорных норм международного права и норм обычного права.² К сказанному можно добавить, что в рекомендательных актах зачастую находит отражение работа, проводимая в рамках международных организаций по систематизации действующих правовых обычаев, договорных норм, восполнению имеющихся пробелов в договорном правовом регулировании, а также проходят «апробацию» новые тенденции в правовом регулировании.³ При этом, данные акты разрабатываются таким образом, чтобы их применение не зависело от имеющихся юридических, социальных, экономических или

Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой»; Постановление Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта «а» части первой статьи 161 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Чеботарского» // URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения: 12.04.2017).

¹ *Тиунов О.И.* Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов // *Международное публичное и частное право.* 2003. № 2 (11). С. 14.

² См.: *Тиунов О.И.* Роль международно-правовых стандартов в регулировании взаимодействия международного и национального права. // *Журнал российского права.* 2012. № 12.

³ См.: *Демин А.В.* «Мягкое право» в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования. М., 2016. С. 135.

географических особенностей функционирования национальных правовых систем.¹

Такой подход к источникам международных стандартов можно встретить в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Можно отметить, что Суд, как и Государственная Дума, в ряде случаев исходит из того, что в содержание международного стандарта могут включаться положения как договорных, так и рекомендательных актов. Эта позиция выражена например в Постановлении от 19 июля 2011 г. № 17 – П², где содержание общепризнанного международного стандарта правосудия раскрывается посредством предписаний статей 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 года (рекомендательный акт), статьи 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (договорные акты). Более того, в отсутствие непосредственного регулирования отдельных направлений международного сотрудничества со стороны международных соглашений обязательного для государств характера, Конституционный Суд РФ допускает включение в структуру международного стандарта норм рекомендательного характера. Согласно одному из своих Постановлений, оценивая соответствие российского процессуального законодательства международному стандарту в данной области, Конституционный Суд в

¹ См.: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 12.02.2017).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. «О проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // Официальный сайт конституционного суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision68565.pdf> (дата обращения: 06.01.2015).

качестве стандарта указывает Пекинские правила¹, которые были приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1986 года 40/33, и которые относятся к актам «мягкого права»².

Еще один фактор, который не учитывается в рамках рассматриваемого подхода — это закономерный процесс «устаревания» договорных положений с течением времени. По сути, международный договор — это соглашение, направленное на долговременную фиксацию в юридически обязательной форме достигнутых между сторонами договоренностей, однако в современных условиях, характеризующихся интенсивным развитием и постоянным усложнением межгосударственных отношений, высокая степень стабильности может привести к неспособности договорных положений выступать в качестве международного стандарта (образца) из-за постепенного отставания от социальных потребностей международного сообщества³. Как показывает практика, это характерно не только для общих правил (например, договоров о правах человека), но и технических норм. Традиционная для таких случаев процедура корректировки текста путем принятия поправок к документу, широко применяемая на внутригосударственном уровне, в области межгосударственных отношений представляется трудно достижимой из-за возможных политических и практических сложностей⁴.

¹ См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 25.01.2015).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П «О проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 18.05.2015).

³ Данная проблема не свойственна обычным нормам, так как все последующие события и обстоятельства являются частью процесса его формирования.

⁴ См.: *Исполинов А.С.* Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 87.

В качестве альтернативы договорному порядку модификации содержания международного соглашения получил распространение особый механизм, предусмотренный в подпунктах «а» и «b» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции 1969 года. Речь идет о процессе толкования договора, исходя из последующих соглашений государств или последующей практики его применения.

Данная практика получила широкое распространение в процессе толкования договорных норм международными судебными органами, и прежде всего ЕСПЧ¹. Он последовательно в своей деятельности придерживается концепции толкования Конвенции 1950 года как «живого инструмента», т.е. в свете современных условий². Таким образом, ЕСПЧ может осуществлять «модернизацию» текста Конвенции о защите прав и свобод 1950 года наряду с договорным порядком, используемым государствами—участниками. Реализация на практике концепции «живого инструмента», по словам М. Хартвига³, способствует постоянному развитию конвенционных положений, формированию новых правовых стандартов, которые изначально не были предусмотрены в тексте Конвенции. Так, используя эволютивную трактовку ст. 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни)⁴, ЕСПЧ фактически «дополнил» ее содержание правом на благоприятную окружающую среду,

¹ См.: Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблее о работе ее шестидесятой сессии // URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2008/russian/annexA.pdf> (дата обращения: 03.01.2017).

² См.: Постановления Европейского Суда по правам человека «*Tyler v. the United Kingdom*» от 25 апреля 1978 г. (жалоба N 5856/72)); «*Rantsev V. Cyprus and Russia* (жалоба № 25965/04) от 7 января 2010 г. (п.277) // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека: URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.08.2016).

³ См.: *Хартвиг М.* Влияние международного права на внутригосударственное право на примере Европейской конвенции по правам человека // Имплементация норм международного права в национальное законодательство: теория и практика. Материалы III международной научно-практической конференции органов конституционного контроля. Минск, 2001. С. 19.

⁴ См.: Постановления Европейского суда по правам человека «*Hatton and others - United Kingdom*» (№ 36022/97) от 08.07.2003; «*Fadeyeva v Russia*» (№ 55723/00) от 09.06.2005 и т.д.

изначально не включенную в нее. Аналогичная ситуация характерна и для ст. 1 Протокола № 1 Конвенции (право собственности), на основе которой формируется право на интеллектуальную собственность¹.

В качестве правового ориентира при динамическом толковании Конвенции Европейский Суд, как правило, использует внутригосударственную и международную практику государств—участников. Констатируя наличие общеевропейского консенсуса (совпадение позиций по рассматриваемому вопросу у большинства государств) Суд, в силу обязательного характера своих постановлений, распространяет данную практику на все государства, в том числе и на те, для которых данная практика не характерна². В случае отсутствия консенсуса, Суд воздерживается от эволюционного толкования положений Конвенции³.

Имея в целом положительную направленность на обеспечение эффективности договора, динамичное (эволюционное) толкование, вместе с тем, может иметь некоторые негативные последствия. По — новому интерпретируя содержание договорных положений, выходя далеко за рамки достигнутого в свое время сторонами согласия, Суд может столкнуться с неприятием таких изменений со стороны определенной части государств—участников договора. Вместе с тем, государства, как

¹ См.: *Косолапов М.Ф.* Тенденции формирования правовых стандартов Совета Европы в области права на интеллектуальную собственность // Актуальные вопросы модернизации института прав человека в конституционном и международном праве: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2014. С. 213-217.

² См.: Постановления Европейского суда по правам человека «Hirst v. United Kingdom» (№ 74025/01) от 06 октября 2005 г., «Veselov and Others v. Russia», (№№ 23200/10, 24009/07 и 556/10) от 2 октября 2012 г., «Konstantin Markin v. Russia» (№ 30078/06) от 22.03.2012 г. // <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 26.04.2017).

³ Например, Постановления Европейского суда по правам человека «Namalainen v. Finland» (№ 37359/09) от 16 июля 2014 г., «Mennesson v. France» (№ 65192/11) от 26 июня 2014 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 26.04.2017).

правило, ориентируют национального правоприменителя на учет постановления ЕСПЧ при применении норм Конвенции¹.

Таким образом, жесткая привязка понятия «международный стандарт» исключительно к международным нормам обязательственного характера не всегда является обоснованной. В этой связи предпочтительной представляется концепция «широкого» подхода к трактовке понятия «международный стандарт». Его сторонники, не отрицая явное доминирование обязательственных норм (договорных или обычных), включают в его структуру также рекомендательные нормы международного права². Более того, они допускают возможность расширения его структуры за счет положений, изложенных в решениях судебных и квазисудебных международных органов³.

Одним из первых предложил концепцию «широкой» трактовки понятия «международный стандарт» Ю.С. Берестнев. Он отмечает, что нормы, которые образуют стандарт Совета Европы, содержатся не только в международных договорах, но и в резолюциях и рекомендациях Комитета Министров и Парламентской Ассамблеи Совета Европы, а также в актах других органов Совета Европы, ориентированных в первую очередь на контроль за выполнением государствами своих международных обязательств. К ним, например, относятся доклады

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // РГ № 6121 (145) от 5 июля 2013 г.

² См. *Ягофаров С.М.* Международные стандарты по правам человека и российское уголовное судопроизводство: учебное пособие / под. ред. д. ю. н., профессора А. П. Гуськовой. Оренбург, 2006; *Минаева М.М.* Международные правовые стандарты защиты жизни ребенка до и после рождения // *Международное публичное и частное право.* 2010. № 6. С. 10-13; *Корольков П.А.* Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека и их реализация в российском уголовном процессе // *Журнал российского права.* 2011. № 11. С. 110-118; *Варпаховская Е.М.* История развития международно-правовых стандартов по защите жертв преступлений // *История государства и права.* 2009. № 3.

³ См.: *Горшкова С.А.* Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001. С. 11; *Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов; под ред. д.ю.н. Т.Г. Морщаковой.* – М., 2012.

Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, решения Европейского Суда по правам человека, а также действовавшей ранее Европейской Комиссии по правам человека.¹

Вряд ли предложенный автором взгляд отражает особенность, исключительность стандартов Совета Европы. В равной степени предложенный концепт вполне применим и для других международных организаций, в том числе и глобального (универсального) уровня. Исходя из этого, в структуру универсального стандарта, стандарта Организации Объединенных Наций, можно включить положения большинства актов ее органов, в силу своей природы не являющихся договорными.

Анализ внутригосударственной практики использования термина «международный стандарт» позволяет выделить и такой подход к пониманию источников международного стандарта, когда его образуют не только нормы (обязательные или рекомендательные) международного права, но и прецеденты (правовые позиции) международных судебных и квазисудебных органов.

Подобная позиция была неоднократно высказана Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума. В Постановлении от 27 июня 2013 года № 21 Верховный Суд использовал формулировку «стандарты, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Европейского Суда по правам человека»², а в Постановлении от 26 сентября 2008 № 16, касающегося реализации его права на законодательную инициативу, он предложил включить в закон следующую формулировку: «стандартов, выработанных на основании Конвенции о защите прав человека и

¹ См.: *Берестнев Ю.Ю.* Стандарты Совета Европы и российская практика// Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42). С. 158.

² См.: Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2016).

основных свобод»¹. Так, например, Пленум Суда, говоря о правовых позициях Европейского Суда по правам человека в правоприменительной практике РФ, обращал внимание нижестоящих судов на то, «что законодательство РФ может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней». Аналогичная позиция была выражена Верховным Судом в Постановлении Пленума о внесении в Государственную Думу РФ проекта закона «О возмещении вреда», в котором отмечается, что «размер возмещения вреда определяется судом с учетом конкретных обстоятельств, требований справедливости и стандартов, выработанных на основании Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Что касается основополагающего тезиса противников концепции расширительного толкования понятия «международный стандарт» о том, что подобный подход игнорирует иерархичность международных норм, ведет к ослаблению международного права путем распространения его на необязательные международные правила, не являющиеся правовыми², необходимо отметить, что международный стандарт образуют нормы, закрепленные в источниках, обладающих различной правовой природой, а значит продолжают оставаться в иерархической зависимости друг от друга.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2008 года № 16 «О внесении в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации Конституционного закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2016).

² См.: Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк. 1997.

Наряду с рассмотренными выше трактовками, широкое распространение в доктрине получила позиция идентификации термина «международный стандарт» с элементами международного права, перечисленными в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации (общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации). Так, например, А.Е. Епифанов и А.Е. Лакеев, в виду отсутствия легального определения понятия «международный стандарт», взяли за основу в своей монографии тезис о том, что «в международно-правовых стандартах находят свое выражение и закрепление общепризнанные нормы и принципы международного права»¹. Даже в том случае, если исследователи не дают авторского определения рассматриваемого понятия, они зачастую подразумевают под ним или раскрывают его сущность, исходя исключительно из содержания указанной конституционной нормы.²

Действительно, в ряде случаев Конституция РФ, пусть и не напрямую, но все же рассматривает общепризнанные принципы и нормы в качестве правового ориентира. Согласно ст. 17 Конституции РФ «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Ст. 69 гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных

¹ См. *Епифанов А.Е., Лакеев А.Е.* Действие международно-правовых стандартов в правовой системе Российской Федерации: монография. - М.: Юрлитинформ, 2014. С. 8

² См.: *Пиеничников М.А.* К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов // *Международное публичное и частное право* 2007. № 3 (36). С. 32-33; *Доронина О.Н., Калинин В.А.* Влияние европейских стандартов в области прав человека на российское законодательство и правоприменительную практику // *Адвокатская практика* 2008. № 1. С. 22; *Лыгин Н.Я., Ткачев В.Н.* Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике: Научно – практическое пособие. – М.: Статут, 2012; *Цалиев А.М.* Международные стандарты прав человека в российском законодательстве и в решениях конституционных (уставных) судов // *Конституция Российской Федерации: развитие современной государственности (к 15-летию Конституции Российской Федерации)*: сборник тезисов докладов. Саратов. 2009. С. 8.

малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

Аналогичный смысл, на наш взгляд, заложен и в отношении международного договора согласно тексту ч. 4 статьи 15: «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

При анализе постановлений Конституционного Суда РФ обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев Суд использует словосочетание «международный стандарт» как синоним используемых Конституцией РФ понятий «общепризнанные принципы» и «общепризнанные нормы международного права»¹. На это указывает использование в постановлениях такого словосочетания как «общепризнанные в демократических государствах стандарты правосудия»², а также характеристика положений одних и тех же

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «О проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Ростовской области» // Официальный сайт конституционного суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 05.08.2015).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. «О проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // Официальный Сайт Конституционного суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision68565.pdf> (дата обращения 06.01.2015); Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Жилина по делу «О проверке конституционности абзаца 4 пункта 3 части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами ОАО «Карболит», ЗАО «Производственное объединение «Берег», ОАО «Завод «Микропровод» и ОАО «Научно-производственное предприятие «Респиратор» от 21 января 2016 г. № 1-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

документов, в одних случаях как международных стандартов¹, в других — как общепризнанных принципов и норм².

Если не принимать во внимание имеющуюся неоднозначность как самой формулировки ч. 4 ст. 15, так и используемых в ней понятий³, суть данного подхода не имеет существенных отличий от упоминавшейся «узкой» трактовки понятия «международный стандарт». Действительно, общепризнанные принципы и общепризнанные нормы международного права, упомянутые в Конституции, это только различные проявления одного и того же структурного элемента – международной нормы⁴. В данном случае характерной чертой принципа будет являться только то, что он обладает более высокой степенью обобщенности и нормативности, позволяющей ему предопределять содержание других, более конкретных норм⁵. О близости двух рассматриваемых подходов свидетельствует и тот факт, что в большинстве случаев в качестве основной формы существования общепризнанных принципов и норм международного права признается международный обычай⁶.

В то же время, при трактовке понятия международный стандарт через содержание ч. 4 ст. 15 Конституции РФ необходимо учитывать такое

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П «О проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 18.05.2015).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «О проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Ростовской области» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 05.08.2015).

³ Например, *Усенко Е.Т.* Очерки теории международного права. М., 2008. С. 158.

⁴ См.: *Зимненко Б.Л.* Нормы международного права в судебной практике Российской Федерации: пособие для судей. М., 2003. 188с.

⁵ См.: *Талалаев А.Н.* Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. 1998. №3. С. 64–70.

⁶ См.: *Черниченко С.В.* Взгляд на определенные положения Конституции Российской Федерации с международно-правовых позиций // Вестник Дипломатической академии МИД России «Международное право». 2013 с. 52; *Лукашук И.И.* Нормы международного права в международной нормативной системе. М., 1997. С. 52.

свойство перечисленных в ней элементов, как их «общепризнанность», так как оно существенным образом может повлиять на объем международных принципов и норм, включаемых в международный стандарт. Так, согласно изложенной позиции Пленума Верховного Суда РФ¹, под общепризнанностью принципов и норм понимается их универсальность: они содержат предписания, адресованные каждому члену международного сообщества. Таким образом, отождествляя понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» с понятием «международный стандарт», из содержания последнего автоматически исключается целый ряд принципов (норм), которые были приняты и признаны странами в рамках одного географического региона, или используемые в двухсторонних межгосударственных отношениях. В связи с этим, в целях преодоления данного ограничения необходимо отказаться от универсальности пространственной сферы их применения, а ориентироваться в большей степени на факт их признания в рамках какой—либо группы субъектов международного права.

Еще один аспект, изложенный в Постановлении, обращает на себя особое внимание: в качестве примера общепризнанных принципов Верховный Суд приводит принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств, что наводит на мысль о схожести данной группы принципов с нормами *jus cogens* общего международного права. Как и в первом случае, подобный подход значительно сужает перечень принципов международного права, которые могут быть восприняты национальными субъектами в качестве международного стандарта. Нормы *jus cogens* в первую очередь ориентированы на область межгосударственных отношений и не все из них применимы к субъектам внутригосударственного права.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и норм международных договоров Российской Федерации» // РГ № 3358 от 2 декабря 2003 г.

В этой связи представляется, что с точки зрения внутригосударственного применения общепризнанных принципов, их не стоит жестко связывать с императивными нормами международного права (*jus cogens*). К этой группе можно отнести только часть таковых, в первую очередь те, которые были перечислены Пленумом Верховного Суда в Постановлении 2003 года. Большую часть этой группы составляют принципы, не носящие когентного характера, но которые, тем не менее, признаны большинством представителей международного сообщества (принцип законности, справедливого судебного разбирательства, принцип презумпции невиновности, гуманизма, справедливости и юридического равенства)¹.

Определенные трудности в восприятии общепризнанных принципов международного права как международного стандарта предопределяются особенностью их правовой природы. Для принципов характерна высокая степень обобщения и абстракции содержащихся в них нормативных предписаний, что делает проблематичным их использование как соответствующий образец, эталон, применимый во внутригосударственном праве. Как отмечает О.И. Тиунов², международные стандарты по своим признакам являются правилами в виде определенной модели поведения, ее содержание должно быть конкретным и определенным. В связи с этим можно сделать вывод, что общепризнанный принцип представляет собой некую основу международного стандарта, которая должна быть дополнена и конкретизирована другими нормами международного права³. Именно

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 1.

² См.: *Тиунов О.И.* Защита прав человека в практике Конституционного Суда РФ в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов// *Международное публичное и частное право.* 2003. № 2 (11) С 14-21.

³ *Курс международного права.* В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права. М.: Наука, 1989. С. 5-7.

такой подход используется Конституционным Судом Российской Федерации при применении тех или иных общепризнанных принципов. Для его конкретизации Суд обращается либо к договорам или актам мягкого права, либо последующей практике.

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, понятие «международный стандарт» получило широкое распространение в российской правовой доктрине и практике государственных органов в первую очередь в связи с тем, что нормы международного права на конституционном уровне были включены в правовую систему Российской Федерации, что значительно расширило практику их внутригосударственного применения. При этом термин «стандарт» наиболее полно отражает роль международного права в процессе согласования положений двух систем права: они выступают как определенный правовой ориентир, образец для оценки национального законодательства или правоприменительной практики.

Во-вторых, в силу субсидиарной роли международного права по вопросам внутригосударственного регулирования, понятие «международный стандарт» можно определить как минимальные международные требования¹, которые государства должны соблюдать при регулировании определенных сфер своей деятельности.

В - третьих, международный стандарт — это динамично развивающаяся конструкция, поэтому для уяснения его содержания недостаточно обратиться только к положениям международного договора или обычая, необходимо учитывать последующую практику их реализации и последующую договорную практику государств. Таким образом, актами, дополняющими договорной стандарт, могут являться акты международных организаций, решения международных судебных и квазисудебных органов).

¹ См.: Бадалянц Ю.С., Ягофаров Д.А. Права человека: учебное пособие. Москва-Рязань: Издательство «Поверенный». 2006.

§ 2. Международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы

Большинство современных конституций предусматривают включение элементов международного права в национальную правовую систему. Это является прямым следствием объективного процесса глобализации и интернационализации внутригосударственного правопорядка, свидетельством взаимодействия двух систем права. Вместе с тем открытость национальных правовых систем для положений международного права не означает полной открытости внутригосударственного правопорядка. Государства самостоятельно определяют формы такого взаимодействия международного и внутригосударственного права, объем и порядок такого включения, в некоторых случаях определяют области общественных отношений, в которых они сохраняют исключительное суверенное регулирование. Единообразного подхода к решению данного вопроса не существует, поэтому, придерживаясь общих рамок открытости своей правовой системы, они по-разному реализуют его на практике.

Анализ действующих конституций позволяет выделить ряд ключевых моментов, по которым можно судить о степени «открытости» правовой системы государства и выявить особенности имплементационного подхода.

Каждое государство, решая вопрос о включении норм международного права во внутригосударственный правопорядок, сталкивается с необходимостью определения, какие именно элементы международной системы будут восприниматься как его неотъемлемая часть. В силу объективных причин наиболее часто в конституционных текстах в качестве части внутреннего права упоминается такой источник как международный договор (Конституция США ст. 6, Конституция Румынии ст. 10, Конституция Перу с. 55 и т.д.). Например, в ст. 5 ч. 4 Конституции Республики Болгария 1991 г. отмечено, что «международные договоры, ратифицированные в

конституционном порядке, обнародованные и вступившие в силу для Республики Болгария, являются частью внутреннего права страны». В ряде конституций частью национального права (правовой системы) провозглашаются такие элементы международного права, как общепризнанные принципы и / или нормы (Конституция Эстонии ст. 3, Конституция Сербии ст. 16, Конституция Германии 1949 г.). Согласно ст. 9 Конституции Австрии «общепризнанные нормы международного права действуют в качестве составной части федерального права».

В отдельных случаях государствами используется общая отсылка к международному праву без какой-либо конкретизации источников международного права: «Республика Албания соблюдает международное право, которое является обязательной частью ее правовой системы» (ст. 5).

Достаточно интересным представляются конституционные имплементационные механизмы, предусматривающие частью правовой системы страны достаточно широкий перечень элементов международного права. Конституция Российской Федерации, согласно положениям ст. 15, предусматривает включение в правовую систему общепризнанных принципов, норм и положений международных договоров. Схожее содержание имеет Конституция Греции (ст. 28). Положение ст. 93 Конституции Нидерландов предусматривает имплементацию не только положений международных договоров, но и нормативных актов международных организаций.

Как представляется, различие в закреплении элементов международного права как части правовой системы может иметь определенные последствия. Договорные нормы, в силу своих особенностей и устанавливающих конкретные обязательства государства, обладают большей силой воздействия на правовую систему. После соблюдения установленной внутригосударственной процедуры они могут порождать значительные изменения в правовой системе: способствуют принятию новых или изменению действующих внутригосударственных норм. Поэтому

государства устанавливают определенные условия, при выполнении которых международные нормы могут рассматриваться как часть права страны.

В целях сохранения конституционных ценностей, государства, помимо общей нормы о возможности прямого действия положений международного права, закрепляют дополнительные положения, касающиеся регламентации определенных областей отношений. В Конституции РФ в ст. 17 в целях достижения максимально возможной гарантии прав и свобод человека провозглашается, что они признаются и гарантируются «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». Можно предположить, что данная конституционная норма имеет смысловую связь со ст. 55, согласно которой «перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Таким образом, закрепление международным правом иного или отличного от конституционного права не означает, что данное право не может быть защищено¹.

Существующие различия в отношении конкретных элементов, как представляется, кардинальным образом не влияет на процесс практической имплементации норм международного права в рамках национальной правовой системы. Некоторые из формулировок по своей сути могут включать в содержательном аспекте другие элементы. Понятие «нормы международного права» могут включать в свое содержание не только нормы обычаев, но и положения международных договоров.

Большее значение имеет вопрос о том, какое значение имеют нормы международного права в системе источников внутригосударственного права. Единство в подходах к решению данного вопроса отсутствует. В большинстве конституционных норм к договорам, которые могут восприниматься как часть национального законодательства, предъявляются

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации. / Общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. -М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 246.

определенные требования: они должны быть ратифицированы и опубликованы (ст. 5 Конституции Армении)¹.

Как правило, международные договоры приобретают в национальной правовой системе силу, равную или превосходящую силу закона. Например, в Конституции Франции (ст. 55)² закреплено, что «договоры и соглашения, должным образом ратифицированные или утвержденные, имеют с момента их опубликования силу, превышающую силу внутренних законов...». Аналогичным образом вопрос решен в Республике Казахстан. В некоторых случаях такой приоритет может быть закреплен в отдельных областях взаимодействия. Как правило речь идет о гарантиях в области прав человека, когда устанавливается приоритет договорных норм перед нормами национального законодательства. Согласно ст. 10 Чешской Республики «...международные договоры о правах и свободах..., являются непосредственно действующими и имеют преимущества перед внутренним законодательством»³. Достаточно своеобразно данный вопрос решен в Конституции РФ: положения международного договора, являющиеся частью правовой системы, приравниваются по юридической силе к федеральному законодательству и имеют приоритет применения только в случае обнаруживающегося противоречия в правовом регулировании (ч. 4 ст. 15). В Нидерландах «действующие положения законов не применяются, если их применение противоречит общенормативным положениям международных договоров или актов международных организаций» (ст. 94 Конституции).

В качестве гарантии суверенных прав от чрезмерного, а в некоторых случаях, негативного влияния норм международного права на национальную правовую систему государства как правило устанавливают высшую юридическую силу за конституционными положениями, как это сделано в

¹ Конституция Республики Армения 1995 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=132> (дата обращения: 03.05.2023).

² Конституция Франции 1958 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=138> (дата обращения: 12.05.2023).

³ Конституция Чешской Республики 1992 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=106> (дата обращения: 12.05.2023).

Российской Федерации (ч.1 ст. 15), Греции ст. 28), Грузии (ст. 6) и ряде других стран. Согласно ст. 4 ч. 2 Конституции Республики Казахстан «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики»¹.

Как определенное ограничение можно трактовать и конституционное положение Республики Армения: согласно ст. 5 «международные договоры, противоречащие Конституции, не могут быть ратифицированы»².

Однако даже при полном отсутствии конституционной нормы о возможности включения в правовую систему страны норм международного права в современных условиях трудно представить, что таковое полностью отсутствует (Конституция Китая 1982 г.). Закрепление в той или иной форме возможности имплементировать в национальную правовую систему из международной свидетельствует о подавляющей конституционной тенденции к открытости правовых систем стран мира по отношению к нормам международного права, об имеющем место процессе интернационализации внутригосударственного правопорядка, как следствии глобализации (регионализации) в современном мире.

В то же время имеющиеся конституционные ограничения на допуск элементов международного права во внутригосударственное свидетельствуют о желании государств, выраженном на самом высоком правовом уровне, сохранить свои суверенные права в определенных областях взаимодействия.

Что касается РСФСР (России), то впервые нормы (принципы) международного права были включены в ее правовую систему в 1991 г. вследствие принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина³.

¹ Конституция Республики Казахстан 1995 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=129> (дата обращения: 12.05.2023).

² Конституция Республики Армения 2015 г. // URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 03.04.2018).

³ См.: Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

При этом в Декларации нет упоминания о месте и роли международных договоров во внутригосударственном праве. Тем не менее, это обстоятельство не могло коренным образом остановить начавшийся процесс включения норм международного права в правовую систему России.

Только после принятия новой Конституции РФ 1993 г. теоретические споры о соотношении двух правовых систем перешли в практическую плоскость. Свою позицию по отношению к международным принципам и нормам Российская Федерация закрепила на конституционном уровне в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. Согласно указанной статье «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы».

В дальнейшем Конституция РФ закрепляет неоспоримый приоритет норм международных договоров над остальными нормами, действующими на территории Российской Федерации – «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Таким образом, на самом высоком уровне – конституционном – однозначно закреплён российский концепт на приоритет международного права над правом внутригосударственным.

Механизм взаимодействия двух систем пронизывает все содержание Конституции РФ. В ее тексте мы находим 16 норм, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу (ст. 15, ч. 4 ст. 17, ч. 1 ст. 69, ч. 1, 2, 3 ст. 63, п. «к» ст. 71 и т. д.). Кроме того, во вводной части содержится достаточно общее указание на то, что народ Российской Федерации принял действующую Конституцию исходя из «...общепризнанных принципов равноправия и самоопределения...осознавая себя частью мирового сообщества».

Часть 4 ст. 15 Конституции РФ имеет особое значение. До этого Конституции СССР и РСФСР ничего подобного не содержали. В частности, в Конституции 1978 г. (с изм. и доп. 1992 г.) ничего не говорится о

международных договорах, их приоритетном применении по отношению к внутреннему законодательству страны.

Вся правоприменительная система Российской Федерации с 1993 г. была ориентирована на прямое применение в своей деятельности норм международного права, которые стали непосредственным регулятором внутригосударственных отношений. Особенно возросло значение данных норм применительно к деятельности судебной власти, так как именно правосудием обеспечиваются общепризнанные принципы и нормы.

Таким образом, судебная система Российской Федерации, ранее не имевшая прямого отношения к выполнению государством международных обязательств, стала играть в этом процессе одну из главных ролей. Кроме того, впервые определяется необходимость учета в правоприменительной деятельности международных договоров.¹ Данное конституционное положение сразу нашло подтверждение и в национальной судебной практике.²

Можно выделить следующие позитивные моменты закрепления данной нормы в Конституции РФ:

1) завершился спор о роли международного права во внутригосударственной правовой системе;

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 4.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «А» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.04. 2023); Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского суда Н.В. Григорьевой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5. С. 33; Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное место жительства в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2

2) закреплено положение о включении принципов и норм в правовую систему, и оно относится к категории наиболее стабильных – оно включено в гл. 1 «Основы конституционного строя»;

3) определено приоритетное применение международных договоров по отношению к внутреннему праву России;

4) с момента вступления в действие Конституции РФ международные нормы (вне зависимости от природы) должны широко использоваться в правоприменительной практике, особенно это важно для судебных органов.

Однако указанные позитивные стороны не исключают и отдельных проблемных моментов. Избранная конституционным законодателем формулировка создает практические трудности для осмысления содержания данной нормы Конституции РФ¹.

За последние годы проведено несколько исследований, посвященных различным аспектам содержания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Однако это не снизило интереса к данной проблеме и сегодня. Отсутствует единое и четкое представление о месте и роли международно-правовых норм в российской правовой системе².

В свете рассматриваемой проблемы возникает вполне определенный вопрос: в отношении каких именно актов международный договор имеет приоритет?

Уточнить данную позицию можно было бы через рассмотрение текущего законодательства, однако ответа в нем на интересующий вопрос нет. Например, в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 3) перечень обязательных для суда норм устанавливается без учета правила, содержащегося в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Перечень источников там дан с точки зрения исключительно внутригосударственного права, а общепризнанные принципы

¹ См.: *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 23.

² См.: *Гаврилов В.В.* Развитие концепции правовой системы в отечественной доктрине права: общетеоретический и международно-правовой подходы // Журнал российского права. 2004. № 1. С. 78.

и нормы международного права, международные договоры находятся на 4-й позиции после Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законов.

Кроме того, в ст. 15 Конституции указывается на приоритетное действие сразу двух актов. В ч. 1 речь идет о высшей юридической силе Конституции РФ перед другими внутригосударственными актами, а в ч. 4 говорится о приоритетном значении норм международного договора. В отсутствие четких указаний можно сделать ложный вывод о том, что приоритет в правовой системе должен всегда отдаваться международным договорам. Судебные и иные внутригосударственные органы в связи с этим объективно могут столкнуться с проблемой соотношения норм Конституции и норм международного договора.

С нашей точки зрения, в Конституции РФ такой приоритет не закреплен. Необходимо согласиться с мнением о том, что ни одна правовая норма, в том числе вытекающая из международных обязательств, не должна противоречить Конституции РФ¹. Как отмечает Б.С. Эбзеев, «международные договоры Российской Федерации в системе источников российского права стоят ниже её Конституции. В рамках российской правовой системы нет актов, которые по своей юридической силе стояли бы выше Конституции»². Данная точка зрения вполне справедлива с позиции внутригосударственного права России.

Во-первых, в ч. 4 ст. 15 речь идет о приоритете перед законом, а по смыслу конституционных норм и норм законодательства вряд ли под термином «закон» следует понимать положения Конституции РФ, хотя предыдущая (например, Конституция РСФСР 1978 г.) так и называлась –

¹ См.: Зимненко Б.Л. Соотношение международно-правовых и внутригосударственных норм в правовой системе России // Российский ежегодник международного права. 2001. СПб., 2001. С. 128; Туманов В.А. Выступление на всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» // Государство и право. 1996. № 2. С. 4.

² Эбзеев Б.С. Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) // Правоведение. 1996. № 1. С. 12.

Основным Законом. Кроме того, по всему тексту Конституции РФ проводится четкое разграничение норм Конституции РФ и закона.

Во-вторых, Конституция РФ 1993 г. — это качественно иной документ, обладающий высшей юридической силой и прямым действием на всей территории страны. Основываясь на общих принципах права, положения, содержащиеся в определенном нормативном акте, могут быть отменены или изменены иным нормативным актом, обладающим такой же или большей юридической силой, следовательно, международные нормы не должны применяться вопреки положениям Конституции РФ. Повтор с 58 страницей

В-третьих, речь идет о международных договорах Российской Федерации, вступивших в силу, а это означает, что предварительное согласование с нормами внутригосударственного права, прежде всего, с конституционными, уже произошло.

Приоритет норм Конституции РФ перед международными договорами подтверждается еще и тем, что именно Конституция РФ наделяет данные источники международного права свойством действовать в правовой системе Российской Федерации.

В пользу данной точки зрения говорит и федеральное законодательство: оно нацелено, при помощи законодательных мер, на недопустимость появления в правовой системе Российской Федерации международных договоров, положения которых противоречили бы Конституции России¹. Явный приоритет норм международного договора перед нормами Конституции РФ не требовал бы проведения проверки Конституционным Судом РФ международных договоров на их конституционность².

В связи с этим из самой Конституции текстуально вытекает положение, согласно которому международный договор не может иметь приоритет над

¹ См.: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 128.

² См.: Ст. 3. Федерального конституционного закона (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12. 2023).

конституционными положениями и, следовательно, отменить те или иные конституционные нормы. Поэтому если возникает коллизия между положениями, содержащимися в нормах Конституции РФ и международного договора, то правоприменитель должен отдавать приоритет именно конституционным нормам.

При включении в правовую систему норм международного права не делается акцент на уровень заключения международного договора. В международном праве такое разграничение является иногда определяющим.

Так различают межгосударственные, межправительственные и межведомственные договоры. Совершенно очевидно, что главенствующее положение в приведенной триаде отдается именно межгосударственным договорам. Однако отсутствие указания на это не означает, что межведомственный договор будет иметь приоритетное право на применение перед федеральным законодательством.

Исходя из ст. 15 Закона «О международных договорах Российской Федерации», «ратификации подлежат международные договоры Российской Федерации, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом».

Некоторое разъяснение по данному вопросу содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г. «Суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации»¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации».

Исходя из приведенного толкования Пленумом Верховного Суда РФ ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, можно сделать вывод о том, что суд при выявлении несоответствия норм закона правилам, установленным международным договором, должен руководствоваться только теми договорами, которые были ратифицированы Российской Федерацией в установленном порядке. Таким образом, с позиции Пленума в правовую систему РФ входят только ратифицированные договоры и таким толкованием он резко сокращает перечень применяемых международных договоров. Соответственно, договоры, не подлежащие ратификации, таким приоритетом не обладают. Аналогичная формулировка содержится и в законе РФ о международных договорах.

В связи с этим возникает вопрос: смысл понятия «международный договор» в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ одинаков в обоих случаях, то есть только ратифицированные договоры выступают частью правовой системы России? В этом случае число международных договоров, являющихся частью правовой системы страны, резко сокращается. В связи с этим необходимо согласиться с мнением С.В. Полениной¹, которая считает, что понятие «ратификация» должно содержаться в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, так как это ликвидировало бы необходимость обращения для понимания рассматриваемой статьи Конституции к текущему законодательству, а именно к Закону «О международных договорах Российской Федерации». Подобное дополнение, с её точки зрения, однозначно снимает все сомнения по поводу приоритета перед законом всех остальных договоров, не подлежащих ратификации.

По нашему мнению, понятие «международный договор» употребляется в различных смыслах. К правовой системе относятся все международные

Федерации при осуществлении правосудия» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04. 2023).

¹ См.: Поленина С.В. Выступление на Всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» // Государство и право. 1996. № 2. С. 4.

договоры, а приоритетом обладают только ратифицированные. Если это так, то отсутствие в Конституции РФ условия о ратификации предполагает, что это сделано не случайно. Основываясь на зарубежном опыте, можно сказать, что в некоторых странах конституционный законодатель, стремясь ограничить применение международных договоров, специально делает акцент на ратификации. В противном случае и другие международные договоры могут быть частью правовой системы.

С точки зрения И.И. Лукашука, ратифицированные договоры могут отменять или устанавливать любую правовую норму, за исключением конституционных, нератифицированные межправительственные договоры также входят в правовую систему, но на своем уровне.¹

Таким образом, межправительственные международные договоры РФ не должны противоречить ни Конституции РФ, ни федеральному законодательству, ни актам Президента РФ, они имеют приоритет только перед актами Правительства РФ. Аналогичная ситуация складывается и с межведомственными договорами. Они обладают приоритетом только над актами, изданными данным ведомством, и не должны обладать приоритетом ни перед законами, ни перед актами Президента и Правительства РФ.

С учетом изложенного, на федеральном уровне можно выстроить следующую иерархию источников: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, ратифицированные Россией международные договоры, федеральные законы, международные договоры, не подлежащие ратификации, акты Президента, акты Правительства РФ, межправительственные договоры и т. д.

Представленная схема должна в равной степени распространяться не только на международные договоры РФ, но также на международные договоры СССР, права и обязанности по которым перешли к Российской Федерации в результате правопреемства. Согласно ст. 12 Соглашения о

¹ Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 44.

создании Содружества Независимых Государств, Российская Федерация приняла на себя обязанность гарантировать выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений Союза ССР.

В Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) указано, что международный договор имеет приоритетное применение только в том случае, если договор содержит «иные правила». Однако если правила международного договора и закона совпадают, то такого приоритета нет, и закон соответственно имеет приоритетное применение, являясь по природе нормами внутреннего права.

Что касается соотношения национального права и нератифицированных международных договоров и конвенций, их нормы не могут служить правовым фундаментом для принятия судебных решений, а ссылки на них в качестве дополнительного основания позиции суда в принимаемом решении вполне допустимы¹.

Включение международных договоров РФ в состав российской правовой системы, а также признание и гарантия прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права определило основные направления взаимодействия международного права и национального законодательства, в том числе и в системе законодательства субъектов РФ.

Из Конституции РФ следует, что законодательная деятельность протекает не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов Федерации. В связи с этим возникает еще один вопрос, заслуживающий рассмотрения в свете анализируемой проблемы. Это — соотношение законов субъектов Федерации и международных договоров России, а также место международных договоров, заключаемых субъектами в рамках их компетенции в правовой системе субъекта и Российской Федерации.

В силу п. 4 ст. 76 Конституции РФ вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ

¹ См.: *Баглай М.* Выступление на Всероссийском совещании «Международно-правовые стандарты в российской правоприменительной практике» // *Российская юстиция.* 2003. № 3. С. 5.

последние осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных актов. Тем самым Конституция РФ четко определяет соотношение актов, принимаемых на федеральном и региональном уровнях. В п. 5 рассматриваемой статьи Конституция устанавливает требование, которое предъявляется к актам, принятым по предметам исключительного ведения субъектов – они не должны вступать в противоречие с федеральными законами, принятыми в рамках компетенции Российской Федерации и совместного ведения.

Пункт 6 ст. 76 Конституции РФ разрешает проблему соотношения федерального законодательства и законодательства субъекта. Вполне очевидно, что приведенные конституционные положения в равной степени применимы к соотношению международного договора РФ и законодательных актов, принимаемых субъектами.

Согласно п. «к» ст. 71 Конституции РФ международные договоры относятся к исключительному ведению Российской Федерации, выступающей в международных отношениях единым субъектом международного права. Заключая международные договоры, Российская Федерация принимает обязанности и права и в отношении субъектов Федерации. Однако текущее законодательство в интересах субъектов предполагает взаимодействие двух уровней государственной власти в этом процессе. Речь идет о Законе «О международных договорах Российской Федерации». Среди всей совокупности договоров он выделяет отдельную группу, к которой относятся соглашения Российской Федерации, затрагивающие вопросы, относящиеся к ведению субъектов Федерации и договоры, касающиеся вопросов совместного ведения. Заключение таких договоров осуществляется по соглашению с органами государственной власти Федерации и субъекта.

В Законе «О международных договорах Российской Федерации» отмечается, что «международный договор Российской Федерации,

затрагивающий вопросы, относящиеся к ведению субъекта, не может быть заключен без согласования его с органами государственной власти»¹ (ст. 4).

Таким образом, если договор был заключен по вопросам, относящимся к исключительной компетенции, и не был согласован, то приоритетными будут именно нормы закона субъекта Федерации. Если речь идет о договоре, содержащем вопросы совместного ведения, то согласно п. 2 ст. 4 Закона проект направляется Федерацией органам исполнительной власти субъекта, поступившие предложения рассматриваются при подготовке проекта.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в первом случае такое согласование носит обязательный характер, а во втором – факультативный.

Кроме того, есть все основания полагать, что договоры Российской Федерации имеют приоритет в случае противоречия с законами субъектов Федерации, за исключением договоров, принятых по вопросам исключительного ведения субъекта, в нарушение правил согласования, закрепленных в Законе о международных договорах.

В пределах предоставленных полномочий субъекты РФ могут устанавливать международные связи, которые находят свое выражение в заключении различного рода международных соглашений.² По общему правилу данные договоры не могут порождать прав и обязательств для Российской Федерации в целом (территория их действия – только субъект Федерации) и поэтому не могут считаться международными договорами Российской Федерации.

Кроме того, в свете статьи 15 Конституции РФ следует отметить, что она полностью ориентирована на правоприменителя, так как речь идет

¹ Комментарий к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» / отв. ред. В.П. Звекон, Б.И. Осминин. М., 1996. С. 13.

² См.: Федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07. 2022); Закон Ставропольского края от 12.10. 1994. (ред. от 13.11.2009) «Устав (Основной Закон) Ставропольского края» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 1997. № 11-12. Ст. 506; Закон Смоленской области от 15. 05.2001 (ред. от 29.09.2009) «Устав Смоленской области» // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. 2001. № 4. С. 58 и т.д.

только о приоритетном применении норм международного договора. Реализация рассматриваемой статьи не приводит к автоматическому изменению законодательства. Поэтому внутригосударственный акт продолжает действовать на территории Российской Федерации в той же редакции.

Если с порядком имплементации договорных норм вопрос в достаточной степени урегулирован и как правило не вызывает особых трудностей, то процесс имплементации таких элементов международного права как общепризнанные (универсальные) принципы и нормы представляется достаточно проблематичным. Главная проблема состоит в том, что как на международном, так и на внутригосударственном уровне отсутствует четкое определение данного понятия¹. Таким образом возникает резонный вопрос: какие именно нормы относятся к данной группе, какова их правовая природа? На основе анализа международных документов, в том числе учитывая практику Международного Суда ООН, можно сделать вывод о том, что под термином «принципы» понимаются нормы *jus cogens*. Под нормой международного права, которая является частью правовой системы, следует понимать правило поведения, принимаемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. При этом имеются в виду все нормы, как содержащиеся в международных соглашениях, так и существующие в форме международного обычая.

В связи с этим возникает вопрос о том, что подразумевал национальный законодатель при создании данной конституционной нормы. Идентична ли его трактовка той точке зрения, которая была выражена Международным судом ООН?

Попытка снять имеющуюся неопределенность в этом вопросе неоднократно предпринималась Верховным Судом РФ в постановлениях

¹ Конюхова И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М.: «Формула права», 2006. С. 39.

Пленума; в одном из первых своих Постановлений, принятом в 1995 г.¹, он ориентировал суды при осуществлении ими правосудия на необходимость принимать во внимание общепризнанные принципы и нормы международного права, которые закреплены в международных пактах, конвенциях и иных документах (в качестве примера Пленум в основном проводил договорные акты в области прав человека, участниками которых является Российская Федерация, а также Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.).

Указанная позиция Верховного Суда РФ, как представляется, не имела целью разъяснить судам, что следует понимать под рассматриваемыми элементами международного права, скорее главной задачей было обратить внимание судов на необходимость их учета при осуществлении правосудия. Разъяснение скорее порождает еще больше вопросов у правоприменителя. Во-первых, вызывает сомнение определенная узость охвата актов, которые их содержат (ограничение только правами человека), во-вторых, все перечисленные источники являются договорами (за исключением Декларации), которые ратифицированы Российской Федерацией, и они отдельно отмечены в ч. 4 ст. 15 в качестве самостоятельного источника. В Постановлении нет указаний на возможность включения в состав общепризнанных принципов и норм международного обычая или международных актов другой правовой природы.

Некоторые уточнения в рассматриваемую терминологию были внесены Постановлением 2003 г. «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо». При этом Пленум относит к этой категории принцип

¹ П. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в ред. от. 03.03.2015) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04. 2023).

всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения обязательств. В отношении категории «общепризнанная норма» Суд указал, что под ними «следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного». В качестве пояснения к данным дефинициям Пленум подчеркнул, что «содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений»¹.

Среди судебных органов Российской Федерации наиболее интенсивно обращается к положениям международного права Конституционный Суд РФ. Во многом это объясняется особенностью его правовой природы и местом в системе органов судебной власти России. Как правило, в большинстве решений Конституционный Суд использует международные нормы для правовой аргументации².

При этом обращает на себя внимание, что судебные органы не ограничиваются только положениями международных договоров, а активно ссылаются на нормы так называемого «мягкого права» в широком его понимании. В данном случае они для суда играют общую ориентирующую роль при применении внутреннего права с целью следования сформировавшимся стандартам в области прав человека³.

Место и роль международных договоров в правовой системе можно раскрыть через призму закона РФ «О международных договорах Российской

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (в ред. от 05.03.2013 г.) // Доступ из информационной системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04. 2023).

² *Марочкин С.Ю., Сашикова О.В.* О применении норм международного гуманитарного права в правовой системе Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. 2005. С. 53.

³ Тем же. С. 54.

Федерации»¹, что же касается еще двух элементов международного права – общепризнанных принципов и норм, то их место и роль четко не определены. Конституция РФ не содержит характеризующих признаков, способствующих вычленению из массива международного права общепризнанных принципов и норм, приемлемых для реализации в нашей правовой системе. Кроме того, текущее законодательство, регулирующие данные вопросы, вообще отсутствует. В данной ситуации вполне логичным было бы обращение к международному праву.

Во внутригосударственном праве понятие общепризнанных принципов и норм дано в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ². При сопоставлении положений международного права и указанного постановления внутреннее толкование рассматриваемых понятий не отличается от того, которое существует в системе международного права.

Российская Конституция, к сожалению, не говорит о критериях отнесения конкретных принципов к правовой системе РФ. Однако широкое включение всех существующих общепризнанных принципов и норм в правовую систему не имеет практического смысла. Многие из них в первую очередь ориентированы на межгосударственные отношения, и во внутригосударственной системе они практически не применимы³. Из всего перечня принципов к «внутреннему» применению наиболее подходят принцип всеобщего уважения прав и свобод человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Это подтверждается и судебной практикой⁴.

¹ Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.08.2022).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // РГ. № 224 от 02.12.2003.

³ Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция // Российское правосудие. 2008. № 12. С. 14.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса

Что касается приоритета норм и принципов перед законодательством Российской Федерации, то данное предпочтение не может иметь место в связи с тем, что, если бы законодатель предполагал такой приоритет, он бы сделал акцент на этом так же, как это было сделано в отношении международных договоров. А такого положения в Конституции РФ нет. Поэтому нормы и принципы могут применяться правоприменителем, но вопрос о приоритете ставиться не должен.

Определенное разъяснение о природе действия общепризнанных принципов и норм международного права содержится в ч. 1 ст. 63 Конституции РФ. В ней говорится, что «Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права». На первый взгляд, данная формулировка ничем не отличается от других положений Конституции, однако большинство норм, касающихся порядка предоставления убежища, содержатся в документах рекомендательного характера (в основном речь идет о декларациях ООН и других организаций), и не имеют обязательного характера для государств¹.

Аналогичная ситуация происходит и со ст. 69 Конституции РФ, которая гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и

Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2017 г.; Постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2017 г. № 11-П «по делу о проверке конституционности части статьи 40, частей 10-11 статьи 42 Федерального Закона «О выборах депутатов государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юрьевича» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022).

¹ Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 1990. С.14-20; Декларация ООН, принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1967 г. «О территориальном убежище» // Действующее международное право в 3 т. Т. 1. - М., 1996.

международными договорами. Из текста данной статьи трудно понять, какие принципы и нормы относятся к данной группе в Российской Федерации, так как Конвенция МОТ о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни (1989 г), не вступила в силу и не ратифицирована Российской Федерацией. А что касается тех документов, к которым Российская Федерация присоединилась,¹ они имеют ограниченный перечень норм по данному вопросу. На наш взгляд, отсутствие ратификации не может служить критерием запрета руководствоваться положениями этих документов в правоприменительной практике Российской Федерации.

Таким образом, принципы и нормы международного права, включаемые в правовую систему РФ, содержатся в различных международных актах, как обладающих юридически обязательной силой для государств, так и в актах, такой силой не обладающих².

Определенная проблема возникает в связи с уяснением понятия «общеизвестные принципы и нормы», использованного в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Для суда или другого правоприменяющего органа внутри страны более значительной проблемой является отнесение конкретной нормы к категории общеизвестной, чем поиск применимой международной нормы.

Общеизвестность, как вытекает из положений Конституции РФ, является основным, без него соответствующие нормы не могут включаться в правовую систему. По мнению А.М. Барнашова, обстоятельством, свидетельствующим об общеизвестности, может служить решение

¹ Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Резолюция ГА ООН 210 ГА/XX от 21 декабря 1966 г.; статья 27 Международного пакта о гражданских и политических свободах (Резолюция ГА 2200 А XXI от 16 декабря 1966 г. и т.д.

² Определение Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2006 г. № КАС-129 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.09.2022).

Конституционного Суда РФ¹. Данная точка зрения, в принципе, может быть приемлема. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях наиболее часто обращается к положениям международного права. В пользу этого говорит и особая роль данного органа в системе государственной власти РФ. Другие судебные органы, в силу обязательности решений Конституционного Суда, часто прибегают к его актам при разбирательстве конкретного дела. Конституционный Суд применяет те принципы и нормы, которые наиболее совместимы с правовой системой страны в рамках рассматриваемого дела. Использование Конституционным Судом в своей практике международных принципов и норм в конечном итоге способствует формированию правоприменительной практики, в том числе, и для других звеньев судебной системы; также можно говорить об их влиянии и на законотворческий процесс. Причем влияние решений Суда заключается в том, что они вырабатывают адаптированные формулировки норм международного права, не ограничиваемые какой-либо областью отношений.

Однако, на наш взгляд, такая точка зрения несколько искажает общий смысл рассматриваемой статьи Конституции. Часть 4 ст. 15 ориентирована на всех без исключения правоприменителей, и дополнительный «фильтр» в виде позиции Конституционного Суда РФ ограничивает другие звенья судебной системы в выборе приемлемых норм и принципов. Кроме того, у Конституционного Суда специфическая компетенция, а это означает, что данные элементы международного права будут не так разнообразны, и механизм их применения будет ограниченным.

Поэтому, не отрицая возможности руководствоваться решениями Конституционного Суда РФ, в которых соответствующая норма рассматривается как общепризнанная, суды могут сделать такой вывод самостоятельно.

¹ Барнашов А.М. О применении Конституционным Судом Российской Федерации общепризнанных принципов и норм и международных договоров в РФ. // Российский ежегодник международного права 2006. СПб., 2007. С. 48-49

В уже упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ принцип (норма) может быть включен(а) в правовую систему, если они признаются в качестве общепризнанных всеми или почти всеми государствами. При этом не совсем понятно, необходимо ли здесь учитывать лишь количественный показатель государств либо необходимо учитывать количество «великих держав», либо «демократических государств с определенной системой права, сходной с той, которая стоит перед выбором применения норм международного права»¹.

Но если ориентироваться на количественный показатель, то какое соотношение необходимо брать за основу: 1\2 или 2\3 государств мира, которые признают данный принцип (норму) в качестве общепризнанных? В случае отнесения к категории общепризнанных только те нормы и принципы, которые признаются всеми государствами без исключения, мы сужаем до минимума случаи включения таких элементов в правовую систему. Поэтому более приемлемым в данном случае будет концепция простого большинства.

При этом суд должен принимать во внимание любые доказательства общепризнанности, и оценка такого признания должна основываться как на положениях международного права, так и на элементах внутригосударственной правовой системы конкретной страны.

Проблемным с точки зрения теории и практики является вопрос, какова природа общепризнанных принципов и норм, и в чем состоит их отличие от договоров, если потребовалось их разграничить конституционной нормой.

Во-первых, в международном праве не существует единого документа, позволяющего сформировать четкое представление о данных категориях. Большинство исследователей с целью охарактеризовать эти нормы и принципы, впрочем, как и Верховный Суд РФ в упомянутом Постановлении, перечисляют документы, в которых они закреплены: Устав ООН 1945 г., Декларацию принципов международного права 1970 г., Всеобщую

¹ Романов Ю.С. Об условии формирования общепризнанных норм // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 34-35.

декларацию прав человека 1948 г., Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г. и т.д.¹ Такое перечисление конечно способствует уяснению источников принципов, особенно если речь идет о конкретной области отношений, однако не дает полной картины всей совокупности принципов, например в связи с тем, что не учитывает обычные нормы международного права, которые не вошли в текст конкретного документа, хотя могут быть отнесены к таковым.

Во-вторых, что означает общепризнанность? С позиции международного права под ними как правило понимаются нормы «общего» международного права². Традиционно принято при рассмотрении этого вопроса обращаться к ст. 38 Статута международного Суда ООН, согласно которому международный обычай — это «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Также, как представляется, необходимо упомянуть п. «с» указанной статьи, закрепляющей право Международного Суда ООН при разбирательстве дел обращаться к «общим принципам права, признанным цивилизованными нациями».

Как правило общепризнанность исходит из большинства, т.е. относится к универсальному уровню, однако при этом необходимо учитывать и региональный аспект. Совершенно очевидно, что общепризнанный принцип или норма могут считаться общепризнанными в конкретном географическом

¹ *Конюхова И.А.* Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. – М.: «Формула права», 2006. С. 40; *Митюков М.А.* О применении конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров // Конституционное правосудие и международно-правовые стандарты прав человека в России. Материалы международного круглого стола. Нальчик, 2002. С. 32; *Заметина Т.В.* Принципы российского федерализма и императивные нормы международного права: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 8. С. 15.

² *Зимненко Б.* Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 13; *Нешатаева Т.Н.* Международное частное право и международный гражданский процесс: учеб. курс: в 3 ч. Ч. 1. – М.: «Городец», 2004. С. 49; *Красиков Д. В., Липкина Н.Н.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа subsidiarity. Саратов, 2014. С. 130.

регионе. Так, например, можно отнести к категории общепризнанных в случае с Российской Федерацией, принципы и нормы международного права, сформированные в рамках СНГ, Совета Европы, ОБСЕ, ЕЭС.

Обращает на себя внимание тот факт, что порой под рассматриваемыми элементами международного права понимаются положения международного права, которые согласно смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции являются международными договорами Российской Федерации. Безусловно некоторые из положений международных договоров могут содержать общепризнанные принципы и нормы, однако, как представляется, в этом случае теряет смысл идея разделения источников на две группы, так как это разделение имеет практическое значение с точки зрения действия этих элементов в правовой системе Российской Федерации.

Анализ правовых позиций, изложенных в Постановлении Пленума, которые были приняты с целью прояснить нижестоящим судам порядок применения норм международного права на практике, скорее создал трудности. Так, например, отнесение Международных Пактов по правам человека 1966 г. к источникам общепризнанных принципов и норм логически исключает их из категории международных договоров. Логичным представляется отнесение к категории этих норм положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г. так как по своей природе Декларация является не договором, а рекомендательным актом, и ее положения по большей части относятся к категории обычных норм международного права.

Использование в Постановлении Пленума категории «императивные», как представляется, значительно сужает объем принципов, которые потенциально могут быть отнесены к данной группе элементов международного права. Терминологически это их сводит к категории *jus cogens* в контексте ст. 53 Венской Конвенции 1969 г. В действительности категория «общепризнанный принцип» охватывает не только принципы *jus cogens*, но и общие принципы, а также отраслевые принципы, что подтверждается в том числе и правоприменительной практикой российских

судов. Так, например, к данной группе можно отнести принцип равенства всех перед законом и судом¹, принцип правовой определенности². В последнем случае Конституционный Суд обозначил принцип как общепризнанный, однако, как показывает практика, его общепризнанность может относиться в том числе и к области международного права, поскольку он характерен и для внутригосударственного права государств как общего, так и континентального права, и используется в практике международных организаций и их органов³.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Строймаркет» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 98.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2021 г. «О проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Ефремова» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.07.2022).

³ *Крыжан В.А.* О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 83-85.

§ 3. Значение международного «мягкого права» в национальной правовой системе

Концепция широкого подхода к трактовке понятия «международный стандарт» в значительной степени базируется на том, что его составным элементом является так называемое «soft law» («мягкое право»). Так, например Ю.С. Берестнев, рассматривая стандарты Совета Европы, отмечает, что нормы, которые образуют стандарт Совета Европы, содержатся не только в международных договорах, но и в резолюциях и рекомендациях Комитета Министров и Парламентской Ассамблеи Совета Европы, а также в актах других органов Совета Европы, ориентированных в первую очередь на контроль за выполнением государствами своих международных обязательств¹. Аналогичный подход сложился и в отношении актов универсальных международных организаций, и прежде всего ООН². Спецификой данной группы международных документов является отсутствие обязательной юридической силы в отношении государств, а следовательно, за их нарушение не может быть установлена международно-правовая ответственность.

Рассмотрение роли «soft law» в структуре международного стандарта представляется наиболее сложным по сравнению с другими составляющими его элементами. Это объясняется тем, что до настоящего времени на доктринальном уровне в отношении феномена «мягкого права» ведутся дискуссии, существует несколько диаметрально противоположных подходов к его пониманию, начиная от ярых сторонников и пропагандистов «мягкого права» до его непримиримых противников, ставящих под сомнение его возможности в качестве правового регулятора.

¹ Берестнев Ю.Ю. Стандарты Совета Европы и российская практика // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. № 1 (42). 2003. С. 158.

² Уляшина Л. Международно-правовые стандарты в области прав человека и их реализация. Вильнюс, 2013. С. 142.

Российская юридическая доктрина в последние годы несколько изменила свой подход к «мягкому праву». Вопросы его правовой природы и реализации в международном и внутригосударственном праве были рассмотрены в работах С.В. Бахина¹, Ю.С. Безбородова², К.А. Бризкуна³, М.Ю. Великжаниной⁴, А.В. Демина⁵, Р.М. Халафяна⁶ и ряда других.

На сегодняшний момент концепция «мягкого права» достаточно прочно укоренилась, вплоть до того, что ее положения стали выявлять и на внутригосударственном уровне⁷. Б.С. Эбзеев отмечает, что ««мягкое» конституционное право – это правила поведения, которые заключены в актах, не обладающих некоторыми присущими нормативным правовым актам атрибутивными свойствами и качествами, в частности возможностью государственного принуждения, но способных вызвать и вызывающих конституционно-правовые последствия»⁸.

Отсутствие единства в подходах к трактовке данного понятия порождает многообразие форм и разновидностей документов, относимых к данной группе, размывает границы понятия, делает его аморфным. А это, в конечном итоге, не позволяет выработать какие — либо обобщающие признаки. Достаточно часто при анализе того, что из себя

¹ *Бахин С.В.* Субправо: новые тенденции в унификации международного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 1. С. 149-150.

² *Безбородов Ю.С.* Концепция «мягкого права» в доктрине и структуре международного права // Российский юридический журнал. 2004. № 4. С. 74.

³ *Бризкун К.А.* Влияние рекомендательных актов международной организации на развитие международно-правовых и внутригосударственных норм Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.

⁴ *Великжанина М.Ю.* «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2007. 30 с.

⁵ *Демин А.В.* «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования: монография. –Москва: Проспект, 2016.-240 с.

⁶ *Халафян Р.М.* Нормы «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 32 с.

⁷ См.: *Демин А.В.* К вопросу о переносе концепции «мягкого права» на уровень национальных правовых систем // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2015. № 1 С. 190-195.

⁸ *Эбзеев Б.С.* «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правопорядке России (новые смыслы в понимании источников права) // Государство и право. 2019. № 12. С. 35.

представляет мягкое право, исследования сводятся к простому перечислению тех актов, которые по мнению авторов необходимо отнести к этой группе. Среди документов наиболее часто выделяют: декларации, резолюции, кодифицированные рекомендации общего порядка договорных органов, в некоторых случаях политические решения, акты, отражающие лучшую практику, некоторые авторы относят к этой группе международные договоры, не вступившие в силу, и т.д. При этом в качестве ориентира используется отсутствие четких обязательств (не обязательный характер) либо наличие черт, отличающих данные акты от воспринимаемых в качестве канонических договорных или обычных. Однако, данные критерии не всегда отражают действительность в силу того, что рекомендательные по сути документы имеют различную юридическую природу. Такая трактовка приводит к необоснованному расширению перечня актов мягкого права.

Как отмечает И.И. Лукашук¹, доктрина и практика относят к ним, как правило, нормы двух видов: международно-правовых (норм договоров), которые не определены по своему содержанию и не порождают для государств конкретных прав и обязанностей, а также неправовые нормы, содержащиеся в резолюциях международных органов и организаций, не обладающих юридически обязательной силой. В первом случае «мягкость» предопределяется общими, не предусматривающими конкретики установками для государств, ориентирующими их «следовать», «стремиться», «принимать меры» и т.д. Во втором-рекомендательным характером содержащихся в них предписаний².

В литературе неоднократно обсуждался вопрос о необходимости отнесения к «мягкому» праву тех рекомендационных актов, которые на

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Учебник. М., 1996. С. 102-104.

² Международное право: учебник / под. ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2010 г. С. 94.

практике трансформировались в *opinio juris*, когда норма приобретает черты международного обычая и ее уже трудно воспринимать как рекомендательную норму. Особенно рельефно это проявилось в отношении положений Всеобщей декларации 1948 г. Конституционный Суд РФ, в большинстве случаев обращаясь к действующему международному праву, как представляется, не делает различий между ее положениями и положениями международных договоров, ссылаясь на ее положения наряду с положениями Пактов о правах человека или Конвенции 1950 г.

Высказываются мнения, что к «мягкому праву» можно относить и положения тех международных договоров, которые не имеют четкой определенности и зачастую носящих декларативный характер. Так, например, Г.К. Дмитриева применительно к международному экономическому праву отмечает, что особенностью соглашений по сотрудничеству между государствами является наличие значительного числа «так называемого «мягкого права», т. е. правовых норм, которые используют выражения типа «принимать меры», «содействовать развитию и осуществлению», «стремиться к осуществлению» и т.д. Такие нормы не содержат четких прав и обязанностей государств, но, тем не менее, являются юридически обязательными». При этом автор отдельно рассматривает акты международных организаций, которые «не имеют обязательной силы и не являются в строгом юридическом смысле источниками международного экономического права».¹ Как представляется в данной ситуации факт отсутствия формальной определенности положений международного права не позволяет говорить о том, что они относятся к актам «soft law».

¹ См.: Международное публичное право. Учебник. / Под ред. К. А. Бекяшева. М.: «Проспект», 1998. С. 364.

Наиболее предпочтительным представляется использование категории «мягкое право» во втором значении, согласно которому «мягкое право» — это «совокупность формализованных общих положений, которые не имеют юридически обязательного характера, не обеспечены официальными санкциями и соблюдаются добровольно в силу авторитетности их создателей и заинтересованности адресатов»¹.

Схожая позиция была высказана судьей Конституционного Суда РФ Эбзеевым Б.С. Относительно интерпретации принципа несменяемости судей, он отмечает, что его содержание «проистекает и из ряда международных актов, которые, хотя и не порождают для государства юридических обязательств, тем не менее, обладают высоким авторитетом и могут играть важную роль в выявлении нормативного содержания соответствующих принципов»².

С точки зрения С. Ю. Марочкина, «мягкое право» представляет собой «юридически необязательные правила поведения, созданные в одностороннем порядке международной организацией или ее органом либо государствами в виде принципов и конкретных правил и реализуемых государствами на добровольной основе в международной и национальной сфере»³.

Определенные трудности при рассмотрении вопросов о реализации норм «мягкого права» создает отсутствие какого—либо правового

¹ Демин А.В. «Мягкое право» и «жесткое право»: общие признаки и критерии разграничения // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4-томах. Волжский университет имени В.Н. Татищева. Тольятти, 2015. С. 98.

² Определение Конституционного Суда РФ от 11.03.2005 N 148-О «По жалобе граждан Гришина Михаила Ивановича, Грошевой Галины Ивановны, Мустафенкова Владимира Трофимовича и Назарова Валентина Васильевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», части третьей статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5.

³ Марочкин С.Ю., Халафян Р.М. Международное «мягкое» право в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 57.

регулирования данных вопросов со стороны национального законодателя, и российская правовая система здесь не является исключением.

Конституция РФ 1993 г. в ч. 4 ст. 15 и следующее за ней отраслевое законодательство напрямую не включают акты «мягкого права» в число элементов международного права, являющихся частью российской правовой системы. По данному вопросу, в отличие от актов международных контрольных органов, не были выработаны четкие правовые позиции высших судебных органов.

Критерий необязательности нельзя рассматривать как основополагающий в процессе отнесения того или иного акта к категории мягкого права. Руководствуясь этим критерием, некоторые исследователи относят к данной категории положения международных договоров, в отношении которых государства не выразили свое согласие на обязательность. Как представляется, рекомендательный характер в данном случае предопределяется не полномочиями субъекта правотворчества и не целями принятия акта, а позицией государств. Необязательность акта для конкретного субъекта не меняет его правовую природу. Как справедливо отмечает В.Н. Мулюн, «в данном случае можно говорить лишь о «мягкости» не конкретной нормы, а формулировки»¹.

Представляется нецелесообразным включение в данную группу актов международных контрольных органов в области прав человека, принимаемых в результате рассмотрения индивидуальных жалоб на действия государств—участников, независимо от того, что в данных актах могут содержаться правовые позиции относительно толкования положений соответствующего международного договора, и что они побуждают государства реформировать национальное законодательство и

¹ Мулюн В.Н. Влияние «мягкого» права международных организаций на внутригосударственное право (на примере стандартов и кодексов поведения МБПР и МВФ) // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. Кн. 3 / Под ред. Е.Г. Ясина. М., 2009. С. 974-683.

правоприменительную практику «не под влиянием принуждения, корреспондирующего исполнению международных обязательств, а на основе убеждения, логики аргументов и авторитета»¹. Данные акты не направлены на осуществление правового регулирования, и главным образом адресованы сторонам в споре.

Исключение составляют только замечания общего порядка, принимаемые комитетами по правам человека ООН. Последние адресованы всем заинтересованным субъектам международного права и содержат рекомендации контрольного органа относительно реализации соответствующих договорных норм, обладают более выраженной регулирующей функцией.

Так же не является правильным отнесение к источникам «мягкого права» рекомендательных актов, принимаемых в рамках международных неправительственных организаций, несмотря на то, что они имеют в некоторых случаях определенное ориентирующее значение для субъектов международного права. Данные организации не являются субъектами международного права, а, следовательно, не могут участвовать в создании норм, адресованных им².

Даже допуская вышеперечисленные исключения, акты, относимые к «soft law», нельзя охарактеризовать как однородные. Порядок принятия актов ММП в рамках международной организации или органа может в значительной степени различаться, что существенным образом может повлиять на процесс восприятия и реализации в рамках национальной правовой системы. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН или рекомендации ее специализированных организаций (ВОЗ, МОТ) по силе воздействия своего авторитета однозначно превосходят акты иных

¹ См.: *Любченко М.Я.* Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций: автореф. ... канд. юрид. наук. М. 2018. С. 10.

² *Зайцева Е.А.* Мягкого право: объективная реальность или юридическая метафора? // Современное право. 2012. № 1. С. 37

международных организаций. Определенное влияние на процесс реализации может оказать порядок принятия документа: с участием представителя государства (включая выраженную им позицию) либо в одностороннем порядке организацией или ее органом. В первом случае голосование за принятие можно рассматривать как выраженную государством *opinion juris*¹.

В литературе выделяют следующие преимущества актов «мягкого права» перед «жестким» (договорным): это относительно легкая процедура разработки и принятия, что позволяет достаточно быстро реагировать на имеющиеся пробелы в правовом регулировании и достаточно просто вносить изменения или поправки². По сравнению с нормами «мягкого» права положения договоров, и тем более обычные нормы имеют более длительный период формирования.

Даже имеющейся «минус» мягкого права – рекомендательный характер — зачастую играет положительную роль в процессе его принятия и реализации. Субъектам международного права гораздо проще достичь соглашения относительно содержания правила поведения, когда последнее не налагает на них четких международных обязательств и позволяет учитывать при реализации национальные, экономические и иные особенности. Таким образом, «мягкое право» позволяет избежать «суверенных издержек», способствует развитию сотрудничества между государствами при сохранении суверенных прав³.

¹ Консультативное заключение Международного суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применением от 8 июля 1996 г. // URL: <https://www.icj-cij.org/files/advisory-opinions/advisory-opinions-1996-ru.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).

² *Безбородов Ю.С.* Концепция «мягкого права» в доктрине и структуре международного права // Российский юридический журнал. 2004. № 4 (44). С. 74.

³ *Демин А.В.* Феномен «мягкого права» *pro contra* // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). С. 7.

Иногда воздействие норм, имеющих рекомендательный характер в рамках национальных правовых систем, имеет более высокие шансы на реализацию, чем положения международных конвенций¹.

Как отмечают многие исследователи, некоторые акты «мягкого права» являются исходным пунктом для принятия международных договоров, однако этот факт нельзя рассматривать как часть договорного процесса². Таким образом в структуре международного стандарта положения «мягкого права» позволяют спрогнозировать дальнейшие тенденции развития международного сотрудничества в той или иной сфере.

Достаточно интересным в рассматриваемом контексте представляется вопрос о волеизъявлении субъектов международного права при создании норм мягкого права. В одних случаях непосредственное участие государств в процедуре их принятия (в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, ПАСЕ и т. п.) позволяет в определенной степени выразить свое волеизъявление относительно принимаемого акта и его содержания: голосуя за резолюцию, соответствующее государство выражает свое одобрение содержащимся в ней правилам поведения. В других случаях государства не могут напрямую участвовать в этом процессе или полностью исключаются из него (комитеты ООН по правам человека, Венецианская комиссия). В последнем случае содержание нормы или правовой позиции определяется экспертами, выступающими в личном качестве.

Традиционно процесс создания международных норм рассматривается как совокупность двух стадий: согласование волеизъявления государств относительно содержания правила поведения и признание его юридически обязательным. Применительно к нормам международного договора можно сказать, что отказ от прохождения государством второй

¹ Уляшина Л. Международно-правовые стандарты в области прав человека и их реализация. Вильнюс, 2013. С. 140-145.

² Курс международного права. В 7 т. Т. 1 Понятие, предмет и система международного права / Ю.А. Баскин, Н.Б. Крылов, Д.Б. Левин и др. – М., 1989. С 211-212.

стадии не позволяет договору вступить в силу. В данном случае можно провести аналогию с резолюциями международных организаций. Например, голосуя за резолюцию на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, соответствующее государство, как представляется, выражает одобрение содержащихся в ней правил поведения¹.

В структуре международного стандарта нормы «жесткого» и «мягкого» права выполняют схожие функции, выступая в качестве правовых регуляторов, регламентируют поведение соответствующих субъектов. Объединяющими факторами в первом и втором случае также является наличие согласованной позиции государств (напрямую, или опосредованно через международную организацию) относительно нормативного содержания; фактор самостоятельного (или параллельного с нормами жесткого права) применения норм «мягкого права» свидетельствует о свойственной им регулятивной функции, кроме того, как нормы «мягкого», так и «жесткого» права рассчитаны на неоднократное применение. Их создание протекает в строго установленных рамках. В случае с актами «мягкого права» это уставы и регламенты соответствующих международных органов и организаций.

Акты «мягкого права», как правило, представляют собой систематизированный свод норм², носят публичный характер, предполагают возможность внесения в них изменений под воздействием обстоятельств и изменений условий жизни, в их разработке принимают участие специалисты в соответствующей области, в рамках установленной

¹ Курс международного права. В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права / Ю.А. Баскин, Н.Б. Крылов, Д.Б. Левин и др. М. 1989. С. 212.

² Муратова О.В. Акты «мягкого» права как регуляторы частноправовых отношений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4. С. 629.

процедуры. Кроме того, несмотря на рекомендательный характер, они выступают в качестве действенного механизма правового регулирования¹.

Совершенно особое место в системе рекомендательных актов занимают резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. В ряде случаев их достаточно сложно воспринимать как исключительно рекомендательный акт. Значительное число исследователей, принимая во внимание позицию Международного Суда ООН, склоняются к мнению о том, что данные акты Организации при определенных условиях могут способствовать установлению существования нормы или *opinion juris*. Как отмечает И.И. Лукашук, в современном международном праве существует два вида обычных норм: существующие как сложившиеся на практике неписанные правила, а также «новый вид, к которому относятся нормы, создаваемые не длительной практикой, а признанием в качестве таковых правил, содержащихся в нескольких или даже одном акте», к которым относятся резолюции международных организаций². Как далее отмечает автор, «нормы второго вида быстро создаются и способны не только закреплять сложившуюся практику, но и формировать ее, что чрезвычайно важно в наш динамический век».

«Мягкое» и «жесткое» право, являясь самостоятельными правовыми категориями, между тем тесно связаны между собой. По многим параметрам нормы «мягкого» права дополняют «жесткий каркас» международного стандарта. Как справедливо отмечает А.В. Демин «мягкое право» позволяет государствам адаптировать свои обязательства к конкретной ситуации вместо того, чтобы нивелировать различие национальной специфики в рамках одного текста»³.

¹ См.: Фогельсон Ю.Б. Мягкое право и верховенство права // Журнал российского права. 2014 № 11. С. 23-2

² Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Учебник. – М.: Издательство БЕК, 1996. С. 74.

³ Демин А.В. Феномен «мягкого права» *pro contra* // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). С. 7.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых в 1955 году, отмечается, что они «не имеют целью подробное описание образцовой системы пенитенциарных заведений, а предназначены лишь для того, ... чтобы изложить то, что считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными». Помимо этого, в Правилах отмечается, что «принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно», однако они «...должны ... вызвать постоянное стремление ... на пути их осуществления». В Пекинских правилах¹ это прослеживается более четко» «настоящие Правила будут осуществляться в контексте экономических и культурных условий, существующих в каждом государстве», они «формулируются таким образом, чтобы применяться в различных правовых системах».

С точки зрения международной практики «мягкое право» можно рассматривать как путь правовой апробации, когда принятие рекомендательного документа предшествует принятию обязательных норм международного права. В тех областях, в которых отсутствует правовое регулирование со стороны «жесткого» права, оно восполняет имеющийся пробел, и, как правило, определяет направление договорного регулирования в будущем². Так, принятию Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 г. предшествовало принятие резолюции 1962 г. (XVIII) ГА ООН «Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по

¹ См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules (дата обращения: 10.10.2018).

² См.: Курс международного права. В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин и др. М.: Наука. 1989. С. 211; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. Учебник. М.: Издательство БЕК, 1996. С. 104.

исследованию и использованию космического пространства 1963 г.»; Конвенции о правах ребенка 1989 г. – принятие соответствующей Декларации в 1959 г., а принципы, провозглашенные в Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин, были взяты за основу при разработке конвенции 1979 г. и т.д. При этом, разработка и принятие международного соглашения на базе рекомендательного акта не приводит к отказу от использования последнего на практике: так, принятие Пактов о правах человека 1966 г. не стало причиной отказа государств от использования положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в своей практике. В большинстве случаев международные и внутригосударственные судебные органы при анализе действующего международного стандарта ссылаются на положения Декларации параллельно с договорными нормами. В последнем случае можно говорить о формировании на базе положений Декларации международных обычных норм.

Параллельное действие «мягкого права» и договорных норм может быть вызвано необходимостью в некоторых случаях корректировки практики реализации последнего. Особенно это проявляется в отношении договоров, действующих продолжительный период, в связи с чем современные обстоятельства их действия в силу развития международных отношений могут значительно отличаться от первоначальных. Особенно это проявляется в области защиты прав и свобод человека. Так, Комитет по правам человека ООН дважды в своей деятельности обращался к анализу практики реализации государствами-членами ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (право на свободу и личную неприкосновенность). В своих замечаниях общего порядка (1982 и 2014 гг.) он изложил свои рекомендации относительно

наиболее эффективной модели реализации данного права, а также осуществил эволюционное толкование положений договора.¹

Однако, процесс трансформации положений «мягкого права» в договор возможен, но не является правилом. Отсутствие консенсуса в позициях государств относительно должного правового регулирования или вообще необходимости международной регламентации определенных вопросов, являются серьезными препятствиями для принятия договорных норм, что делает положения «мягкого права» основным правовым ориентиром в конкретной области. Так, до настоящего времени при рассмотрении вопросов, касающихся пенитенциарной системы, международные и внутригосударственные органы в основном обращаются к Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными 1955 года, а по вопросам биоэтики и трансплантации органов – к рекомендательным актам ВОЗ.

Степень соблюдения государствами и другими субъектами международного права предписаний «мягкого права», как представляется, зависит от целого ряда факторов. Большинство исследователей в качестве такого мотиватора указывают международный авторитет создателя таких актов (как самого органа, так и представляющих его экспертов), однако предпосылкой такого поведения может выступать заинтересованность самого субъекта (например, желание следовать обязательствам), качественные характеристики самого акта, а также наличие пробела в правовом регулировании и т.д.

В наибольшей степени практика обращения к нормам «мягкого права» получила распространение в деятельности судебных органов. При этом в российском законодательстве отсутствуют какие—либо положения относительно возможности ее формирования. Конституционные

¹ См.: Замечание общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) от 16 декабря 2014 г. (CCPR/C/GC/35) // URL: <https://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 10.10.2018).

положения ч. 4 ст. 15, и следующее в соответствии с ее предписаниями отраслевое законодательство, как часть национальной правовой системы, рассматривают исключительно общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ. Одним из факторов обращения к актам МП являются положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹. Как отмечает Верховный Суд РФ, «содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений». Если в этом случае ВС РФ ориентирует судебные органы на необходимость учета положений актов МП по причине содержания в них общепризнанных принципов и норм, то содержание других Постановлений свидетельствует о том, что судебные органы исходят из широкой трактовки данного конституционного положения, ориентируя суды принимать во внимание и другие акты рекомендательного характера (например, замечания общего порядка Комитета по правам человека)².

При этом обращает на себя внимание, что делая акцент на том, что при рассмотрении дел «надлежит учитывать» соответствующий международный стандарт, Верховный Суд в своих постановлениях не проводит какой—либо дифференциации между актами «твердого» и

¹ См. п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации « О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. Постановления № 4 от 05.03. 2013) // URL: <https://vsrf.ru/documents> (дата обращения: 10.10.2018).

² См.: Постановления Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. Постановлений Пленума ВС РФ от 09.02.2013 № 3, от 02 04. 2013 № 6, от 29. 11. 2016 № 56); от 14. 06. 2012 «О практике рассмотрения вопросов связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // URL: <https://vsrf.ru/documents> (дата обращения: 10.10.2018).

«мягкого» права.¹ При этом данная практика в полной мере соответствует смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, закрепляющей возможность и порядок «допуска» в национальную правовую систему тех элементов международного права, которые не противоречат ее содержанию².

Как отмечает Б.С. Эбзеев, международно-правовая аргументация используется российскими судами в следующих случаях: в качестве дополнительного довода в пользу своих правовых позиций, формируемых на основе конституционных норм; для разъяснения смысла и значения текста Конституции, а также для выявления конституционно—правового смысла проверяемого закона. Несмотря на отсутствие упоминаний актов «мягкого права» в Конституции РФ и отраслевом законодательстве, это в равной мере может касаться и данных актов.

Обращение к актам «мягкого права» получило широкое распространение в практике Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ или Суд), причем этот спектр достаточно широк: резолюции ГА ООН, модельное законодательство СНГ, акты консультативных и контрольных органов различных уровней.

Предпосылки обращения Конституционного Суда РФ к актам рекомендательного характера наряду с положениями международных договоров можно отчасти проследить при анализе практики Суда и сформулированных им правовых позиций.

Во-первых, это прямо вытекает из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, так как положения некоторых рекомендательных актов воспринимаются как общепризнанные принципы и нормы

¹ Например: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // URL: <https://vsrf.ru/documents> (дата обращения: 10.10.2018).

² *Иваненко В.С.* Международные договоры и Конституция России в российской правовой системе: проблемные вопросы правового статуса и взаимодействия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 6. С. 69.

международного права. Так в Определении от 17 июля 2018 г. № 1708-О отмечается, что «такое законодательное регулирование...не противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации (статья 15, часть 4), в частности Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 г.»¹.

Во-вторых, Суд исходит из того, что «международные организации, в своей деятельности опираясь на универсальные принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и равенства, формулируют» в принимаемых актах «принципы, общепризнанные в современных демократических государствах»². Данная правовая позиция была высказана в отношении таких актов, как «Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи», принятые ГА ООН в 1991 г., рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1977 года «О положении психически больных». Вместе с тем, как представляется, Конституционный Суд руководствуется тем же подходом, когда ссылается на другие акты, в которых систематизированно изложены принципы и общие подходы государств по каким—либо вопросам.

В-третьих, необходимость обращения Конституционного Суда к рекомендательным актам может быть продиктована международными обязательствами РФ как участника соответствующего договора или члена международной организации. Учет в практике подобных актов может

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1708-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Мехдиева Джейхуна Саидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision350961.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукагурова и М.А. Яшиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 2.

способствовать эффективной реализации положений договора и в конечном итоге способствовать добросовестному исполнению обязательств государством. Этими соображениями, как представляется, Суд руководствуется, цитируя положения резолюций и рекомендаций ООН, Совета Европы, правовые позиции комитетов по правам человека, изложенные в замечаниях общего порядка¹. Основанные на практике реализации договора, данные документы способствуют детализации, а в некоторых случаях и развитию его положений.

В-четвертых, обращение исключительно к актам «мягкого права» в обход «жестких» регуляторов, может быть вызвано отсутствием последних в механизме международного регулирования². Акты «мягкого права» в этом случае создают для Конституционного Суда необходимые правовые ориентиры для принятия взвешенного и обоснованного решения. К такого рода проблемным областям можно отнести вопросы биоэтики, оказания психиатрической помощи и ряда других. В Определении КС РФ № 224—О от 10 февраля 2016 г. отмечается, что «избранная российским законодателем модель правового регулирования, основанная на презумпции согласия на посмертное изъятие органов и (или) тканей для трансплантации, не является ... исключением в мировой практике и в целом основана на общепризнанных принципах и нормах международного права, наделяющих государство правом законодательного регулирования указанных вопросов». Данный вывод КС РФ строится на Руководящих принципах Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (утверждены на 63 сессии

¹См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.10.2016 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2018).

² *Халыфян Р.М.* Конституционный Суд Российской Федерации и международное «мягкое право» // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 101.

Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 мая 2010 года, Резолюция WHA63.22) и комментариях к ним¹.

При этом рассмотренные обстоятельства в большинстве случаев объясняют практику обращения Конституционного Суда РФ к актам «мягкого права». Но далеко не всегда данное обстоятельство может быть использовано Судом, так как не все акты «soft law» содержат общие принципы, или не всегда применение таких актов вытекает из международных обязательств РФ и т.д. Этот факт, как показывает практика, не является препятствием для использования данных актов Судом.

В качестве правового аргумента Суд в своей практике может обращаться к актам международных организаций, членом которых Российская Федерация не является или даже к актам международных неправительственных организаций. В этом плане можно согласиться с мнением, что для Конституционного Суда при обращении к международному документу более принципиальное значение имеет содержание его норм, нежели юридическая обязательность для государства его положений или его правовая природа². Можно предположить, что Конституционный Суд обладает определенной свободой усмотрения в отношении механизма работы с международными документами. В Определении от 10 февраля 2016 г. № 224-О³ Суд,

¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 224-О от 10 февраля 2016 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2018).

² См.: *Марочкин С.Ю., Халафян Р.М.* Международное «мягкое» право в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 59.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2018).

обратившись к содержанию ряда рекомендательных актов ВОЗ по вопросам биоэтики и Дополнительному протоколу и Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения от 4 апреля 1997 г., принятых Советом Европы, которые Россия не подписала и не ратифицировала, отметил, что тот факт, что вышеуказанные Конвенция и Дополнительный протокол к ней в настоящее время не подписаны и не ратифицированы Российской Федерацией, не исключает возможности учета и использования их положений при формировании российского законодательства в сфере трансплантации.

Схожая практика характерна и для Международного суда ООН. Он неоднократно обращал внимание государств на акты международных органов и организаций как важный источник правовой информации. Обращаясь при рассмотрении дела к положениям Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Международный Суд отмечает следующее: в тех случаях, «когда от него (Суда) требуется применить тот или иной документ по правам человека, он должен надлежащим образом учитывать толкование, даваемое этому документу независимыми органами, которые были специально созданы для мониторинга разумного применения соответствующего договора». И хотя Суд «не обязан следовать в своей трактовке Пакта толкованию, дававшемуся Комитетом, он убежден, что интерпретации, данной этим независимым органом, должно придаваться большое значение». В своем консультативном заключении от 08. 07. 1996 г. «Относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения» он отмечает, что «резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, даже если они не являются обязательными, могут иногда обладать нормативным значением».¹

¹ Консультативное заключение Международного суда ООН «О законности применения ядерного оружия в свете принципов и норм международного права» // URL:

При анализе рекомендательных актов, исходя из практики обращения к ним национальных и международных судебных органов, можно сделать вывод, что эта практика не является однородной. В этой связи можно выделить целый ряд актов, ссылки на которые стали традиционными для национальных правоприменительных органов, а также те, на которые ссылки встречаются редко, либо вообще не упоминаются. Частота обращений может служить основанием признания актов нормативными, имеющими характер международного обычая, тогда как вторые таким статусом не обладают. Факт обращения национальных судебных органов к содержанию данных актов при принятии решения можно расценивать как специфическую форму согласия на обязательность положений данных актов для соответствующего государства.

В этом ряду в значительной степени выделяется Декларация прав и свобод 1948 года. Насколько позволяет судить практика Конституционного суда, положения данного рекомендательного акта имеют для суда такое же значение как и положения международных договоров¹.

Для понимания роли актов «soft law» в рамках правовой системы РФ несомненный интерес представляет позиция, выраженная Конституционным Судом РФ в Определении, принятом по запросу группы депутатов государственной Думы о проверке конституционности п. 1 ст. 30 ФЗ РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»². В Определении, помимо

<https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/187.pdf> (дата обращения: 03.03.2018)

¹ Например: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2017 № 36-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.

² Определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 N 1422-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие

прочего, Конституционный Суд отметил, что на оценку рассматриваемой статьи «не влияют имеющие факультативное значение для национального законодателя и отражающие многообразие подходов к правовому регулированию в данной сфере публичных отношений положения п. 46 Пояснительного доклада, подготовленного Венецианской комиссией». Далее Конституционный Суд РФ отмечает, «что в соответствии с Конституцией РФ федеральный законодатель обладает необходимыми дискреционными полномочиями в отношении конкретных форм реализации правил, носящих рекомендательный характер». Следовательно, Суд оставил за законодательными и правоприменительными органами государственной власти (в том числе и за собой) свободу усмотрения в отношении следования международным стандартам, формулируемым в рамках деятельности Комиссии. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении других актов рекомендательного характера. С другой стороны, факт обращения национальных судебных органов к содержанию данных актов при принятии решения можно расценивать как специфическую форму согласия на обязательность положений данных актов для соответствующего государства.

Подводя итог, можно отметить, что анализ практики внутригосударственной реализации норм «soft law» внутригосударственными органами свидетельствует о состоятельности и легитимности данного правового феномена, его возможностях стать эффективным элементом правоприменительного процесса. Данная концепция в полной мере соответствует смыслу ст. 15 Конституции РФ, закрепляющей возможность и порядок «допуска» в национальную правовую систему тех элементов международного права, которые не

противоречат ее содержанию, а рекомендательный характер положений «мягкого права» предполагает наличие у национальных органов дискреционных полномочий в отношении конкретных форм их реализации.

§ 4. Развитие международных стандартов в правоприменительной практике международных органов в области прав человека

Одной из отличительных черт, свойственных международной правозащитной системе, является ее постоянное движение в направлении расширения перечня защищаемых прав, совершенствование механизма защиты в ответ на быстро меняющиеся общественные, социальные, политические и иные условия, как в государствах—участниках международного договора, так и в мире. Это способствует сохранению актуальности договорных положений и поддерживает высокую эффективность и востребованность созданного международного правозащитного механизма на многие десятилетия.

Высокий динамизм развития международных стандартов в области прав человека, как показывает практика, основывается на использовании двух взаимодополняющих подходов: традиционного договорного, предусматривающего принятие дополнительных протоколов к действующему соглашению, а также достаточно специфичного — путем толкования (иногда расширительного (эволютивного)) положений договора международным органом, осуществляющим контроль за выполнением государствами своих обязательств, например комитетами по правам человека или международным судом.

При этом в последнее время баланс между двумя подходами отсутствует. Можно констатировать все возрастающую роль контрольных органов в деле «совершенствования» договорных положений. В результате этого на сегодняшний день объем защищаемых прав и свобод в большей степени определяется стандартами, сформировавшимися на основе международной правоприменительной практики, нежели в договорном порядке. Подобная деятельность, хотя и вызывает много вопросов, однако считается вполне допустимой со стороны системы международных

органов¹ и получает соответствующий правовой отклик со стороны национальных правовых систем².

В связи с этим формулировка о том, что положения договора в области прав человека необходимо воспринимать исходя из того, как они истолкованы соответствующим международным органом, стала аксиоматичной и в большинстве случаев не подвергалась сомнениям. Все это подразумевает, что вступление и членство государства в соответствующим договоре не стоит воспринимать как единовременный акт по ратификации, это скорее постоянная работа по учету в правоприменительной практике государства позиций международных контрольных органов³, выраженных при рассмотрении жалоб на нарушение прав человека⁴. Таким образом, появление в свое время в российской юридической доктрине такого понятия, как «стандарт Европейского суда по правам человека»⁵ или правовые позиции Комитета

¹ Например, в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы № Rec (2004) 5 от 12 мая 2004 г. «О проверке соответствия законопроектов, действующего законодательства и административной практики стандартам, установленным в Европейской конвенции по правам человека», отмечается, что государства должны прилагать усилия для ...приведения национальных стандартов в соответствие со стандартами Конвенции в свете прецедентного права Европейского Суда // Официальный сайт Совета Европы URL: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cddh/reformechr/DH-SYSC/DH-SYSC\(2016\)002-compilation-Replies-Rec-2004-5](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cddh/reformechr/DH-SYSC/DH-SYSC(2016)002-compilation-Replies-Rec-2004-5) (дата обращения: 12.05.2015).

² Подобное свойство постановлений ЕСПЧ было отмечено и со стороны российской судебной системы. В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» закреплено: «содержание прав и свобод...должно определяться с учетом содержания ...раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции» // РГ № 6121 от 5 июля 2013 г.

³ См.: Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации (подготовлен Верховным Судом РФ, январь 2023 г.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406818354/> (дата обращения: 12.03.2024).

⁴ *Волеводз А.Г.* Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета ООН по правам человека // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2017. №3. С. 3-7; *Гюлумян В.Г.* Принципы толкования Европейской Конвенции прав человека (критика и защита) // *Журнал конституционного правосудия.* 2015. № 3. (45). С. 16.

⁵ См.: Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сборник аналитических статей / Под ред. Воскобитовой.

ООН по правам человека¹ в качестве самостоятельных явлений, было вполне закономерным.

Для Российской правовой действительности наиболее показательной в этом плане была практика Европейского Суда по правам человека (далее— ЕСПЧ или Суд). С определенной уверенностью можно сказать, что именно такая практика не только способствовала позитивным изменениям в правовом регулировании и правоприменительной практике, но и зачастую приводила к возникновению различного рода разногласий между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ, потребовала в последствии внесения соответствующих изменений в текст Конституции РФ относительно определения критериев исполнимости решений данного международного судебного органа.

Выход Российской Федерации из Совета Европы, и как следствие, из-под под юрисдикции Европейского Суда по правам человека в определенной степени снизил актуальность вопросов, связанных с имплементацией в российскую правовую систему решений данного судебного органа, однако подходы к толкованию договорных норм, используемые им, применяются и другими международными органами в области прав человека. В связи с этим выработанная национальная практика в определенной степени может быть использована при имплементации других контрольных межгосударственных органов.

Вместе с тем, даже в период членства России в Совете Европы в рамках российской правовой доктрины трудно было констатировать единство взглядов относительно роли и возможности влияния международной правоприменительной практики на внутригосударственную сферу. Часть российских исследователей

М., 2005; Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов; под. ред. д.ю.н. Т.Г. Морщаковой. М., 2012.

¹ Дикман С. С. Юридическая природа решений Комитета ООН по правам человека: основные проблемы // Труды Института государства и права Российской академии наук / Ин-т государства и права Рос. акад. наук. М., 2007. С. 75-87.

придерживалось того, что такая постановка вопроса просто невозможна. С их точки зрения согласно конвенционным нормам ЕСПЧ не наделен правом создания новых правовых норм, он позиционируется только как правоприменитель. Что касается осуществляемого им процесса толкования, оно должно основываться на общепризнанных правилах толкования и не выходить за пределы норм Конвенции, так как, согласно конвенционной норме, только «высокие договаривающиеся стороны обязуются обеспечить каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в настоящей Конвенции». Как отметил в своем отдельном мнении судья М. Зекиа в деле «Golder v. the United Kingdom»¹ для государств—участников Совета Европы не должно существовать обязательств, не закрепленных в Конвенции 1950 года.

Вместе с тем, сама международная практика диктовала иной подход, допускающий возможность изложения в постановлениях ЕСПЧ положений, отличающихся от закрепленных в Конвенции. Договорные положения в своём первоначальном значении со временем «устаревали» и в целях поддержания их эффективности необходим был механизм их своевременной актуализации. Механизм эволютивного толкования договора в данном случае воспринимался наиболее эффективным. Отмечалось, что нормы Конвенции действуют в том виде, в каком они истолкованы Судом², и что правовые стандарты Европейского Суда по правам человека формируются исключительно в результате толкования Судом норм Конвенции 1950 года³. В связи с тем, что исполнение решения

¹ См. Постановление Европейского Суда по правам человека «Golder v. the United Kingdom» (жалоба № 4451/70) от 21 февраля 1975 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.03.2017).

² См. *Туманов В.А.* Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 89.

³ См.: *Алисиевич Е.С.* Система правовых стандартов Европейского Суда по правам человека // Юрист-международник. 2006. № 4. С. 29-41; *Гарлицкий Л.* Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по

ЕСПЧ государством трактовалось как выполнение международного обязательства РФ, национальная практика стала исходить из аналогичного понимания природы решений¹.

По своей правовой природе Конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г., лежащая в основе европейского правозащитного механизма, является международным договором, поэтому к ней вполне применимы принципы и подходы, изложенные в Венской конвенции 1969 года.² Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что положения данного документа являются для него обязательными при осуществлении им толкования норм Конвенции.³ Анализируя практику Европейского Суда по правам человека, достаточно часто можно встретить ссылки на ст.ст.31—33 Венской конвенции 1969 года «О праве международных договоров». Суд ссылаясь на ее положения даже в тот период времени, когда она еще не вступила в силу.

В Постановлении «Demir and Baykara v. Turkey»⁴ Суд отмечает: чтобы определить значение терминов и фраз, используемых в Конвенции, Суд руководствуется в основном правилами толкования, предусмотренными в статьях 31—33 Венской Конвенции 1969 г. В

правам человека и национальных органов конституционного правосудия \\\ Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 43; *Хасянов Р.Ш.* Европейский публичный порядок, европейское правовое пространство и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 100; *Никитина И.Э.* Роль международных судов в деле универсализации действия норм современного международного права // Российский судья. 2015. № 10. С. 36-39.

¹ См. п. Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // РГ от 5 июля 2013 г. № 6121.

² Венская конвенция о праве международных договоров, принятая 23 мая 1969 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 01.03.2016).

³ См. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12.07. 2011 «Sneersonne and Campanella v. Italy» (№ 14737/09) // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 15.03.2017).

⁴ См.: п. 65 Постановления Европейского Суда по правам человека «Demir and Baykara v. Turkey», (жалоба № 34503/97) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 5. С. 41 – 42.

соответствии с Венской Конвенцией, Суд обязан установить обычное значение, которое следует придавать терминам в контексте и в свете объекта и цели договора. Возможно также обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным документам Конвенции, чтобы подтвердить смысл или устранить неоднозначность терминологии¹.

В Постановлении «Rantsev v. Cyprus and Russia»² Суд отмечает, что так как Конвенция является договором в области прав человека, то для эффективной защиты провозглашенных в ней прав она должна восприниматься в целом, и толковаться таким образом, чтобы способствовать внутренней согласованности и гармонизации ее отдельных положений³.

Однако, несмотря на данные установки, Суд в рамках, установленных Венской конвенцией 1969 г., выработал свои приоритетные подходы к толкованию, такие как придание большего значения объекту и целям договора с возможным нивелированием при этом иных средств и приемов толкования⁴. Как неоднократно отмечал сам Суд в своих постановлениях, «при толковании Конвенции необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективной защите прав человека и основных свобод⁵, и что какое-либо самоограничение при этом

¹ См. п. 62 Постановления Европейского Суда по правам человека «Saadi v. the United Kingdom» (жалоба № 13229/03) от 29 января 2008 г. // URL: hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 12.12.2016).

² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Rantsev v. Cyprus and Russia» (Жалоба № 25965/04) от 7 января 2010 г. // URL: hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 12.12.2016).

³ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Ранцев против России и Кипра» п. 274; «Катан против России и Молдовы» п. 136 // URL: hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 12.12.2016).

⁴ См. Гусейнов Л. Особенности толкования международных договоров о правах человека // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2.

⁵ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Soering v. UK» (№ 14038/88) от 7 июля 1989 г. § 87; «Ireland v. the UK» от 18 января 1978 г. § 239 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.08.2016).

вступит в противоречие с объектом и целями договора, которые требуют достижения максимальной эффективности при реализации норм Конвенции»¹.

Основу будущей концепции толкования Суд изложил в ряде своих постановлений. Первым из них было дело 1975 года «Golder v. the United Kingdom»², ставшее впоследствии прецедентом для самого Суда: ссылки на него можно найти практически в каждом постановлении, где Суд прибегает к процедуре толкования. В данном постановлении Суд впервые сослался на положения Венской конвенции 1969 года и проанализировал ее положения касательно правил толкования.

Дальнейшее развитие концепция получила в деле 1978 года «Tyrer v. the United Kingdom»³. В нем ЕСПЧ впервые сформулировал и заложил основу применения концепции толкования Конвенции, как «живого инструмента»⁴. Согласно материалам дела, Суд при рассмотрении вопроса о том, является ли телесное наказание, назначенное национальным судом пятнадцатилетнему подростку, унижением его человеческого достоинства в рамках ст. 3, пришел к выводу о том, что Конвенция должна толковаться, исходя из современных условий. Как следует из концепции «живого инструмента», Суд при толковании должен исходить не из позиций ее первоначального смысла, заложенного при разработке и принятии, а с учетом меняющихся ценностей и новых проблем в области

¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Artico v. Italy», «Zalov and Khakulova v. Russia», «Mamatkulov and Askarov v. Turkey» // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.07.2016).

² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Golder v. the United Kingdom» (жалоба N 4451/70) от 21 февраля 1975 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения 01.08.2016).

³ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Tyrer v. the United Kingdom» (жалоба N 5856/72) от 25 апреля 1978 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.08.2016).

⁴ См.: Зорькин В. Россия и Страсбург. Проблемы реализации Конвенции о правах человека // РГ от 21.10.2015: URL: <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html> (дата обращения: 01.11.2015).

прав человека. Подобный подход, по словам М. Хартвига¹, с одной стороны способствует тому, что предписания Конвенции становятся более четкими и учитывающими особенности общественного развития национального правопорядка, а с другой — способствуют постоянному развитию конвенционных положений, формированию новых правовых стандартов.

Примером реализации концепции «живого инструмента» на практике можно считать защиту на современном этапе тех прав, которые изначально не были предусмотрены в тексте Конвенции. К таким можно отнести право на благоприятную окружающую среду. В виду отсутствия прямых указаний на данное право, Суд в 1990 году при рассмотрении жалобы «Powell and Rayner v. the United Kingdom»², в котором заявители жаловались на беспокойство, причиненное им авиационным шумом в дневное время, ЕСПЧ впервые допустил возможность того, что к данным обстоятельствам применима ст. 8 Конвенции в связи с тем, что «на качество жизни заявителей и на степень пользования удобствами их жилища» отрицательно влиял шум от самолетов (п.38). В последующих своих постановлениях Суд неоднократно подтверждал и расширял смысл данного права. В постановлениях 1994 года «Lopez Ostra v. Spain» и 1998 «Guerra and Others v. Italy»³ Европейский Суд постановил, что нарушением ст. 8 Конвенции может являться не только чрезмерный шум, но и загрязнение окружающей

¹ См.: Хартвиг М. Влияние международного права на внутригосударственное право на примере Европейской конвенции по правам человека // Имплементация норм международного права в национальное законодательство: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции органов конституционного контроля. Минск, 2001. С. 19.

² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Powell and Rayner v. the United Kingdom» (жалоба № 9310/81) от 21 февраля 1990 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения 01.08.2016).

³ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Lopez Ostra v. Spain» (жалоба № 16798/90) от 9 декабря 1994 г.; «Guerra and Others v. Italy» (жалоба № 14967/89) от 19 февраля 1998 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения 01.08.2016).

среды токсическими веществами, так как данная проблема могла «отрицательно повлиять на благосостояние человека и создать препятствия для пользования им своим жилищем, тем самым отрицательно влияя на их личную и семейную жизнь, но не подвергая серьезной опасности здоровье.

Из-за отсутствия четкой регламентации нельзя исключить случаи, в которых толкование Европейского Суда к Конвенции как к «живому инструменту» выходит далеко за пределы простой интерпретации. Иногда в своем стремлении не отстать от «изменившихся условий», он не ограничивается текстом договора, его объектом и целями, осуществляя фактически переформулирование его положений, что выходит за рамки его непосредственной функции.

Несмотря на то, что Суд достаточно часто ссылается на концепцию «живого инструмента», он вместе с тем, оговаривается, что эволюционное толкование не должно перерасти в судейский активизм. В этом плане показательным является постановление «*Austin and Others v. the United Kingdom*», в п. 53 которого параллельно с указанием на то, что толкование должно осуществляться в свете современных идей, преобладающих в демократических государствах, Суд делает оговорку о том, что это не означает, что реакцией на современные потребности, изменившиеся условия, взгляды или стандарты, Суд может создать новое право, помимо тех, которые закреплены в Конвенции.

Как представляется, одной из проблем такого развития Конвенции 1950 года является то, что данную интерпретацию на практике невозможно изменить по воле государств—участников, если не считать отказ от конвенционного стандарта, что равносильно выходу из Конвенции в целом.

В Постановлении «Engel And Others v The Netherlands»¹ 1976 г. нашел отражение второй концепт толкования Конвенции: была систематизирована концепция «автономных понятий».

Как отмечает В.А. Туманов, «автономное толкование означает, что в конкретных обстоятельствах дела Суд не считает себя связанным тем, как законодательство государства-участника понимает и квалифицирует правовые понятия. В рамках судебного разбирательства в Европейском Суде эти понятия могут иметь иное содержание, чем одноименные понятия в национальном праве»².

Третья составляющая действующей концепции толкования была заложена в Постановлении «Airey v Ireland»³. Речь идет об идее «практических и эффективных» прав человека⁴.

Из концепции «живого инструмента» следует возможность не только корректировки положений Конвенции, но и изменения прецедентной практики Европейского Суда в случае изменения фактических условий. Суд неоднократно изменял свои взгляды из—за меняющихся технических, социальных и моральных стандартов. Особенно это заметно при рассмотрении вопросов семейной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции в отношении однополых браков. Первоначально практика ЕСПЧ в отношении однополых партнеров не признавалась входящей в сферу семейной жизни, защищаемой статьями 8 и 12 Конвенции, и,

¹ См.: Постановление Европейского суда по правам человека «Engel And Others v The Netherlands» (жалоба №. 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72) от 23 ноября 1976 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.08.2016).

² Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3.

³ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека «Airey v. Ireland» (жалоба N 6289/73) от 9 октября 1979 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 08.08.2016).

⁴ См.: *Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer* // The European Journal of International Law 2010. №. 3. p. 509–541

соответственно, Суд все жалобы признавал неприемлемыми¹. Тем самым государствам была предоставлена широкая свобода усмотрения по данным вопросам. Однако с течением времени в след за изменениями внутригосударственной практики отдельных европейских государств позиция Суда начинает меняться. Им принимается ряд неоднозначных решений в данной сфере. В деле «Schalk and Kopf v. Austria»² Суд посчитал возможным включить отношения однополрой пары в понятие «семейная жизнь».

Определяющим широту применения концепции «живого инструмента» фактором является наличие европейского консенсуса.

Исходя из практики использования европейского консенсуса, это трудно назвать механизмом принятия решений, это скорее система аргументации, используемая судом как свидетельство объективности выводов Суда по рассматриваемому делу.

Одним из проблемных моментов является то, что, европейский консенсус не получил формального закрепления и официально не упоминается в Регламенте Суда³, о его использовании можно судить только ориентируясь на правовые позиции. Суд прибегает к механизму поиска консенсуса исключительно в тех случаях, когда он сталкивается со сложным правовым вопросом, который не нашел четкого конвенционального закрепления или касается решения неоднозначной этической, моральной составляющей или социально чувствительных вопросов: должны ли быть

¹ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека «X. and Y. v. the United Kingdom» (жалоба № 9369/81) от 3 мая 1983 г.; «W. J. and D. P. v. the United Kingdom» (жалоба № 12513/86), от 13 июля 1987 г.; «Mata Estevez v. Spain» (жалоба № 56501/00) от 10 мая 2001 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 14.08.2016).

² Постановление Европейского Суда по правам человека «Schalk and Kopf v. Austria» (жалоба № 30141/04) от 24 июня 2010 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 14.08.2016).

³ Регламент Европейского суда по правам человека 2020 г. // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_rus.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

разрешены или необходимо установить запрет на аборт¹; вступает ли в противоречие с правом на жизнь желание неизлечимо больного пациента прибегнуть к медицинской эвтаназии², и другие вопросы биоэтики; обладают ли однополые пары правом вступать в брак³; предоставляет ли Конвенция заключенным активное избирательное право⁴ и т.д. На эти и многие другие вопросы достаточно трудно дать однозначный ответ, особенно на международном уровне, где акторами являются государства, чьи правовые, политические, экономические, религиозные, исторические характеристики различаются, не говоря уже о действующих на их территории нормах морали.

Констатация наличия или отсутствия европейского консенсуса осуществляется на основании проведения Судом сравнительно—правового исследования законодательства и практики государств—участников на предмет прогрессивных изменений в реализации положений Конвенции на их территории. Конвенция, являясь по своей

¹ Постановление Европейского суда по правам человека «A, B and C v Ireland» (жалоба № .25579/05) от 16 декабря 2010 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-102332%22> (дата обращения: 20.01.2022); Постановление Европейского Суда по правам человека «Dubska and Krejzova v. the Czech Republic» (жалобы №№. 28859/11 and 28473/12) от 15 ноября 2016 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-168066%22> (дата обращения: 20.01.2022).

² Постановление Европейского суда по правам человека «Haas v. Switzerland» (жалоба № 31322/07) от 20 января 2011 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-102940%22> (дата обращения: 20.01.2022); «Lambert and Others v. France» (жалоба №. 46043/14) от 5 июня 2015 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-155352%22> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Постановление Европейского суда по правам человека «Fedotova and Others v. Russia» (жалобы № 40792/10, 30538/14, and 43439/14) от 13 июля 2021 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-211016%22> (дата обращения: 20.01.2022); «Schalk and Kopf v. Austria» (жалоба № 30141/04) от 24 июня 2010 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-99605%22> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Постановление Европейского суда по правам человека «Hirst v. United Kingdom» (жалоба № 74025/01) от 6 октября 2005 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-70442%22> (дата обращения: 20.01.2022), «Anchugov and Gladkov v. Russia» (жалобы №№ 11157/04 и 15162/05)от 4 июля 2013 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-122260%22> (дата обращения: 20.01.2022).

природе международным договором, обладает высокой степенью правовой стабильности. Внесение изменений в ее текст предполагает тот же порядок принятия, что и первоначальный текст договора, то есть достаточно длительную процедуру с не совсем предсказуемым результатом, что вызывает ее некоторое «отставание» от реалий жизни, и Суд порой испытывает трудности в применении достаточно лаконичного содержания Конвенции к обстоятельствам конкретного дела.

Если большинство государств в своей имплементации положений Конвенции продвинулись дальше ее базисных положений, единообразно детализировали отдельные аспекты ее содержания, Суд приходит к выводу о необходимости эволюционной трактовки ее положений с учетом общей тенденции, создавая при этом новый стандарт прав и свобод человека¹ без прямого и непосредственного волеизъявления государств в виде формального закрепления новых договорных норм.

Если ориентироваться на механизм применения «европейского консенсуса», то его сущность укладывается в субсидиарную природу деятельности ЕСПЧ. Основными субъектами, реализующими положения Конвенции, являются государства, Суд при этом только выявляет и фиксирует в своих постановлениях происходящие в юридической практике изменения². Таким образом, ЕСПЧ использует консенсус как один из способов легитимации своих выводов, опирающихся на объективные данные, содержащиеся в положениях законодательных или судебных органов государств при осуществлении предсказуемого для всех сторон толкования положений Конвенции³.

¹ *Липкина Н.Н.* Принцип европейского консенсуса в практике Европейского суда по правам человека // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 51.

² *Исполинов А.С.* Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России с Европейским судом по правам человека // Государство и право. 2017. № 6. С. 30-31.

³ *Зорькин В. Д.* Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1 (49). С. 3.

Данный способ выяснения позиции государств относительно эволюции конвенционного стандарта прав человека представляется весьма рациональным с точки зрения тех возможностей, которыми располагает Суд. При этом действующее внутригосударственное законодательство и правоприменительную практику можно рассматривать как объективное доказательство эволюционного толкования норм Конвенции внутри правовой системы государства. Внутригосударственная законодательная и правоприменительная практика в этом плане более динамична. На нее влияет целая совокупность факторов: экономических, политических, культурных и т.д. В связи с этим именно внутригосударственная политика в отношении прав и свобод постоянно развивается, обрстая новыми нюансами своего содержания. Это в определенной степени может привести к нивелированию значения международного стандарта. Для того, чтобы компенсировать это отставание, как представляется, и необходим такой подход к восприятию Конвенции как «живого инструмента»: требуется его дополнение новым, отвечающим современным реалиям, содержанием. Использование такого подхода позволяет оценивать действия государств, исходя не из статичных стандартов, принятых на момент разработки международного документа, а исходя из реальной ситуации того момента времени, когда Суд непосредственно сталкивается с конкретной правовой проблемой.

Таким образом, чем шире перечень государств, ориентирующихся на соответствующее понимание положений Конвенции, тем убедительнее для Суда будет наличие согласия именно на такую трактовку Конвенции.

Исходя из концепции «Конвенция — живой организм», которую следует толковать с учетом требований сегодняшнего дня, Суд помимо отслеживания новых, эволюционных изменений в праве и правоприменительной практике на национальном уровне, также принимает во внимание и динамику изменений международного права.

При этом, учитывая различия договорных обязательств отдельных государств, данный подход также вызывал некоторые сомнения. ЕСПЧ неоднократно отмечал, что при определении, существует ли общий международный стандарт, касающийся правового вопроса, который он решает, Суд принимает во внимание международные договоры и иные международные документы¹. Практика показывает, что ЕСПЧ «никогда не считал положения Конвенции единственной нормативной основой для толкования закрепленных в ней прав и свобод»². Обращение к международному праву в данном случае вполне логично международные обязательства государств—участников в области прав человека, принятые позднее или касающиеся более узких вопросов, также отражают позиции государств по вопросам, являющимся предметом рассмотрения в Суде.

Используя иные международные источники, Суд, как и в случае сравнительно—правового метода анализа внутригосударственного правопорядка, может выявлять доминирующие тенденции и интерпретировать Конвенцию согласно действующему международному стандарту. Подобный подход в некоторых случаях вызывает возражения со стороны государств по той причине, что ЕСПЧ по своему усмотрению определяет, какие международные документы соответствуют делу, и какое им следует придавать значение. Спектр подходов при этом диверсифицирован. В первую очередь это международные договоры, связывающие обязательствами государство—ответчик без учета уровня их

¹ Постановление Европейского суда по правам человека «Kiyutin v. Russia» (жалоба № 2700/10) от 10 марта 2011 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 16.01.2022); «Soering v. the United Kingdom» (жалоба № 14038/88) от 07 июля 1989 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-57619%22> (дата обращения: 16.01.2022); «Vo v. France» (жалоба № 53924/00) 8 июля 2004 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-61887%22> (дата обращения: 16.01.2022) и т.д.

² Постановление Европейского суда по правам человека «Demir and Baykara v. Turkey» (жалоба № 34503/97) от 12 ноября 2008 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-89558%22> (дата обращения: 16.01.2022).

принятия: универсальный, региональный или одобрение договора в рамках Совета Европы.

В деле «*Soering v. the United Kingdom*»¹ Суд указал, «что предмет и цель Конвенции как правового акта, обеспечивающего защиту прав человека, требуют, чтобы ее нормы толковались и применялись таким образом, чтобы сделать ее гарантии реальными и эффективными». В этом деле Суд заявил, что запрет пыток воплощает одну из основополагающих ценностей демократических государств, входящих в Совет Европы, а его обращение к другим международно—правовым актам свидетельствовало, что аналогичные конвенционным формулировки можно найти в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Американской конвенции о правах человека 1969 г. Судом был сделан вывод, что эта норма пользуется всеобщим международным признанием. Продолжая сравнительно—правовой анализ международных договоров, он обратился к Конвенции ООН против пыток, которая содержит следующую формулировку: «ни одно государство—участник не должно ... выдавать какое—либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток»². Тот факт, что в этой специализированной Конвенции присутствует такая детализирующая формулировка обязательства государств, основывающаяся на общем запрете пыток, закономерно означает, что аналогичное, по сути, обязательство может быть выведено и из текста ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека «*Soering v. the United Kingdom*» (жалоба № 14038/88) от 07 июля 1989 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%22001-57619%22%7D> (дата обращения: 16.01.2022).

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 18.01.2022).

Таким образом, ЕСПЧ, основываясь на универсальном документе, расширенно истолковав положение ст. 3 Конвенции, расширил круг обязательств членов Совета Европы. Схожий подход был применен при истолковании ст. 8 Конвенции (уважение частной и семейной жизни). Судом были учтены положения Конвенции о правах ребенка 1989 г., принятой в рамках ООН и Европейской конвенции об усыновлении детей 1967 г.¹.

Использование при толковании Конвенции соглашений, в которых члены Организации являются также сторонами, не вносит существенных изменений в круг обязанностей государств. Несколько иначе дело обстоит при использовании договоров, в которых государства не участвовали в стадии принятия или не ратифицировали. Такой подход Суда подвергается критике со стороны государства—участника. При рассмотрении дела в Большой палате «Demir and Baykara v. Turkey», Суд большое внимание уделил Европейской социальной хартии (ст. 5 и 6 которой Турция не ратифицировала)², государство — ответчик заявил, что при оспаривании его позиции нельзя ссылаться на те международные договоры, которые государство не ратифицировало, так как при толковании не могут создаваться новые для Договаривающихся сторон, не предусмотренные в Конвенции обязательства.

Таким образом, применение рассматриваемой практики Европейским судом по правам человека зависит от единственного фактора: наличия устойчивой правовой тенденции во внутригосударственной практике государств—членов Совета Европы или

¹ Постановление Европейского суда по правам человека «Pini and Others v. Romania» от 22 июня 2004 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-61837%22%5D%7D> (дата обращения: 12.01.2022).

² Постановление Европейского суда по правам человека «Demir and Baykara v. Turkey» (жалоба № 34503/97) от 12 ноября 2008 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-89558%22%5D%7D> (дата обращения: 16.01.2022).

общей международной практике. В последнем случае уместнее всего говорить не о европейском, а о международном консенсусе.

Таким образом. Европейский консенсус — это комбинация различных подходов к установлению правовой тенденции, которая формируется в результате изменения общественных отношений, причем достаточно трудно определить, что станет решающим для Суда при принятии решения.

Последнее обстоятельство наряду с другими «острыми» вопросами делает процедуру поиска европейского консенсуса достаточно уязвимой с точки зрения критики государств.

Главный вопрос — это пороговое значение, при котором консенсус может быть установлен. Отсутствие четких критериев при установлении консенсуса подтверждается практикой Европейского суда по правам человека. В одном из своих решений он отметил: «Суд может учитывать любой консенсус и общие ценности, вытекающие из практики государств-участников»¹. В большинстве случаев консенсус констатируется, если больше половины участников демонстрируют единство в рассматриваемых вопросах. Кроме того, в некоторых случаях Суд использует термин «широкий» или «очень широкий», тем самым это, как представляется, свидетельствует, что общеевропейский консенсус может различаться по степени распространения, но это не является препятствием для его использования в аргументации Суда.

Еще одним проблемным моментом является то, что использование данного метода эволюционного толкования осуществляется при полном отсутствии правового регулирования последнего. Конвенция не только не содержит критериев, которыми должен руководствоваться Суд для

¹ Постановление Европейского суда по правам человека «Bayatyan v. Armenia» (жалоба № 23459/03) от 7 июля 2011 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-105611%22> (дата обращения: 15.01.2022).

выявления общей тенденции, сформированной в правовой практике государств-членов, но и не упоминает данного понятия в своем тексте, отсутствует упоминание о правиле консенсуса и в Регламенте Европейского Суда. При этом ЕСПЧ не дал четких разъяснений со своей стороны в тех решениях, где он прибегает к этому способу толкования Конвенции, что именно он воспринимает за некий образец при констатации существования или отсутствия европейского консенсуса.

Помимо этого, вызывают вопросы такие практические детали, как тщательность исследования, критерии проведенной выборки, а также методологическая надежность сравнительного метода, использованного Европейским судом по правам человека. В качестве ориентира при установлении европейского консенсуса Суд опирается на доминирующие тенденции во внутригосударственной практике государств—членов, в общей международной или европейской практике, а также на изменения в общественном мнении. Определённые сомнения возникают по причине весьма непоследовательной практики применения европейского консенсуса: в одних случаях ЕСПЧ уделяет внимание одним факторам, а в других он ими пренебрегает (например, европейский или международный консенсус). Совершенно очевидно, что Суд обладает определенной свободой усмотрения в выборе того или иного подхода к толкованию Конвенции, известно также, что в некоторых случаях он опускает определенную цепь своих рассуждений, предлагая государствам только выводы. Это наталкивает на мысль, что Суд первоначально генерирует правовую позицию, затем подводит под нее соответствующую правовую базу. В связи с этим возникает вопрос, насколько будут убедительны выводы Суда и насколько из мотивации Суда исключена предвзятость и «подгонка» желаемого результата под соответствующую выборку.

Эти спорные моменты не имели бы большого значения, если бы этот подход не мог быть использован в расширении содержательной части прав

и свобод, закрепленных в Конвенции, на которые государства на момент принятия этого договора согласия не давали и не исходили из такого понимания норм Конвенции. С правовой точки зрения можно говорить о расширении обязанностей государств по договору.

Несмотря на высокую степень конвергенции правовых систем, присутствующие правовые, экономические, религиозные особенности порождают различие во внутригосударственной практике. То, что является нормой (приемлемым) в одной части Европы, в другой может быть оценено как неприемлемое.

Одним из резонансных дел, вынесенных Судом в отношении Российской Федерации, где он применил европейский консенсус, было дело «Маркин против РФ». Данное Постановление стало одним из первых, когда трактовка ЕСПЧ положений Конвенции вступила в противоречие с законодательством РФ, позицией Конституционного Суда РФ относительно обязательств государства выплачивать компенсацию по уходу за ребенком¹.

В приведенном деле Суд проанализировал практику 33 государств, 28 из которых предусматривали равенство родителей на отпуск по уходу за малолетним ребенком, что составляет 60 % от общего количества государств—участников. Возражению Российской Федерации о том, что речь идет о неординарной ситуации (К. Маркин являлся военнослужащим, что предполагает выполнение им обязанностей, имеющих особое значение для обеспечения общественных интересов, а также то, что гендерное соотношение в структуре Российской Армии крайне непропорционально), не было придано ключевого значения.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека «Konstantin Markin v. Russia» (жалоба № 30078/06) от 22 марта 2012 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/ukr#%22itemid%22:%22001-109868%22> (дата обращения: 14.01.2022).

Данное дело в определенной степени показывает еще один из минусов использования такого подхода. В этом решении ЕСПЧ, на основе вновь установленного консенсуса, изменил свою ранее вынесенную позицию по рассматриваемому вопросу. Такая ситуация делает в определенной степени непредсказуемой решение Суда для государств, которые даже в случае ориентированности на его практику, не застрахованы от принятия на внутригосударственном уровне законодательных или правоприменительных актов, которые потенциально могут быть признаны не соответствующими Конвенции.

Позицию национальных властей относительно использования Европейским судом механизма выявления общеевропейского консенсуса как основание для эволюционного толкования Конвенции 1950 г., в целом можно назвать положительной. Из всех возможных правовых ориентиров, используемых Судом, этот в большинстве случаев достаточно прозрачен и понятен для государств — участников. По мнению Председателя Конституционного Суда В. Зорькина, консенсус является «наиболее эффективным из всех имеющихся в распоряжении способов демократической легитимации его решений, что позволяет Страсбургскому суду «опереться на такие объективные основания, как сложившаяся практика демократических государств»¹. Вместе с тем, он подчеркнул, при этом необходимо придавать большее значение практике конституционных судов государств—участников, «поскольку конституционное правосудие в большинстве случаев отражает внутригосударственный консенсус, лежащий в основе национальной конституции»², так как субсидиарная природа ЕСПЧ предполагает некоторую оторванность от национальных социокультурных корней, внутригосударственная практика позволяет глубже понять широкий

¹ «Зорькин призвал развивать «европейский консенсус»». ТАСС. 21 октября 2015 г. // URL: <https://tass.ru/politika/2367859> (дата обращения: 10.01.2022).

² Там же.

социальный контекст действия прав и свобод. Последнее высказывание, как показывает практика, имеет важное правовое значение. Доминирование позиции большинства, выраженное через призму их национального законодательства, в некоторых случаях может породить негативные последствия в правовой системе «меньшинства», или даже одного государства-участника, что делает исполнение решений проблематичным или даже неисполнимым¹.

Схожей по своему содержанию позиции придерживается и Б.С. Эбзеев, судья Конституционного Суда РФ (в отставке). Отмечая, что «европейский консенсус как единая система защиты прав человека предполагает одинаковый уровень защиты во всех государствах – участниках Конвенции», он отмечает, что в процессе формирования европейского консенсуса должны приниматься во внимание национальные конституционные традиции государств-участников Конвенции 1950 г.²

Действительно, с точки зрения внутригосударственного, и прежде всего конституционного права, достаточно сложной проблемой представляются случаи, когда установленный европейский консенсус вступает в прямое противоречие с национальными традициями, внутренним законодательством (в том числе конституционным), с доминирующим в обществе мнением, т.е. в противоречие с внутригосударственным консенсусом. В своей деятельности Европейский Суд по правам человека сталкивался с такими ситуациями неоднократно³.

Как и любой подход, установление европейского консенсуса не всегда приводит к констатации нарушения со стороны государства. Речь

¹ «Россия и Страсбург: проблемы реализации Конвенции о правах человека». Интервью Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина // URL: <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html> (дата обращения: 10.01.2022).

² Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 445.

³ Постановление Европейского суда по правам человека «Tyger v. the United Kingdom» (жалоба № 5856/72) от 25 апреля 1978 г.; «Dudgeon v. the United Kingdom» (жалоба N 7525/76) от 22 октября 1981 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.01.2022).

идет о возможности Суда принять решение вопреки сложившейся в государствах Совета Европы практики из—за «блокирующего внутригосударственного консенсуса»¹.

Однако, как показывает практика, случаи, когда он позволил заблокировать европейский консенсус, чрезвычайно редки. Постановление «A., B., C. v Ireland», принятое в 2010, является одним из таких дел. Согласно материалам, Суд не признал, вопреки действовавшему европейскому консенсусу, нарушением существование в Ирландии достаточно жесткой позиции в отношении ограничения права на аборт. Наличие внутригосударственного консенсуса в данном случае было подтверждено итогами трех референдумов и международными договорными обязательствами.

Что касается практики ЕСПЧ в отношении Российской Федерации, делом, в котором внутригосударственный консенсус вступил в противоречие с общеевропейским, является «Fedotova and others v. Russia» от 13 июля 2021 г.² (решение пока не вступило в силу, оно передано на рассмотрение Большой палаты в ноябре 2021 г.). Дело касается трех однополых пар, для которых, согласно российскому законодательству, отсутствует возможность официально зарегистрировать свои отношения, что, по их мнению, является нарушением прав, гарантированных Конвенцией.

Согласно материалам дела, заявителям было отказано в регистрации брака органами ЗАГСА (в период 2009—2013 г.г.). Отказ был мотивирован положениями ст. 1 и ст. 12 Семейного кодекса РФ, согласно

¹ Де Лондрас Ф., Дегтярев К. «А., В. и С. против Ирландии»: возникновение блокирующего внутригосударственного консенсуса // Международное правосудие. 2013. № 1(5). С. 28-30.

² Постановление Европейского Суда по правам человека «Fedotova and others v. Russia» (жалобы №№ 40792/10, 30538/14 and 43439/14) от 13 июля 2021 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22%3A%22001-163362%22%7D> (дата обращения: 12.01.2022).

которым брак — это «добровольный брачный союз мужчины и женщины».

При обращении в районный суд заявителей с жалобой о нарушении их конституционных прав, гарантированных также ст. 8 и 12 Конвенции, в решении было отмечено, что оспариваемое заявление о заключении брака не удовлетворяет ни одному из условий, изложенных в Семейном кодексе, поскольку в нем отсутствовало необходимое «добровольное согласие мужчины и женщины», поскольку в первой паре не было мужчины, а также суд посчитал, что ни международное право, ни Конституция России не налагают на власти обязанности поощрять или поддерживать однополые союзы.

Заявители подали апелляцию, утверждая, что Семейный кодекс прямо не запрещает однополые браки. В частности, статья 14 Кодекса содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих заключение брака, в который не входит пункт об однополых отношениях. 21 января 2010 г. Московский городской суд оставил приговор без изменения, поддержав доводы районного суда. Кроме того, он постановил, что тот факт, что российское законодательство прямо не запрещает однополые браки, не может быть истолкован как их одобрение со стороны государства.

Другой паре заявителей суды также отказали в удовлетворении их жалобы, сославшись, помимо прочего, на Определение Конституционного Суда РФ 2006 г.¹ В своем обращении в КС РФ заявитель оспаривал конституционность п.1 ст. 12 Семейного кодекса и фактически требовал государственного признания своих взаимоотношений с другим мужчиной путем их регистрации в виде защищаемого государством союза.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15518.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

Основываясь на положениях Конституции РФ, отраслевого законодательства и договорах РФ, Конституционный Суд отказал заявителю в принятии жалобы, признав ее недопустимой.

Рассматривая обязательства РФ, Конституционный Суд обращается к положению ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.¹, в силу которой вступление в брак и право основывать семью признается именно за мужчиной и женщиной. Обращение к действующему «расширенному» универсальному стандарту, который представлен в Общих замечаниях Комитета по правам человека ООН к ст. 23 Пакта, принятому в 1990 г.² данный аспект Комитетом в нем не поднимается. Что касается к приведенной ст. 12 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г.³, то в ней, хотя и упоминается, что «мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, могут вступать в брак», однако, как представляется трудно сделать логический вывод о том, что имеется в виду – однополый или разнополый брак. Вместе с тем очень важным дополнением является отсылка на то, что «правовое регулирование брака осуществляется в соответствии с национальным законодательством», следовательно, этот вопрос подразумевает свободу усмотрения государства.

В свете рассматриваемой проблемы видится достаточно показательным, что в качестве своей аргументации Конституционный Суд прибегнул к сравнительному анализу национального законодательства государств-участников Совета Европы, т. е. предпринял попытку

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.01.2022).

² Замечание общего порядка № 19 - Статья 23 (семья) Комитета по правам человека ООН // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCPR%2fGEC%2f6620&Lang=ru (дата обращения: 25.01.2022).

³ Конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г. // URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

установить европейский консенсус. На момент принятия Определения, консенсус не был установлен, что хронологически совпадает с данными, которыми оперировал Европейский Суд по правам человека (п. 29).

На основе этого Конституционный Суд РФ совершенно справедливо делает вывод, что у Российской Федерации отсутствует какая—либо обязанность по «созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола ... и это не влияет на уровень признания и гарантий в Российской Федерации прав и свобод заявителя как человека и гражданина»¹. Помимо этого КС РФ посчитал необходимым сделать акцент на национальные ценности Российской Федерации, исходящие из традиционного подхода к семье и браку.

При рассмотрении жалобы ЕСПЧ, в виду отсутствия в Конвенции четкой позиции в отношении однополых браков, прибегнул к механизму европейского консенсуса. Исходя из сравнительно—правового анализа внутригосударственного права государств—участников Конвенции, Европейский Суд указал, что по состоянию на июнь 2021 г. 16 из 47 государств (исключительно западноевропейские страны) признают и заключают однополые браки, кроме того еще 14 юридически признают одну из форм союза для однополых пар. При вынесении схожего решения в 2010 г., как отмечает Суд, такого уровня консенсуса среди стран Совета Европы не наблюдалось². На основании этого Суд констатировал наличие общеевропейского консенсуса по данному вопросу и, соответственно, отсутствие у государств свободы усмотрения. Таким образом, Суд большинством голосов признал нарушение Россией ст. 8 Конвенции.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15518.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

² Постановление Европейского суда по правам человека «Schalk and Korf v. Austria» (жалоба № 30141/04) от 24 июня 2010 г. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22:%5B%2230141/04%22%5D,%22itemid%22:%5B%22001-99605%22%5D%7D> (дата обращения: 13.01.2022).

В качестве аргумента со стороны Российской Федерации, свидетельствующего о существовании внутригосударственного консенсуса, Суду были приведены данные ВЦИОМ, согласно которым большинство россиян не одобряют однополые браки. При этом количество людей, выступающих против однополых браков, увеличилось с 38% в 1995 г. до 88% в 2015 г., демонстрируя обратную европейской тенденцию. Если обратиться к данным на 2021 г., то за 6 лет ситуация изменилась незначительно: негативного отношения к такого рода бракам придерживаются 75% россиян¹. Как представляется, эти данные могут свидетельствовать о существовании внутригосударственного консенсуса по данному правовому вопросу.

Однако, специфика вопроса определяется еще и тем, что к моменту принятия решения Европейским Судом, ситуация, существовавшая на момент принятия жалобы, значительным образом изменилась. Речь идет о поправках, внесенных в текст Конституции 2020 г. Если первоначальный текст Основного закона содержал достаточно абстрактные положения (в нем не говорилось о браке, речь шла только о защите и государственной поддержке семьи, материнства, отцовства и детства), явно не свидетельствующие о том, что брак — это союз мужчины и женщины, принятая поправка к ст. 72, согласно которой «защита института брака как союза мужчины и женщины находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов», как представляется, в корне меняет ситуацию².

¹ Однополые браки: табу или новая норма? Россияне отходят от категорично негативных суждений о представителях сексуальных меньшинств, но по-прежнему отрицательно относятся к однополым бракам. ВЦИОМ. 23 июля 2021 г. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma> (дата обращения: 20.01.2022).

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. ст. 1416.

Если проводить аналогию с делом «A., B., C. v Ireland», одним из факторов, который может привести к блокировке внутригосударственным консенсусом европейского, является убедительность доводов Российской Федерации. При рассмотрении жалобы Суд принял к сведению данные ВЦИОМ и конституционные изменения, но, исходя из принятого решения, он посчитал их неубедительными, отметив, что это не является основанием для отказа определенной части населения в доступе к праву на уважение их личной и семейной жизни, которые относятся к основным правам. Это является несовместимым с ценностями Конвенции...так как использование меньшинством прав, ею предусмотренных, поставлено в зависимость от того, одобряется ли это большинством.

Обращает на себя внимание, что Европейский Суд принял к сведению внесенные в Конституцию изменения с юридической точки зрения как положение внутригосударственного права, не более. Как представляется, на этот факт необходимо взглянуть несколько с другой стороны: речь идет об официальном подтверждении на самом высоком уровне (в форме референдума) существующего внутригосударственного консенсуса относительно рассматриваемых семейных ценностей, наличия традиционных взглядов на институт брака. В принципе любое положение Конституции Российской Федерации может рассматриваться как убеждающий факт наличия того или иного внутригосударственного консенсуса.

В связи с выходом России из Совета Европы, сейчас трудно предположить, насколько результаты Всенародного голосования по поправкам к Конституции РФ, с результатом 77, 92 % россиян (58 миллионов человек), которые одобрили вносимые изменения, могли бы быть расценены как наличие внутригосударственного консенсуса, способного привести к блокировке европейского консенсуса по аналогии с делом «A., B., C. v Ireland».

Рассмотрение практики формирования стандартов международными контрольными органами на примере деятельности Европейского суда по правам человека в рамках данной работы объясняется тем, что, несмотря на имеющиеся организационные и иные различия между действующими межгосударственными органами, используемые ими подходы к токованию и эволюционному развитию договорных положений, являются схожими.

В отношении стандартов, установленных международными соглашениями, вопрос в законодательстве Российской Федерации решен достаточно четко, причем на самом высоком правовом уровне – конституционном. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ закрепляет, что положения международных договоров являются частью правовой системы Российской Федерации, а в случае установления иных правил, чем предусмотренные законом, они обладают приоритетом применения. Данная конституционная норма стала основой для всего федерального законодательства. Закон РФ «О международных договорах Российской Федерации» в преамбуле и в статье 5 подтверждает, что международные договоры РФ, наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права, являются составной частью ее правовой системы.¹ Аналогичные положения с небольшими модификациями содержатся в УПК РФ (ст. 1), ГК РФ (ст. 7), ГПК (ст. 1) и т.д.

Что касается стандартов, содержащихся в итоговых решениях международных органов, то на законодательном уровне вопрос их реализации в рамках российской правовой системы так и не был решен. Определенные изменения в этой сфере произошли с принятием в 2020 г. конституционных поправок. Согласно обновленной ст. 79 «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании,

¹ ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 года (в ред. от 12.03.2014 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2017).

противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹. Таким образом, критерием «допуска» в правовую систему России такого рода стандартов является их соответствие конституционным положениям. Осуществление такого контроля было возложено на Конституционный Суд РФ 125 (п. 5.1 «б»).

Вместе с тем отсутствие законодательного регулирования процесса реализации решений международных контрольных органов на государственном уровне не повлияло на выработку соответствующих подходов на практике в тех же направлениях, как и в странах, где такие законы были приняты.

В виду обязательного характера для Российской Федерации решений Европейского суда по правам человека, формирование практики более 20 лет происходило с учетом данных актов.

Ведущая роль в этом процессе, безусловно, принадлежала Конституционному Суду. Еще в 1992 году он впервые выразил свою позицию в отношении действия в российской правовой системе договорных норм², а затем и решений ЕСПЧ. Так, в Постановлении № 2-П от 5 февраля 2007 г. Суд отметил, что «как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека—в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, являются составной частью

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. ст. 1416.

² Например, в Постановлениях № 2-П от 4 февраля 1992 года «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1 статьи 33 КЗоТ РСФСР»; и № 1-П от 25 января 2001 года «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В.Богданова, А.Б.Зернова, С.И. Кальянова и Н.В.Труханова» Конституционный Суд выразил позицию о том, что международные договоры и Конвенция 1950 года являются частью правовой системы РФ // Официальный сайт конституционного Суда РФ // URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 12.05.2015).

российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права»¹.

Согласно приведенному постановлению Конституционного Суда, в правовую систему Российской Федерации входили не все постановления Европейского Суда, констатирующие нарушение Конвенции, а только те, в которых содержалась интерпретация ее норм в процессе толкования. Также обращает на себя внимание тот факт, что Конституционный Суд в своей правовой позиции не проводит какой — либо дифференциации между постановлениями (вынесенные в отношении РФ или других стран). Эта позиция отражалась и в практике: Суд в одинаковой степени использовал при обосновании своих позиций как постановления, вынесенные в отношении Российской Федерации, так и те, которые вынесены в отношении других стран Совета Европы.² Вместе с тем, правоприменитель не лишается определенного усмотрения в использовании стандартов ЕСПЧ. Единственная оговорка, сделанная

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения 12.05.2015).

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2014 г. «По делу о проверке конституционности положений части 18 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», пункта 4 статьи 10 и пункта 2 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 3 статьи 7 Закона Ивановской области «О муниципальных выборах» в связи с жалобой граждан А.В.Ерина и П.В.Лебедева; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 14-П от 13 мая 2014 года по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н.Якимова»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 7-П от 10 марта 2016 г. «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального Закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision165398.pdf> (дата обращения 10.05.2015).

Судом, касалась необходимости толкования Конвенции, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права.

Аналогичная практика была сформирована и в рамках деятельности Верховного Суда РФ. Суд указывал на необходимость учитывать правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые были приняты в отношении других государств— участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это нововведение во многом является развитием положения, сформулированного Верховным Судом РФ еще в Постановлении № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹. В указанном Постановлении Верховный Суд, ссылаясь на п. «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, указал, что применение судами Конвенции должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции.

Если в вышеупомянутом Постановлении данная позиция подразумевалась², то в Постановлении Пленума 2013 года она была четко закреплена. Кроме того, теперь судьи при рассмотрении дел не ограничены в выборе правовых позиций ЕСПЧ. В предшествующем Постановлении Верховный Суд РФ сузил количество правовых позиций, которые подлежали учету в правоприменительной деятельности судов, ограничив их только той частью практики ЕСПЧ, которая сформировалась при рассмотрении дел в связи с предполагаемым нарушением Российской Федерацией своих договорных обязательств.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

² См.: *Воронцова И.В., Соловьева Т.В.* Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. М., 2010. С. 6-7.

В п. 3 Постановления 2013 г. Верховный Суд РФ отметил, что «правовые позиции Европейского суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемых Европейским судом при применении Конвенции и Протоколов к ней». Таким образом, Верховным Судом РФ была подтверждена позиция о том, что Конвенция и постановления ЕСПЧ образуют неразрывную связь с внутригосударственными стандартами прав человека. Аналогичные правовые позиции были выражены Верховным Судом и в других Постановлениях¹.

То, что формирование необходимого правового отклика со стороны национальной правовой системы на решения международных контрольных органов было осуществлено именно органами судебной власти, представляется вполне закономерным. Если законодательные меры запаздывают, российские суды должны принять меры для того, чтобы данная ситуация не приобретала черты «системной проблемы»². В целях превенции нарушений прав человека внутригосударственные судебные органы должны действовать аналогичным образом во всех схожих ситуациях в целях недопущения нарушения прав человека, которые уже были выявлены международным контрольным органом.³

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. по делу «Ananyev and others v. Russia» (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08) от 10 января 2012 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.05.2020); Постановление Европейского Суда по правам человека «Burdov v. Russia (no. 2)» (жалоба № 33509/04) от 15 января 2009 г. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90671>. (дата обращения: 07. 02. 2013 г.).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2003. № 12

В заключении хотелось бы отметить, что правовые позиции международных контрольных органов относительно толкования договорных положений в определенной степени способствуют детализации жестких договорных норм в целях более эффективной реализации прав человека; служат важным источником правовой информации в области прав и свобод человека, которая может быть применена в различных областях государственной деятельности. Во-первых, она может содержать критерии оценки соответствия законодательства РФ положениям международного договора, выявления возможных противоречий. Во-вторых, правовые позиции, содержащиеся в международной правоприменительной практике, служат ориентиром для национального судьи и законодателя при уяснении истинного понимания норм, содержащихся в международных договорах, касающихся прав и свобод¹. В-третьих, информация, содержащаяся в актах международных контрольных органов, может выявить мировые (региональные) тенденции, направления развития в области прав и свобод человека². Кроме того, исходя из внутригосударственной практики, можно сказать, что российские суды прибегают к рассматриваемым актам не только за уяснением положений соответствующего договора, но и в поисках дополнительных доводов в обоснование своей правовой позиции³.

Критерием «допуска» (реализации) в российскую правовую систему правовых позиций, содержащих элементы эволюционного толкования договора, является отсутствие каких-либо противоречий с действующими

¹ См.: Куусимяки Р. О статьях пятой и шестой Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Московский журнал международного права. 1997. № 4. С. 68.; Анишина В. И. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на российское правосудие // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 5-6.

² См.: Горшкова С.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и правовая система Российской Федерации: автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. М., 1998. С. 11.

³ См.: Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 7.

конституционными установлениями. Кроме того, исходя из субсидиарной природы международного правозащитного механизма, действие принимаемых в его рамках актов в национальной правовой системе в значительной степени ограничено. Являясь по природе правоприменительными актами, они не оказывают непосредственного влияния на состояние внутреннего законодательства и правоприменительной практики (не отменяют, изменяют нормы и акты государства). Государству предоставляется определенная свобода в установлении перечня государственных органов, включающихся в механизм реализации решений международных органов и степени их участия в этом процессе.

§ 5. Специфика формирования стандартов защиты прав человека в деятельности международных консультативных органов

Рассмотрение порядка формирования международных стандартов в области прав человека международными консультативными органами в данной работе связано с тем, что они используют несколько иные подходы к их формированию в сравнении с международными контрольными органами. Отсутствие специальной процедуры установления нарушений договорных обязательств государствами в виде рассмотрения индивидуальных жалоб, и, как следствие, отсутствие функции толкования договорных норм не позволяет проецировать при обосновании возможности формирования в рамках данных органов международных стандартов по аналогии с международными судебными (квазисудебными) контрольными органами.

Исходя из практики международно-правового сотрудничества России с такого рода органами к числу таких структур можно отнести Комиссию по правам человека СНГ¹, Европейский комитет по предупреждению пыток² и Европейскую комиссию за демократию через право (Венецианская Комиссия)³.

Согласно Уставу СНГ (ст. 33) и преамбуле Положения, Комиссия определяется как консультативный орган, наблюдающий за выполнением обязательств в области прав человека, которые были приняты государствами-участниками Содружества. Компетенция Комиссии прописана в Положении достаточно лаконично. Среди основных направлений деятельности определены: «подготовка тематических докладов по актуальным вопросам

¹ Комиссия по правам человека СНГ. Интернет-портал СНГ // URL: <https://e-cis.info/cooperation/3850/> (дата обращения: 23.09.2023).

² European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT). <https://www.coe.int/en/web/cpt> (дата обращения: 23.09.2023).

³ Европейская Комиссия за демократию через право // Официальный информационный портал URL: https://www.venice.coe.int/WebForms/pages/?p=01_Presentation&lang=RU (дата обращения: 23.09.2023).

поощрения и защиты прав человека», которые носят исключительно рекомендательный характер; рассмотрение национальных докладов, которые в праве предоставлять государства - участники о достигнутых ими успехах в области защиты прав человека; осуществление взаимодействия с государствами, правозащитными организациями, включая организацию форумов, конференций, семинаров по обмену опытом, а также рассмотрение обращений Сторон и/или физических лиц в случае предполагаемого нарушения прав человека. Последнее полномочие может быть реализовано в случае признания государствами-участниками соответствующей юрисдикции.

Отсутствие некоторой четкости (по сравнению с действующими международными механизмами) в области правового регулирования можно объяснить тем, что деятельность Комиссии находится в процессе становления и многие из документов только предполагаются к принятию. Например, исходя из содержания рассматриваемого Положения правила процедуры разрабатываются и принимаются непосредственно Комиссией, а условия приемлемости и порядок рассмотрения обращений будут определены решением Совета глав государств СНГ (п. 15).

Несмотря на достаточно длительный период, прошедший с момента учреждения, деятельность Комиссии нельзя назвать эффективной. Причиной этому - внутренние особенности взаимодействия стран Содружества и ряд внешнеполитических факторов¹. Однако новый подход к осуществлению контрольной деятельности Комиссии в определенной степени может снять имеющиеся проблемы и повысить эффективность ее работы.

Что касается двух других консультативных органов, то они интегрированы в организационный механизм Советов Европы, и Российская Федерация в период членства в Организации с разной степенью интенсивности взаимодействовала с данными механизмами.

¹ Косолапов М.Ф. Конституционное право на обращение в международные органы в государствах СНГ: проблемы становления правозащитного механизма // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 166-169.

Выход Российской Федерации из Совета Европы в 2022 году коренным образом изменил действие ее международных обязательств в рамках Организации, и привел к прекращению взаимных контактов. Однако выход из Совета Европы затронул только ряд международных обязательств, сохранив при этом действие Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г., которая составляет одну из основ функционирования Европейского комитета против пыток¹.

Что касается деятельности Венецианской комиссии, то ее учреждение не носило договорного характера, и, как следствие, не порождало каких-либо обязательств для государств-участников, что во многом определило порядок взаимоотношений Российской Федерации и данного консультативного органа и практику имплементации ее мнений в рамках российской правовой системы.

Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания

В системе международных органов, функционирующих в сфере защиты прав человека, Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее ЕКПП или Комитет), созданный в рамках Совета Европы в 1987² году, занимает особое место. Его структура, методы работы в значительной степени отличаются от тех, которые характерны для большинства контрольных органов, действующих в данной области.

¹ См.: Перечень многосторонних международных договоров Российской Федерации, действующих в сфере защиты прав и свобод человека (по состоянию на 1 сентября 2023 года) // https://vsrf.ru/documents/international_practice/32968/ (дата обращения: 03.11.2023).

² См.: Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г. Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию 28 марта 1998 года // СЗ РФ 1998. № 13. Ст. 1466.

Оказавшись встроенным в уже функционирующий правозащитный механизм Организации, ЕКПП был лишен полномочий по рассмотрению индивидуальных и межгосударственных жалоб, толкованию договорных норм: на момент его создания они уже находились в ведении Комиссии по правам человека и Европейского Суда. В отличие от комитетов по правам человека ООН, он не был наделен правом рассмотрения периодических докладов государств о реализации ими положений соответствующего договора¹.

Своей главной цели – усиления защиты лиц, лишенных свободы, от пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, он достигает благодаря организации посещений мест их содержания; внесения соответствующих предложений и рекомендаций участникам Конвенции, а также поддержания непрерывного диалога с государствами—членами в этой области (ст. 1 Конвенции 1987 года). Еще одной особенностью функционирования ЕКПП является то, что Конвенция 1987 года полностью посвящена вопросам его деятельности, и следовательно, в отличие от соответствующих комитетов ООН и ЕСПЧ, он не осуществляет наблюдение за выполнением государствами—участниками ее положений. Его деятельность сосредоточена исключительно на общей превенции нарушений ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.² и в оказании помощи государствам в имплементации соответствующих стандартов на внутригосударственном уровне.

Отсутствие судебной (квазисудебной) функции, в виде установления фактов нарушения государствами взятых на себя обязательств, осуществления абстрактного или казуального толкования договорных

¹ Например, такое полномочие предоставлено Комитету по правам человека ООН согласно ст. 40 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

² Согласно ст. 3 Конвенции «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

норм, не позволяет говорить о возможности формирования в рамках деятельности ЕКПП правоприменительной практики по аналогии с перечисленными выше органами, а, следовательно, и о возможности разработки им соответствующих международных стандартов.

Вместе с тем в международной и внутригосударственной практике европейских государств, деятельности межправительственных и неправительственных международных организаций получило широкое распространение обращение к так называемым «стандартам Европейского комитета по предотвращению пыток». Особенно часто их можно встретить в практике Европейского Суда по правам человека¹, Комитета Министров Совета Европы².

Как правило, данные органы ссылаются на стандарты ЕКПП в целях обоснования своей позиции по какому—либо вопросу либо указывают на необходимость следовать им на внутригосударственном уровне в целях добросовестного выполнения взятых на себя обязательств.

В распространении данной практики определенную роль сыграл и сам Комитет, подготовив и опубликовав сборник, озаглавленный «Стандарты ЕКПП», в котором им были изложены «существенные» разделы из его общих отчетов³.

В отличие от кодифицированных стандартов, разрабатываемых международными организациями⁴ и стандартов, формируемых в рамках

¹ См.: «Chernetskiy v. Russia» (жалоба № 18339/04) от 16 октября 2014 года (§ 48); «Khoroshenko v. Russia» (жалоба № 41418/04) от 30 июня 2015 (§ 66); «Mehmet Eren v. Turkey» (жалоба № 32347/02) от 14 октября 2008 (§40); «Bouyid v. Belgium» (жалоба №. 23380/09) от 28 сентября 2015 (§ 48) и т.д.

² См.: Recommendation Rec(2006)2 of the Committee of Ministers to member states on the European Prison Rules // URL: <https://wcd.coe.int> (дата обращения: 06.04.2017).

³ См.: CPT standards (CPT/Inf/E (2002) 1 - Rev. 2011 // <http://www.psychargos.gov.gr/Documents2/%CE%9D%CE%95%CE%91/eng-standards.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).

⁴ Например: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г.; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой - бы то ни было форме 1988 г.; Минимальные стандартные правила Организации

деятельности международных судебных (квазисудебных) органов, применение которых на внутригосударственном уровне перестало быть правовой экзотикой, правовой статус стандартов ЕКПП до настоящего времени остается неопределенным и мало изученным.

В условиях отсутствия какого-либо конвенционного регулирования, некоторое ориентирующее значение по отдельным вопросам формирования данных стандартов, могут иметь позиции, изложенные Комитетом.

В своем Первом докладе, принятом в 1990 году¹, ЕКПП предпринимает попытку объяснить причину, побуждающую его к формированию данной группы стандартов, а также определить их место в системе международных стандартов прав человека. (§ 95—96).

Комитет отмечает, что выполняемые им функции не предполагают какой—либо его организационной и правовой обособленности от других элементов действующей системы защиты прав человека. В своей деятельности Комитет не ограничивается только положениями ст. 3 Конвенции 1950 года, источником правовой информации в рамках Совета Европы для него выступают правовые позиции ЕСПЧ и Комиссии по правам человека (до ноября 1998 года), выработанные в ходе рассмотрения ими жалоб на предполагаемое нарушение данной статьи.

Помимо этого, учитывая, что «запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания является общей международной нормой, которая в разных формулировках содержится в целом ряде международных документов»², ЕКПП ориентируется также на

Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.

¹ См.: 1st General Report on the CPT's Activities (Nov. 1989 - Dec. 1990) (includes sections on Main features of the CPT, The emphasis placed on the preventive nature of the CPT's functions and Visits) // URL: <https://rm.coe.int/1680696a3e> (дата обращения: 11.07.2017)

² См.: European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment Text of the Convention and Explanatory Report (CPT/Inf/C (2002) 1) (§ 26) // URL: <https://rm.coe.int/16806dbaa3> (дата обращения: 02.06.2017).

стандарты, установленные в иных международных соглашениях, актах мягкого права и правоприменительных актах¹.

Однако, несмотря на такое обилие нормативного и правоприменительного материала, имеющегося в его распоряжении, он во время проведения инспекций сталкивается с конкретными ситуациями, для разрешения которых отсутствуют необходимые правовые ориентиры или требуется определенная «детализация» уже существующих международных стандартов². В такой ситуации бездействие Комитета может повлечь негативные последствия, и поэтому он вынужден «нащупывать свой путь к разработке собственных «подходов к оценке» («measuring rods»)³ в свете опыта его членов и тщательного и хорошо сбалансированного сравнения различных систем содержания под стражей».

Согласно приведенной позиции, «стандартизация» не является самоцелью, это скорее вынужденная мера. Комитет «включается» в процесс выработки «стандартов» только при отсутствии в системе действующего международного права формально—определенных критериев оценки условий содержания лиц, лишенных свободы, согласно требованиям ст. 3 Конвенции 1950 года.

Данное обстоятельство, в определенной мере, предопределяет и место стандартов ЕКПП в системе международных стандартов прав человека. Комитет неоднократно отмечал, что он не претендует на

¹ К такому роду документов можно отнести: Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года; Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г.; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой - бы то ни было форме 1988 г.; Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.; Европейские пенитенциарные правила 1987 г. и т.д.

² См.: § 95. 1st General Report on the CPT's activities covering the period November 1989 to December 1990. // URL: <https://rm.coe.int/1680696a3e> (дата обращения: 11.07.2017).

³ В монографии Р. Моргана, М. Эванса *Борьба против пыток в Европе: деятельность и стандарты Европейского комитета по предупреждению пыток М.*, 2002, данный термин интерпретируется как «нормативы».

самостоятельный статус своих «стандартов». В п. 21 Девятого ежегодного отчета, тематически касающегося правил содержания в местах лишения свободы несовершеннолетних лиц, Комитет подчеркнул, что любые стандарты, которые он может развивать в данной области, следует рассматривать как дополнение к тем, которые содержатся в комплексе международных документов, включая Конвенцию ООН 1989 года о правах ребенка, Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 года, Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы)¹. В ряде случаев Комитет напрямую указывает на оказываемое влияние действующих международных стандартов на его рекомендации государствам—участникам.²

Представляется, что данную позицию Комитета необходимо воспринимать не как умаление статуса разрабатываемых им стандартов, а скорее как акцент на необходимость их учета в государственной практике наряду с положениями перечисленных актов, поскольку по ряду вопросов стандарты ЕКПП являются более детализированными и устанавливают более высокие требования к условиям содержания заключенных, чем аналогичные стандарты, содержащиеся в замечаниях общего порядка комитетов по правам человека ООН³ и в кодифицированных актах мягкого права, принятых Генеральной Ассамблеей ООН. Неоспоримым преимуществом стандартов ЕКПП является также их постоянное развитие.

¹ См.: 9th General Report on the CPT's Activities (1998) // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения: 11.07.2017).

² 25th General Report on the CPT's Activities (2015) (includes a section on the situation of life-sentenced prisoners) // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения: 11.07.2017).

³ См.: General comment No. 20: Article 7 (Prohibition of torture, or other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment); Замечание общего порядка № 2 Комитета против пыток ООН «Имплементация статьи 2 государствами-участниками» // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.05.2017).

Так, например, если в перечисленных универсальных стандартах вопросы содержания женщин, лишенных свободы, лиц иностранного гражданства, несовершеннолетних рассматриваются в общем контексте, то в актах ЕКПП проблемы, связанные с содержанием данных категорий лиц, рассмотрены достаточно подробно¹. Кроме того, в своих докладах ЕКПП постоянно возвращается к наиболее проблемным вопросам, дополняя и развивая изложенные позиции².

Представляется, что о потенциальной возможности формирования в рамках ЕКПП стандартов, не имеющих аналогов в международном праве, свидетельствует тот факт, что Конвенция 1987 года наделила его широкими полномочиями по сбору фактической информации³ в рамках посещения на территории государства мест лишения свободы (тюрьмы, полицейские участки, психиатрические лечебницы, военные учреждения, лагеря беженцев и т.д.), предоставив ЕКПП возможность аккумулировать и анализировать значительный объем фактической информации об условиях содержания и практики обращения с лицами, лишенными свободы. Данное обстоятельство позволяет Комитету давать государствам-членам рекомендации, в которых поднимаются аспекты, не

¹ См.: 10th General Report on the CPT's Activities (1999) (includes a section on Women deprived of their liberty); 13th General Report on the CPT's Activities (2002-2003) (includes a section on deportation of foreign nationals by air); 24th General Report on the CPT's Activities (2013-2014) (includes sections on the phenomena of intimidation and reprisals and on juveniles deprived of their liberty under criminal legislation) // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения: 12.05.2017).

² Например, проблема переполненности тюремных помещений неоднократно рассматривалась Комитетом: 2nd General Report on the CPT's Activities (1991), 7th General Report on the CPT's Activities (1996), 11th General Report on the CPT's Activities (2000).

³ Среди которых можно выделить: индивидуальные конфиденциальные беседы с лицами, лишенными свободы; право на свободное общение с любым лицом, которое, с точки зрения Комитета, может предоставить ему необходимую информацию (члены семей лиц, лишенных свободы; адвокаты; врачи; персонал, осуществляющий уход за данной категорией лиц); право запрашивать любую информацию по профилю Комитета у соответствующего государства.

затрагиваемые ни в международных соглашениях, ни в рамках актов других международных органов¹.

Особое значение рекомендациям, вырабатываемым в рамках деятельности ЕКПП, на наш взгляд, придает и профессиональный состав его членов. Конвенция 1987 года четко не определяет профессиональные сферы, из которых могут быть назначены члены Комитета, указывая лишь, что «члены ЕКПП избираются из числа лиц, обладающих высокими моральными качествами, известных своей компетентностью в области прав человека или имеющие профессиональный опыт в областях, охватываемых настоящей конвенцией». Как отмечал сам ЕКПП, предпочтительнее, чтобы в его состав включались лица, имеющие опыт в таких вопросах, как управление тюрьмами и в различных областях медицины, имеющих отношение к содержанию лиц, лишенных свободы, так как такой подход может сделать более эффективным его диалог с государствами². К данной позиции Комитета можно добавить, что такой «специфичный» состав Комитета более склонен к формулированию стандартов с учетом положений права, медицины, психологии и т.д. Например, разрабатывая стандарты, применимые к одиночному заключению, ЕКПП в первую очередь оценивает, как те или иные условия рассматриваемого ограничения сказываются на психическом, соматическом и социальном здоровье заключенного³.

¹ См.: *Морган Р., Эванс М.* Борьба против пыток в Европе: деятельность и стандарты Европейского комитета по предупреждению пыток. М., 2002. С. 210-211.

² См.: Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Текст Конвенции и Пояснительный доклад. (СРТ\inf\C 2002\1). Сайт ЕКПП // URL: <http://www.cpt.coe.int> (дата обращения: 23.10.2016).

³ См.: 21st General Report on the CPT's Activities (2010-2011) // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения: 11.07.2017).

В максимальной степени специфика разрабатываемых в ЕКПП стандартов выражена в Восьмом ежегодном отчете¹, посвященном принудительному содержанию в психиатрических учреждениях, в связи с тем, что положение данной категории лиц сопряжено с дополнительными ограничениями свободы, и без специальных познаний достаточно трудно дать оценку тем или иным фактическим обстоятельствам с точки зрения требований ст. 3 Конвенции 1950 года.

Значительное влияние на формирование стандартов ЕКПП, как следует из его ежегодных отчетов, оказывает анализ сложившейся внутригосударственной практики функционирования пенитенциарных учреждений. Сравнение условий содержания и методов работы с лицами, лишенными свободы, в различных государствах позволяет Комитету сделать вывод о том, что в большей степени соответствует требованиям ст. 3 Конвенции, и какой положительный опыт может быть воспринят в качестве образца другими участниками Конвенции 1987 года или наоборот, чего следует избегать².

Все это можно считать предпосылкой выделения рекомендаций ЕКПП из общей массы международных документов. Аналогичной точки зрения придерживается и Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. В п. 39—42 «Стамбульского протокола»³ при оценке деятельности ЕКПП отмечается: «действуя подобным образом, Комитет

¹ 8th General Report on the CPT's activities covering the period 1 January to 31 December 1997 // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения: 11.07.2017).

² Например, практику создания специализированных центров для содержания несовершеннолетних преступников (CPT/Inf(2015)1-part) или подход к формированию вспомогательного персонала в психиатрических учреждениях (CPT/Inf(98)12-part).

³ Стамбульский протокол. Руководство ООН по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Нью-Йорк и Женева, 2004 // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/training8Rev1ru.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).

постепенно выработал ряд ставших общими стандартами критериев обращения с лицами, содержащимися под стражей».

В качестве источника выработанных Комитетом «measuring rods», могут выступать его доклады по итогам осуществленного посещения государства—участника, а также ежегодные общие отчеты о деятельности. Однако роль этих документов неравнозначна из-за имеющихся различий в целях принятия.

Первая группа актов носит исключительно персонифицированный характер: они направляются только правительству того государства, на территории которого была осуществлена проверка. В них Комитет излагает выявленные им в результате визита факты нарушения, прилагает к ним свои выводы и включает при необходимости рекомендации и другие предложения по изменению ситуации, на основе которых строится диалог с государством¹. Более того, содержащаяся в докладах информация конфиденциальна и может быть передана гласности только по просьбе (или с согласия) правительства. Только в случае отказа от сотрудничества ЕКПП в виде «санкции» может принять решение и сделать публичное заявление по сложившейся в стране ситуации (ч. 2 ст. 10 Конвенции)². Таким образом, в силу имеющихся ограничений в отношении доступа к документу, а также казуального характера изложенной информации, они вряд ли могут дать четкое представление о соответствующих стандартах.

В отличие от первой, вторая группа актов (общие отчеты о деятельности) публикуется Комитетом самостоятельно и адресуется всем

¹ См.: Доклад правительству Российской Федерации, подготовленный Европейским Комитетом по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) по итогам посещения Северо-кавказского региона Российской Федерации с 27 апреля по 6 мая 2011 года // URL: <https://rm.coe.int/1680697bd3> (дата обращения: 09.05.2016).

² См.: Public statement concerning Belgium of 13 July 2017. (CPT/Inf (2017) 18); Public statement concerning the Chechen Republic of the Russian Federation of 10 July 2001 (CPT/Inf (2001) 15); Public statement concerning Greece of 15 March 2011 (CPT/Inf (2011) 10) // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/public-statements> (дата обращения: 14.07.2017).

заинтересованным сторонам (государствам—участникам Конвенции 1987 года, международным органам и организациям, неправительственным правозащитным организациям). В них, как правило, ЕКПП излагает существенные вопросы, выяснению которых он уделяет внимание при осуществлении проверок мест лишения свободы. Посредством данных актов Комитет доводит до сведения органов Совета Европы, национальных властей и других заинтересованных субъектов свои позиции относительно правил обращения с лицами, лишенными свободы, а также стимулирует дальнейшее обсуждение этих вопросов как на международном, так и на внутригосударственном уровне. При этом общие доклады максимально деперсонифицированы: в них отсутствуют какие-либо указания на страны, органы, где были выявлены нарушения и т.д.

Таким образом, в силу общедоступности, именно положения ежегодных докладов Комитета можно воспринимать как источник выработанных им «measuring rods». В конечном итоге и сам комитет позиционирует их «ключевые положения» как соответствующие стандарты¹.

Вместе с тем, использование термина «стандарты» по отношению к позициям, излагаемым ЕКПП, достаточно условное, и не должно восприниматься как некая аналогия стандартам, принятым в рамках ООН или в результате деятельности Европейского Суда. В силу своего происхождения они не могут быть отнесены к актам «мягкого права» (soft law), и не имеют прецедентного характера. Это предопределяет их особенности в системе международных стандартов прав человека.

Во-первых, с точки зрения изложения, позиции Комитета в значительной степени отличаются от формулировок международных договоров или актов мягкого права, так как Комитет не создает новых

¹ См.: Стандарты Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [СРТ/Inf/E (2002) 1 - Rev. 2004] // URL: <http://sutyajnik.ru/documents/3547.html> (дата обращения: 09.05.2017).

норм¹, а скорее излагает критерии, на основе которых государство может разграничить то, какое обращение считается допустимым с точки зрения ст. 3 Конвенции, а какое - нет. Так, в частности, рассматривая вопрос об использовании в психиатрическом учреждении средств усмирения, Комитет отмечает, что использование персоналом средств физического сдерживания пациентов (ремни, смирительные рубахи и т.д.) может осуществляться только в крайне редких случаях, носить кратковременный характер, и всегда должно быть назначено врачом. Имеющаяся практика физического сдерживания на протяжении ряда дней или в качестве наказания, не имеет терапевтического оправдания, и, по мнению ЕКПП, равнозначна жестокому обращению².

Во-вторых, стандарты, формулируемые ЕКПП, не всегда носят абсолютный характер, они достаточно «подвижны». По сути, они представляют собой лишь примерные предписания. Такой подход в первую очередь обусловлен необходимостью учета большого числа факторов, как например в вопросе о том, что можно считать разумным размером камеры (или любого другого помещения для содержания задержанного/заключенного) в полиции³. В нашем примере, имеющееся незначительное отклонение от установленного ЕКПП минимального стандарта не всегда будет рассматриваться как составляющее бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с заключенным,

¹ См.: § 96. 1st General Report on the CPT's activities covering the period November 1989 to December 1990 (CPT/Inf (91) 3) // URL: <https://rm.coe.int/1680696a3e> (дата обращения: 16.06.2017).

² См.: 8th General Report on the CPT's Activities (1997) (includes a section on Involuntary placement in psychiatric establishments) CPT/Inf (98) 12 // URL: <https://rm.coe.int/1680696a72> (дата обращения: 18.07.2017).

³ См.: 2nd General Report on the CPT's Activities (1991) (includes some substantive issues pursued by the CPT during visits: Police custody and Imprisonment) // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения: 09.05.2017).

поскольку могут существовать другие, облегчающие ситуацию, факторы. При этом, Комитет использует словосочетание «желаемый стандарт»¹.

В-третьих, выводы ЕКПП носят исключительно рекомендательный характер. Комитет при изложении своих позиций по ряду вопросов старается избежать какого-либо вторжения в чувствительные для государств сферы, используя такие словосочетания, как: Комитет «полагает», «обеспокоен», «не одобряет», «желает подчеркнуть» и т.д.² Однако данный факт не исключает, что они, при определенных обстоятельствах, могут обрести обязательное для государств значение посредством их одобрения прямо или косвенно Европейским судом или национальными судебными учреждениями.

На основании выше сказанного, стандарты ЕКПП можно определить как изложенные в общих докладах позиции Комитета относительно требований, предъявляемых к условиям содержания лиц, лишенных свободы, с учетом положений ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, сформулированные на основе анализа фактических обстоятельств, установленных в результате проводимых проверок.

Что касается механизма действия стандартов ЕКПП на внутригосударственном уровне, а также степени их влияния на правовую систему той или иной страны, то данные аспекты анализировать достаточно трудно. Во-первых, существенным препятствием для такой оценки является закрепленная в Конвенции 1987 года процедура конфиденциальности: без согласия проверяемой стороны как доклад, так и соответствующий отчет государства не может быть предан гласности, а на

¹ См.: Размер личного пространства на одного заключенного в пенитенциарных учреждениях: стандарты ЕКПП (СРТ/Inf (2015) 44) // URL: <https://rm.coe.int/168073450f> (дата обращения: 09.05.2017).

² См.: Стандарты тюремного заключения (Выдержки из второго Общего доклада, опубликованного в 1992 году) СРТ/Inf (92) 3 (§ 47, 49, 50) // URL: <https://rm.coe.int/1680696a3f> (дата обращения: 12.06.2017).

основе публикации отдельных документов полную картину выявленных нарушений и предпринимаемых в связи с этим действий со стороны государства представить достаточно сложно. Во-вторых, определенные трудности представляет и отсутствие на международном и внутригосударственном уровне какого-либо правового регулирования данных вопросов. Не выработаны соответствующие правовые позиции по данному вопросу и в рамках судебной системы РФ. В-третьих, даже если государство воспринимает рекомендации ЕКПП, изложенные в докладах, или придерживается обобщенных стандартов, этот результат может быть замечен не сразу: для реализации некоторых рекомендаций требуется время и значительные финансовые ресурсы. Например, принятая в Российской Федерации Федеральная целевая программа, которая разрабатывалась в том числе исходя из стандартов ЕКПП, была рассчитана на 10 лет¹. В-четвертых, на наш взгляд формальным препятствием является рекомендательный характер разрабатываемых Комитетом стандартов.

Тем не менее, некоторые общие выводы о наличии определенного механизма учета рекомендаций можно сделать, исходя из соответствующих ответов Правительства на замечания Комитета, и положений внутригосударственного права, где присутствуют ссылки на стандарты ЕКПП² либо принимаются меры для их реализации³.

Соответствующей реакцией государства на доклад Комитета может быть внесение поправок в действующие законы и подзаконные акты; корректировка действующей правоприменительной и иной практики,

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 5 сентября 2006 г. № 540 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007 - 2016 годы)» // СЗ РФ № 39 2006. ст. 4075.

² См.: Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2015 год // Бюллетень Минюста РФ. 2017. № 1-3.

³ См.: Письмо Министерства здравоохранения российской Федерации от 26 декабря 2002 г. N 2510/12967-02-32 «О мерах физического стеснения при оказании психиатрической помощи» // Здравоохранение. 2003. № 3.

проведение расследований выявленных случаев нарушения и т.д.¹ В некоторых случаях предполагается учет выводов Комитета при рассмотрении отдельных категорий дел национальными судами.² Помимо этого, несмотря на то, что стандарты ЕКПП главным образом адресованы государственным структурам, их положения могут быть использованы гражданами и правозащитными организациями при защите прав и свобод.

Мнения Венецианской комиссии: квазистандарты или инструмент формирования транснационального права

Членство Российской Федерации в Совете Европы предполагало взаимодействие с целым рядом его органов. Однако, в силу международных обязательств большее внимание уделялось деятельности Европейского суда по правам человека и взаимодействию с другими главными органами. В этом ряду взаимодействие Российской Федерации с Венецианской комиссией строилось исключительно исходя из особенностей ее правовой природы и носило факультативный характер.

В российской правовой доктрине комплексный подход к рассмотрению вопросов функционирования Венецианской комиссии был предпринят в монографии «Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право» под редакцией Т.Я. Хабриевой и В.И. Лафитского, вышедшей в 2014 г.³, а также в рамках диссертационного исследования М. А. Лимонниковой «Венецианская комиссия Совета Европы: правовые аспекты создания и

¹ См.: Ответ правительства Российской Федерации к докладу Европейского Комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) по итогам посещения Северо-Кавказского региона Российской Федерации с 27 апреля по 6 мая 2011 года (СРТ/Inf (2013) 2) // URL: <https://rm.coe.int/1680697bd5> (дата обращения: 12.05.2017).

² Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания», суды общей юрисдикции при принятии решения могут учитывать помимо других документов доклады ЕКПП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8.

³ Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право/ под. ред. Т.Я. Хабриевой, В. И. Лафитского М., 2014; Венецианская комиссия о конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии /под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2015.

деятельности» 2010 г.¹ Данные работы во многом заполнили имеющийся «вакуум» в исследованиях по целому ряду вопросов функционирования Организации.

Статус Венецианской комиссии в значительной степени отличается от статуса других органов Совета Европы. Правовую основу ее деятельности составляют не договорные положения, а резолюции Комитета Министров СЕ², которые, имея особый статус (Statutory Resolution), все же относятся к категории актов «вторичного» права.

Некоторую сложность в анализе деятельности Комиссии и рассмотрении правовой природы ее актов вызывает практически полное отсутствие документов, регламентирующих механизм ее работы: порядок проведения экспертизы законодательства, подходы к толкованию норм международного и внутригосударственного права, порядок принятия и правовой статус актов. Учредительный акт Организации и Регламент ее работы достаточно лаконичны, в них можно почерпнуть самую общую информацию о направлениях деятельности.

Согласно ст. 1 Устава ВК, она является консультативным органом Совета Европы, который преследует следующие цели: углубление изучения правовых систем государств—участников с целью их сближения; реализация принципов правового государства и демократии, а также исследование проблем, связанных с функционированием, укреплением и развитием демократических институтов.

¹ *Лимонникова М.А.* Венецианская комиссия Совета Европы: правовые аспекты создания и деятельности: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2010.

² Statutory Resolution No. (93)28 on partial and enlarged agreements. Adopted by the Committee of Ministers on 14 May 1993 at its 92nd Session // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680063761; RESOLUTION (90) 6 ON A PARTIAL AGREEMENT ESTABLISHING THE EUROPEAN COMMISSION FOR DEMOCRACY THROUGH LAW (Adopted by the Committee of Ministers on 10 May 1990 at its 86th Session) https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680535949; Resolution RES (2002) 3 Adopting the Revised Statute of the European Commission for Democracy through Law (CDL(2002)027-e) // URL: [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/?pdf=CDL\(2002\)027-e&lang=EN#](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/?pdf=CDL(2002)027-e&lang=EN#) (дата обращения: 09.06.2018).

Специфику ВК подчеркивает и состав ее членов. В ее состав не входят представители государств-участников. Согласно ст. 2 Устава Комиссия формируется из независимых экспертов в личном в личном качестве, получивших международную известность благодаря своему опыту работы в демократических институтах или в силу их вклада в укрепление права и политических наук. Практическая реализация данного критерия способствует включению в состав ВК ведущих ученых и преподавателей ВУЗов, судей высших национальных судов (прежде всего конституционных), омбудсменов.

Вхождение в состав Комиссии ученых и преподавателей, а также учреждение в структуре специального органа — Научного совета — свидетельствуют о наличии исследовательского вектора в ее работе. В сферу деятельности Совета входит проведение семинаров, конференций, инициирование исследований и обеспечение их высокого уровня. Сферой деятельности Комиссии является обобщение и распространение передового опыта конституционного строительства в государствах—членах Организации.

Предоставление юридических консультаций в форме заключений по законопроектам или действующему законодательству является одним из основных направлений деятельности Комиссии. Согласно п. 2. ст. 3 Устава ВК, с запросом могут обратиться органы государства—участника (парламенты, правительства, главы государств), главные органы Совета Европы, а также международные организации и структуры, принимающие участие в работе Комиссии (ЕС, ОБСЕ и т.д.). Целью обращения является проверка соответствия законодательного акта положениям конституции государства и/или стандартам, принятым в европейских государствах¹.

¹ Opinion on the Draft Federal Law amending the Federal Law "on General Principles governing the Organisation of Legislative (Representative) and Executive State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation" and the Federal Law "on Fundamental Guarantees of Russian Federation Citizens' Electoral Rights and Right to Participate in a Referendum" adopted by the Commission at its 61st Plenary session (Venice, 3-4 December 2004) CDL-AD(2004)042-e // URL:

Особый статус, как представляется, имеют заключения «amicus curiae», которые готовятся по запросам конституционных судов и Европейского суда по правам человека. В данном случае вопрос, который выносится на обсуждение ВК, касается не оценки какого—либо акта или соответствия его действующему международному стандарту, а требует сравнительно-правового анализа вопросов конституционного и международного права¹.

Помимо этого, согласно Рекомендации по методам работы Венецианской комиссии², она проводит в рамках Научного совета исследования, которые должны быть посвящены не только действующему европейскому законодательству и стандартам, но и их развитию. Они, как правило, содержат сравнительный анализ соответствующего законодательства и практики государств-членов. С предложениями о проведении исследований выступает Научный совет, он же определяет те из них, которые являются приоритетными³. Обращение к сравнительно—правовым исследованиям может способствовать выявлению правовых пробелов в законодательстве⁴, а также способствовать обмену опытом в области конституционного законодательства между странами — участницами, способствовать гармонизации, «правовому выравниванию» законодательства.

[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2004\)042-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)042-e) (дата обращения: 11.06.2018).

¹ Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право/ под. ред. Т.Я. Хабриевой, В. И. Лафитского М., 2014. С. 11.

² Рекомендации по методам работы Венецианской комиссии (Принято Венецианской комиссией на 84-м пленарном заседании. Венеция, 15-16 октября 2010 г.) (CDL (2010) 034) // URL: http://www.izak.ru/img_content/pdf/rekomendacii_po_metodam_raboty_vk.pdf (дата обращения: 13.06.2018).

³ Рекомендации по методам работы Венецианской комиссии (принятые Венецианской Комиссией на 84-м пленарном заседании 2010 г.) // URL: http://www.izak.ru/img_content/pdf/rekomendacii_po_metodam_raboty_vk.pdf (дата обращения: 12.05. 2018).

⁴ Лимонникова М.А. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия): консультативный орган Совета Европы // Марийский юридический вестник. 2005. Выпуск № 4. С. 165.

Сама ВК в своих исследованиях неоднократно обращала внимание на характер данных документов. Так, в п. 17 Доклада «О конституционных поправках» 2008 г.¹ отмечается, что «настоящий доклад является, прежде всего, описательным и аналитическим текстом, и Комиссия не будет пытаться сформулировать какую—либо европейскую «лучшую модель» или стандарты для конституционных изменений. Она не будет критически оценивать существующие национальные конституционные процедуры внесения поправок. Отчет направлен на выявление и анализ некоторых основных характеристик и проблем, относящихся к конституционным поправкам, а также предлагает некоторое свое видение правовой ситуации.

Особенность правовой природы Венецианской комиссии порождает специфику формирования в рамках ее деятельности международных стандартов. «Традиционные», встречающиеся в современной доктрине способы, здесь не могут быть реализованы в силу различных причин: ВК не наделена от имени государств правотворческими полномочиями, как представительные органы международных организаций, ей не предоставлено право осуществлять международный контроль за выполнением государствами международных обязательств по договору и осуществлять толкование договорных норм и т. д.

Полномочия Комиссии свидетельствуют, что ее стандарты в большинстве случаев носят вторичный, субсидиарный характер. В своей деятельности, основываясь на действующем международном стандарте, включающем «жесткие» договорные нормы, а в некоторых случаях и нормы «мягкого» права, она развивает и дополняет его положения. Данная точка зрения находит подтверждение в исследовании Комиссии № 494/2008 «О

¹Report on Constitutional Amendment adopted by the Venice Commission at its 81st Plenary Session (Venice, 11-12 December 2009) (CDL-AD 2010) 001) // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2010\)001-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)001-rus) (дата обращения: 22.05.2018).

независимости судебной системы»¹. В нем отмечается, что «на европейском и международном уровне уже существует большое количество документов о независимости правосудия. Поэтому...Венецианская комиссия в этом докладе будет основываться на уже существующих документах».

Изучая международный опыт, внутригосударственную практику, анализируя все разнообразие действующих правовых моделей и концепций, осуществляя толкование действующих правовых норм, Комиссия выявляет «лучшую» модель правового регулирования или правоприменительной практики с точки зрения принципов правового государства и демократии. В случае, когда по тем или иным причинам эталон установить не представляется возможным, Комиссия, основываясь на опыте своих членов, может обратить внимание государств на существующие тенденции развития права (института), либо высказать мнение относительно должного правового регулирования.

Таким образом, под стандартами Венецианской комиссии следует понимать квалифицированное мнение (вывод) Комиссии относительно лучшей (или целесообразной) с точки зрения принципов правового государства и демократии модели правового регулирования или практики, основанное на анализе норм действующего международного и внутригосударственного права и практики их реализации.

Стандарты ВК, как и стандарты, например Европейского суда по правам человека, не являются статичными. Работая с постоянно изменяющимся с течением времени правовым материалом, Комиссия постоянно сталкивается с необходимостью их дополнения и совершенствования. Учитывая цели деятельности, основные направления деятельности ВК, статус и требования, предъявляемые к ее членам, можно сделать вывод о том, что формируемые ею стандарты можно отнести к особой группе – доктринальных стандартов.

¹Доклад о независимости судебной системы: часть I Независимость судей. 6 марта 2009 г. (CDL-JD (2009)001) // URL: <http://www.venice.coe.int> (дата обращения: 09. 09. 2018).

Вместе с тем существуют факторы, которые в некоторых случаях могут нивелировать значение ее деятельности. Во—первых, действующие гарантии независимости и беспристрастности членов комиссии в отдельных случаях не исключают принятие отдельных политизированных заключений по законодательным актам. В этой связи можно привести несколько спорных, предвзятых решений Венецианской Комиссии, принятых в отношении Российской Федерации. Так, например в Заключении о Крымском референдуме от 21 марта 2014 г.¹, в котором подвергся жесткой критике со стороны данного консультативного органа факт проведения крымского референдума в 2014 г. О политической ангажированности Комиссии по этому вопросу свидетельствует информация, озвученная Т.Я. Хабриевой в интервью Российской газете. Она отмечала, что многие европейские средства массовой информации задолго до заседания Комиссии «стали размещать информацию о том, что она признала неконституционность референдума в Крыму»². Текст заключения демонстрирует имеющуюся у ВК свободу при выборке фактов и правовых материалов в рамках сравнительно-правового исследования, на основе которого формируются ее выводы. При принятии данного Заключения были проигнорированы исторические аспекты территориальной принадлежности полуострова, а также международно-правовые гарантии народов Крыма на самоопределение. Еще одним примером такого рода можно считать Заключение от 18 июня 2020 г. В нем речь шла о новой редакции ст.ст. 79 и 125 Конституции РФ о возможности неисполнения решений международных органов, принятых на основе

¹ Opinion on «whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea’s 1992 Constitution is compatible with constitutional principles» adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21-22 March 2014) CDL-AD(2014)002-e // URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282014%29002-e> (дата обращения: 03.06.2023).

² Как европейская комиссия принимала решение по крымскому референдуму // URL: <https://rg.ru/2014/04/18/habrieva.html> (дата обращения: 06.05.2020).

такого истолкования международного договора, которое противоречит конституционным положениям¹.

Во-вторых, многие авторы отмечают приверженность Комиссии исключительно западноевропейским эталонным ценностям². Подобный подход вполне оправдан в отношении тех европейских государств, которые стояли у истоков создания таких интеграционных организаций как Совет Европы и Европейский Союз. В них процесс сближения правовых систем привел к выравниванию национального законодательства, нивелированию национальных особенностей правового развития. Интеграционные процессы в корне изменили взгляды на баланс национального и международного права, сместив акценты в пользу последнего. Для других стран, не вовлеченных в процесс интенсивной правовой интеграции такого рода выводы являются неприемлемыми и, как правило, вызывают критику со стороны государства.³ Поэтому следует согласиться с мнением Б.С. Эбзеева, что реализация стандартов, формируемых в рамках Совета Европы, должна учитывать цивилизационные, правовые различия и осуществляться с безусловным уважением национальных конституционных традиций⁴.

По сравнению с традиционными источниками международного права, стандарты, сформированные в рамках деятельности Комиссии, имеют ряд недостатков. По мнению В.И. Лафитского многие ее стандарты не носят системного характера: в одних случаях они излишне детализированы, в других — неоправданно абстрактны, кроме того, они «не учитывают в

¹ CDL-AD(2020)009-eRussian Federation - Opinion on draft amendments to the Constitution (as signed by the President of the Russian Federation on 14 March 2020) related to the execution in the Russian Federation of decisions by the European Court of Human Rights, adopted by the Venice Commission on 18 June 2020 by a written procedure replacing the 123rd Plenary Session // [https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)009-e](https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)009-e) (дата обращения: 08.05.2023).

² Каширкина А. А., Морозов А.Н. Указ соч. С. 157.

³ Лебедева Я.И. Правовой анализ заключения Венецианской комиссии на проект изменений, вносимых в Конституцию Турецкой Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 158.

⁴ Эбзеев Б.С. Указ. Соч. С. 12.

должной мере существующее в мире разнообразие политических и правовых культур»¹.

Достаточно часто можно встретить точку зрения, согласно которой акты Венецианской комиссии относятся к «мягкому праву» (soft law)². Подобный вывод на первый взгляд является весьма закономерным: он строится на том факте, что акты Венецианской комиссии носят исключительно рекомендательный характер, устанавливая желательную или целесообразную модель поведения. Однако у данного подхода, как представляется, имеется один недостаток. Отнесение актов ВК к этой группе без какой—либо дифференциации еще больше размывает границы и без того четко не определяемого «мягкого права». Перечень документов, относимых в данной группе, достаточно широк и разнообразен. На доктринальном уровне к данной группе в первую очередь относятся решения, принимаемые международными организациями и их органами, например: резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, рекомендации Комитета министров СЕ, рекомендации и резолюции ПАСЕ и т.д. Включение в этот ряд органов ВК представляется не совсем целесообразным, учитывая ее «недоговорную» природу и консультативный статус.

В связи с этим, представляется вполне логичной точка зрения, предложенная Д. Шелтон³ о делении «soft law» на «первичное» и «вторичное». Первичная группа при этом образуется из документов, принятых международными организациями, в которых декларируются новые

¹ Лафитский В.И. Стандарты Венецианской комиссии Совета Европы в контексте проблем обеспечения национального электорального суверенитета // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 4. С. 20.

² Volpe Valentina, «Guaranteeing Electoral Democratic Standards: The Venice Commission and «The Code of Good Practice in Electoral Matters»», GLOBAL ADMINISTRATIVE LAW: THE CASEBOOK, Third Edition, IRPA–IILJ, 2012, pp. 57-67 // URL: http://www.venice.coe.int/files/articles/Volpe_Valentina_Code_of_good_practice.pdf (дата обращения: 10.05.2017); Каширкина А.А., Морозов А.Н. Европейский опыт продвижения гуманитарных ценностей для развития евразийской интеграции: будущие ориентиры // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 166.

³ Shelton D. L. Soft Law GWU Law School Public Law Research Paper No. 322. 2008. p. 6. // URL: <https://ssrn.com/abstract=1003387> (дата обращения: 22.05.2018).

нормы — либо являются предшественниками принятия новых договоров, либо развивают их положения. Ко второй группе автор предлагает отнести рекомендации и общие комментарии международных контрольных органов, комиссий, решения специальных докладчиков. Спецификой последней группы является то, что это акты, применяющие первичные нормы.

М.А. Лимонникова в своем диссертационном исследовании также исходит из необходимости разграничения актов. Она «приходит к выводу, что все акты ВК содержат рекомендательные нормы, а некоторые акты — нормы «мягкого права» и могут стать обычаем»¹. К последней группе автор относит акты, формально не являющиеся правовыми в государствах — членах, но выражают *opini juris* государств и воспринимаются как право. В доказательство этого приводятся решения ЕСПЧ и национальных судов, которые делают ссылки на данные акты. В данном случае не совсем понятна позиция автора относительно деления на рекомендательные нормы и нормы *soft law*, однако можно согласиться с тем, что факт обращения к актам Комиссии со стороны международных или национальных судов в определенной степени повышает легитимность содержащихся в них норм или позиций. В данном случае происходит определенная трансформация: положенное в основу правовой позиции ЕСПЧ мнение ВК становится частью решения Суда и таким образом приобретает обязательную силу.

Анализ постановлений ЕСПЧ свидетельствует об отсутствии какого-либо единообразия в обращении к актам ВК или выраженным ею мнениям². Прямое цитирование или ссылки на документы ВК содержатся, как правило, в разделе «факты», но в различных подгруппах: «документы Совета Европы» (например, цитирование доклада (исследования) наряду с положениями

¹ Лимонникова М.А. Венецианская комиссия Совета Европы: правовые аспекты создания и деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.

² Помимо текста постановлений ЕСПЧ обращение к документам ВК также можно встретить в прилагаемых к ним особых мнениях судей. Например, «*Hirst v. the United Kingdom (no. 2)*» (Application no. 74025/01) 6 October 2005 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-70442> (дата обращения: 01.06.2018).

Статута СЕ и резолюциями ПАСЕ)¹, «соответствующие международные документы», а также «сравнительное право»² и «иные применимые к делу материалы»³.

Однозначный вывод можно сделать только в отношении того, что отсутствие у актов ВК юридически обязывающего характера не порождает обязанности ЕСПЧ последовательно придерживаться предписаний или выводов ВК. Документы ВК, как и другие рекомендательные акты органов Совета Европы, необходимо отнести не к основному, а скорее дополнительному (вспомогательному) источнику правовой информации для Суда, несмотря на то, что в ряде случаев они оказывают существенное влияние на принимаемое Судом решение.

Показательна в этом плане практика обращения к актам ВК Конституционного Суда РФ, которую в отличие от использования других источников международного права нельзя назвать столь же разнообразной и системной. В подавляющем большинстве случаев документы ВК упоминались в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Суд РФ) в связи с рассмотрением жалоб на нарушения избирательных прав и с проверкой конституционности законодательства о выборах, деятельности политических партий, свободе мирных собраний⁴.

¹ «Karácsony and Others v. Hungary» (Applications nos. 42461/13 and 44357/13) 17 May 2016 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 03.09.2018).

² «Szabo and Vissy v. Hungary» (Application no. 37138/14) 12 January 2016; «Georgian Labour Party v. Georgia» (Application no. 9103/04) 8 July; «Yabloko Russian United Democratic Party and Others v. Russia» (Application no. 18860/07) 8 November 2016 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.09.2018).

³ «Novikova and others v. Russia» (Applications nos. 25501/07, 57569/11, 80153/12, 5790/13 and 35015/13) 26 April 2016 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.06.2018).

⁴ Например: Постановление Конституционного суда РФ № 11-П от 15 апреля 2014 г. «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области»; Определение Конституционного Суда РФ № 485-О от 4 апреля 2013 г. «По жалобе гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части 1 статьи 3.5 и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

В практике Конституционного Суда РФ преобладали ссылки на кодифицированные акты Комиссии (например: Свод рекомендательных норм при проведении выборов)¹. Несколько реже встречаются ссылки на проводимые ВК исследования² и заключения в отношении законодательства стран–участниц³. При этом Конституционный Суд прибегал как к прямому цитированию текста документа⁴, так и к ссылкам на выводы, без какой—либо детализации⁵.

Обращение Конституционного Суда РФ к документам ВК как правило было продиктовано следующими целями: использование мнения Комиссии в качестве дополнительного довода в обоснование выработанной им на основе конституционных норм правовой позиции, для разъяснения смысла и

¹ Например: Определение конституционного Суда РФ № 1058-О от 5 июня 2012 года «По жалобе гражданки Пеуновой Светланы Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 36 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

² См.: Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С.Бондаря к Постановлению Конституционного Суда РФ № 9-П от 19 февраля 2018 г. «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска» // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

³ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В.Г.Ярославцева к Постановлению Конституционного Суда РФ № 10-П от 8 апреля 2014 г. «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г.Кузьминой, С.М.Смиренского и В.П. Юкечева» // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П от 17 марта 2017 года «По делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И. Сергиенко» // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 322-О от 5 марта 2013 г. «По жалобе граждан Лабутина Василия Германовича и Тетерина Вячеслава Николаевича на нарушение их конституционных прав положением пункта 13 статьи 28 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

значения текста Конституции РФ, а также выявления конституционно—правового смысла проверяемого закона или его нормы¹.

Для понимания роли актов ВК в рамках правовой системы РФ несомненный интерес представляет Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 г., принятое по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности п. 1 ст. 30 ФЗ РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»².

В Определении, помимо прочего, Конституционный Суд отметил, что на оценку рассматриваемой статьи «не влияют имеющие факультативное значение для национального законодателя и отражающие многообразие подходов к правовому регулированию в данной сфере публичных отношений положения п. 46 Пояснительного доклада, подготовленного Венецианской комиссией». Далее Конституционный Суд РФ отмечает, «что в соответствии с Конституцией РФ федеральный законодатель обладает необходимыми дискреционными полномочиями в отношении конкретных форм реализации правил, носящих рекомендательный характер». Таким образом, Суд оставил за законодательными и правоприменительными органами государственной власти (в том числе и за собой) свободу усмотрения в отношении следования международным стандартам, формулируемым в рамках деятельности ВК.

Изложенная Конституционным Судом РФ правовая позиция, в данном случае, представляется вполне закономерной и предсказуемой. Как уже отмечалось, документы ВК по своей природе не обладают обязывающим характером и традиционно воспринимаются как разновидность *soft law*. Кроме того, как следует из текста Определения, Суд не ставит под сомнение действующие общеевропейские принципы в области выборов, речь идет о факультативном значении интерпретационных пояснений, сделанных к ним

¹ Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1. С. 11.

² Определение Конституционного суда РФ № 1422-О от 7 июля 2016 г. «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

Венецианской комиссией. В этом его правовая позиция имеет некоторые общие черты с той, которая была изложена в Постановлении № 21—П от 14 июля 2015¹.

Как показывает зарубежный опыт, такая практика оценки рекомендаций ВК в той или иной степени характерна для многих государств. Можно предположить, что более внимательное отношение к выводам и предложениям Комиссии государство будет проявлять в том случае, когда соответствующие обращения будут инициированы им самим, а не третьей стороной (например, ПАСЕ).

Таким образом, правовые позиции (мнения), формируемые в результате деятельности Венецианской комиссии, направлены на дополнение и дальнейшее развитие действующих европейских стандартов и носят исключительно доктринальный (информационный) характер. В силу внедоговорной природы данного органа и рекомендательного характера актов Комиссии, государства обладают высокой степенью дискреции относительно объема и порядка реализации содержащихся в них правовых позиций на внутригосударственном уровне.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» //Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

Глава III. ПРАКТИКА КОНВЕНЦИОННЫХ ОРГАНОВ ООН И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Заключительные замечания квазисудебных органов ООН по правам человека: правовой статус и значение для национальных правовых систем

Для субъектов современного международного права сотрудничество в области защиты прав и свобод человека является одним из приоритетных направлений деятельности. За последние десятилетия был разработан и введен в действие целый комплекс международных соглашений правозащитного характера. При этом особое внимание уделялось не столько процессу детальной регламентации или максимального охвата международным соглашением перечня прав и свобод, сколько аспектам их эффективной реализации на внутригосударственном уровне.¹ В результате была сформирована достаточно разнообразная по организационным характеристикам и методам деятельности система органов, в компетенцию которых вошло осуществление контроля за выполнением государствами своих международных обязательств в области прав человека.

Участие государства в международном соглашении, предусматривающем механизм контроля за выполнением участниками своих обязательств, требует внесения изменений в конфигурацию элементов международного и внутригосударственного права, сложившуюся в рамках национальной правовой системы. Принятые в данном случае государством обязательства подразумевают имплементацию на внутригосударственном уровне не только договорных положений, но и актов, принимаемых в рамках контрольной процедуры. Это, в свою очередь, диктует необходимость для государства решить

¹ См.: *Валеев Р.М.* Контроль в современном международном праве. Казань. 2003. С. 141.

вопрос о статусе данных актов в рамках его правовой системы, а также выработать эффективный механизм их исполнения.

В связи с этим вопросы, связанные с определением места и роли данных актов в рамках национальной правовой системы, можно отнести к числу дискуссионных, и, как следствие, актуальных для отечественной правовой доктрины.

Согласно сложившейся международной практике в рассматриваемой области наибольшее распространение получили две формы контроля: квазисудебная,¹ представленная комитетами независимых экспертов, и судебная, представленная в виде международных судебных учреждений. Существенным различием между ними является то, что комитеты предполагают иные формы деятельности, и их акты носят рекомендательный характер.

Выбор соответствующей формы контрольного органа, как правило, определяется государствами в рамках договорного процесса, исходя из соображений максимизации эффективности той или иной процедуры в рамках существующих условий.

Высокая социальная значимость правозащитных договоров для международного сообщества диктует необходимость охвата максимального числа участников, а также предоставления контрольному механизму широких полномочий по контролю, включая право принятия обязывающих государства решений. Однако, на практике эта цель оказывается труднодостижимой. Участие государства в международном договоре предполагает его добровольный отказ от части своих суверенных прав в области действия соответствующего договора в пользу

¹ См.: *Абашидзе А.Х., Гольтяев А.О.* Универсальные механизмы защиты прав человека. М. 2013. С. 135.

международного органа, предоставляя ему право вторгаться, в оговоренных случаях, в свою внутригосударственную сферу.¹

В условиях наличия большого числа потенциальных участников договора представляется достаточно проблематичным достичь консенсуса между ними в вопросе, например, введения обязательной силы актов контрольного органа для государств.

Неготовность отдельных государств к такого рода «уступкам» в силу объективных и субъективных причин может значительно сократить число участников договора. В связи с этим наиболее целесообразным представляется выбор не в пользу судебной процедуры с ее обязательными для государств решениями, а квазисудебной, предусматривающей принятие рекомендательных для государств актов.

Таким образом, среди положительных черт квазисудебной процедуры можно выделить: наличие возможности учесть имеющиеся правовые и иные различия между государствами—участниками, опосредованную степень воздействия международной процедуры на государственный суверенитет, предоставление государствам большей свободы в выборе механизма имплементации договорных положений на внутригосударственном уровне и т.д.

Как представляется, именно это способствовало тому, что несудебная процедура в большей степени характерна для универсального механизма защиты прав и свобод, тогда как региональный уровень позволяет использовать судебную процедуру² в силу близости экономических, культурных и политических систем государств —

¹ См.: *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 40.

² Например: Европейский Суд по правам человека, действующий в рамках Совета Европы, Межамериканский Суд по правам человека, действующий на основе Американской конвенции по правам человека 1969 года и Африканский Суд по правам человека и народов, учрежденный в целях контроля за реализацией Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г.

участников и большей вероятности достижения консенсуса по основным вопросам.

Российская Федерация является участником большинства международных соглашений в области прав человека, и как правило, признает юрисдикцию учрежденных ими контрольных органов. Вместе с тем, практика обращения к актам контрольных органов в рамках национальных правовых систем неодинакова. На нее оказывают существенное влияние как внутригосударственные факторы, так и договорные.

К первым можно отнести особенности правовой системы государства. Например, для стран англо—саксонской правовой семьи, где судебный прецедент является источником права, следование международным прецедентам¹ не вызывает практических трудностей.² Что касается России, то специфика ее правовой системы не позволяет использовать судебный прецедент в его классическом значении³, поскольку романно-германская правовая система не признает такого источника права. Значительное воздействие на реализацию оказывает и действующее внутригосударственное законодательство, касающееся механизма действия норм международного права в правовой системе государства. Речь идет о конституционных основах такого «допуска», а также степени детализации рассматриваемого механизма в отраслевом законодательстве.

¹ В своих решениях и постановлениях ЕСПЧ, ссылаясь на ранее вынесенные им акты, использует словосочетание «the case law», которое переводится как «прецедентное право». Суд неукоснительно следует своим собственным решениям в интересах правовой определенности и регулярного развития прецедентного права согласно Конвенции.

² См.: *Вильдхабер Л.* Прецедент в Европейском Суде по правам человека // Государство и право. 2001. № 12. С. 5-17; *Нусбергер А.* Развитие прецедентного права Европейского Суда по правам человека на основе решений о России // Право и политика. 2005. № 10. С. 88-93.

³ См.: *Зимненко Б.Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2010. С. 215.

Прямое действие норм международного права в правовой системе в значительной степени облегчает реализацию в ее рамках актов международных контрольных органов. Определенное влияние оказывает и наличие на внутригосударственном уровне норм, регламентирующих порядок обращения к данным документам со стороны органов власти.

Внешние (договорные) факторы обусловлены содержанием международных обязательств. В договорах отсутствует единый подход к определению правовой природы органов международного контроля. Как следствие — существенные различия в правовой природе контрольных органов и в формах осуществления ими контроля. Кроме того, международные договоры, составляющие правовую основу деятельности контрольных органов, по-разному подходят к определению степени обязательности решений по индивидуальным жалобам.¹

Однако, как показывает мировая практика, эти препятствия, хотя и оказывают влияние на имплементацию, являются легкопреодолимыми. Обладая достаточной свободой усмотрения в определении мер по реализации положений договоров во внутреннем праве, государства могут формировать необходимые механизмы, исходя из особенностей национальной правовой системы и стоящих перед ними приоритетов.

В российской науке² и практике¹ наиболее проработанными являются аспекты реализации постановлений в первую очередь

¹ Так, согласно ст. 53 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года стороны обязуются выполнять решения Европейского Суда по правам человека по любому делу, в котором они являются сторонами. В то же время, Международный Пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему не содержат четких указаний в отношении соображений Комитета по данному вопросу для государств-участников, что свидетельствует о рекомендательном характере.

² См.: Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001; Воронцова И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе. М., 2010; Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М., 2010; Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов; под. ред. д.ю.н. Т.Г. Морщаковой. М., 2012; Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012 и т.д.

международных судебных органов, и в первую очередь Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ или Европейский Суд).

Акты ЕСПЧ, констатирующие нарушения Российской Федерацией норм Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г., согласно ранее действующему законодательству (до выхода Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ), рассматривались основанием для пересмотра вынесенного приговора, в виду новых обстоятельств². Российские суды достаточно часто обращались к его постановлениям для уяснения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в случаях ее применения в конкретном деле, в связи с тем, что неправильное применение судом норм международного права может являться основанием к отмене или изменению судебного акта.³ Широкое распространение в российских судах получила практика обращения к решениям ЕСПЧ для усиления своей аргументации по рассматриваемому делу. При этом практика свидетельствует, что российские суды в целях превенции возможных нарушений прав и свобод руководствовались также

¹ Существует достаточно широкая практика обращения Конституционного Суда Российской Федерации к правовым позициям ЕСПЧ, постоянно расширяется аналогичная практика применения со стороны судов общей юрисдикции, в том числе и путем принятия постановлений Пленумом Верховного Суда РФ. Например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5. (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23. «О судебном решении»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ, принятое 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней».

² Исходя из п. 4 ст. 413 УПК РФ основанием возобновления производства по уголовному делу являлось «установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела, связанного с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции; иными нарушениями положений Конвенции».

³ См.: п. 9 Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.04. 2023).

постановлениями ЕСПЧ, не являющимися (согласно Конвенции 1950 года) обязательными для Российской Федерации.¹

На этом фоне практику обращения к актам комитетов по правам человека можно охарактеризовать как фрагментарную, находящуюся на начальном этапе своего формирования.² Применительно к российской правовой доктрине, можно сказать, что большинство научных исследований посвящены либо общим вопросам деятельности данных органов, либо отдельным направлениям их деятельности.³ Вопросам правовой природы квазисудебных органов, механизму их реализации в российской правовой системе посвящены только отдельные публикации.⁴

Универсальная система квазисудебных органов является наиболее разветвленной, охватывающей максимальное количество участников.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ, принятое 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.04. 2023).

² Например, Конституционный Суд РФ достаточно часто в своих решениях обращался к правовым позициям, содержащимся в постановлениях Европейского Суда по правам человека. В его практике было несколько случаев обращения и к различным актам, принимаемым Комитетом по правам человека. В Постановлении от 12 апреля 2010 года № 8-п Суд в обоснование своих выводов обратился к правовой позиции Комитета, в Постановлении от 7 июня 2012 г. № 14-П Суд обратился к Замечаниям общего порядка № 27 Комитета по правам человека, а в Постановлении от 27 июня 2012 г. № 15-П Конституционный Суд обратился к позиции, изложенной Комитетом после рассмотрения доклада России о соблюдении Международного пакта о гражданских и политических правах. Среди Постановлений Пленума Верховного Суда можно выделить Постановление от 14 июня 2012 г. № 11, где изложены отдельные правовые позиции комитетов по правам человека.

³ Например: *Панова Е.В.* Международно-правовые основы деятельности Комитета по правам человека: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Ширева И.В.* Механизм защиты прав человека в рамках ООН и ее специализированных учреждениях. М. 2013; *Шейнин М.* Практика Комитета ООН по рассмотрению индивидуальных жалоб на нарушение прав человека. С. 9 - 10 // [Электронный ресурс] URL: http://www.ter-ralegis.org/terra/lek/lek_26.html (дата обращения 11.10. 2016).; *Автономов А.С.* Рассмотрение индивидуальных сообщений договорными органами в системе Организации Объединенных Наций // *Международное правосудие.* -2013. № 3. С. 78 – 94; *Гремза Н.Ю.* Конвенционные комитеты в области международной защиты прав человека: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁴ См.: *Амирамова М.А.* Проблема применения в российской правовой системе актов, принимаемых комитетами по правам человека // *Международное публичное и частное право.* 2005. № 4. С. 18-22.

Впервые данная концепция международного контроля была предложена резолюцией ЭКОСОС в 1956 году.¹ На практике она впервые была воплощена в рамках Международной конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в 1965 году. В дальнейшем данная практика была воспринята большинством других соглашений в области прав человека. На сегодняшний день действует десять договорных органов по правам человека, имеющих определенные сходства в порядке формирования и практике деятельности.²

В отличие от судебной процедуры, деятельность квазисудебных органов контроля (комитеты по правам человека ООН), реализуется в различных организационных формах: это, как правило, рассмотрение

¹ См.: Система договоров Организации Объединенных Наций в области прав человека. Нью-Йорк и Женева 2012 С. 26 // Официальный сайт Управления Верховного комиссара по правам человека ООН [Электронный ресурс] URL: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet30Rev1_ru.pdf (дата обращения 09.09.2016).

² Комитет по ликвидации расовой дискриминации (КЛРД) наблюдает за выполнением Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.); Комитет по правам человека (КПЧ) наблюдает за выполнением Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) и факультативных протоколов к нему; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) наблюдает за выполнением Международной конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) и факультативного протокола к ней (1999 г.); Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКП) наблюдает за выполнением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.); Комитет против пыток (КПП) наблюдает за выполнением Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.); Комитет по правам ребенка (КПР) наблюдает за выполнением Конвенции о правах ребенка (1989 г.) и факультативных протоколов к ней (2000 г.); Комитет по защите прав трудящихся-мигрантов (КПТМ) наблюдает за выполнением Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г.); Комитет по правам инвалидов (КПИ) наблюдает за выполнением Международной конвенции о правах инвалидов (2006 г.); Комитет по насильственным исчезновениям (КНИ) наблюдает за выполнением Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (2006 г.) и Подкомитет по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения или наказания (ППП), учрежденный в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции против пыток (ФПКПП) (2002 г.), посещает места лишения свободы с целью предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения или наказания.

периодических докладов государств и индивидуальных жалоб в случае предполагаемого нарушения государством положений пакта (или конвенции) и т. д. Каждому из направлений соответствуют свои виды документов. В результате комитетами принимаются следующие акты: заключительные замечания, замечания общего порядка и решения по индивидуальным жалобам, которые именуется соображения (мнения).

Учредительные договоры достаточно лаконично подходят к регламентации вопросов, связанных с актами, которыми комитеты по правам человека завершают процедуру рассмотрения периодических докладов государств о принятых ими мерах по реализации договорных обязательств. Согласно ст. 40 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года «Комитет препровождает государствам—участникам свои доклады и такие замечания общего порядка, которые он сочтет целесообразным». В ст. 9 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, отмечается: «Комитет может вносить предложения и рекомендации общего характера».¹ Конвенция против пыток в ст. 19 предоставляет Комитету право «делать такие замечания общего порядка по докладу, какие сочтет целесообразным». Как видно, договоры только констатируют факт принятия комитетами замечаний, не дифференцируя их в зависимости от целей принятия и их адресации.

Некоторые уточнения по этому вопросу можно найти в правилах процедуры, принимаемых комитетами. Согласно правилам процедуры Комитета по правам ребенка (правило 75 и 77) выделяются два вида актов: предложения и рекомендации общего характера и замечания общего порядка. Первые адресованы конкретному государству и касаются изложенной им в периодическом докладе информации, а замечания общего порядка посвящены общим вопросам и адресованы всем

¹ Аналогичные положения содержатся в ст. 21 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, и ст. 45 Конвенции о правах ребенка 1989.

заинтересованным субъектам.¹ Данный подход является типичным для этой группы органов.

Таким образом, можно констатировать, что наиболее важные вопросы, касающиеся правовой природы данных актов, их структуры и порядка принятия, не нашли своего отражения ни в договорных положениях, ни в правилах процедуры комитетов. Восполнить имеющиеся пробелы можно, ориентируясь на практику комитетов, и в первую очередь на процедуру рассмотрения докладов.

Являясь итоговым документом процедуры рассмотрения докладов, заключительные замечания главным образом включают в себя выводы соответствующего комитета (за исключением Подкомиссии по предотвращению пыток) относительно практики реализации положений договора соответствующим государством. Это во многом определяет структуру заключительных замечаний. В обобщенном виде ее можно свести к следующим элементам: введение, позитивные аспекты, аспекты, вызывающие озабоченность, и рекомендации. При этом последняя часть традиционно занимает большую часть текста замечаний. В завершении, комитет просит государство обеспечить широкое распространение текста замечаний, и определяет срок предоставления следующего доклада.²

Текст замечаний свидетельствует о комплексном подходе комитетов к оценке действий государства по реализации договорных положений. Объектом проверки, главным образом, выступает законодательство и правоприменительная практика. Комитеты обращают внимание на необходимость учета положений договора и практики его реализации при

¹ См.: Права человека. Учебник для вузов / Отв. ред. д.ю.н. Е.А. Лукашева. М. 1999. С. 507.

² См.: Заключительные замечания Комитета против пыток по седьмому периодическому докладу Финляндии от 20 января 2017 года (CAT/C/FIN/CO/7); Заключительные замечания Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей по второму периодическому докладу Азербайджана от 27 мая 2013. (CMW/C/AZE/CO/2) // URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения: 06.02.2017).

принятии законодательных актов.¹ В случаях выявления каких-либо противоречий, комитет выступает с рекомендацией о необходимости приведения национального законодательства (в том числе и конституционного) в соответствие с требованиями договора.² Если того требуют обстоятельства, он может выступить с предложением принятия новых законодательных актов.³

Оценке подвергается и деятельность государственных органов, и должностных лиц с точки зрения эффективной реализации прав, провозглашенных в соглашении. В заключительном замечании ко второму периодическому докладу Российской Федерации, Комитет против пыток подверг критике ряд указов Президента РФ, принятых им в 1993—1996 годах, в соответствии с которыми допускалось задержание подозреваемых лиц до 30 дней. По мнению Комитета, это способствовало нарушению прав лиц, содержащихся под стражей.⁴

Учитывая неделимость всех прав человека, комитетами принимается во внимание не только соответствие законодательства и сложившейся правоприменительной практики государства принятым обязательствам по пакту (или конвенции), но и анализируется международная договорная практика государств. В этой связи комитет может либо дать положительную оценку достигнутому уровню сотрудничества в области

¹ См.: Заключительные замечания Комитета по насильственным исчезновениям по докладу Арменией в соответствии с п. 1 ст. 29 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (CED/C/ARM/CO/1) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 28. 01.2017).

² См.: Заключительные замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации по восьмому–одиннадцатому периодическим докладам Туркменистана (п.п. 5, 7, 9). 7 февраля 2017. (CERD/C/TKM/CO/8-11) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12. 01.2017).

³ См.: Заключительные замечания Комитета по насильственным исчезновениям по докладу Арменией в соответствии с п. 1 ст. 29 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (CED/C/ARM/CO/1) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 28. 01.2017)

⁴ См.: Доклад Комитета против пыток. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят вторая сессия. (A/52/44) Нью-Йорк. 1997 г. С. 9 // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 19. 01.2017).

прав человека, либо призвать государство-участник рассмотреть вопрос о ратификации дополнительных международных соглашений по правам человека, способствующих процессу эффективной реализации прав, защищаемых комитетом¹. В ряде случаев данные вопросы поднимаются в специальных разделах: «Ратификация международных договоров о правах человека»², «прочие вопросы»³.

Определенный интерес представляют критерии оценки, используемые комитетами при формулировании своих выводов в заключительных замечаниях. Несомненно, главенствующую роль эталона выполняют положения соответствующей конвенции, однако комитеты используют и другие международные акты в качестве правовых ориентиров. Достаточно часто ими выступают резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, устанавливающие минимальные стандарты отдельных прав и свобод: Парижские принципы⁴, Бангкокские правила⁵, Токийские

¹ Concluding observations on the seventh periodic report of the Russian Federation. 28 April 2015. (CCPR/C/RUS/CO/7), § 4; Concluding observations Committee on the Elimination of Racial Discrimination on the combined fourth to eighth periodic reports of South Africa. 5 October 2016. (CERD/C/ZAF/CO/4-8), § 31. // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.01.2017).

² См.: Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по объединенным третьему–пятому периодическим докладам Словакии. 20 июля 2016. (CRC/C/SVK/CO/3-5) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.02.2017).

³ См.: Заключительные замечания Комитета против пыток по объединенным пятому и шестому периодическим докладам Польши. 23 декабря 2013. (CAT/C/POL/CO/5-6). // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.02.2017).

⁴ Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы] Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи 20 декабря 1993 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 20.01.2017).

⁵ Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заклученными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила). Приняты резолюцией 65/229 Генеральной ассамблеи 21 декабря 2010 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 20.01.2017).

правила¹, которые, в свою очередь, были разработаны с учетом широкой договорной и правоприменительной практики ООН.

В некоторых случаях комитеты обращаются к региональным стандартам прав человека. Так, в п. 19 Заключительных замечаний по пятому и шестому докладу Польши, Комитет против пыток ООН «разделил озабоченность Европейского комитета против пыток (ЕКПП)» по проблеме переполненности тюрем и обратился к государству с просьбой принять меры для соблюдения европейского стандарта в 4 кв. м. жизненного пространства на каждого заключенного, разработанного в рамках ЕКПП.²

Представляется, что в качестве правового ориентира комитеты, как и Европейский Суд по правам человека, используют международный консенсус, ориентируясь, таким образом, не только на намерение государств, выраженное ими в договорных положениях, но и на их собственную практику реализации данного договора, порой расширяющую эти положения.

Констатируя положительную динамику, внедрение новых, прогрессивных механизмов в реализации договора в группе государств, комитеты могут рекомендовать этот положительный опыт и другим государствам-участникам. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, позиция, сформулированная Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам в своем первом Замечании общего порядка. Рассматривая цели процедуры предоставления докладов, он отмечает, что она «позволяет Комитету, а также всем государствам – членам

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила]. Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1990 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 20.01.2017).

² См.: Заключительные замечания Комитета против пыток по объединенным пятому и шестому периодическим докладам Польши. 23 декабря 2013. (CAT/C/POL/CO/5-6) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.02.2017).

способствовать обмену информацией между государствами, лучше понять общие проблемы, с которыми сталкиваются государства, и более глубоко оценивать меры, которые могли быть приняты с целью содействия эффективному осуществлению каждого из прав, содержащихся в Пакте».

Анализ содержания заключительных замечаний, адресованных различным государствам, позволяет сделать вывод о том, что комитеты стремятся к формированию единых подходов в трактовке положений договора и в практике его реализации в государствах—членах. Имеющиеся между государствами различия правового, политического, экономического, культурного и религиозного характера, наличие различных проблем в процессе реализации договорных положений не являются определяющими факторами для комитетов. Они стараются ориентировать участников на единые стандарты прав и свобод, провозглашенных в договоре, и единые пути их осуществления. Такая деятельность комитетов во многом способствует правовой унификации национальных правовых систем в области провозглашенных в договоре прав и свобод.

В виду того, что в заключительных замечаниях комитеты дают экспертную оценку ситуации в области прав и свобод человека в конкретном государстве, они являются ориентирующим документом как для международных организаций, так и для международных юрисдикционных органов. Европейский Суд по правам человека для уяснения общей ситуации в стране в контексте рассматриваемого дела достаточно часто обращается к данному виду актов.¹

В заключительных замечаниях находит отражение вся практика комитета. В целях обеспечения единообразия в реализации договорных положений государствами—участниками, в них делается акцент на

¹ См.: Постановление ЕСПЧ «Azimov v. Russia» от 18.04.2013 (жалоба № 67474/11) // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-118605> (дата обращения: 08.02.2017).

необходимость следовать принимаемым замечаниям общего порядка, в которых детализируются отдельные положения договоров.¹ Помимо этого, посредством принятия замечаний комитет имеет возможность еще раз акцентировать внимание государства на необходимости выполнения принятых им соображений (мнений) по индивидуальным жалобам (если государство признало соответствующую компетенцию комитета).

Согласно логике учредительных документов, заключительные замечания относятся к категории рекомендательных актов, что лишает комитеты возможности оказывать на государства прямое давление в случае выявления нарушений в реализации пакта или конвенции. Это подтверждается не только структурой документа, но и стилем изложения. Комитеты стараются избежать какого-либо вторжения в чувствительную для государств область суверенных прав, используя для этого такие формулировки как: «комитет считает», «напоминает», «обеспокоен». Аналогичный подход используется и в отношении предложений и рекомендаций: комитет «предлагает», «считает необходимым», «рекомендует», «государству—участнику следует». В замечаниях комитеты стараются избежать прямых заявлений о нарушении государством своих международных обязательств. Он только отмечает положительные моменты в реализации и отмечает слабые стороны внутригосударственной политики. Как следствие этого, комитеты определяют лишь общие рамки тех действий, которые следует предпринять государству для эффективной реализации договора, предоставляя ему известную свободу в выборе средств и методов для исправления ситуации.

¹ Заключительные замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации по восьмому–одиннадцатому периодическим докладам Туркменистана. 7 февраля 2017. (CER/C/TKM/CO/8-11) § 5 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org> (дата обращения: 15.02.2017).

Рекомендательную направленность замечаний не стоит воспринимать как полное отсутствие их юридической значимости для государств.

Вступая в международный договор, государства не только добровольно принимают на себя вытекающие из него обязательства, но и признают право соответствующего органа осуществлять контроль за его исполнением.¹ Таким образом, необходимость ориентироваться на выводы комитетов, изложенные в заключительных замечаниях при реализации пакта (конвенции), следует из принципа *pacta sunt servanda*, закрепленного в ст. 26 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 года. Оставление без внимания рассматриваемых актов контроля государством может быть расценено участниками и международным сообществом как отступление от принятых международных обязательств.

Отсутствие обязательной силы не стоит рассматривать как существенный недостаток данной системы контроля. Наоборот, в силу предоставленной договором свободы, государство может на основе сделанных замечаний самостоятельно выбирать направления и механизм реализации международного соглашения, исходя из условий национальной правовой системы.

Выводы, изложенные комитетом в заключительных замечаниях, могут являться важным правовым ориентиром для национальных органов государственной власти. Выявленное комитетом несоответствие национального законодательства и правоприменительной практики требованиям пакта или конвенции может создать основу для внесения изменений в действующее законодательство или принятие новых законодательных актов, совершенствование сложившейся практики.

¹ Солнцев А., Конева А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // *Международное правосудие* 2013. № 4 (8). С. 84.

Помимо этого, в замечаниях на конкретных примерах демонстрируется применимость отдельных положений соглашения к сложившимся ситуациям в стране.¹ В связи с тем, что при принятии заключительных замечаний комитеты опираются не только на практику комитета, но и на практику других международных органов, они представляют собой для государств весьма содержательный источник информации о действующих универсальных стандартах в области прав человека.

Единство требований, предъявляемых комитетами к разным государствам, позволяет сделать вывод о том, что изложенные комитетом замечания имеют значение не только для конкретного государства, но могут быть приняты во внимание и другими государствами-участниками, которые испытывают сходные трудности или стремятся в максимальной степени следовать международным стандартам в области прав человека.

Другим примером использования заключительных замечаний, принятых в отношении иных стран, может быть их использование при выстраивании внешней политики с этим государством. Так, например, констатация факта распространения пыток и иных насильственных действий в отношении заключенных может послужить основанием для отказа в экстрадиции.²

На основе изложенного, можно сделать вывод, что заключительные замечания, принимаемые по итогам рассмотрения периодических докладов государств, главным образом направлены на эффективную реализацию договорных положений на внутригосударственном уровне. Несмотря на рекомендательный характер заключительных замечаний, они

¹ *Амирова М.А.* Проблема применения в российской правовой системе актов, принимаемых комитетами по правам человека // *Международное публичное и частное право.* 2005. № 4 (25). С. 18-19.

² Views adopted by the Human Rights Committee «N.S. v. Russian Federation». Communication №. 2192/2012. 1 June 2015. (CCPR/C/113/D/2192/2012) // URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1962> (дата обращения: 10.01.2017).

могут стать важным источником правовой информации о действующих международных стандартах в области прав человека, определять приоритетные направления деятельности органов государственной власти в области защиты прав и свобод человека. Содержащиеся в них выводы могут и должны составлять основу для поэтапного совершенствования законодательства и правоприменительной практики в государстве.

§ 2. Влияние соображений (мнений) комитетов по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику

Следующим направлением контрольной деятельности конвенционных органов является рассмотрение индивидуальных жалоб на нарушение прав и свобод, провозглашенных в соответствующем договоре со стороны государства-участника.¹ Из десяти действующих договорных органов, восемь уполномочены принимать и рассматривать такие обращения.² При этом, согласно учредительным документам, только два фактора могут ограничить возможность индивида на подачу такой жалобы. Во-первых, данная процедура носит факультативный характер, т.е. доступна только гражданам тех государств, которые выразили согласие на такую юрисдикцию комитета.³ Во-вторых, в силу субсидиарности международного правозащитного механизма, жалоба может быть направлена только при ее соответствии установленным в договоре критериям приемлемости.⁴

Порядку рассмотрения индивидуальных жалоб комитетами и принятию по ним решений уделено значительное внимание со стороны как договорных норм, так и правил процедуры, однако, несмотря на это, ряд вопросов, касающихся правовой природы итоговых документов, их значения для национальных правовых систем, не получили должной правовой регламентации, что порождает их дискуссионность.

¹ Такая процедура предусмотрена, например, Факультативным протоколом к Пакту о гражданских и политических правах 1966 года; Международной конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации, Конвенцией против пыток и т.д.

² Исключение составляют только Подкомитет против пыток, где данная процедура не предусмотрена и Комитет по защите прав трудящихся - мигрантов в силу того, что ст. 77 Конвенции, предусматривающая данную процедуру, не вступила в силу.

³ См.: ст. 40 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

⁴ См.: ст. 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах 1976 г.

В большинстве случаев рассмотрение данного вида актов комитетов осуществляется через их сравнение с постановлениями Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ)¹. Действительно, такой подход наглядно демонстрирует существующую разницу между двумя контрольными процедурами.

Согласно большинству учредительных договоров, итогом рассмотрения жалобы на нарушение прав комитетом является принятие акта, именуемого не «решение» или «постановление», как в случае с ЕСПЧ, а «соображение»². Помимо этого, договоры, в отличие от Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, ничего не говорят об обязательности для государств принимаемых комитетом актов. Они обходят этот вопрос стороной, создавая основание для существования двух точек зрения. Отсутствие четких указаний на обязательность во многом порождает и другую особенность соображений комитетов, а именно: в договорах не предусмотрено какого-либо принудительного механизма реализации данных актов, возможность применения к государствам мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение соображений. Налицо явное различие и в правовой природе контрольных органов. Данные обстоятельства были положены в основу концепции, согласно которой комитеты по правам человека нельзя отнести к судебным или даже к квазисудебным органам³, а принимаемые ими соображения носят исключительно рекомендательный

¹ Например: *Голубок С.* Постановления и решения Европейского Суда по правам человека и соображения Комитета по правам человека: их статус и юридические последствия в российской правовой системе // *Российский ежегодник международного права.* 2010. СПб. 2011. С. 114-137.

² В зависимости от используемой в договоре терминологии акты, принимаемые по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб, именуются по-разному: «соображениями» (КПЧ, КЭСКО, КПП), «мнениями» (КЛРД, КЛРДЖ, КПП), «определениями» (КПИ), «выводами» (КНИ).

³ Poland's commentary to the Draft General Comment № 33 of The Human Rights Committee // <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 7.02.2017).

характер¹. Данную позицию разделил и сам Комитет в 1988 году в своем ежегодном докладе Генеральной Ассамблее².

Однако, в последнее время на доктринальном уровне наметилась тенденция к пересмотру многих подходов. В первую очередь трансформация взглядов связана с качественными изменениями, происходящими как в международной, так и во внутригосударственной практике:³ значительно возросло количество международных соглашений, расширился перечень защищаемых ими прав и свобод, а также постоянно совершенствуется процедура международной защиты прав и свобод,⁴ в большинстве государств признается приоритетное значение норм международного права. В связи с этим отсутствие четких указаний на обязательность уже не рассматривается исключительно как рекомендация.⁵ Кроме того, если предположить, что рекомендательный характер соображений комитетов исключает необходимость их выполнения, то это ставит под сомнение существующий механизм контроля и соответственно необходимость для государства давать согласие на данный вид юрисдикции комитетов. Как аргумент в пользу данной точки зрения обычно приводят требования ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

Можно также согласиться с мнением, что исходя из порядка формирования комитетов, порядка его работы, а также структуры

¹ *Амирамова М.А.* Проблема применения в российской правовой системе актов, принимаемых комитетами по правам человека // *Международное публичное и частное право.* 2005. № 4. С. 18-20.

² Report of the Human Rights Committee № 40 (A/43/40) p. 151-152/ (§ 645) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 03.04.2017).

³ *Валеев Р.М.* Контроль в современном международном праве. Казань 2003. С. 142-143.

⁴ См.: *Права человека. Учебник для вузов / Отв. ред.- член-корр. РАН, д.ю.н. Е.А. Лукашева.* М. 1999. С. 512.

⁵ См.: *Мюллерсон Р.А.* Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 111; *Автономов А.С.* Рассмотрение индивидуальных сообщений договорными органами в системе Организации Объединенных Наций // *Международное правосудие.* 2013. № 3. С. 78 – 94.

соображений, договорным органам свойственны некоторые черты судебной деятельности. К ним можно отнести независимость и беспристрастность экспертов, окончательный характер принимаемых решений, осуществление функции толкования договорных норм.

С учетом этого, Комитет по правам человека, основываясь на обобщении опыта государств-участников по имплементации ими договорных положений, учитывая доктринальные подходы, попытался переосмыслить ряд позиций, касающихся его деятельности по рассмотрению индивидуальных жалоб. Им был разработан Проект Замечаний общего порядка № 33 «Обязательства государств—участников в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах»¹.

В нем Комитет отмечает (п.п. 13-17), что специфика используемой терминологии в названии принимаемых им актов по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб (соображения) не должна наводить на мысль, что они носят чисто консультативный или рекомендательный характер. С его точки зрения, это неоправданный подход. Разъяснение своей позиции Комитет по правам человека сводит к следующему:

1) соблюдение обязательств, добровольно принимаемых государствами—участниками в соответствии с Пактом, распространяется также на уважение к мнениям, выраженным Комитетом по правам человека.

2) основываясь на п. 3 ст. 2 Пакта Комитет отмечает, что каждое участвующее в Пакте государство обязуется обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства их правовой защиты. Таким образом, выявление нарушения Комитетом предполагает

¹ Draft General Comment No 33 (Second revised version as of 18 August 2008). The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (CCPR/C/GC/33/CRP.3) // URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/CCPR.C.GC.33.CRP.3.doc> (дата обращения: 20.05.2017).

юридическую обязанность государства-участника пересмотреть этот вопрос на внутригосударственном уровне.

3) обязанность сотрудничать с Комитетом возникает в силу применения принципа добросовестности исполнения международных обязательств, что, по мнению комитета, приводит к обязательству уважать соображения Комитета.

Помимо этого, на наш взгляд, заслуживают внимание еще три позиции, изложенные Комитетом в Проекте: во-первых, в п. 11 Комитет отмечает, что исходя из текста Факультативного протокола, его деятельность имеет много схожего с деятельностью судебных органов, и, соответственно, принимаемым им актам также свойственны признаки судебного решения; во-вторых, в п. 14 он пишет, что выносимое им после тщательного анализа жалобы соображение, представляет собой авторитетное определение органа, учрежденного в соответствии с Пактом, на который возложена задача толкования этого документа, и, наконец, в п. 17 он считает необходимым признать за принимаемыми им соображениями статус «последующей практики применения договора, в смысле ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

Предложенный Комитетом подход во многом меняет статус соображений в рамках внутригосударственной правовой системы, приравнивает его к статусу постановлений ЕСПЧ.

Выражая, в общем, положительную оценку деятельности Комитета по правам человека, способствующую участникам эффективно выполнять свои международные обязательства¹, государства, тем не менее, в ходе

¹ Comments of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on draft General Comment 33: «The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights»; Draft General Comment No 33 (CCPR/C/GC/33/CRP.3) Second revised version as of 18 August 2008. Comments by the Government of Sweden; Poland's commentary to the Draft General Comment № 33 of The

развернутой дискуссии, подвергли критике позиции, изложенные Комитетом.

Тексты договоров, а также подготовительные материалы к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года, по мнению большинства из них¹, свидетельствуют о том, государства целенаправленно выбрали термин «комитет по правам человека», а не «трибунал (суд) по правам человека». Следовательно, принимаемые Комитетами соображения не имеют такого же эффекта для государств, как например, решения ЕСПЧ. Не отрицая того, что соображения Комитета имеют право на уважение со стороны государств, и должны быть ими тщательно рассмотрены, государства, тем не менее, отказывают им в обязательности, говоря только об их морально — политическом значении.² Помимо этого, с их позиции любые изменения в отношении юридической силы соображений, могут быть осуществлены только в результате выраженного участниками волеизъявления, т.е. в порядке ст. 11 Факультативного протокола³.

В ряде комментариев государств-участников ставится под сомнение и право Комитета осуществлять авторитетное толкование договора. Так, ссылаясь на положения Пакта и Факультативного протокола, Правительство США утверждает, что такое толкование могут осуществлять только участники договора. Другие государства

Human Rights Committee // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017)

¹ Comments of the United States of America on the Human Rights Committee's «Draft General Comment 33: The Obligations of States Parties Under the Optional Protocol to the International Covenant Civil and Political Rights» // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017)

² Comments of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on draft General Comment 33: «The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights» // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017)

³ Там же

высказывались в пользу того, что толкования, даваемые Комитетом в решениях по индивидуальным жалобам, а также в замечаниях общего порядка, могут лишь указывать предполагаемое направление толкования положений Пакта¹.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев государства высказывали свое критическое отношение и к понятию «юриспруденция» Комитета. Как отметило Правительство Японии, «даже если соображения по конкретным вопросам накапливаются, их нельзя рассматривать как «последующую практику применения договора, которая устанавливает соглашение сторон относительно его толкования в смысле ч. 3 (b) ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года»².

Российская Федерация в своих комментариях³ также поставила под сомнение ряд позиций, изложенных в проекте, среди них прописанная обязанность по исполнению соображений по правам человека.

Подобная реакция со стороны государств—участников вполне предсказуема, так как предложенный Комитетом подход к трактовке договорных положений налагает на государства дополнительные обязанности, которые не были им очевидны при вступлении в договор, а это, в конечном итоге, может трактоваться как вторжение в сферу их суверенных прав. В связи с этим в комментариях высказывалось мнение, что существует риск того, что страны, которые не присоединились к

¹ Poland's commentary to the Draft General Comment № 33 of The Human Rights Committee // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017).

² Draft General Comment No 33 (CCPR/C/GC/33/CRP.3) Second revised version as of 18 August 2008. Comments by the Government of Japan // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017).

³ Комментарий Российской Федерации к проекту Замечаний общего порядка № 33 Комитета по правам человека по вопросу об обязательствах государств-участников первого Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017).

Факультативному протоколу, будут еще менее склонны делать это из-за такого расширения обязательств¹.

Однако высказанные возражения, как представляется, продиктованы не столько нежеланием исполнять решения комитетов, сколько стремлением государств оставить за собой право решать, в какой форме, объеме реализовать данное решение. Как свидетельствует практика, несмотря на критическую оценку предложений Комитета, государства, как правило, предпринимают активные действия по реализации вынесенных соображений или молчаливо признают предложенную в замечаниях общего порядка трактовку положений Пакта.

При подготовке окончательной версии Замечаний общего порядка № 33 Комитет по правам человека с учетом мнений, высказанных государствами, изменил текст документа. Многие формулировки, касающиеся обязательств по исполнению соображений, отнесение их к последующей практике в смысле ст. 31 Венской конвенции 1969 года, Комитет либо заменил на нейтральные (о необходимости действовать добросовестно в рамках Факультативного протокола или Пакта), либо удалил из текста.

Вместе с тем, рассматриваемое Замечание представляет собой определенный компромисс между официальными позициями ряда государств и реально формирующейся практикой реализации соображений, так как в окончательный текст Замечания все же вошли ряд первоначальных позиций Комитета². Так, в п. 11 отмечается: «хотя при

¹ Draft General Comment No 33 (CCPR/C/GC/33/CRP.3) Second revised version as of 18 August 2008. Comments by the Government of Sweden // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017).

² См.: Замечание общего порядка № 33 «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах. CCPR/C/GC/33 // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f33&Lang=ru (дата обращения: 12.05.2015).

рассмотрении индивидуальных сообщений Комитет по правам человека не выступает в роли судебного органа как такового, соображениям, распространяемым Комитетом согласно Факультативному протоколу, присущи некоторые основные черты судебного решения», а согласно п. 13 «соображения по Факультативному протоколу представляют собой авторитетное определение, выносимое учрежденным Комитетом в соответствии с самим Пактом». Представляется, что с учетом расширения практики реализации соображений на внутригосударственном уровне будет происходить дальнейшая трансформация взглядов государств на деятельность и принимаемые комитетами акты.

Что касается вопроса о юридическом значении соображений (мнений) комитетов по правам человека ООН в рамках национальных правовых систем, то представляется более целесообразным его рассмотрение, исходя из двух аспектов: соображение комитета как юридический факт для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных решений, принятых национальными судебными органами, а также как источник универсальных международных стандартов в области прав человека.

В рамках своего диалога с комитетами, государства неоднократно подчеркивали, что отсутствие в договорах четких указаний на обязательный характер соображений, не означает, что последние имеют для государств только информативное значение. В ряде случаев в национальном законодательстве предусматривается возможность пересмотра внутригосударственных судебных актов в случае констатации соответствующим комитетом допущенного государством нарушения прав человека¹, а также может быть предусмотрена выплата компенсации

¹ Poland's commentary to the Draft General Comment № 33 of The Human Rights Committee // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 07.02.2017).

жертвам за установленные международными органами нарушения прав человека.

Данная процедура не имеет четкого договорного закрепления. Введение ее в национальное законодательство в первую очередь обусловлено теми обязательствами, которые прописаны в тексте договора, и их формулировки во многом типичны: государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории лицам права, провозглашенные в данном международном договоре без какой—либо дискриминации¹. Кроме того, в договоре содержится обращенное к государствам-участникам требование принимать «все необходимые законодательные, административные и другие меры» на внутригосударственном уровне для осуществления признанных в нем прав², а также возлагается обязанность использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для осуществления принимаемых Комитетом соображений³. Соответственно, если Комитет по правам человека констатирует факт нарушения договора государством, на последнее возлагается обязанность исправить допущенное нарушение в свете взятых на себя обязательств.

Что касается Российской Федерации, то отсутствие какой—либо регламентации на законодательном уровне вопросов, связанных с реализацией соображений комитета, отчасти было компенсировано правовыми позициями высших судебных органов, таких как Конституционный Суд и Верховный Суд Российской Федерации.

¹ См.: ст. 2 Конвенции о правах ребенка 1989 года // URL: <http://www.ohchr.org/RU/ProfessionalInterest/Pages/CRC.aspx> (дата обращения: 02. 02.2017).

² См.: Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (статьи 4 и 42 и пункт 6 статьи 44)» // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fGC%2f2003%2f5&Lang=ru (дата обращения: 02. 02.2017).

³ См.: Замечание общего порядка № 33 «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах» // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.02.2017).

Одним из первых судебных актов, где была выражена такая правовая позиция, является Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года¹. В нем Суд, основываясь на положениях Конституции РФ (ст.ст. 14, 21, 46), а также на обязательстве, содержащемся в п. 2 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, отметил: «Конституция, формулируя право на судебную защиту, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела». Данное конституционное положение означает, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации. В дальнейшем данная правовая позиция нашла отражение еще в ряде постановлений².

Однако, несмотря на это, российское уголовно—процессуальное законодательство в качестве нового обстоятельства, ведущего к пересмотру приговора, включило только факт вынесения постановления Европейским Судом по правам человека, в котором он констатирует нарушение заявленных прав. Данное обстоятельство послужило причиной того, что Конституционный Суд РФ еще раз вернулся к рассмотрению этого вопроса в связи с жалобой Хорошенко А.А.³

Автор жалобы оспаривал конституционность положений ст. 413 и 415 УПК РФ, предусматривающих в качестве новых обстоятельств для

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 284 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И. П. Серебренникова // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03. 2016).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2010 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03. 2016).

³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О по жалобе гражданина Хорошенко А.А. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03. 2016).

пересмотра приговора исключительно постановления ЕСПЧ, но не акты других международных контрольных органов, чья компетенция по осуществлению контроля за выполнением международных обязательств была признана Российской Федерацией. Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобу, пришел к выводу, что оспариваемые заявителем законоположения не исключают возможности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на основании соображений Комитета по правам человека, принятых в результате рассмотрения индивидуальной жалобы и содержащих адресованное РФ предложение о проведении повторного судебного разбирательства. Суд указал, что право возбуждения производства ввиду новых обстоятельств, не связанных с постановлениями ЕСПЧ, принадлежит прокурору, а поводом для возбуждения могут быть сообщения граждан и должностных лиц.

Таким образом, Конституционный Суд РФ констатировал равенство возможностей граждан на пересмотр приговора в случае констатации международным контрольным органом нарушения их прав и свобод вне зависимости от его правовой природы и степени обязательности его решений по договору. Конечно, не исключается возможность того, что федеральный законодатель внесет соответствующие изменения в УПК РФ, и они будут иначе регулировать данный механизм, но основная идея, сформулированная Конституционным Судом, вряд ли будет изменена.

Что касается вопроса об отнесении соображений комитетов к источникам международных стандартов в области прав человека, то это предопределяется тем, что они, несмотря на имевшую место критику многих государств, представляют собой последующую практику применения договора, в смысле ст. 32 Венской конвенции 1969 года, и могут быть использованы при толковании норм соответствующего договора.

Между тем можно предположить, что дальнейшее развитие практики применения актов международных квазисудебных органов в Российской Федерации будет развиваться с учетом тех же подходов, которые были выработаны российскими судами в отношении постановлений ЕСПЧ.

Верховный Суд РФ, так же, как и в отношении постановлений ЕСПЧ, обратил внимание нижестоящих судов на необходимость учитывать при рассмотрении ими дел соображения Комитета по правам человека и других квазисудебных международных органов. Во исполнение ранее вынесенного им Постановления Пленума № 5 от 10 октября 2003¹, а также в целях эффективной защиты прав и свобод человека, он разместил подборку правовых позиций международных комитетов в справочной системе «Правосудие».

Анализ данного документа позволяет сделать вывод, что подход к работе с ними во многом схож с тем, который изложен в Постановлении Пленума от 27 июня 2013 года в отношении позиций Европейского Суда по правам человека². Суд изложил достаточно широкий перечень правовых позиций, в первую очередь по жалобам в отношении других государств, которые должны учитываться судами, если обстоятельства рассматриваемого ими дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом рассмотрения соответствующего комитета. Также можно отметить, что Верховный Суд РФ обращается к соответствующим

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 N 5. (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2016).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ, принятое 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2016).

позициям комитетов при обобщении практики по конкретным категориям дел¹.

В пользу данной точки зрения, на наш взгляд, свидетельствует и использованная Верховным Судом терминология. В соображениях комитетов он выделяет «правовые позиции», хотя по сложившейся традиции этот термин в большей степени характерен для постановлений судебных органов. Выявление правовых позиций в соображениях комитетов по правам человека не означает наделения практики данных органов какими—либо новыми качествами, скорее речь идет о механизме (методике) работы с этими актами, которая уже сложилась в рамках российской судебной системы². Данный подход, используемый первоначально органами судебной власти в отношении актов Конституционного Суда РФ, был перенесен ими на постановления Европейского Суда по правам человека, а затем и на решения рассматриваемых органов.

Таким образом можно сделать вывод, что несмотря на отсутствие четких механизмов внутригосударственной имплементации актов международных контрольных органов со стороны международного права и внутригосударственного законодательства, судебные органы достаточно часто обращаются к ним для толкования международных, конституционных и других законодательных гарантий прав и свобод человека. В большинстве случаев судебные органы обращаются к данным актам для подтверждения своей позиции по рассматриваемому делу, а

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19. 12. 2013 № 41) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2016).

² См.: *Чернышев И.А.* Правовые позиции Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам человека: генезис и взаимовлияние: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск. 2010.

факт констатации нарушения страной международных обязательств является основанием для пересмотра судебного решения.

Существующие различия в практике применения актов судебных и несудебных международных органов объясняется различием в правовой природе контрольных органов и в обязательствах государств в отношении исполнения их актов. Но, несмотря на данные различия, национальные суды используют схожие подходы в работе с ними, пользуясь принципом аналогии.

§ 3. Замечания общего порядка как источник международных стандартов прав человека в российской правоприменительной практике

Замечания общего порядка (далее — ЗОП) являются достаточно специфичными актами для системы международной защиты прав человека. Их принятие не связано с осуществлением контроля за выполнением конкретным государством договорных обязательств, они не являются итоговым документом процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб и т.д. Их текст содержит лишь обобщающие мнения комитета относительно содержания какого—либо права, провозглашенного в договоре, либо способ решения конкретной проблемы. Рассмотрение вопросов, связанных с правовой природой данных актов, их целевой направленностью, как уже отмечалось, осложнено краткостью договорных положений и правил процедуры¹. На их основе можно сделать вывод только о компетенции соответствующего комитета принимать по итогам процедуры рассмотрения докладов государств такие замечания, и не более того².

В связи с этим, главные вопросы, которые могут интересовать внутригосударственного правоприменителя (правовая природа ЗОП, являются ли они актами официального толкования договорных положений и какова их роль в национальной правовой системе), оставлены без ответа. Как правило, они не находят разрешения и на внутригосударственном уровне, и Российская Федерация здесь не является исключением.

¹ См.: Свод правил процедуры, принятых договорными органами по правам человека // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.10.2016).

² Так, согласно ч. 4 ст. 40 ПГПП «Комитет препровождает Государствам-участникам свои доклады и такие замечания общего порядка, которые он сочтет целесообразными». В статье 21 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. отмечено, что «Комитет ежегодно.... может вносить предложения и рекомендации общего характера, основанные на изучении докладов и информации, полученных от государств-участников».

Относительно ЗОП необходимо отметить, что в отличие от принимаемых по итогам рассмотрения комитетами индивидуальных жалоб соображений (мнений), отсутствие закона, регламентирующего процесс реализации актов комитетов, не компенсировано выработкой правовых позиций высшими судебными органами¹.

В сложившихся условиях некоторое ориентирующее значение относительно целей принятия замечаний общего порядка могут иметь позиции, изложенные комитетами в их ежегодных докладах² и других принимаемых ими актах³.

Так комитеты неоднократно отмечали, что в силу предоставленных договором полномочий (рассмотрение периодических докладов государств и индивидуальных обращений) они, путем составления замечаний общего порядка, стремятся ознакомить всех заинтересованных субъектов с накопленным ими опытом, и тем самым способствуют дальнейшей эффективной реализации договорных положений⁴. В этих же целях комитеты, исходя из принципа неделимости и взаимосвязи прав и свобод, при составлении замечаний зачастую учитывают обобщенную

¹ Например, Конституционный Суд РФ в своем определении от 28 июня 2012 г. № 1248-О по жалобе гражданина Хорошенко А.А. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, сформулировал позицию, согласно которой факт вынесения Комитетом по правам человека решения (соображений) по индивидуальной жалобе, может служить основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

² См.: Доклад Экономическому и Социальному Совету Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. С. 97 // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.10.2016).

³ Например: Замечания общего порядка № 16 Комитета по правам ребенка (CRC/C/GC/16) // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 18.12.2016).

⁴ Например: Доклад Генеральной Ассамблеи ООН Комитета по правам человека (тридцать шестая сессия). Дополнение № 40 (A/36/40) С. 136; Доклад Генеральной Ассамблеи ООН Комитета по правам человека (тридцать девятая сессия). Дополнение № 40 (A/39/40) С. 143-144; Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 7 (2005) «Осуществление прав ребенка в раннем детстве (CRC/C/GC/7/Rev. 1) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 11.10.2016).

практику деятельности других международных органов¹, а также договорную практику государств².

Наличие причинно-следственной связи между фактом принятия замечания общего порядка и процессом накопления и обобщения комитетом опыта по реализации договора, на наш взгляд, демонстрирует процедура пересмотра с течением времени текста ЗОП. Как было отмечено Комитетом по социальным, экономическим и культурным правам, пересмотр и обновление ЗОП осуществляется «каждый раз, когда это необходимо в свете опыта государств-членов и извлеченных из него выводов»³. При этом происходит существенное увеличение объема документа и детализация содержания провозглашенных договором прав и обязательств государств-членов. Так, ЗОП № 8 Комитета по правам человека по ст. 9 Пакта «Свобода и личная неприкосновенность» образца 1982 года,⁴ состояло всего из четырех пунктов, тогда как замечание № 35 по этой же статье 2014 года, включает в себя уже 7 разделов, объединяющих 68 пунктов.

В ряде случаев предпосылкой принятия ЗОП выступает факт выявления комитетом в процессе деятельности существенных изменений, происходящих в области какого-либо права (свободы), защищаемого договором. Актуализация вопросов, связанных с реализацией прав детей-

¹ См.: п.2 Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 1 (2001) по пункту 1 ст. 29: Цели образования // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.10.2016).

² См.: п. 6 Замечания общего порядка № 6 (2005) Комитета по правам ребенка «Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения» (CRC/GC/2005/6) от 3 мая 2006 г. // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 18.02.2017).

³ См.: Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Report on the fifty-fourth, fifty-fifth and fifty-sixth sessions. Economic and Social Council. Official Records Supplement No. 2, 2016. p. 16. (§ 54) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G16/097/00/PDF/G1609700.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.01.2016).

⁴ Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 8 // http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f35&Lang=ru (дата обращения: 11.02.2017).

инвалидов для национальных и международных правозащитных организаций, а также принятие Стандартных правил обеспечения равных возможностей для лиц с ограниченными возможностями¹, Международной конвенции о правах инвалидов 2006 года², явились предпосылкой принятия Комитетом по правам ребенка (далее — КПР) Замечания общего порядка № 9 (2006)³. Комитет «посчитал необходимым ориентировать и оказать помощь государствам - участникам в реализации их усилий по осуществлению прав детей-инвалидов в полном объеме и с учетом всех положений Конвенции». Аналогичная причина указана КПР и в Замечании общего порядка № 20 (2016)⁴.

Достаточно часто комитетами в качестве фактора, побуждающего их принять замечание общего порядка, указываются встречающиеся в большинстве докладов государств недостатки в реализации договорных положений, а также наличие пробелов в действующей системе защиты прав и свобод⁵. Таким образом, с позиции комитетов, принятие ЗОП направлено на повышение эффективности процедуры имплементации положений на внутригосударственном уровне. Например, Комитет по правам ребенка в качестве обоснования разработки им в 2003 году ЗОП назвал имеющуюся у него обеспокоенность тем, что, осуществляя свои

¹ См.: Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities. The General Assembly. 20 December 1993. (A/RES/48/96) // URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/48/a48r096.htm> (дата обращения: 10.03.2017).

² См.: Конвенция о правах инвалидов // URL: <http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/CRPD/Pages/ConventionRightsPersonsWithDisabilities.aspx> (дата обращения: 10.03.2017).

³ См.: Замечание общего порядка № 9 (2006). Права детей инвалидов от 27 февраля 2007 г. (CRC/C/GC/9) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 01.03.2017).

⁴ Замечание общего порядка № 20 (2016) об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте от 6 декабря 2016 г. Комитет по правам ребенка (CRC/C/GC/20) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.03.2017).

⁵ Замечание общего порядка № 6 (2005) «Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения» (CRC/GC/2005/6) от 3 мая 2006 г. // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 18.02.2017).

обязательства по Конвенции, государства не уделяют должного внимания защите прав детей подросткового возраста¹.

В силу высокой степени обобщенности договорных положений, комитеты среди целей принятия замечаний общего порядка указывают необходимость внесения уточнений в содержание отдельных прав и обязательств государств-участников, а также желание дать необходимые рекомендации по их реализации². Для достижения данной цели комитеты осуществляют не просто разъяснения по поводу содержания договорных норм, а с учетом имеющейся практики осуществляют толкование его положений. Тем самым они стараются избежать возможной рассогласованности³ в практике толкования и реализации договора государствами, и, как следствие, нивелирования его содержания. Так, в ЗОП № 35 Комитета по правам человека разъясняется содержание целого ряда понятий и словосочетаний, которые лишь обозначены в статье 9 Пакта: «лишение свободы» (п. 5—6), «личная неприкосновенность» (п.3), «произвольный арест» (п.11—12) и т.д. В некоторых случаях Комитет стремится в максимальной степени детализировать эти понятия. Например, в случае с термином «лишение свободы», Комитет посчитал необходимым привести конкретные примеры такого ограничения, а также случаи, когда будут действовать исключения.

Разъясняя содержание статьи 9, Комитет параллельно обращается к другим положениям Пакта с целью продемонстрировать либо существующие между ними смысловые различия, либо показать общность

¹ Например: Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка № 4 (2003) «Здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции о правах ребенка» от 1 июля 2003 (CRC/GC/2003/4) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 18.02.2017).

² См.: п. 1 Замечаний общего порядка № 19 (2016 год) Комитета по правам ребенка «О бюджетных ассигнованиях для осуществления прав детей (ст. 4) (CRC/C/GC/19) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 18.12.2016).

³ См.: Report of the Human Rights Committee. General Assembly. Official Records: forty-second session supplement No. 40 (AJ42/40). UN / New York. 1987. (§ 350) // Сайт Управления Верховного комиссара по правам человека: URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.07.2016).

их содержания, существующую между ними связь. Например, Комитет считает, что термин «лишение свободы» предполагает более серьезное ограничение, чем простое ограничение свободы передвижения в соответствии со статьей 12 Пакта». Далее, детализируя понятие произвольный арест (п. 17 Замечания), он отмечает, что «произвольными являются арест или содержание под стражей в наказание за законное осуществление прав, гарантированных в соответствии с Пактом, включая право на свободу мнений и их свободное выражение (статья 19), свободу собраний (статья 21), свободу ассоциации (статья 22), свободу религии (статья 18), а также право на неприкосновенность частной жизни (статья 17)».

С точки зрения комитетов ЗОП также направлены на совершенствование действующих процедур взаимодействия между комитетом и государствами, на стимулирование их деятельности, а также деятельности иных субъектов международного права по прогрессивному и эффективному обеспечению прав и свобод человека и т.д.

Таким образом, приведенные выше позиции комитетов в условиях недостаточности правового регулирования снимают некоторые вопросы относительно целевой направленности замечаний общего порядка, однако они не отвечают на вопрос об их месте и роли в рамках национальных правовых систем. Еще одним недостатком данных позиций является то, что они отражают лишь точку зрения договорных органов, которая не всегда совпадает с позицией государств-участников договора.

Наибольшее число разногласий в позициях государств и комитетов в контексте ЗОП, наблюдается по вопросу о праве контрольных органов давать толкование договорным положениям. При этом речь идет не столько о процессе толкования как таковом (без него невозможно выполнение комитетами надзорной функции), сколько об используемых ими подходах к толкованию и степени его обязательности для участников.

Особую актуальность данные вопросы вызывают в свете возможности формирования в рамках деятельности комитетов международных стандартов, отличных по содержанию от положений договоров.

В отличие от Европейского Суда по правам человека, которому на конвенционном уровне предоставлено право осуществлять официальное и обязательное для государств толкование Конвенции 1950 г.¹, ни один из десяти договоров, учреждающих соответствующие комитеты, не возлагает на них подобных полномочий. Зачастую именно на это ссылаются государства в случае несогласия с предложенной комитетами интерпретацией договорных норм.

Более того, договоры либо вообще обходят вопрос о субъектах толкования (МПГПП, МПСЭКП, Конвенция о правах инвалидов и т.д.), либо прямо указывают, что такое толкование делается исключительно государствами—участниками (Конвенция о трудящихся мигрантах (ч. 1 ст. 92), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (ч.1 ст. 29) и т.д.)

Так, согласно ч.1 ст. 42 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, отмечается, что «любой спор между двумя или более государствами-участниками, касающийся толкования или применения настоящей Конвенции, который не удалось разрешить путем переговоров или с помощью процедур, непосредственно предусмотренных настоящей Конвенцией, передается по просьбе одного из этих государств на арбитраж. Если в течение шести месяцев после даты подачи ходатайства об арбитраже сторонам не удастся достичь согласия относительно организации арбитража, любая из них может передать данный спор на рассмотрение Международного Суда путем направления

¹ Согласно ч. 1 ст. 32 Конвенции «в ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней», которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47».

ходатайства в соответствии с его Статутом». Практически идентичные формулировки содержатся в Конвенции о трудящихся мигрантах (ч. 1 ст. 92), Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (ч.1 ст. 29) и т.д.

Обойден данный аспект и правилами процедуры. В них, как правило, указывается только то, что «Комитет может подготовить замечания общего порядка на основе статей и положений Конвенции с целью обеспечения ее дальнейшего выполнения и оказания государствам— участникам помощи в выполнении ими своих обязательств по представлению докладов», и то, что он «включает их в свой годовой доклад Генеральной Ассамблее»¹.

Однако, несмотря на это, на доктринальном уровне и на практике сформировалась устойчивая презумпция признания за конвенционными органами не только права на толкование, но и характеристики его как авторитетного².

Весомым аргументом сторонников данного подхода выступает мнение, выраженное Международным Судом ООН в одном из своих решений³. Обращаясь при рассмотрении дела к положениям Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Международный Суд отмечает следующее: в тех случаях, «когда от него (Суда) требуется применить тот или иной документ по правам человека,

¹ См. Правила процедуры Комитета по правам человека (правило № 77), Правила процедуры Комитета по социальным, экономическим и культурным правам (правило 65), Правило процедуры Комитета против пыток (правило № 74) и т.д. // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.10.2016).

² См.: *Абашидзе А.Х., Конева А.Е.* Укрепление системы договорных органов по правам человека // Московский журнал международного права. 2013. № 4 (92). С. 23; *Права человека. Учебник для вузов. Ответственный редактор – Е.А. Лукашева.* М. 1999. С. 507; *Гусейнов Л.* Особенности толкования международных договоров о правах человека // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. С. 3.

³ См.: Дело «Амаду Садио Диалло» (Республика Гвинея против Демократической Республики Конго) решение от 30 ноября 2010 г. // URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/103/16244.pdf>. (дата обращения: 10.11.2016).

он должен надлежащим образом учитывать толкование, даваемое этому документу независимыми органами, которые были специально созданы для мониторинга разумного применения соответствующего договора». И хотя Суд «не обязан следовать в своем толковании Пакта толкованию, дававшемуся Комитетом, он убежден, что интерпретации, данной этим независимым органом, должно придаваться большое значение».

Фактически, выраженная Международным Судом ООН точка зрения, разделяется и Европейским Судом по правам человека, который при обосновании своей позиции по делу достаточно часто обращается к толкованию комитетов, содержащемуся в замечаниях общего порядка¹.

Такой же позиции придерживаются и сами комитеты. Они не только презюмируют такую возможность, но в принимаемых актах неоднократно обращали внимание государств на то, что «при отсутствии более авторитетного заявления, толкование Комитета будет иметь преимущество перед толкованием государства-участника Конвенции»². На этом основании они при рассмотрении периодических докладов неоднократно выражали свое несогласие с той трактовкой положений договора, которая принята в государствах-членах.

Аналогичная практика сформировалась и в рамках отдельных национальных правовых систем. Например, положения замечаний общего порядка достаточно часто находят свое выражение в актах судебной власти Российской Федерации³. Осуществляя проверку

¹ См.: «Perinçek v. Switzerland» (жалоба № 27510/08) от 15.10.2015; «Dvorski v. Croatia» (жалоба № 25703/11) от 20.10.2015 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.01.2017).

² См.: Доклад Комитета по ликвидации расовой дискриминации Генеральной Ассамблеи. Тридцать седьмая сессия. Дополнение № 18 (A/37/18) 1982 г. С. 53; п. 171 Доклада Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Сороковая сессия (14 января — 1 февраля 2008 года), Сорок первая сессия (30 июня — 18 июля 2008 года). С. 146. // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.01.2017).

³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.10.2016 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой

конституционности подпункта 1 статьи 15 Федерального Закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.И. Ильченко», Конституционный Суд РФ в качестве одного из аргументов, подтверждающих правомерность ограничений, ссылается на позицию, сформулированную в Замечаниях общего порядка N 27 Комитетом по правам человека.

Комитеты по правам человека, как составная часть международной правовой системы, неоднократно подчеркивали свою приверженность общим для всех субъектов правилам толкования, провозглашенным в ст. 31—33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, согласно которым «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора».¹ В распоряжении комитетов находится весь спектр приемов, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 31 Конвенции (системный подход, учет последующих соглашений и последующей практики). Руководствуясь положениями ст. 32, комитеты при необходимости могут прибегать и к дополнительным средствам толкования: изучению подготовительных

статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х»; Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 № 14-П «О проверке конституционности положения подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.И. Ильченко» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2017).

¹ Например См.: «Alberta Union v. Canada» (18 July 1986), Communication No. 118/1982 (CCPR/C/28/D/118/1982), para. 6.3. // URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/460/en-US> (дата обращения: 10.02.2017).

материалов, использованных при разработке и принятии соответствующего договора¹.

Вместе с тем, такая направленность не означает, что для комитетов все подходы имеют равновесное значение. Как содержание замечаний общего порядка, так и правовые позиции, выраженные комитетами в решениях по индивидуальным жалобам, свидетельствуют о том, что «объект и цели» договора в большинстве случаев играют для комитетов определяющую роль в процессе толкования, что позволяет говорить о специфике даваемой ими интерпретации договорных положений.

Причем в зависимости от конкретных обстоятельств ориентация на цели может привести к различным результатам. В одних случаях в целях обеспечения максимального уровня защиты прав, провозглашенных в договоре, комитеты прибегают не к буквальному, а расширительному толкованию понятий. Так, в Замечаниях общего порядка № 19² Комитет по правам человека указал: «назначение Пакта требует, чтобы для целей статьи 17 понятие «семья» толковалось широко и охватывало всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника». В других случаях, руководствуясь аналогичной целью, он придерживается практики ограничительного толкования, например такого понятия как «самые тяжкие преступления»³.

В международном праве одна из форм ориентированного на цель договора подхода к толкованию, получила наименование эволютивного или динамического.

¹ См.: «J. B. et al. v. Canada», Communication No. 118/1982, U.N. Doc. Supp. No. 40 (A/41/40) at 151 (1986) // URL: <http://hrlibrary.umn.edu/undocs/session41/118-1982.htm> (дата обращения: 10.03.2017).

² См.: Замечания общего порядка Комитета по правам человека № 6 // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6620&Lang=ru (дата обращения: 12.03.2017).

³ Там же.

В большинстве случаев именно приверженность данной форме толкования вызывает критику деятельности комитетов со стороны государств—участников¹. Главным образом несогласие вызвано тем, что такой подход может привести к новой интерпретации, которая выходит далеко за пределы договорных положений, а значит за пределы выраженной сторонами воли при принятии текста договора. Тем самым, комитет, занимаясь фактически правотворчеством, может вторгнуться в достаточно чувствительную для государств сферу – государственного суверенитета.

Показательна в этом плане позиция Турции, выраженная ей в ходе диалога по жалобе «Atasoy and Sarkut v. Turkey». Не возражая в принципе против практики эволюционного толкования, государство, вместе с тем, отмечает, что «такое толкование имеет свои пределы и не может выходить за рамки буквы и духа договора или того, что государства изначально предполагали в нем видеть». Далее Турецкие власти отмечают, что если в будущем государства захотят изменить положение Пакта в свете меняющихся обстоятельств, они изменят его положения в договорном порядке (п. 7.13)².

В некоторых случаях свое критическое отношение к эволюционной трактовке излагают и члены комитетов в особых мнениях при рассмотрении индивидуальных жалоб³.

¹ См.: п. 4.6 Соображений Комитета по правам человека от 24 октября 2014 года (Сообщение № 1987/2010) Views adopted by the Human Rights Committee at its 112th session «Anatoly Stambrovsky v. Belarus» 24 October 2014 CCPR/C/112/D/1987/2010 // URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1894> (дата обращения: 12.03.2017).

² См.: Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (104th session). Communications Nos. 1853/2008 and 1854/2008. «Atasoy and Sarkut v. Turkey». // URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1627> (дата обращения: 22.11.2016).

³ См.: Individual opinion of Committee member Mr. Abdelfattah Amor (dissenting). Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (ninetieth session). Communication №. 1173/2003 «Benhadj v. Algeria»; Separate opinion by Mr. Abdelfattah Amor and Mr. Ahmed Tawfik Khalil (dissenting). Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4,

Среди факторов, предопределяющих ориентацию контрольных органов при толковании договора на его объект и цели, в первую очередь указывается «правозащитная» природа договоров, требующая достижения максимально возможной степени эффективности защиты провозглашенных в них прав человека¹. Достаточно четко эта позиция была обозначена Комитетом по правам ребенка в Замечании общего порядка № 14². Им отмечено, что провозглашенная в п. 1 ст. 3 Конвенции концепция о приоритетном значении интересов ребенка, предопределяет принципы ее толкования: «если возможны разные толкования того или иного юридического положения, следует опираться на то, которое наиболее эффективным образом отвечает интересам ребенка».

Помимо указанного фактора, приоритет объекта и цели договора при толковании может быть вызван тем, что большинство положений договоров, сформулированных в самой общей форме, могут трактоваться участниками по – разному³, а также в связи с объективным процессом «старения» договорного режима⁴.

В замечаниях общего порядка комитеты неоднократно заявляли, что конвенция (пакт) является «живым инструментом» (living instrument),

of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (eighty-ninth session). Communication No. 1361/2005. «X v. Colombia» URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1338> (дата обращения: 13.01.2017).

¹ Гусейнов Л. Особенности толкования международных договоров о правах человека // Белорусский журнал международного права и международных отношений. № 2. С. 3.

² См.: Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 18.03.2017).

³ См.: Гражданские и политические права. Комитет по правам человека. Изложение фактов. 15 (Rev.1) // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet15rev.1ru.pdf> (дата обращения: 10.10.2016); Шугуров М.В. Межгосударственные споры о толковании и применении конвенций по правам человека: ценностно-нормативный аспект // Международное публичное и частное право. 2010. № 1.

⁴ Доклад Комиссии международного права. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят шестая сессия Дополнение № 10 (A/66/10) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/527/76/PDF/N1152776.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.05.2017).

«который должен толковаться с учетом современного общества».¹ Действительно, международное право в области прав человека интенсивно развивается. В связи с этим условия, существовавшие на момент принятия договора и оказавшие существенное влияние на его содержание, по прошествии 50—40 лет, значительно изменились. По этому поводу Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин² отмечает: «со времени принятия Конвенции в 1979 году Комитет, а также другие участники на национальном и международном уровнях внесли благодаря прогрессивному мышлению вклад в разъяснение и толкование основного содержания статей Конвенции...». Выбор курса на сохранение первоначального смысла текста договора в этих условиях может привести к постепенному снижению востребованности таких норм и эффективности договора в целом. Во избежание этого, комитеты в ряде случаев без прямого вмешательства государств предпринимают шаги по их «актуализации».

При этом необходимо отметить, что трактовка положений договора, исходя из современного контекста, не является произвольной со стороны комитетов. В своем толковании они опираются на целый ряд правовых ориентиров. Во-первых, текст договора (включая его подзаголовок, преамбулу и статьи постановляющей части). Во-вторых, это внутригосударственная практика государств в деле имплементации договорных положений и выработке подходов к механизму защиты

¹ Committee on the Elimination of Racial Discrimination. General recommendation No. 32. The meaning and scope of special measures in the International Convention on the Elimination of All Forms Racial Discrimination // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.02.2017).

² См.: General recommendation No. 25: Article 4, paragraph 1, adopted by the Committee on the elimination of discrimination against women (temporary special measures) URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT/CEDAW/GEC/3733&Lang=en (дата обращения: 22.11.2016).

провозглашенных им прав¹. Выявляя общие для большинства государств тенденции (консенсус) комитет посредством рекомендаций стремится ввести их в практику всех государств—участников. В—третьих, это комплексный анализ различных международных источников: договоров, как универсальных, так и региональных, а также актов «мягкого права».² Как отмечает Комитет по правам ребенка, несмотря на то, что его «мандат ограничивается функцией надзора за соблюдением Конвенции по правам ребенка 1989 года, его усилия по толкованию ее положений должны осуществляться в контексте всего спектра применимых международных норм в области прав человека»³. В большинстве случаев такая позиция является следствием закрепления на договорном уровне важности других международных соглашений по правам человека, для понимания и реализации прав, защищаемых соответствующим комитетом⁴. О стремлении комитетов выявить новые тенденции в контексте какого-либо права свидетельствует их обращение в первую очередь к документам, принятым позднее толкуемых положений договора. И, наконец, руководствуясь принципом неделимости прав и свобод, комитеты прибегают к обобщенной практике деятельности других договорных

¹ См.: Например п. 6 Замечаний общего порядка № 16 (2013) Комитета по правам человека // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 10.10.2016).

² См.: Committee on the Elimination of Racial Discrimination. General recommendation No. 32. The meaning and scope of special measures in the International Convention on the Elimination of All Forms Racial Discrimination // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.02.2017).

³ См.: Замечание общего порядка № 6 (2005) Комитета по правам ребенка (CRC /GC/2005/6) // <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPpRiCAqhKb7yhsiQql8gX5Zxh0cQqSRzx6ZfXmRo9mdg35%2Bm8BvAjgxjOO4GNzmubgWlfpBtL51aWE5qs8bhGmwKgzLacoXkKdQlkOeXJavo8CvBqVemppoEz> (дата обращения: 23.03.2017).

⁴ Например: преамбула Конвенции о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения: 23.05.20017).

органов в области прав человека.¹ Совокупность всех перечисленных ориентиров, в конечном итоге, позволяет комитетам выявить наиболее важные тенденции развития в области прав, защищаемых пактом (конвенцией), а также то, к чему стремятся государства в контексте договора на данный момент. Эволютивное толкование в ряде случаев требует от комитетов пересмотра их собственных позиций относительно содержания договора. Как уже отмечалось, это проявляется в процессе пересмотра некоторых замечаний общего порядка со временем, а также изменение своей прецедентной практики. В одном из решений², Комитет по правам человека для объяснения своего отступления от предыдущей практики, сослался на то, что «содержание статьи 18 Пакта, как и любых других положений, постоянно развивается с течением времени».

В свете сказанного, можно сделать вывод, что подходы к толкованию, используемые комитетам, практически идентичны тем, какие используются в рамках деятельности Европейского Суда по правам человека. Единственным отличием здесь является только то, что акты комитетов не имеют четко выраженного обязывающего значения для государств—членов. Однако, как представляется, данный факт не должен являться препятствием на пути реализации во внутригосударственной сфере заключений общего порядка³. Проводя аналогию с механизмом

¹ См.: Общая рекомендация № 35 Комитета по ликвидации расовой дискриминации Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 10.10.2016).

² См.: § 8.2 «Yoon and Choi v. the Republic of Korea» (3 November 2006), Communication Nos. 1321/2004 and 1322/2004 (CCPR/C/88/D/1321-1322/2004) // URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1323> (дата обращения: 12.03.2017).

³ В своем Определении от 28.06.2012 № 1248 – О «По жалобе гражданина Хорошенко А.А. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 ст. 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Конституционный Суд РФ отметил, что «несмотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников соображений Комитета по правам человека, это не освобождает Российскую Федерацию...от добросовестного и ответственного выполнения соображений

реализации в рамках российской правовой системы постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих интерпретационные положения Конвенции 1950 года¹, можно сказать, что содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемых в замечаниях общего порядка комитетов по правам человека при применении ими положений соответствующего договора. Так, согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 14 июня 2012 года № 11² судам рекомендовано иметь в виду, что положения международного договора (в данном случае ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года) необходимо воспринимать в соответствии с толкованием, данным Комитетом по правам человека.

Механизмом, способствующим укреплению доверия к актам, принятым контрольными органами, а соответственно и позициям, в них изложенным, может являться консультативная процедура обсуждения и принятия текста замечаний с участием широкого круга субъектов международного права, и в первую очередь государств-участников. Несмотря на то, что метод подготовки замечаний общего порядка, используемый комитетами в договорах и правилах процедуры, получил закрепление в самой общей форме, данная возможность следует из права государств направлять в соответствующий комитет свои соображения

Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств».

¹ См.: п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70404382/#ixzz4iw3iNuyB> (дата обращения: 01.03.2017).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 года № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8.

(комментарии) по замечаниям общего порядка¹. Отдельные аспекты регламентации данного процесса были затронуты Комитетом по правам человека в своем ежегодном докладе Генеральной Ассамблее².

На необходимость расширения данной практики обращала внимание комитетов Генеральная Ассамблея ООН. В своей Резолюции от 9 апреля 2014 года она «призывает комитеты по правам человека создать скоординированный консультативный процесс для подготовки общих замечаний, включающий проведение консультаций с государствами—участниками, и учет мнений других заинтересованных сторон при проработке новых общих замечаний».³ Вопросы, обозначенные в Резолюции, были включены в повестку дня 27 Совещания председателей договорных органов по правам человека, по результатам которого были сформулированы основные подходы к процессу принятия общих замечаний:⁴

1) решение о разработке текста общего замечания принимается на пленарном заседании комитета;

2) подготовка первоначального проекта поручается либо рабочей группе, состоящей из членов договорного органа, либо назначенному докладчику;

¹ Например, ч. 5 ст. 40 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г.; ст. 21 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979; п. «d» ст. 45 Конвенции о правах ребенка 1989 г. и т.д.

² См.: Report of The Human Rights Committee. General Assembly. Official records: thirty-ninth session. Supplement № 40·(A/39/40). 1984. p. 144-146 // URL: [http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f39%2f40\(SUPP\)&Lang=ru](http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f39%2f40(SUPP)&Lang=ru) (дата обращения: 02.02.2017).

³ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление и повышение эффективности функционирования системы договорных органов по правам человека» от 9 апреля 2014 (A/RES/68/268) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/55/PDF/N1345555.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.04.2017).

⁴ См.: Доклад о работе 27-го Совещания председателей договорных органов. Сан-Хосе, Коста-Рика, 22-26 июня 2015 года (п. 90-91) // URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=dtYoAzPhJ4NMy4Lu1TOebK2fVWXLtL8SIr%2BTATpzYQsKqgfZ2jB%2BJYхоau5GG5GpjeIN9DyhXUmXH5QRWIrVO0hGWXdSrLtq07BcCxAg1QY%3D> (дата обращения: 06.04.2017).

3) для обеспечения доступа государств—участников и других заинтересованных сторон, предварительный проект общих замечаний размещается на веб-сайте Управления Верховного комиссара по правам человека, а также передается в другие договорные органы, которые также могут представить свои предложения, замечания или отзывы на проект в целях обеспечения более последовательной интерпретации договора;

4) полученные комитетом по итогам проведенных консультаций предложения, отзывы и замечания рассматриваются «с надлежащей тщательностью в установленном порядке»;

5) комитет, выступивший с инициативой принятия замечаний, осуществляет руководство консультативным процессом и принимает решения, в том числе по принятию общего замечания.

Достаточно прогрессивным видится включение в доклад председателей положения о возможности принятия комитетами совместных замечаний общего порядка. Данное направление сотрудничества может значительно снизить риск расхождения позиций в процессе принятия замечаний комитетами по схожим положениям договоров¹.

Согласно информации, размещенной на веб—сайте Управления, данная процедура согласования была реализована при принятии целого ряда замечаний общего порядка². Например, в рамках Комитета по правам человека такой механизм был использован при принятии Замечания общего порядка № 33, где свои комментарии к тексту проекта Замечаний

¹ Например: Совместная общая рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин/замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике. 14 ноября 2014 (CEDAW/C/GC/31/CRC/CG/C/18) // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 05.04.2017).

² См.: General Comment on State Obligations under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights in the Context of Business Activities (the discussions on 21 February 2017); Human Rights Committee. General comment No. 36 Article 6: Right to life (the discussions on 14 July 2015); The Committee on the Rights of the Child. General Comment: on children in street situations // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 05.04.2017).

предоставили более 20 стран—участниц, а также 6 международных неправительственных организаций¹. Как свидетельствует окончательный текст Замечаний, большая часть мнений, выраженных государствами – участниками, была учтена Комитетом.

Таким образом, замечания общего порядка, исходя из целей их принятия и содержания, необходимо отнести к документам, отражающим так называемую «последующую практику применения договора» в смысле п. «b» ст. 31 Венской конвенции 1969 года, которая может иметь первостепенное значение в рамках национальных правовых систем. А данное обстоятельство позволяет провести некоторые параллели между статусом и целями принятия замечаний общего порядка комитетами, и постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, направленными на разъяснение вопросов судебной практики.² В первую очередь это является следствием определенной схожести в подходах работы данных органов по осуществлению контрольных и надзорных функций.

Как и разъяснения Пленума, ЗОП принимаются на основе изучения и обобщения практики (в данном случае практики реализации договора)³, направлены на преодоление трудностей при уяснении содержания нормативных предписаний (в силу общих формулировок положений договоров) и имеют цель сформировать единообразную практику применения договорных положений.

¹ См.: Сайт Управления Верховного комиссара по правам человека // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения: 03.03.2017)

² См.: *Голубок С.А., Тимофеев М.Т.* Где начинается и чем заканчивается свобода слова: замечания общего порядка № 34 Комитета по правам человека // *Международное правосудие.* 2012. № 3. С. 32-33.

³ Текст замечаний изобилует сносками на прецедентные решения комитетов. Например, в Замечании общего порядка № 35 Комитета по правам человека «Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) их насчитывается около двухсот. // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f35&Lang=ru (дата обращения: 11.09.2017).

Определенная общность прослеживается в том, что замечания общего порядка адресованы широкому кругу субъектов международного права, включая международные организации, специализированные учреждения ООН¹. В отличие от заключительных замечаний, которые в первую очередь адресованы государству, предоставившему доклад, и в которых комитет рассматривает конкретную проблему, имеющую место на территории государства—участника, в замечаниях общего порядка комитеты воздерживаются от рекомендаций конкретным странам.

И хотя проведение данной аналогии между замечаниями общего порядка и постановлениями Пленума Верховного Суда РФ представляется достаточно условным, вместе с тем, оно позволяет определить алгоритм работы с данными актами международного контроля на внутригосударственном уровне.

¹ См.: Доклад Экономическому и Социальному Совету Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. С. 97 // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека: URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.10.2016).

Глава IV. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО (ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ)

§ 1. Международные стандарты в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации

Проверка Конституционным Судом Российской Федерации не вступивших в законную силу международных договоров, а также решение вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов относятся к тем конституционным полномочиям, которые непосредственно направлены на согласование, определение совместимости национального и международного правопорядка. Вместе с тем Конституционный Суд РФ обращается к положениям международного права не только в перечисленных случаях. Международная составляющая в его деятельности прежде всего проявляется при разрешении Конституционным Судом других категорий дел.

Помимо этого, целый ряд норм Конституции РФ неоднократно упоминает, что права и свободы признаются и гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В связи с этим наибольшая часть обращений Конституционного Суда РФ именно к этим элементам встречается при рассмотрении вопросов о защите конституционных прав граждан. Чаше всего при рассмотрении обращений Конституционный Суд РФ прибегает к положениям Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 г., Международным пактам по правам человека 1966 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод человека 1950 г.

Решения Конституционного Суда РФ и выраженные в них правовые позиции, опирающиеся на международно-правовые нормы, по сути, способствуют включению их в правовую систему Российской Федерации. Помимо этого необходимо отметить, что само решение Суда с изложенными в нем правовыми позициями, основанными на общепризнанных принципах и

нормах, международных договорах, после вынесения оказывает правовое воздействие на правовую систему, на деятельность государственных органов. Оно способствует включению рассмотренных элементов международного права в правовую систему, причем в тесной связке с примененными Конституционным Судом положениями Конституции РФ¹. Принимая во внимание особую роль Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти используемое им такое системное использование элементов двух различных правовых систем при принятии решений формирует необходимый правоприменительный отклик со стороны других органов государственной власти (включая другие суды) и формирует единообразную практику в конкретной области правоотношений.

С точки зрения Б.С. Эбзеева, «международно-правовая аргументация используется судами трояким образом: в качестве дополнительного довода в пользу своих правовых позиций, вырабатываемых на основе Конституции; для разъяснения смысла и значения конституционного текста; для выяснения конституционно - правового смысла проверяемого закона или его нормы»².

В чем - то схожей позиции придерживается Н.В. Витрук, который отметил, что «Суд использует положения международно-правовых актов как источник формирования внутреннего правового убеждения судей и один из критериев разрешения конституционно—правовых проблем как дополнительный, и подчас весьма весомый аргумент в обосновании принимаемых решений»³.

Спектр использования Конституционным Судом элементов международного права значителен, что в принципе может служить

¹ Барнашов А.М. О применении Конституционным Судом Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 35.

² Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России / В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев. М.: РЦОИТ, 2015. С. 28.

³ Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 годы): Очерки теории и практики. М.: «Городец-издат», 2001. С. 129.

подтверждением расширенной концепции в трактовке Судом категории «международно-правовой стандарт».

В первую очередь это те элементы международного права, которые перечислены в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: международные договоры¹ и общепризнанные принципы/нормы международного права.

Применение Конституционным Судом международно-правовой аргументации проявляется через обращение к положениям международных договоров. Так, при рассмотрении 28 декабря 2019 г. дела о проверке конституционности ряда статей Трудового кодекса РФ, Суд указал, что Конституция РФ гарантирует право на труд и устанавливает запрет на принудительный труд, при этом им было отмечено, что данные конституционные гарантии «корреспондируют положениям Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.». Помимо этого была указана прямая связь рассматриваемых конституционных положений с Международной конвенцией МОТ № 29 относительно принудительного или обязательного труда 1930 г.² Также в его практике можно встретить ссылки на Конвенцию о защите прав и основных свобод 1950 г., Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г. и ряд других.

Что касается общепризнанных принципов и норм международного права, Конституционный Суд, как показывает практика, относит к ним положения международного права независимо от формы их закрепления и не делая при этом какого-либо четкого разграничения между ними³. Как

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой ООО «Медрейтинг» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3915.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности частей пятой и шестой статьи 370 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Хмелевских» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2022).

³ Даниленко Г.М. Применение норм международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. 1995. № 11. С. 115-120.

правило Судом указывается группа международных документов (как договорного, так и рекомендательного характера), содержащих указанные элементы международного права. Например, в Постановлении от 8 апреля 2021 г., рассматривая конституционное закрепление права на свободу и личную неприкосновенность, он указал, что с этими положениями согласуются общепризнанные принципы и нормы, закрепленные во Всеобщей декларации прав и свобод человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹.

В силу отсутствия в российском законодательстве легального определения таких элементов международного права как общепризнанная норма/принцип международного права, а также наличия неоднозначной трактовки данных понятий со стороны судебных органов, достаточно важной является деятельность Конституционного Суда по имплементации таких норм в национальную правовую систему. Главная проблема, как представляется, кроется в том, что перечень этих элементов не определен и не может в силу объективных причин быть исчерпывающим. Поэтому ссылка на соответствующий общепризнанный принцип в решении Конституционного Суда можно считать его официальным признанием, а сам принцип - обязательным для применения всеми органами государственной власти.

Учитывая роль Конституционного Суда в правовой системе России, некоторые исследователи считают целесообразным, чтобы он «кодифицировал» общепризнанные принципы и нормы, которые являются частью правовой системы². С позиции Калашникова С.В. «наличие единого перечня общепризнанных принципов и норм международного права,

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П По делу о проверке конституционности статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022).

² *Бабай А.Н., Тимошенко В.С.* Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Закон. 2006. № 11. С. 96-99.

входящих в правовую систему РФ, безусловно, позволит внести определенность ... и упростит не только принятие решений судами..., но и обоснование участниками судебного производства своих позиций»¹. Вместе с тем автор оговаривается, что в целом эта проблема не будет решена в связи с тем, что их количество велико и они находятся в постоянном развитии.

Как представляется, в принятии подобного постановления нет практического смысла, в том числе и по причинам, обозначенным С.В. Калашниковым. Во—первых, часть таких принципов и норм, как отмечает Конституционный Суд, закреплены в положениях Конституции РФ и отраслевого законодательства². Во—вторых, действительно этот перечень в своем содержательном аспекте будет всегда «открытым». Количество общепризнанных принципов и норм огромно, как источников, их закрепляющих, даже если взять одну область: права и свободы человека. Вступление РФ в новые договорные отношения, в члены международной организации, будут способствовать постоянному расширению этого перечня. В этой связи, как отмечалось выше, попытка Верховного Суда РФ дать разъяснение по данному вопросу оказалась весьма лаконичной. Наличие некоего перечня, содержащегося в постановлении Конституционного Суда, может, как представляется, иметь негативные последствия при реализации: например, отсутствие подлежащей использованию в конкретном деле нормы в «каталоге принципов», скорее усложнит процесс ее применения. В—третьих, как справедливо было отмечено, данные элементы могут трансформироваться в процессе своей эволюции.

В решениях Конституционного Суда РФ достаточно часто встречается упоминание общепризнанных принципов и норм международного права,

¹ Калашников С.В. Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики / Под. ред. Д.С. Валиевой. М.: ДМК Пресс, 2010. С. 17.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.

особенно это касается тех решений, в которых Суд рассматривает вопросы защиты конституционных прав и свобод. Данный факт объясняется тем, что в Конституции РФ целый ряд статей напрямую с ними связан. Помимо ст. 17, согласно которой права и свободы признаются и гарантируются на основании общепризнанных принципов и норм международного права, такой же критерий реализации применяется в отношении порядка предоставления политического убежища (ч. 1 ст. 63), а также как конституционная гарантия реализации прав коренных малочисленных народов (ст. 69). В связи с этим неудивительно, что Конституционный Суд каждый раз при рассмотрении данной категории дел выстраивает прямые и обратные связи между конституционными положениями и действующими международными принципами и нормами, имеющими общепризнанный характер.

Как отмечает Н.В. Витрук, иногда Конституционный Суд РФ критикуется за отсутствие определенной транспарентности при обращении к данной категории международных положений¹. В большинстве случаев Конституционный Суд, ссылаясь на общепризнанный принцип (норму), оставляет за рамками решения мотивацию своего выбора, не приводит каких-либо аргументов, свидетельствующих об их общепризнанности со стороны международного сообщества, и другую конкретизирующую информацию, ограничиваясь только ссылками на те источники, где данный принцип закрепляется или раскрывается. Например: «Конституционная цель сохранения целостности Российского государства согласуется с общепризнанными международными нормами о праве народа на самоопределение. Из принятой 24 октября 1970 года Декларации принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, следует, что осуществление права на самоопределение «не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия,

¹ Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. М.: «Городец-издат», 2001. С. 127.

которые вели бы к расчленению или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов»¹.

Особенно это проявляется при сопоставлении методики работы Конституционного Суда с источниками права международных судов в области прав человека и других международных контрольных органов. С одной стороны, дополнительное обоснование могло способствовать большей убедительности для адресата (адресатов) решения, детализация выводов Конституционного Суда могла быть использована при рассмотрении схожих ситуаций другими звеньями судебной системы и органами государственной власти. С другой стороны, отсылка Конституционного Суда РФ к документам, закрепляющим данный принцип, по сути является достаточно убеждающим аргументом общепризнанности принципа/нормы, не требующим дальнейшей аргументации. Различие в методике изложения аргументации в решениях Конституционного Суда РФ, и, например, Европейского Суда по правам человека, может быть предопределено правовой природой последнего. Постановления ЕСПЧ, в силу международного характера деятельности Суда, ориентированы на все государства-участники, которые имеют определенные отличия в правовых системах, поэтому система его аргументации должна быть убедительной для

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2022)..

каждого из них. Российская Федерация, как суверенное государство «в лице своих компетентных органов (одним из таковых является Конституционный Суд РФ) может признавать для себя, а не для других государств, тот или иной принцип и норму международного права в качестве общеобязательного [...], раскрыть его содержание и определить основания и пределы применения»¹.

В ряде случаев международные положения используются Судом для установления нормативного содержания конституционных норм и иных нормативных актов. В одном из своих определений Конституционный Суд при рассмотрении вопроса о конституционности ст. 49 УПК РФ, пришел к необходимости толкования ст. 48 Конституции РФ. Для уточнения содержания конституционной нормы он обратился к положениям ст. 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ст. 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод человека 1950 г., которые корреспондируются с данной конституционной нормой и которые «обязывают государство обеспечить в законодательстве и правоприменительной практике такие условия для реализации гражданами права на квалифицированную юридическую помощь и для эффективного осуществления лицами, ее оказывающими, в том числе адвокатами, при наличии которых гражданин имеет возможность беспрепятственно доверять адвокату, а адвокат – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации»².

При этом необходимо отметить, что применение соответствующих положений международного права не является закрепленной правовой необходимостью. Суд не преследует цель применить данные положения в

¹ Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. М.: «Городец-издат», 2001. С. 128.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 г. №76-О «По жалобе гражданина Буркова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022).

рамках рассмотрения конкретного дела, как это свойственно иным звеньям судебной системы. основополагающим документом для Конституционного Суда всегда является Конституция. Обращение к «факультативным» правовым источникам, в данном случае к нормам международного права, объясняется желанием Суда привести дополнительную аргументацию для подтверждения своей правовой позиции, для детализации соответствующего конституционного принципа (нормы), используемого в качестве основы.

При этом хотелось бы отметить, что Конституционный Суд, в отличие от практики Комитета конституционного контроля СССР, никогда не констатирует несоответствие акта, являющегося объектом конституционного контроля, международным принципам и нормам, положениям международных договоров. Представляется, что данный вывод презюмируется, когда Суд констатирует несоответствие внутригосударственного акта положениям Конституции РФ, находящимся с соответствующими принципами/нормами в непосредственной связи.

Что касается актов рекомендательного права (*soft law*), используемых Конституционным Судом в качестве дополнительной аргументации, то их применение связано в первую очередь с тем, что они в ряде случаев содержат нормы и принципы, признанные международным сообществом в качестве общепризнанных, принимаются для детализации международных договорных норм, отражают общую для государств практику и «являются одной из форм выражения международного правосознания»¹.

Гарантировав каждому право на обращение в международные контрольные органы в области прав человека, в соответствии с договорными обязательствами Российской Федерации, Конституция тем самым открыла возможность работы государственных органов Российской Федерации с новым источником международного права. Являясь по своей сути правоприменительными актами, решения, констатирующие нарушение прав

¹ *Кряжков В.А., Лазарев Л.В.* Конституционная юстиция в Российской Федерации: Учебное пособие. – М.; Издательство БЕК, 1998. С. 105.

человека со стороны государства, не имеют непосредственно нормативной силы для государств, и по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции не являются напрямую частью правовой системы страны. Однако, в силу принятых РФ международных обязательств, все же должны учитываться в правотворческой и правоприменительной практике государственных органов, в том числе и судебных¹. В связи с этим представляется необходимым остановиться на использовании в деятельности Конституционного Суда правоприменительной практики международных контрольных органов (комитеты ООН по правам человека, Европейский Суд по правам человека и т.д.).

В российской доктрине, правоприменительной практике РФ, в силу объективных причин, наибольшее внимание уделено рассмотрению практики применения решений одного из органов этой системы – Европейского суда по правам человека. Что касается практики комитетов по правам человека, действующих под эгидой ООН, то она не получила должного внимания, хотя ее значение для внутригосударственной системы не менее значимо.

Необходимость внимательного отношения к деятельности комитетов, в первую очередь можно объяснить тем, что эти органы при осуществлении своей деятельности дают официальное (или авторитетное) толкование соответствующих договоров в области прав человека, в основе которого лежит обобщение на универсальном уровне практики реализации договорных положений государствами — участниками, и выявления лучшей, с точки зрения комитетов, модели реализации закрепленных в них прав и свобод человека.

Данное толкование, согласно взятым на себя государствами обязательств, не носит обязывающего характера, вместе с тем это не должно расцениваться как отрицание возможности учитывать это толкование в

¹ *Абдрашитова В.З.* Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского суда по правам человека: автореф...дисс. кан. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

рамках интерпретации национального права, в том числе и Конституции, национальными судебными органами.

В первую очередь это может быть продиктовано возможностью учета передового международного опыта в правоприменительной практике, использование новых механизмов защиты прав человека с целью достижения высшей конституционной ценности – соблюдения прав и свобод человека. Помимо этого, учет последующей практики применения международного договора в области прав человека может способствовать выполнению общепризнанного принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

В отличие от деятельности Европейского Суда, деятельность комитетов по правам человека предполагает большее разнообразие принимаемых актов, которые с практической точки зрения направлены на достижение различных целей. Практика Конституционного Суда РФ показывает, что в его решениях присутствуют упоминания и ссылки на все виды актов, принимаемых комитетами: замечания общего порядка (акты, отражающие эволюционное развитие защищаемого договором права; характеризующиеся как акты толкования); заключительные замечания (анализ прогресса, достигнутый государством в области реализации договора и рекомендации государству по совершенствованию правозащитного механизма); соображения (мнения) комитета (представляющие итог рассмотрения индивидуальной жалобы на предполагаемое нарушение провозглашенных прав).

Случаи обращения Конституционного Суда к замечаниям общего порядка при рассмотрении обращений в первую очередь связаны с необходимостью уточнения содержания положений международного договора, на которые он ссылается в постановлении, как свидетельство отсутствия каких—либо противоречий между содержанием международного правового стандарта и национального законодательства, а, следовательно, и содержанием внутригосударственного акта рассматриваемой конституционной нормы.

В качестве примера можно привести рассмотрение Конституционным Судом жалобы на неконституционность положений законодательства, регулирующего порядок въезда и выезда из РФ по жалобе гражданина А.Н. Ильченко¹, чье право на свободу передвижения за пределы страны, по его мнению, было ограничено в связи с доступом к государственной тайне во время прохождения службы в вооруженных силах РФ. Рассматривая положения ч. 3 ст. 55, предусматривающей возможность ограничения прав и свобод только на основании закона, и исключительно в целях защиты конституционного строя, ... законных интересов других лиц и обеспечения обороны страны и безопасности государства, Суд отметил, что эти положения в полной мере соотносятся со стандартом прав и свобод человека, закрепленным в п. 2 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. При этом с целью выявления, насколько такое ограничение будет являться соразмерным, Конституционный Суд обращается к Замечанию общего порядка № 27². Аналогичный подход был применен Судом при обращении к положениям ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.³ при рассмотрении аспекта недискриминации по состоянию здоровья⁴. В ряде

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2022).

² См. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 27 – Статья 12 (свобода передвижения) // URL: <https://european-court-help.ru/zamechanie-obshhego-porjadka-27-statja-12-svoboda-peredvizhenija/> (дата обращения: 25.05.2020).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2015 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 24.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобой ряда граждан» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.06.2022).

⁴ Замечание общего порядка № 20 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам «Недискриминация экономических, социальных и культурных прав

других своих постановлений¹, Конституционный Суд использовал Замечание общего порядка № 32 Комитета по правам человека для трактовки понятия «суд» в контексте статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Решения по индивидуальным жалобам комитетов по правам человека ООН практически не используются в практике российского конституционного правосудия. Одним из случаев обращения можно считать особое мнение судьи С.М. Казанцева по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения решения Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», изложенное им в Постановлении от 19.04.2016 г.² В нем автор при исследовании вопроса относительно международно—правового обязательства РФ по использованию дифференцированного подхода к лишению избирательных прав лиц, отбывающих наказание, в контексте ст. 25 МПГПП, помимо прочего обращается к схожему по существу решению Комитета по правам человека «Евдокимов против России», где было отмечено, что «государство-участник, чье законодательство предусматривает безоговорочное лишение избирательного права любого лица, приговоренного к тюремному заключению на определенный срок, не приводит никаких аргументов в обоснование этого, таким образом установленные в данном

(п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) // URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=9&DocTypeID=11 (дата обращения: 25.05.2020).

¹ Например: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2022).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19. 04. 2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.06.2022).

конкретном случае ограничения отвечают предусмотренному Пактом критерию обоснованности. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.»¹.

Как было отмечено, соображения (мнения), в отличие от постановлений Европейского Суда по правам человека, не используются конституционным правосудием для детализации конституционных положений и уяснения содержания положений договоров, на которые ссылается Суд при разбирательстве дел. В этом отношении подход Конституционного Суда отличается от практики судов общей юрисдикции, для которых Верховный Суд, периодически обобщая практику международных контрольных механизмов, публикует правовые позиции комитетов ООН по отдельным категориям дел².

Как представляется, подобный подход не совсем оправдан, так как по своему практическому значению указанные правовые позиции, учитывая имеющуюся «специализацию» комитетов в области различных групп прав человека, несомненно, обогатили бы практику российского конституционного правосудия.

Можно предположить, что такая дифференциация в подходах к актам международных контрольных органов объясняется прежде всего природой данных актов. Как отмечалось выше, акты комитетов ООН по правам человека, в отличие от решений ЕСПЧ, не являются обязательными для государств-участников, они скорее имеют морально-политическое значение. Кроме того, уклон в сторону именно европейского правозащитного механизма в практике Конституционного Суда может быть объяснен

¹ Соображение Комитета по правам человека «Евдокимов против России» (Сообщение № 1410/2005) от 9 мая 2011 г. // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2F101%2FD%2F1410%2F2005&Lang=ru (дата обращения: 04.06.2020).

² Например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018). Судебная коллегия по гражданским делам. «Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 03. 2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

большой правовой общностью по ряду вопросов среди участников Совета Европы, детализацией правовых и иных аспектов защищаемых прав, отраженных в решениях ЕСПЧ.

В любом случае, использование такого вспомогательного правового источника международного права как решения международного контрольного органа не является обязательным для Конституционного Суда, в этом вопросе он обладает свободой усмотрения в силу своей правовой природы, определенной положениями Конституции.

В то же время, именно Конституционный Суд в ряде своих решений способствовал формированию в отношении соображений (мнений) комитетов по правам человека надлежащего правоприменительного отклика со стороны судебной власти.

Как уже неоднократно отмечалось, национальное законодательство Российской Федерации детально не регулирует вопросы действия правоприменительных актов международных контрольных органов в рамках правовой системы. Исключением можно считать закрепление в процессуальном законодательстве (п. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 2 ст. 413 УПК РФ, ч. 4 ст. 311 АПК РФ), которое предусматривает возможность пересмотра судебного решения ввиду новых обстоятельств, среди которых предусматривается принятие в отношении Российской Федерации постановления ЕСПЧ, констатирующего нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. При этом в указанных положениях не упоминается возможность аналогичного реагирования со стороны судебных органов на вынесение решений другими международными органами по защите прав человека.

Данный факт послужил основанием для обращения в 2012 г. гражданина Хорошенко А.А. с жалобой в Конституционный Суд на неконституционность статьи 413 УПК РФ¹. Основанием для подачи жалобы

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его

стало вынесенное по итогу обращения заявителя в Комитет по правам человека Сообщение, в котором было констатировано нарушение со стороны Российской Федерации права на эффективные средства правовой защиты. Кроме того, Комитет указал на необходимость расследования факта пыток, жестокого обращения и необходимости выплаты соответствующей компенсации. Предполагая, что факт принятия Сообщения является основанием для отмены или изменения его приговора, Хорошенко А.А. обратился в Генеральную прокуратуру РФ, а впоследствии и в Верховный Суд РФ с просьбой о возобновлении производства по его делу ввиду новых обстоятельств. В обоих случаях заявитель получил отказ: Генеральная прокуратура сослалась на то, что из Комитета по правам человека официального обращения не было, а Верховный Суд аргументировал свой отказ, помимо прочего, тем, что Сообщение Комитета не является основанием для пересмотра в порядке главы 49 УПК.

В данных обстоятельствах Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о юридическом значении решения Комитета по правам человека с точки зрения возможности пересмотра уголовного дела, отметил, что «конституционное право на судебную защиту представляет собой не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости». Оценивая действия должностных лиц, он указал, что отсутствие адекватной реакции в подобной ситуации «обесмысливает предусмотренное ст. 46 Конституции право на обращение в международные органы при предполагаемом нарушении прав человека».

По итогам рассмотрения данной жалобы Конституционный Суд сформулировал две ключевые позиции: во-первых, из содержания конституционных положений следует, что «принятие Комитетом по правам человека сообщений ..., является достаточным поводом для вынесения

конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ 2013. № 1.

прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные нарушения не могут быть исправлены в другом порядке» и, во-вторых, это «не исключает право федерального законодателя иным образом урегулировать механизм правового ... реагирования на соображения Комитета». Таким образом, Конституционный Суд констатировал, что факт вынесения решения Комитета по правам человека, по правовым последствиям приравнивается к решениям Европейского Суда по правам человека.

Как показывает последующая практика, рассматриваемая правовая позиция получила широкую трактовку среди судебных органов. Несомненный интерес представляет Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1276-О¹. Предметом обращения стало вынесение в 2013 г. Рабочей группой по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека Мнения в связи обращением гражданина Д.В. Матвеева. Специфика заключается в том, что природа Рабочей группы отличается от комитетов ООН по правам человека: это единственный внедоговорной механизм, мандат которого предусматривает непосредственное рассмотрение обращений отдельных лиц и расследование случаев произвольного лишения свободы в нарушение международных норм, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и международно-правовых актах, признанных соответствующими государствами-участниками².

По результатам рассмотрения Рабочая группа констатировала лишение свободы Матвеева Д.В. произвольным и противоречащим статьям 10, 19 и 20 Всеобщей декларации 1948 г. и статей 14, 18, 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. В связи с этим Рабочая группа

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.06.2022).

² Официальный сайт Рабочей группы по произвольным задержаниям // URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/wg-arbitrary-detention> (дата обращения: 03.06.2020).

обращается к Правительству с предложением принять необходимые меры для исправления ситуации и привести его в соответствие с нарушенными нормами международного права (п. 76—77 Мнения)¹. Как и А.А. Хорошенко, заявитель, полагая, что вынесенное мнение может быть основанием для возобновления производства по уголовному делу, обратился к Председателю Верховного Суда РФ. Однако получил отказ на том основании, что «мнение Рабочей группы не относится к числу предусмотренных законом оснований для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств (ст. 413 УПК)». При рассмотрении обращения Конституционный Суд РФ детально проанализировал правовой статус Рабочей группы, международно-правовые стандарты в рассматриваемой сфере и пришел к выводу, что положения национального законодательства не исключают возможности такого пересмотра (п. 6 Определения).

«Расширенное» понимание позиции Конституционного Суда продемонстрировал и Верховный Суд РФ. Так, в 2017 г. судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, руководствуясь приведенной ранее правовой позицией в рамках рассмотрения трудового спора между С. Медведевой и ООО «Самарское речное пассажирское предприятие»², удовлетворила жалобу заявительницы о пересмотре дела ввиду новых обстоятельств в связи с принятием мнения Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин, действующего под эгидой ООН,³ и направила дело на новое рассмотрение в первую инстанцию. В своем

¹ Opinions adopted by the Working Group on Arbitrary Detention at its sixty-sixth session, 29 April–3 May 2013 №. 8/2013 (Russian Federation) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/158/14/PDF/G1315814.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.05.2022).

² При обращении в Самарский районный суд г. Самары с заявлением о пересмотре решения Суда по новым обстоятельствам в связи с принятием мнения Комитетом С. Медведева получила отказ. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного Суда определение Самарского районного суда г. Самары оставлено без изменения.

³ Мнение Комитета о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Сообщение № 60/2013) от 21 марта 2016 г. // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Download.aspx?symbolno=CEDA W/C/63/D/60/2013&Lang=ru (дата обращения: 02.04.2020).

определении судебная коллегия отметила, что «с учетом универсальности таких принципов уголовного и гражданского судопроизводства, как состязательность и равноправие сторон (часть 3 статьи 123 Конституции РФ), приведенная Конституционным Судом РФ позиция может быть распространена на производство в судах общей юрисдикции по гражданским делам»¹.

Можно с уверенностью сказать, что Конституционный Суд своими решениями способствовал «снятию» оговорок к международным договорам и в целом расширению внутригосударственных гарантий в области ряда прав и свобод.

При вступлении в Совет Европы и ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация воспользовалась правом, закрепленным в ст. 57 Конвенции, и сделала оговорку, состоящую из двух элементов². Первая часть касалась ряда положений действовавшего на тот момент Уголовно—процессуального кодекса РСФСР 1960 г., которые устанавливали, что решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу вправе принимать не только суд, но и прокурор, следователь и дознаватель. Такой порядок ареста вступал в противоречие не только со ст. 5 Конвенции, но и ст. 22 Конституции РФ, согласно которой такое решение мог принять только суд. Согласно заключительным и переходным положениям раздела второго Конституции РФ, старый порядок сохранялся до приведения уголовно—процессуального законодательства в соответствие с положениями Конституции. Рассматриваемые статьи УПК РСФСР становились предметом рассмотрения нескольких решений Конституционного Суда РФ.

Признание этих положений несоответствующими Конституции РФ и «снятие» соответствующей оговорки было осуществлено в рамках проверки

¹ Апелляционное определение Самарского областного суда от 28.11.2017 по делу № 33-15262/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2020).

² Федеральный закон от 30.03. 1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

конституционности данных положений УПК РСФСР в Постановлении от 14 марта 2002 г. № 6-П¹. В своей жалобе заявители утверждали, что ст. 90 УПК РСФСР, допускающая арест с санкции прокурора без судебного решения, нарушает гарантии, предусмотренные ст. 22 Конституции РФ. При анализе конституционных норм и положений Федерального закона, ратифицировавшего Конвенцию 1950 г., Конституционный суд установил, что в обоих случаях сохранение старого порядка ареста рассматривалось как исключительная, временная мера, «необходимая лишь для внесения в законодательство соответствующих изменений». Однако, «в тех случаях, когда право, для защиты которого необходимо принятие закона..., исполнение подобной обязанности должно осуществляться скорейшим образом». Ситуация же с временным действием рассматриваемых норм уголовно—процессуального законодательства, с точки зрения Конституционного Суда, фактически трансформировалась в постоянную (с момента принятия Конституции прошло более 8 лет, с момента ратификации Конвенции — 4 года), что приводит к нарушению не только ст. 22, но ст. 18 Конституции РФ, а также противоречит обязательствам, взятым Российской Федерацией. В связи с этим Суд констатировал, что «в настоящее время не имеется оснований для сохранения действия статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР, которые не могут рассматриваться как соответствующие Конституции РФ.

Относительно второй оговорки, касающейся дисциплинарной ответственности военнослужащих, квалифицируемой как лишение свободы без судебного решения (арест с отбыванием на гуптвахте), Конституционный Суд также принял к рассмотрению запрос депутатов Государственной Думы 3 января 2002 г., однако в связи с тем, что «положения общевоинских уставов, конституционность которых оспаривалась заявителями, утратили

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С. В. Пустовалова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 3.

силу в связи с принятием 30 июня 2002 г. Указа Президента № 671¹, которым были отменены все противоречащие Конституции РФ и Федеральному закону «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», Суд прекратил производство по данному делу².

Схожая ситуация сложилась в отношении присоединения России к Протоколу № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, направленному на отмену смертной казни. Российская Федерация, подписав Протокол в 1997 г., так его и не ратифицировала³, что с формальной точки зрения расценивается как отсутствие прямых для нее обязательств по договору.

Несмотря на это, Конституционный Суд посчитал такой порядок противоречащим Конституции РФ, и в 1999 г. принял Постановление⁴, в котором был установлен запрет на применение смертной казни до полного установления на территории страны суда присяжных.

Спустя десять лет, Конституционный Суд вернулся к рассмотрению данного вопроса. В своем Определении, Суд отметил, что в международном сообществе, «частью которого осознает себя Российская Федерация, сложилась устойчивая тенденция по неприменению смертной казни как вида наказания»⁵. Кроме этого он отметил, что в результате длительности

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 2002 г № 671 «О внесении изменений в общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 27, ст. 2676.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2002 г. № 229-О «О прекращении производства по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности отдельных положений общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2022).

³ Российская Федерация перестала быть стороной Договора СЕД № 114 16 сентября 2022 в связи с прекращением членства в Совете Европы.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

⁵ Конституционный Суд РФ в качестве правовой основы ссылается на ряд международных соглашений как универсального, так и регионального характера, а также

введенного моратория на смертную казнь, сложились устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни, сложился легитимный конституционно—правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания.¹

Приведенные случаи свидетельствуют, что в ряде случаев Конституционный Суд не только способствует имплементации норм международного права в рамках национальной правовой системы, но и, учитывая тенденции международного права, значительно расширяет национальный стандарт и гарантии прав и свобод человека.

Использование Конституционным Судом РФ элементов международного права как дополнительного аргумента при построении выводов, не приводя ссылки на них в резолютивной части, можно объяснить тем, что в силу определенной конституционными положениями компетенции, он разрешает споры исключительно с точки зрения норм Конституции РФ.

на положения актов рекомендательного характера, в частности Генеральной Ассамблеи ООН.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3 по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда. 2010. № 1.

§ 2. Международные договоры и решения межгосударственных органов как объект конституционного судебного контроля

Согласно конституционным положениям, Конституционный Суд выполняет особую роль как в системе органов судебной власти, так и в системе государственных органов в целом¹. Его важнейшей задачей является обеспечение того, чтобы все элементы правовой системы соответствовали ее основе – Конституции РФ — провозглашенным в ней целям, принципам, ценностям и нормам². Решение данной задачи достигается путем осуществления Судом полномочий по проверке на соответствие Основному закону нормативных актов высших органов законодательной, исполнительной власти и действий должностных лиц РФ. Помимо этого, расширение международного сотрудничества в различных областях взаимодействия, рост договорных обязательств государства, в том числе обусловленных его членством в международных организациях, актуализируют проблему достижения еще одной задачи – соблюдения правового баланса между элементами национальной системы и международного права. В связи с этим в большинстве государств органы конституционного контроля наделяются полномочиями не только по проверке на соответствие конституционным положениям иных актов государства, но и международных договоров, которые признаются частью его правовой системы.

Анализ зарубежной практики показывает, что какой-либо единой модели контроля в этой области не существует. Государства по-разному подходят к определению объекта конституционного контроля и форм его осуществления в рассматриваемой сфере: предусматривается конституционный контроль вступивших в силу международных договоров,

¹ Глобализация и государственное единство России / отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2006. С. 227.

² Лукашук И.И. Международное право в судах государств. - СПб.: СФК «Россия-Нева», 1993. С. 263.

предварительный конституционный контроль, а также осуществление контроля за соответствием национального законодательства взятым по договору обязательствам¹. Данные полномочия по-разному влияют на реализацию договорных обязательств в рамках национальной правовой системы. Если первые два скорее направлены на исключение, или как минимум осложнение реализации договорных положений в рамках национальной правовой системы, последнее напротив способствует достижению максимально возможного уровня их имплементации.

В силу неоднозначности правовых последствий для государства и других участников договорного процесса конституции большинства стран не предусматривают последующую проверку международных договоров. Однако в отдельных случаях последующий конституционный контроль допускается. Так, по смыслу п. «д» ст. 89 Конституции Грузии, Конституционный Суд осуществляет контроль в отношении действующих международных договоров. Схожие полномочия закреплены в конституции Польши, Австрии, Португалии и т.д. В связи с этим представляет интерес законодательное решение правовой коллизии, которая может возникнуть по итогам рассмотрения дела о неконституционности вступившего в силу международного договора. Показателен в этом плане подход, выбранный в конституционном праве Австрии, предусматривающий последующий конституционный контроль международных договоров (ст. 140а). В случае признания государственных договоров противозаконными или антиконституционными, они со дня опубликования решения Конституционным Судом «не должны применяться органами, уполномоченными осуществлять их исполнение, если Конституционный Суд сам не определит срок, в течение которого такой договор подлежит применению в дальнейшем»². Согласно Конституции такой срок не может

¹ Несмеянова С.Э. Международные договоры как объект конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2015. № 3. С.138.

² Конституция Австрийской Республики 1920 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=160> (дата обращения: 03.05.2021).

превышать от года до двух лет в зависимости от категории договора. Таким образом в рассматриваемой статье не идет речь о прекращении действия договора, «она лишь обязывает компетентные государственные органы предпринять в соответствии с условиями самого договора и нормами международного права меры к прекращению договора или его изменению»¹. Таким образом австрийская Конституция закрепила положение, которое в принципе учитывает международную составляющую этого процесса.

Конституция Франции, наоборот, предусматривает предварительный конституционный контроль международных договоров: «если Конституционный совет по запросу Президента Республики, Премьер-министра или председателя одной из палат либо 60 депутатов или 60 сенаторов заявит, что какое-либо международное обязательство содержит положение, противоречащее Конституции, то разрешение на ратификацию или одобрение этого международного обязательства может быть дано только после пересмотра Конституции (ст. 54)»². Данная модель конституционного контроля международных договоров представляется весьма рациональной, как с точки зрения внутригосударственного права, так и с точки зрения международных обязательств. При этом, как показывает практика, при реализации данного вида контроля бывают различные вариации: он может быть как факультативным (только в случае обращения соответствующих государственных органов или должностных лиц), так и обязательным (в Армении все не ратифицированные договоры, а в Эстонии все не вступившие в силу). Например, в Республике Армения Конституционный суд определяет на соответствие Конституции договоры, подлежащие ратификации в обязательном порядке. Как показывает практика Конституционного Суда

¹ *Осьминин Б.И.* Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 84-85.

² Конституция Франции 1958 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=138> (дата обращения: 12.03.2021).

Армении, в подавляющем большинстве случаев он дает положительную оценку международным договорам, которые были объектом его проверки¹.

В некоторых случаях элементы международного права не только являются объектом контроля на конституционность, но и сами выступают в качестве критериев оценки национального законодательства. Согласно Конституции Республики Болгария (ст. 149), конституционный контроль «устанавливает соответствие Конституции заключенных Республикой Болгарией международных договоров до их ратификации, а также соответствие законов общепризнанным нормам международного права и международным договорам, в которых Болгария выступает одной из сторон»².

Относительно российской (советской) практики осуществления конституционного контроля (надзора) в отношении международных договоров, то она менялась с течением времени. Впервые орган, в чью компетенцию входило обеспечение соответствия международных договоров Конституции, был учрежден в СССР в 1989 г. По своей природе и порядку работы Комитет конституционного надзора не был судебным органом, однако опыт его работы, как представляется, оказал свое влияние на становление в дальнейшем конституционного правосудия в РСФСР/РФ. Согласно ст. 10 Закона о Конституционном надзоре СССР, в перечень актов, поднадзорных Комитету, были включены помимо внутригосударственных, международные договоры: «Комитет осуществляет надзор за соответствием Конституции СССР и законам СССР международных договоров и иных обязательств СССР и союзных республик, представленных на ратификацию или утверждение»³. Данное положение свидетельствует, что контроль мог

¹ Митюков М.А., Барнашов А.М. Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики). Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1999. С.136.

² Конституция республики Болгария 1991 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=120> (дата обращения: 12.03.2021).

³ Закон «О конституционном надзоре СССР» 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР». 1989. № 29. ст. 572-573.

быть осуществлен в отношении широкого круга договоров, а не только подлежащих ратификации.

Определенным дополнением в свете рассматриваемого вопроса можно считать положение ст. 18, которая по сути предусматривала проверку рассматриваемого акта не только на соответствие конституционным положениям и законам, но и «в надлежащих случаях международным обязательствам СССР». Достаточно часто Комитет в принимаемых актах указывал на выявленные противоречия оспариваемого акта не только с положениями Конституции СССР, но и с международными обязательствами в области прав человека¹. Показательно в этом плане Заключение от 3 апреля 1991 г. № 19. Рассматривая вопрос обеспечения в законодательстве права обвиняемого на защиту, Комитет отметил, что новые положения, включенные в уголовно-процессуальное законодательство СССР, «вступают в противоречие с Конституцией ... и не вполне согласуются со ст. 2 Международного пакта о правах человека ..., с п. 24 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ»². В случае вынесения Комитетом заключения, в котором констатировалось, что внутригосударственный акт, являющийся объектом проверки, нарушает права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией или международным актом, участником которого является СССР, такой документ утрачивает юридическую силу в целом или части.

¹ Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 4 апреля 1991 г. № 20 (2-22) «О положениях законодательства, ограничивающих равенство возможностей граждан в области труда и занятий» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 17. ст. 501; Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 15 февраля 1991 г. № 15 (2-23) «О законодательстве Литовской республики, предусматривающем уголовную ответственность за действия, связанные с созданием и участием в деятельности общественно-политических организаций» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 9. ст. 206.

² Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 3 апреля 1991 г. № 19 (2-25) «Об обеспечении в законодательстве СССР права обвиняемого на защиту» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991 № 17. ст. 500.

Предоставление Комитету конституционного контроля полномочий в области осуществления контроля в отношении элементов международного права, как представляется, было продиктовано в первую очередь положениями Конституции СССР 1977 г.¹, которая хотя и не признавала элементы международного права частью правовой системы государства, тем не менее исходила из необходимости придерживаться установленных международным правом обязательств, среди которых необходимо отметить принцип уважения прав человека и основных свобод, «принцип добросовестного выполнения международных обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров» (ст. 29). По смыслу приведенного конституционного положения можно сделать вывод, что во внимание принимались не только договорные источники, но и источники, имеющие иную правовую природу. Именно поэтому в Законе о Комитете конституционного надзора использовались такие «абстрактные» категории как «международные акты», «иные обязательства СССР». Об этом свидетельствует и практика Комитета: в его актах можно встретить отсылки не только к договорным источникам (Пакты и Конвенции), но и к декларациям международных организаций², актам международных конференций³ и т.д.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. (ред. от 14.03.1990) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2020).

² Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 21 июня 1990 г. № 2-2 «О несоответствии норм законодательства, исключаяющих для ряда работников судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров, положениям Конституции СССР, Законов СССР, международных актов о правах человека» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2020); Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 26 октября 1990 г. № 11 (2-1) «О законодательстве по вопросам прописки граждан» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2020).

³ Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 25 октября 1990 г. № 9 (2-9) «О запрете совмещения должностей руководителями государственных органов власти и управления, установленном в законодательстве РСФСР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990 № 47. ст. 1002; Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 29 ноября 1990 г. № 12 (2-12) «О правилах, допускающих применение

Недолгий период функционирования Комитета, к сожалению, не позволяет сделать достаточно четкие выводы о практике использования норм международного права, проверки соответствия Конституции заключаемых государством международных договоров, однако можно выделить одно из его Заключений, принятие которого для российской правовой системы было знаковым. Речь идет о Постановлении «О присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах», в нем Комитет пришел к выводу о необходимости внести в Верховный Совет СССР предложение о присоединении к международному соглашению, открывающему гражданам возможность обращаться в Комитет по правам человека за защитой своих прав. При этом несомненный интерес представляет следующая его правовая позиция: «одной из важнейших задач формирующегося правового государства является всемерная охрана прав и свобод..., что предполагает дальнейшее расширение возможностей граждан в деле защиты своих прав с использованием всех доступных ему средств. В их числе — международные механизмы, предусмотренные Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах, участником которого СССР в настоящее время не является»¹.

В России, в отличие от СССР, для обеспечения верховенства Конституции был учрежден судебный орган конституционного контроля, который осуществлял судебную власть в том числе путем рассмотрения дел о конституционности международных договоров и нормативных актов². Согласно ст. 57 Закона «О Конституционном Суде РСФСР», он наделялся правом осуществления предварительного конституционного контроля

неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990 № 50. ст. 1080.

¹ Постановление Комитета конституционного надзора от 4 апреля 1991 г. № 21 «О присоединении СССР к факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991 № 17. ст. 502.

² Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 12 июля 1991 г. № 1599-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 19. ст. 621, 622.

международных договоров, т.е. тех, которые «к моменту рассмотрения дела не были в установленном порядке ратифицированы и не вступили в силу, причем речь может идти о возможности признания международного договора неконституционным как в целом, так и в части». Таким образом, в отличие от Комитета конституционного надзора, перечень договоров, являющихся объектом проверки, был значительно сужен. Вместе с тем, согласно ст. 74 Закона, он обладал правом давать заключения о соответствии Конституции РСФСР ратифицированных или вступивших в силу без ратификации международных договоров РСФСР, при этом даваемое заключение имело исключительно консультативный характер.

Основанием для рассмотрения Конституционным Судом РСФСР дела о конституционности международного договора могла быть обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли он Конституции по содержанию норм, по характеру затронутых в международном договоре вопросов, по форме и т.д. (ст. 58). В случае признания договора не соответствующим Конституции РСФСР договор не мог быть ратифицирован, опубликован, а в случае ратификации после вступления в силу постановления Суда, утрачивало силу решение о ратификации, а договор считался недействующим. Вынесение постановления, констатирующего неконституционность международного договора, приводит к неисполнению внутригосударственных актов, в том числе и судебных. При этом постановление Конституционного Суда РСФСР не могло быть преодолено повторным заключением или ратификацией этого договора.

За период действия Закона «О Конституционном Суде РСФСР» рассмотрение вопросов, связанных с проверкой соответствия Основному Закону не ратифицированных международных договоров в практике Суда не было. Однако Конституционный Суд достаточно часто обращался к нормам международного права как к дополнительному правовому ориентиру при оценке конституционности внутригосударственных актов. В первую очередь это договорные нормы, закрепляющие универсальный стандарт прав

человека: Международные пакты по правам человека 1966 г., а также общепризнанные принципы и нормы, содержащиеся в том числе и в актах «мягкого права». Так в одном из своих Постановлений Конституционный Суд для уяснения содержания права на самоопределение проанализировал его содержание через призму договоров о правах человека и Декларации о принципах международного права 1970 г.¹ При этом обращает на себя внимание тот факт, что в своих решениях Конституционный Суд РСФСР в некоторых случаях оценивал отраслевое законодательство не только с точки зрения норм Конституции РСФСР, но и с точки зрения соответствия его общепризнанным принципам (нормам) международного права, международным обязательствам государства. Например, рассматривая дело о конституционности п.1 ст. 33 КЗоТ РСФСР, Суд отметил, что «эта норма не согласуется с положениями статьи 7 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, ...противоречит закрепленной в ст. 2 Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах 1966 года обязанности государства гарантировать осуществление прав без какой бы то ни было дискриминации, ... обязательствам Конвенции МОТ № 111»². Отдельные аспекты права на защиту от дискриминации в области трудовых отношений в этом деле выявляются Конституционным Судом через обращение к актам «мягкого права» — Рекомендации Мот № 111.

Принятие Конституции РФ 1993 г. несколько изменило порядок работы и компетенцию Конституционного Суда (например, Суд утратил право

¹ Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13 марта 1992 г. № П-РЗ – I «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан», Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 года «О референдуме Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» // Вестник Конституционного Суда. 1993. № 1.

² Постановление Конституционного Суда РСФСР от 4 февраля 1992 г. № 2П-3 «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. ст. 669.

рассматривать дела по собственной инициативе). Что касается его компетенции в области осуществления конституционного контроля в отношении международного права, у Конституционного Суда РФ сохранилось право проверки по запросам государственных органов и должностных лиц¹ не ратифицированных международных договоров, а право давать заключение о конституционности вступивших в законную силу международных договоров (порядке ст. 74 Закона РСФСР 1991 г.) не было включено в текст Конституции РФ 1993 г. и, соответственно, в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» 1994 г.²

На сегодняшний день рассмотрение дел о соответствии Конституции РФ международных договоров является единственным полномочием Суда по осуществлению предварительного конституционного контроля. Значение данного конституционного полномочия Суда в определенной степени возросло в связи с тем, что Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 провозгласила международные договоры частью национальной правовой системы, более того, в случае обнаружения расхождений между законом РФ и договором, последний обладает приоритетом применения³.

В конституционном тексте, несмотря на неоднократное его упоминание, не содержится определения международного договора. В международном праве универсальным и общепризнанным считается определение, содержащееся в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой «договор означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и

¹ Правом на обращение с запросом о проверке конституционности обладают согласно ст. 88 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» 1994 г.: Президент РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, 1\5 членов сенаторов Российской Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительство РФ, Верховный, Высший Арбитражный Суды РФ, органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ.

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Прежняя Конституция РСФСР в ст. 32 закрепляла преимущество перед законами только общепризнанных международных норм, закрепляющих права и свободы граждан.

регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования»¹. Этому определению корреспондирует (с отдельными дополнениями) национальная трактовка данного понятия, закреплённая в ст. 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г.: «международный договор РФ» означает международное соглашение, заключённое Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования»².

Помимо требования о межгосударственном характере соглашения, объект контроля, по смыслу ст. 89 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», ограничивается также договорами, подлежащими ратификации Государственной Думой или утверждению иным органом государственной власти, т.е. договорами, которые вступают в силу в случае выражения согласия на их обязательность в отношении РФ. Этим в принципе и объясняется конституционная формулировка «не вступившие в силу». Данная характеристика представляется ключевой, так как Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», как и Венская конвенция 1969 г., предусматривает помимо ратификации и утверждения ещё несколько способов выражения согласия на обязательность договора, поэтому узкое

¹ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.03.2021).

² Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ 1995. № 29. ст. 2757.

толкование ФКЗ в этом плане не является правильным. До момента выражения согласия на обязательность с позиции РФ данный международный договор считается либо международным договором, связывающим иностранные государства (в случае его многосторонности), либо воспринимается РФ исключительно как «проект» будущего договора¹. Хотя предварительное согласие на договор не исключает, как представляется, определённого морально-политического значения для участвующего в переговорах государства.

С точки зрения конституционного права ратификация представляет собой акт законодательного органа государства, принимаемый в форме федерального закона, выражающий согласие быть связанным договором². В Российской Федерации ратификации подлежат договоры, реализация которых требует внесения изменений в действующее законодательство; договоры о территориальном разграничении РФ с другими государствами; по вопросам обеспечения обороноспособности и вооружениям; договоры о членстве РФ в международных организациях и союзах, а также о передаче им полномочий в силу ст. 79 Конституции РФ, а также в иных случаях по договоренности с участниками соглашения.

Исходя из ст.ст. 16, 17, 18 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», временной интервал, в рамках которого Конституционный Суд вправе рассмотреть вопрос о проверке конституционности договора, можно определить следующим образом: с момента принятия решения о подписании договора Президентом РФ, Правительством РФ, т. е. еще до внесения его на рассмотрение в Государственную Думу, период его рассмотрения в палатах Парламента, и до подписания и обнародования его Президентом РФ.

¹ Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. М.: Юрид. лит., 1996. С. 271.

² Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2 т. Том I. Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. с. 412.

В практике Конституционного Суда РФ (с 1994 по настоящее время) было только три запроса о проверке конституционности не вступившего в силу для Российской Федерации международного договора, однако только по двум из них Суд принял постановления.

Первый запрос поступил на рассмотрение конституционного Суда 12 февраля 1999 г. от группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности статей 2, 3 и 12 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, подписанного в Киеве 31 мая 1997 г.¹ По мнению депутатов данный Договор не подлежит введению в действие и применению в РФ из-за несоответствия его положений статьям 4, 5 и 67 Конституции РФ.² Оспариваемые нормы Договора касались по сути двух вопросов: ст. 2 закрепляла приверженность Сторон положениям Устава ООН и обязательствам, закрепленным в Заключительном акте ОБСЕ об уважении территориальной целостности друг друга и нерушимости существующих между ними границ. Ст. 3 закрепляла договоренность сторон выстраивать отношения друг с другом на основании основных принципов международного права, таких как: взаимное уважение, суверенное равенство, территориальная целостность, нерушимость государственных границ и т. д.; ст. 12 Договора касалась вопросов обеспечения защиты этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств на своей территории, созданию условий для изучения русского языка на Украине и украинского в Российской Федерации и т.д.

По мнению заявителей данные положения «создают и закрепляют международно-правовую основу территориальных уступок России Украине,

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной 1 апреля 1999 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 7.

² Определение конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1999 г. № 62-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности статей 2, 3 и 12 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2022).

а отсутствие между сторонами соглашений о территориальном разграничении подрывает национальную безопасность, государственный суверенитет и территориальную целостность РФ». Кроме того, «включение в правовую систему РФ норм о статусе национальных меньшинств приведет к возникновению правовой коллизии и неопределенности...».

Однако возможности принять решение по существу запроса у Конституционного Суда не было. Во время предварительного рассмотрения вопроса Судом, Совет Федерации 17 февраля 1999 г. одобрил принятый Государственной Думой Закон о ратификации данного договора, а 2 марта он был подписан Президентом РФ, а 1 апреля 1999 г. был осуществлен обмен ратификационными грамотами (спустя ровно 10 лет, в 2019 г. Договор прекратил действие¹). В связи с тем, что согласно ст. 125 п. «г» Суд не вправе рассматривать запросы в отношении международных договоров, вступивших в силу, он прекратил производство по данному обращению.

Рассматривая данное обращение, можно согласиться с мнением С.Э. Несмеяновой, что данный запрос о конституционности носил исключительно политизированный характер². Может быть это и стало причиной отсутствия со стороны Конституционного Суда РФ обращения в соответствии со ст. 42 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» о приостановлении процесса вступления в силу данного международного договора до момента принятия Судом решения.

Вторым таким делом стало обращение в Конституционный Суд РФ группы депутатов Государственной Думы в связи с обнаружившейся неопределенностью относительно того, соответствует ли Конституции РФ Протокол о присоединении РФ к Марракешскому соглашению об

¹ Официальное сообщение МИД России «О действии «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной // СЗ РФ 2019. № 24. ст. 3056.

² Несмеянова С.Э. Международные договоры как объект конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2015. № 3 (102). С. 139

учреждении Всемирной торговой организации (ВТО)¹, в соответствии с которым Российская Федерация становилась членом Организации². В случае присоединения к Протоколу РФ принимает на себя обязательства по целому ряду многосторонних соглашений, прилагающихся к нему. С точки зрения заявителей нарушение конституционных норм состоит в несоблюдении процедурных вопросов ратификации (не предоставление в ГД необходимого пакета документов, составляющих Марракешское соглашение), а также несоблюдение требований, касающихся разграничения предметов ведения Федерации и ее субъектов (отсутствие предусмотренного Конституцией РФ согласования по вопросу совместного ведения). Неопределенность с точки зрения заявителей представлял и статус ВТО (межправительственный или международный).

В запросе заявители указывали на необходимость проверки на конституционность Протокола по содержанию норм в полном объеме, однако свои сомнения выразили только в отношении нескольких аспектов соглашения: во—первых, ставилась под сомнение конституционность норм о категориях лиц, обладающих правом на представительство в судах, а также требование о ведении дел в третейских судах только через представителя — адвоката; во-вторых, оспаривалась конституционность положения, согласно которому Российская Федерация принимала на себя обязательство допустить иностранных граждан в сферу оказания услуг патентными поверенными; в—третьих оспаривалось участие РФ в деятельности Органа по разрешению споров в рамках Организации. Депутатами ГД также был поставлен вопрос о социально—экономических последствиях членства России в ВТО.

¹ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации 1994 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152> (дата обращения: 12.04.2021).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

В целом в своем решении Конституционный Суд дал положительную оценку Соглашению, отметив, что экономические и торговые отношения государств-участников в ее рамках «должны способствовать повышению уровня жизни, достижению полной занятости, высоких и постоянно растущих реальных доходов, и эффективного спроса населения», «кроме того, присоединяясь к ВТО, государство получает дополнительные возможности для легитимного выхода в международное правовое и экономическое пространство и одновременно – доступ к средствам международной защиты...таким как режим наибольшего благоприятствования и национальный режим для товаров и услуг, защита от дискриминации внутренних налогов, акцизов и т.д.»

Относительно поставленных перед Судом вопросов им были сформулированы следующие правовые позиции:

Согласно ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры заключаются от имени РФ с иностранными государствами и международными организациями, иными образованиями, поэтому с точки зрения российского законодательства поставленный заявителями вопрос о характеристике Организации как межгосударственной или межправительственной: «не имеет значения для определения действий по оформлению присоединения к Соглашению» (п.3.2 Постановления).

Относительно отсутствия согласования положений Протокола с субъектами Федерации, Суд отметил, что «любой международный договор, затрагивающий ключевые вопросы экономической политики РФ, не может не затрагивать и интересы субъектов Российской Федерации, причем всех, предложение о том, что всякий раз в таком случае необходимо проведение согласительных процедур...противоречило бы правовой природе России как единственно обладающей государственным суверенитетом». По смыслу ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», согласование необходимо только в отношении «тех международных договоров, которые

затрагивают функциональными обременениями именно эти субъекты» (п. 3.4 Постановления).

Также Конституционный Суд рассмотрел вопрос об участии Российской Федерации в работе Органа по разрешению споров в рамках Организации. Основываясь на положении ст. 79, согласно которому РФ вправе участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий на основе международного договора, Суд пришел к выводу, что данное направление сотрудничества «не может рассматриваться как нарушающее конституционные положения, которые закрепляют в качестве основ конституционного строя суверенитет РФ и принцип разделения властей, и как создающее...дополнительные риски для государственной и общественной безопасности, прав и свобод граждан».

Достаточно интересным с точки зрения практики Суда представляется решение вопроса, обозначенного заявителями, относительно конституционности обязательств о ведении дел в третейских судах. С их позиции «выражение «Russian arbitration tribunals» означает негосударственные третейские суды, создаваемые на основе соглашения сторон», что подразумевает включение третейских судов в национальную судебную систему. Сложность заключается в том, что международные документы, являющиеся составной частью Протокола, имеют аутентичность только в англоязычной версии. В связи с этим, многие спорные вопросы по членству в ВТО могут иметь не только правовую, но и филологическую составляющую¹. В данном случае Конституционный Суд отметил, что «если исходить из смыслового контекста, даже с учетом различных вариантов допустимого перевода – следует прийти к выводу, что в данном случае речь идет о специализированных государственных судах (государственных арбитражных судах)». Об этом с точки зрения Суда свидетельствует и участие адвоката в такого рода разбирательствах, так «как установление

¹ *Крусс В.И.* Проблемы конституционализации правовой системы России в контексте глобальной и региональной интеграции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 35. С. 103.

требования участия адвоката при разбирательстве дел в третейских судах противоречило бы природе третейского разбирательства». В связи с этим Конституционный Суд разделил позицию Правительства РФ, которое занималось подготовкой Протокола к принятию и подписанию, что неоднозначное выражение стоит трактовать как «государственные арбитражные суды».

Обращает на себя внимание тот факт, что заявители в своем обращении исходили из необходимости проверить на конституционность не только переданное им на ратификацию Марракешское соглашение, но и весь блок договоров, непосредственно с ним связанный, со всеми приложениями, однако Суд уклонился от рассмотрения «расширенного» перечня международных соглашений, образующих право ВТО. В Постановлении им было отмечено, что «хотя непосредственным предметом проверки Конституционного Суда в настоящем деле является именно Протокол, как не вступивший в силу международный договор, такая проверка по содержанию норм с точки зрения Конституции РФ предполагает оценку Протокола в неразрывном нормативном единстве с приложениями к нему, а также с Марракешским соглашением и приложениями к нему, но только в той степени, в какой соответствующие требования заявителей не расходятся с предписаниями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Речь идет об ограничении, содержащемся в ст. 74 Закона, согласно которому Суд дает заключения только по предмету, указанному в обращении.

Кроме того, в своем Постановлении Суд указал, что оценка экономических и социальных последствий для Российской Федерации в случае присоединения к соглашению, заявленная депутатами ГД, не может быть предметом конституционного судопроизводства. Суд вправе оценивать лишь правовые нормы, а не политические, экономические, социальные и иные последствия.

По итогам рассмотрения обращения, Конституционный Суд признал Протокол о присоединении РФ к Марракешскому соглашению соответствующим положениям Конституции как по порядку принятия, так и в отношении содержания норм в той части, которая касается Договоренности о правилах процедуры, регулирующих разрешение споров, а также в отношении допуска лиц к оказанию юридических услуг на территории РФ. Более того, Конституционный Суд РФ подтвердил, что в случае ратификации Протокола он станет составной частью правовой системы Российской Федерации, как и право ВТО в целом¹.

Принятие в 2001 г. Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»² в некоторой степени расширил возможности Конституционного Суда в сфере осуществления предварительного конституционного контроля в отношении международных договоров. Согласно ч. 4 ст. 7 данного Закона «После подписания международного договора Президент РФ обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке соответствия Конституции РФ данного международного договора». В случае признания Конституционным Судом договора, он вносится в Государственную Думу на ратификацию (ч. 1 ст. 8).

Главным отличием в полномочиях Конституционного Суда РФ, согласно Закону, является норма об обязательной передаче договора в Суд как стадии его введения в силу, в то время как обычная процедура носит факультативный характер (только по обращению уполномоченных на то субъектов), что зафиксировано в п. «г» ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Кроме того, в отличие от процедуры,

¹ *Кадышева О.В.* Применение положений соглашений Всемирной торговой организации российскими судами: обзор арбитражной практики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1 (80). С 87.

² Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). ст. 4916.

предусмотренной п. «г» указанной статьи Конституции, где поводом к обращению рассматривается предполагаемое нарушение договором (или его частью) норм Основного Закона, конституционность договора, подписанного Президентом РФ, не оспаривается. Таким образом конституционный контроль в данном случае «является обязательным элементом юридического состава соответствующего государственно—властного решения»¹. В остальном процедура рассмотрения не отличается от обычной. Суд может принять одно из двух постановлений: договор соответствует или не соответствует Конституции РФ. В первом случае он поступает на рассмотрение Государственной Думы для ратификации, в ином случае его дальнейшая процедура рассмотрения невозможна.

Первым таким делом, в рамках которого новая процедура рассмотрения была реализована, является рассмотрение Договора о принятии в состав РФ Республики Крым и образования в составе Российской Федерации двух новых субъектов².

В связи с тем, что данная процедура была первой для этой группы договоров, Конституционный Суд счел необходимым сформулировать ряд позиций, позволяющих определить ее специфику. Им было отмечено, что несмотря на то, что речь идет о порядке, предусмотренном п. «г» ст. 127 Конституции, это не означает полную процессуальную идентичность с факультативным вариантом (особенность субъекта обращения, отсутствие сомнений в конституционности), поэтому при рассмотрении дела по существу Суд не прибегал в данном случае к стадии предварительного

¹ Решение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2014 г.» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2022).

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (подписан в г. Москве 18.03.2014 // СЗ РФ. 2014. № 14. ст. 1570.

изучения обращения судьей Конституционного Суда и проведения слушания по делу¹.

В своем Постановлении Суд также повторил свои ранее сформулированные правовые позиции: во-первых, что в рамках рассмотрения дела он не оценивает политическую целесообразность заключения договора, оценивая только вопросы права (по содержанию норм, по порядку подписания, с точки зрения принципа разделения властей и т.д.)², во-вторых, исходя из особенностей договора, предусматривающего временное применение с момента подписания, он отметил, что данное обстоятельство не противоречит ни российскому законодательству, ни положениям международного права³.

В силу особого предмета договора Суд рассмотрел вопросы, связанные со статусом национальных языков, с порядком приобретения, прекращения гражданства, а также процесс интеграции Республики в российскую правовую систему.

По итогу рассмотрения Конституционный Суд постановил, что не вступивший в силу международный договор между Российской Федерацией и Республики Крым о принятии в РФ Республики Крым соответствует конституционным положениям российской Конституции. В результате 21 марта 2014 г. данный Договор был ратифицирован и вступил в силу.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Вестник Конституционного Суда РФ 2014. № 3.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации - Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 N 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3.

С момента ратификации и соответственно распространению российского законодательства и юрисдикции судебных органов Российской Федерации на данные субъекты Федерации, Конституционный Суд РФ рассмотрел множество обращений, касающихся социального обеспечения, гражданского законодательства, гражданства, в том числе объектом проверки был Федеральный конституционный закон РФ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹ (как отдельных его положений, так и в совокупности с положениями отраслевого законодательства). В большинстве случаев решения были вынесены в форме определений (по сути, отказные решения)², но как отмечает Ж.И. Овсепян в ряде случаев с «позитивным содержанием»³, и одно постановление⁴. В большинстве случаев обращения касались

¹ Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6 ФКЗ № «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 12. ст. 1201.

² Например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2020 г. № 1184-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никольченко Жанны Богдановны на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О принятии в российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», частью 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации и положениям статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2018 г. № 576 – О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляхова Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 12 Федерального Конституционного закона «О принятии в российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» и абзацем первым пункта 2 статьи 120 Семейного кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.07.2023).

³ *Овсепян Ж.И.* Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации о статусе Республики Крым и города федерального значения Севастополя как новых субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (вып. XV): Сборник научных трудов. – Казань: ООО «Офсет-сервис», 2020. С. 205.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2016 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и

проблемных вопросов интегрирования новых субъектов в правовую систему Российской Федерации.

Спустя несколько лет практика рассмотрения подобной категории дел судом была расширена в связи с принятием в состав Российской Федерации еще четырех новых субъектов: Донецкой, Луганской, Херсонской и Запорожской республик¹.

Согласно Конституции РФ и отраслевому законодательству, влияние, которое может оказать Конституционный Суд на реализацию международных обязательств, как представляется, не ограничивается его компетенцией рассматривать обращения о проверке на конституционность не вступивших в силу для РФ международных договоров.

Статья 34 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», регулируя вопросы о соответствии Конституции РФ международным договорам, в качестве возможности Конституционного Суда РФ рассматривать такого рода дела именно это обстоятельство указывает как вполне допустимое при условии, что такое разделение компетенции предусмотрено конституционными положениями. Признание Судом принятия акта не входящим в компетенцию какого-либо органа, может повлечь признание самого акта антиконституционным, и орган, выразивший согласие на международное обязательство, должен предпринять меры, предусмотренные международным правом, к прекращению договора или его

образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в связи с жалобой А.Г. Оленева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 6.

¹ Например: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41. ст. 7157; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 7154 и др.

изменению¹. В ином случае признание Конституционным Судом РФ закона о ратификации, акта Президента или Правительства РФ об утверждении международного договора будет иметь только внутригосударственное значение. Признание неконституционным имплементирующего акта может свести на нет внутригосударственную реализацию соответствующего договора², следствием чего будет невыполнение взятых на себя международных обязательств и наступления международной ответственности, так как с позиции международного права договор продолжит свое действие в отношении Российской Федерации до момента его отмены в соответствии с положениями международного права и самого договора.

Таким образом, можно сказать, что согласно конституционным положениям и отраслевому законодательству Конституционный Суд РФ не обладает правом проверки на конституционность вступивших в силу договоров как непосредственно, так и посредством признания имплементирующего внутригосударственного акта неконституционным в силу п. 2 ст. 125 Конституции РФ. Вместе с тем, в случае нарушения органом государственной власти положений Конституции, касающихся полномочий выражать согласие на обязательность для государства положений международных договоров, исключать нельзя.

В 2015 г. в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены поправки, которые в значительной степени расширили полномочия Суда в решении вопросов, касающихся действия элементов международного права в правовой системе России.

В содержании п. «б» ст. 125 Конституции РФ присутствует две группы международных органов, причины проверки решений которых на

¹ *Осьминин Б.И.* Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право /Б.И. Осьминин. М.: Инфотропик Медиа, 2010. С. 315.

² *Лукашук И.И.* Международное право в судах государств. - СПб.: «Россия-Нева», 1993. С. 251.

конституционность различны. В первом случае речь идет о решениях межгосударственных органов, содержащих такую интерпретацию договора, которая вступает в противоречие с Конституцией РФ, во втором - упоминаются международные суды, включая арбитраж, решения которых по мнению заявителей противоречат основам публичного порядка РФ. Однако, исходя из предпосылок принятия поправок и международных обязательств по действующим договорам в области прав человека, законодатель, как представляется, в первую очередь ориентировался на постановления Европейского суда по правам человека, так как необходимость проверки продиктована в первую очередь установленной обязанностью государства исполнить решение ЕСПЧ в случае признания им нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹ Универсальные механизмы системы ООН такого строго обязательства не предусматривают. Решение вопроса об исполнении, определение формы его исполнения в последнем случае оставлены на усмотрение государств, и как показывает практика, соображения (мнения) комитетов за несколько десятков лет не становились предметом широкого обсуждения в виду их расхождения с внутригосударственным законодательством, и прежде всего с конституционными положениями.

Расширение компетенции Конституционного Суда РФ в первую очередь было вызвано вынесением решений Европейского Суда по правам человека, содержащих достаточно спорные и необоснованные выводы по отдельным жалобам по российским делам. Несмотря на то, что определенные возражения со стороны российских властей и дискуссию в научных кругах

¹ Согласно ст. 1 Федерального закона РФ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и Протоколов к ней» от 20 февраля 1998 г., «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12169> (дата обращения: 13.05.2022).

постановления ЕСПЧ вызывали и ранее¹, вопрос о необходимости какого-либо механизма проверки не поднимался, пока они не затронули непосредственно положения Конституции РФ, содержащиеся в особо защищаемых ее статьях.

Анализ данного направления деятельности Конституционного Суда представляется достаточно затруднительным, ввиду ограниченности советующей практики: во-первых, с момента обретения данного полномочия Судом прошёл достаточно ограниченный период времени и было вынесено только два Постановления², во-вторых, оба Постановления касались практики только одного такого органа - Европейского суда по правам человека. При этом, несмотря на признание Конституционным Судом невозможности их исполнения, его решения, как представляется, носили все же компромиссный характер.

Пределы проверки по данному направлению конституционного контроля определены очень лаконично в отличие от других категорий дел, рассматриваемых Конституционным Судом (ст. 86 ФКЗ). Здесь речь идет исключительно о соответствии конституционным положениям интерпретации договора международным органом.

Согласно законодательству, Конституционный Суд может вынести одно из трех решений: констатирующее возможность исполнения решения в целом, исполнение в части, и о полной невозможности исполнения решения.

¹ Например: Постановления Европейского суда по правам человека «*Ilascu and others v. Moldova and Russia*» (жалоба № 48787/99), «*Catan and others v. Moldova and Russia*» (жалобы №№ 43370/04, 8252/05 и 18454/06); «*Konstantin Markin v. Russia*». (жалоба № 30078/06) // URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 08.09.2021).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Ангугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 5. ст. 866; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ 2017. № 5. ст. 866.

Таким образом, рассматриваемое полномочие стало дополнительной гарантией поддержания баланса между внутригосударственным и международным правопорядком, и обеспечением верховенства конституционных положений. Отсутствие широкой практики по рассматриваемой категории дел несколько затрудняет ее анализ. Кроме того, выход Российской Федерации из Совета Европы и отказ от признания юрисдикции Европейского суда по правам человека в значительной степени снизил потенциал реализации полномочия Конституционного Суда рассматривать запросы по данной категории дел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование аспектов рецепции международно-правовых стандартов российской правовой системой подразумевает рассмотрение значительного комплекса вопросов, касающихся двух различных правопорядков – внутригосударственного (конституционного) и международного, междисциплинарный анализ широкого спектра научных взглядов на механизм реализации элементов международного права, изучение обширного объема национальных и международных нормативных актов, актов правоприменительной практики внутригосударственных и международных органов. В результате проведенной работы можно сделать ряд обобщающих выводов и сформулировать предложения, имеющие теоретическое и практическое значение.

Традиционно внутригосударственная и международная системы права характеризуются как самостоятельные, однако, как свидетельствует практика, эффективность деятельности каждой из них невозможна без их взаимодействия и взаимного влияния. Автором отмечается, что в последнее время ввиду интенсификации отношений между государствами, необходимости совместного решения глобальных проблем, рост числа интеграционных организаций, формирование единых для государств векторов развития, данные тенденции, характеризующие их функционирование, многократно усилились, что привело к «переносу» и восприятию внутригосударственных правовых категорий на международный уровень и усилению влияния международных элементов на национальную правовую систему.

Рассмотрение автором тенденции интернационализации национального правопорядка выявило, что этот процесс проходит неравномерно, охватывая только отдельные сферы внутригосударственного регулирования. Аналогичным образом процесс интернационализации коснулся и

российского Основного закона. Речь идет скорее о точечном воздействии, использовании мягких (консультативных) форм влияния в этой области по инициативе или с согласия самого государства. Как правило, это является следствием международных обязательств, взятых государствами, в том числе членством в международной организации. В данном случае должен быть достигнут необходимый баланс между сохранением национальных правовых традиций, ценностей и динамичным развитием в соответствии с действующими мировыми тенденциями в контексте взятых международных обязательств.

Автором отмечается, что более серьезным вмешательством в процесс разработки и принятия конституции являются международные процедуры постконфликтного мироустройства в государстве; или необходимость принятия мер защиты (или превенции нарушения) основных прав и свобод человека и т.д. Автором выявлено, что в большинстве случаев международное вмешательство сводится к оказанию помощи в организационной сфере и носит скорее консультативный характер.

Автором последовательно рассмотрены конституционные предпосылки и механизм рецепции национальным правовым порядком положений международного права, установленные пределы такого правового заимствования. Выявлены различные механизмы рецепции: единовременная (производная) рецепция международных стандартов и прямая (программная) рецепция.

Автором подчеркивается, что сбалансированный подход к рецепции не возможен без установления четких пределов правового заимствования. К одному из таких конституционных «барьеров» можно отнести конституционное закрепление иерархии между положениями национального и международного права, а также установление требований к элементам международного права, потенциально рассматриваемым как часть правовой системы. Дополнительные конституционные условия рецепции

международно-правовых стандартов в правовую систему Российской Федерации были установлены по итогам реформы 2020 г., закрепив за Конституционным Судом РФ полномочия по проверке возможности исполнения решений международных органов, принятых на основании положений международных договоров, участницей которых является Российская Федерация в их истолковании, противоречащем конституционным положениям.

Таким образом, автором делается вывод о том, что в Конституции РФ реализован определенный баланс между возможностью рецепции (восприятием) российской правовой системой международно-правовых стандартов, способствующих ее развитию, выполнением государством своих международных обязательств и наличием системы механизмов, препятствующих проникновению в систему тех элементов международного права, которые вступают в противоречие с отдельными ее компонентами, нивелируют национальные культурные, правовые и иные ценности.

В работе отмечается, что процесс интернационализации в определенной степени влияет на объем конституционных ценностей. Широкое участие государств в международных договорах, членство в международных организациях способствует процессу формирования международных стандартов в области традиционных конституционных ценностей (демократия, права человека и т.д.), что снижает эффект их восприятия как элемента исключительно национальной конституционной идентичности. Вместе с тем отмечается, что какое бы значение не имели не придавалось универсальным или региональным ценностям, основная функция по отстаиванию и защите таких ценностей осуществляется исключительно внутригосударственными структурами. Кроме того, внутригосударственная практика является первичной, именно она наполняет универсальные и региональные ценности конкретным содержанием, способствует их развитию.

Предпосылкой для постановки вопроса о возможной трансформации классического подхода к категории «государственный суверенитет» в контексте данного исследования является проявление тенденции к усилению влияния международного права на отдельные сферы внутригосударственной деятельности, которые ранее традиционно входили в исключительную компетенцию национальных институтов. Определенную роль играет и появление в международных отношениях новых, несuverенных акторов, таких как международные организации, объединения интеграционного характера, транснациональные корпорации, чье воздействие на внутригосударственные правовые порядки возрастает при отсутствии должного международно-правового регулирования. Несмотря на изменения, происходящие в современном мире, государственный суверенитет остается стержнем государственного строя большинства государств и одним из основных принципов международного права. Таким образом основные положения вестфальского договора все еще остаются незыблемыми.

Автором предложена авторская трактовка понятия «международный стандарт», под которым понимается перманентно развивающийся комплекс норм, принципов, правовых позиций, выработанных субъектами международного права в конкретной области взаимодействия. Данное понятие включает в себя не только положения международных договоров, но и другие элементы международного права. Поэтому для уяснения содержания действующего международного стандарта в рассматриваемой области недостаточно обратиться только к положениям международного договора или обычая, необходимо учитывать последующую практику их реализации.

Отмечается, что отсутствие четкого, урегулированного законодательством Российской Федерации механизма имплементации соображений (мнений) и других актов комитетов по правам человека не

стали препятствием для их использования в правотворческой и правоприменительной деятельности. Несмотря на рекомендательный характер данных правоприменительных актов универсального характера, они могут стать важным источником правовой информации о действующих универсальных стандартах прав человека, определять приоритетные направления деятельности органов государственной власти в области защиты прав и свобод человека. Содержащиеся в них выводы могут составлять основу для поэтапного совершенствования законодательства и правоприменительной практики в государстве. Практика осуществления правосудия свидетельствует, что российские суды достаточно системно подходят к данным актам международных контрольных органов в области прав человека как аргумента в подтверждение своей правовой позиции по делу, а также при толковании договорных положений. А в случае констатации нарушения со стороны государства-участника, решения комитетов, согласно выраженной Конституционным Судом РФ позиции, могут стать основанием для пересмотра судебного решения.

В завершении исследования автор обращается к практике применения Конституционным Судом РФ положений международного права и ее влияния на процесс их реализации другими органами публичной власти.

Исходя из особой правовой природы Конституционного Суда РФ, его важнейшей задачей является обеспечение того, чтобы все элементы правовой системы, включая международные договоры и другие элементы международного права соответствовали ее основе – Конституции РФ – провозглашенным в ней целям, принципам, ценностям и нормам. Факультативный характер обращений уполномоченных государственных органов и должностных лиц с запросом о соответствии Конституции РФ не вступивших в силу международных договоров делает практику рассмотрения данной категории дел достаточно ограниченной. В связи с этим высказывается необходимость обязательной конституционной проверки всех

международных договоров, подлежащих ратификации (утверждению), по примеру других государств.

В работе автором делается вывод, что дополнительным элементом поддержания баланса между внутригосударственным и международным правопорядком, обеспечением верховенства конституционных положений можно считать введение новых полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, касающихся оценки конституционности решений международных органов и международных судов. Отсутствие широкой практики по рассматриваемой категории дел несколько затрудняет анализ новых полномочий Суда. Кроме того, выход Российской Федерации из Совета Европы и отказ от признания юрисдикции Европейского суда по правам человека в значительной степени снизил потенциал реализации полномочия Конституционного Суда рассматривать запросы по данной категории дел. Вместе с тем, отмечается, что используемая в Конституции РФ и отраслевом законодательстве формулировка «решения межгосударственных органов» является достаточно широкой, охватывающей всю систему данных международных органов (не только международные суды). Универсальные механизмы системы ООН не предусматривают обязательного исполнения своих актов. Решение вопроса об исполнении, определение формы его исполнения в последнем случае оставлены на усмотрение государств, и как показывает практика, соображения (мнения) комитетов за несколько десятков лет ни разу не становились предметом широкого обсуждения на предмет их расхождения с внутригосударственным законодательством, и прежде всего с конституционными положениями.

Безусловно, объем данного исследования не позволил рассмотреть все проблемные вопросы, связанные с рецепцией международно-правовых стандартов в рамках российского конституционного правопорядка. Как представляется, данная проблематика имеет потенциал к дальнейшему доктринальному осмыслению и анализу по мере накопления эмпирического материала, в том числе и на отраслевом уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 04.10.2022, № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) [Текст] // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 2022. – 06 окт. – № 0001202210060013.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Текст] // РГ 1994. № 138-139.
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2022).
4. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (с изм. и доп. от 29 мая 2023 г., № 2-ФКЗ) «О чрезвычайном положении» [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2277; 2023. № 23 (ч. I), ст. 3998.
5. Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 52 (1 ч.), ст. 4916.
6. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
7. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ 2011. № 7. Ст. 898.

8. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

9. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Текст] // СЗ РФ. 2014. № 12. ст. 1201.

10. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

11. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики» [Текст] // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6930.

12. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Текст] // СЗ РФ. 2020. № 11. ст. 1416.

13. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

14. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области» [Текст] // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6933.

15. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики» [Текст] // СЗ РФ. 2022. № 41. ст.

6931.

16. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.05.2022).

17. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ 1995. № 29. ст. 2757.

18. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.06.2023) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2022).

19. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 декабря 1997 г. [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2023).

20. Федеральный Закон РФ «Об аудиторской деятельности от 30 декабря 2008 г. [Текст] // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

21. Федеральный Закон РФ от 7 июля 2010 года «О консолидированной финансовой отчетности» [Текст] // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4177.

22. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

23. Федеральный закон Российской Федерации «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 1999. № 2, ст. 231.

24. Федеральный Закон Российской Федерации «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [Текст] // СЗ РФ 1998 г., № 14, ст. 1514.

25. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2022).

26. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2024).

27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2024).

28. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2024).

29. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2024).

30. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2024).

31. Федеральный закон от 23.02.1996 № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» [Текст] // СЗ РФ. 26.02.1996. № 9, ст. 774.

32. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2024).

33. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

34. Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. [Текст] // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

35. Закон Ставропольского края от 12.10. 1994. (ред. от 13.11.2009) «Устав (Основной Закон) Ставропольского края» [Текст] // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 1997. № 11-12. Ст. 506.

36. Закон Смоленской области от 15. 05.2001 (ред. от 29.09.2009) «Устав Смоленской области» [Текст] // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. 2001. № 4.

37. Указ Президента РФ от 06.08.2020 № 496 «О подготовке текстов международных договоров Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5257.

38. Указ Президента РФ от 12.07.2012 № 970 «Об официальном опубликовании временно применяемых международных договоров Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2012. Ст. 4069.

39. Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 2002 г № 671 «О внесении изменений в общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2002. № 27, ст. 2676.

40. Указ Президента РФ от 08.10.1997 № 1100 «О реформировании уголовно - исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4683.

41. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (в ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2023).

42. Указ Президента РФ от 11.01.1993 № 11 (ред. от 01.12.1995) О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.04.2022).

43. Распоряжении Президента РФ от 26 июня 1992 года «О мерах по подготовке к вступлению РФ в Совет Европы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ - URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 13.01.2016).

44. Распоряжение от 28 декабря 1996 года «О мерах по обеспечению участия Российской Федерации в Совете Европы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ - URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 13.01.2016).

45. Постановление Правительства РФ от 29.08.2001 № 636 (ред. от 09.06.2005) «О Федеральной целевой программе «Реформирование Уголовно-исполнительной системы на 2002 - 2006 годы» [Текст] // СЗ РФ. 2001. № 38. Ст. 3743.

46. Постановление Правительства от 25 февраля 2011 г. «Об утверждении Положения о признании международных стандартов финансовой отчетности и разъяснений международных стандартов финансовой отчетности для применения на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2020).

47. Постановление Правительства РФ от 05.09.2006 № 540 (ред. от 31.12.2016) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007 - 2016 годы)» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 ноября 2005 г. № 2445-IV ГД [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

49. Постановление Государственной Думы РФ от 7 марта 2001 г. № 1218 «О сотрудничестве с Парламентской Ассамблеей Совета Европы» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.12.2020).

Международные правовые акты

50. Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 09.03.2017).

51. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 04.05.2023).

52. Алма-Атинская декларация 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://e-cis.info/page/3373/79406/> (дата обращения: 07.04. 2020).

53. Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения 12.12.2020).

54. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.03.2021).

55. Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни 1989 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/second-optional-protocol-international-covenant-civil-and> (дата обращения: 09.09.2019).

56. Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта. 2022 [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.03.2023).

57. Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 28.05.2010 (ред. от 18.06.2010) «О применении международных договоров в рамках формирования Таможенного союза» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2023).

58. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в

составе Российской Федерации новых субъектов (подписан в г. Москве 18.03.2014) [Текст] // СЗ РФ 2014. № 14. ст. 1570.

59. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной от 1 апреля 1999 г. [Текст] // Бюллетень международных договоров. 1999. № 7.

60. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 07.05.2019).

61. Конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

62. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения 04.10. 2019).

63. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women> (дата обращения: 02.09.2019).

64. Конвенция о правах инвалидов Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 10.05.2019).

65. Конвенция о правах ребенка 1989 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org/RU/ProfessionalInterest/Pages/CRC.aspx> (дата обращения 2. 02.2017).

66. Конвенция о статусе беженцев 1951 г [Электронный ресурс] //

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
(дата обращения: 13.06.2020).

67. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-against-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading> (дата обращения: 13.07.2018).

68. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации 1994 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152> (дата обращения: 12.04.2021).

69. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантах и членов их семей 1990 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers> (дата обращения: 12.04.2018).

70. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Резолюция ГА ООН 210 ГА/XX от 21 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 23.08.2020).

71. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.01.2022).

72. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights> (дата обращения: 07.04.2018).

73. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://e-cis.info/page/3373/79405/> (дата обращения: 14.01.2020).

74. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни 1983 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=114> (дата обращения: 21.09.2021).

75. Устав Совета Европы 1949 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/001> (дата обращения: 12.09.2020).

76. Устав Содружества Независимых Государств 1993 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://e-cis.info/page/3373/79407/> (дата обращения: 12.02.2015).

77. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-convention-rights-child-communications> (дата обращения: 06.05.2020).

78. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-international-covenant-civil-and-political> (дата обращения: 12.05.2020).

79. Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-international-covenant-economic-social-and> (дата обращения 14.04. 2020).

80. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 1948 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 23.08.2019).

81. Agreement on a Comprehensive Political Settlement of the Cambodian Conflict 1991 (Paris Agreement) [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901748139> (дата обращения: 24.04.2021).

82. Annual report of the UN High Commissioner for Human Rights and reports of the OHC on human rights and the Secretary General. (A/HRC/7/56) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=47fc84c52> (дата обращения: 20.02.2021).

83. Core document forming part of the reports of states parties. Afghanistan. (HRI/CORE/AFG/2007). [Электронный ресурс] // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=HRI%2FCORE%2FAFG%2F2007&Lang=ru (дата обращения: 01.03.2021).

84. Letter dated 82/07/12 from the Representatives of Canada, France, Germany, Federal Republic of, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America addressed to the Secretary-General. (S/15287) [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/31638?ln=ru#record-files-collapse-header> (дата обращения: 04.02.2021).

85. Recommendation CM/Rec (2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) (Adopted by the Committee of Ministers on 18 February 2009 at the 1049th meeting of the Ministers' Deputies) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 12.06.2020).

86. Recommendation №. R (87) 3 of The Committee of Ministers to member states on The European prison rules. Adopted by the Committee of Ministers on 12 February 1987 at the 404th meeting of the Ministers' Deputies [Электронный ресурс] // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804f856c> (дата обращения 12.03.2017).

87. Recommendation Rec(2006)2 of the Committee of Ministers to member states on the European Prison Rules [Электронный ресурс] // URL: <https://wcd.coe.int> (дата обращения: 06.04.2017).

88. Report of the Human Rights Committee. General Assembly. Official

Records: forty-second session supplement No. 40 (AJ42/40). UN / New York. 1987 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Управления Верховного комиссара по правам человека: URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 11.07.2016).

89. Report of the UN Secretary General «An agenda for development» on 6 may 1994 (A/48/935) [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/en/A/48/935> (дата обращения: 15.03.2021).

90. Report of the UN Secretary General pursuant to the statement adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 31 January 1992 An Agenda for peace «Preventive diplomacy, peacemaking and peace-keeping» [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/en/A/47/277> (дата обращения: 23.02.2021).

91. Resolution 1272 (1999) adopted by the Security Council at its 4057th meeting on 25 October 1999. [Электронный ресурс] // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1272\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1272(1999)) (дата обращения: 18.02.2021).

92. Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities. The General Assembly. 20 December 1993. (A/RES/48/96) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/48/a48r096.htm> (дата обращения - 10.03.2017).

93. UN Security Council Resolution 435 of September 29, 1978 [Электронный ресурс] // URL: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/435\(1978\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/435(1978)) (дата обращения: 04.02.2021).

94. United Nations Assistance to Constitution-making Processes APRIL 2009 [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/Guidance_Note_United_Nations_Assistance_to_Constitution-making_Processes_FINAL.pdf (дата обращения: 13.01.2021).

95. Венская декларация и программа действий (Принята в г. Вене 25.06.1993 на 2-ой Всемирной конференции по правам человека) [Текст] // Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и

программа действий. Июнь 1993 г.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1995. С. 21 - 60.

96. Выступление Генерального секретаря Совета Европы Терри Девиса. «Совет Европы в меняющемся европейском ландшафте». 6-7 сентября 2004 [Электронный ресурс] // URL: https://www.coe.int/t/dcr/summit/speech_davis_RU.asp? (дата обращения: 15.01.2022).

97. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН по случаю двадцать пятой годовщины Организации Объединенных Наций (A/RES/2627) от 13 октября 1970 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2627%28XXV%29> (дата обращения 20.10.2020).

98. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН по случаю семидесятилетия Организации Объединенных Наций (A/70/L/4) от 21 октября 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/3> (дата обращения 20.10.2020).

99. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (Принята 21.12.1965 Резолюцией 2131 (XX) на 20-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 03.02.2021).

100. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (Принята 13.12.1985 Резолюцией 40/144 на 116-ом пленарном заседании 40-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/not_nationals_rights.shtml (дата обращения: 25.09.2020).

101. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничеству между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г.

[Электронный ресурс] // URL:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
(дата обращения: 9.01.2022).

102. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (Принята 03.12.1986 Резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml (дата обращения: 07.05.2019).

103. Декларация ООН, принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1967 г. «О территориальном убежище» // Действующее международное право в 3 т. М. 1996. Т. 1.

104. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 16.08.2019).

105. Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу верховенства права на национальном и международном уровнях. Принята резолюцией 67/1 от 24 сентября 2012 г. [Электронный ресурс] // URL:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ruleoflaw2012.shtml
(дата обращения: 20.08.2020).

106. Договор о Европейском Союзе 1992 г. (в новой редакции) [Электронный ресурс] // URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 20.09.2020).

107. Доклад Генерального секретаря ООН «Повестка дня для развития» 1994 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/48/935>
(дата обращения: 15.03.2021).

108. Доклад Генерального секретаря ООН «Развитие и международное экономическое сотрудничество» 6 мая 1994 г. A/48/935 [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/48/935> (дата обращения: 12.05.2021).

109. Доклад Генерального секретаря ООН: «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (A/147/277) от 2 июля 1992 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/47/277> (дата обращения: 20.02.2021).

110. Доклад Генеральной Ассамблеи ООН Комитета по правам человека (тридцать шестая сессия). Дополнение № 40 (A/36/40) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 11.10.2016).

111. Доклад Генеральной Ассамблеи ООН Комитета по правам человека (тридцать девятая сессия). Дополнение № 40 (A/39/40) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 11.10.2016).

112. Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблее о работе ее шестидесятой сессии [Электронный ресурс] // URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2008/russian/annexA.pdf> (дата обращения - 03.01.2017).

113. Доклад Комиссии международного права. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестидесят шестая сессия Дополнение № 10 (A/66/10) [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/527/76/PDF/N1152776.pdf?OpenElement> (дата обращения 19.05.2017).

114. Доклад Комитета по ликвидации расовой дискриминации Генеральной Ассамблеи. Тридцать седьмая сессия. Дополнение № 18 (A/37/18) 1982 г.

115. Доклад о работе 27-го Совещания председателей договорных органов. Сан-Хосе, Коста-Рика, 22-26 июня 2015 года (п. 90-91) [Электронный ресурс] // URL:

<http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=dtYoAzPhJ4NMy4Lu1TOebK2fVWXLtL8SIr%2BTATpzYQsKqgfZ2jB%2BJYхоau5GG5GpjeIN9DyhUmXH5QRWIrVO0hGWXdSrLtq07BcCxAg1QY%3D> (дата обращения: 06.04.2017).

116. Доклад Экономическому и Социальному Совету Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 11.10.2016)

117. Документ Московского совещания конференции по человеческому измерению ОБСЕ 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/a/14314.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

118. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 03.02.2018).

119. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 20.05.2020).

120. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения 12.02.2017).

121. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские

правила]. Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 20.01.2017).

122. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения 25.01.2015).

123. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 06.08.2022).

124. Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговины (Дейтонские мирные соглашения) 1995 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (дата обращения: 20.08.2020).

125. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права (Приняты 25.07.2005 Резолюцией 2005/30 на 36-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН) [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (дата обращения: 23.04.2020).

126. Положение о Европейской экономической комиссии [Электронный ресурс] //

https://economy.gov.ru/material/file/e736fe429756e96980a5230f97fdc4da/prilozhenie_ees.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

127. Права человека, демократия и верховенство права Резолюция, принятая Советом по правам человека 19\36 2012 г. [Электронный ресурс] // URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/RES/19/36 (дата обращения: 22.05.2020).

128. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила). Приняты резолюцией 65/229 Генеральной ассамблеи 21 декабря 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 20.01.2017).

129. Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы] Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи 20 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 20.01.2017).

130. Развитие и упрочение демократии. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 2001 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/96> (дата обращения: 20.05.2020).

131. Регламент Европейского суда по правам человека 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_rus.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

132. Резолюция 48/141 Генеральной Ассамблеи ООН «Верховный комиссар по поощрению и защите всех прав человека» (Принята 20.12.1993 на 48-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Текст] // Действующее международное право. Т. 2.- М.: Московский независимый институт

международного права, 1997. С. 104 - 108.

133. Резолюция № 48/104 Генеральной Ассамблеей ООН «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин» (Принята 20.12.1993 на 85-ом пленарном заседании 48-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 09.02. 2018).

134. Резолюция № 55/59 Генеральной Ассамблеи ООН «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» (Принята в г. Нью-Йорке 04.12.2000 на 81-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml (дата обращения: 10.05.2019).

135. Резолюция № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» (Принята в г. Нью-Йорке 13.09.2007 на 107-ом пленарном заседании 61-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02. 2018).

136. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление и повышение эффективности функционирования системы договорных органов по правам человека» от 9 апреля 2014 (A/RES/68/268) [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/55/PDF/N1345555.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.04.2017).

137. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о праздновании семьдесят пятой годовщины Организации Объединенных Наций (A/res/75/1) от 28 сентября 2020) [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/75/1> (дата обращения: 20.10.2020).

138. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 60/78 «Меры по недопущению приобретения террористами оружия

массового уничтожения [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/60/78> (дата обращения: 23.01.2022).

139. Резолюция Монтеррейский консенсус Международной конференции по финансированию развития 2002 [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/monterrey.shtml (дата обращения: 12.01.2022).

140. Резолюция ПАСЕ № 1547 (2007) «О состоянии прав человека и демократии в Европе» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 13.06.2020).

141. Рекомендация № Rec (2002) 5 «О проверке соответствия законопроектов, действующего законодательства и административной практики стандартам, установленным в Европейской конвенции по правам человека» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

142. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № Rec (2004) 5 от 12 мая 2004 г. «О проверке соответствия законопроектов, действующего законодательства и административной практики стандартам, установленным в Европейской конвенции по правам человека» [Электронный ресурс] // URL: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cddh/reformechr/DH-SYSC/DH-SYSC\(2016\)002-compilation-Replies-Rec-2004-5](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cddh/reformechr/DH-SYSC/DH-SYSC(2016)002-compilation-Replies-Rec-2004-5) (дата обращения: 12.05.2015).

143. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec (2004) 4 государствам-участникам по вопросу изучения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в университетах и в рамках профессионального обучения (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Европы URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805dd13a (дата обращения: 12.06.2016).

144. Рекомендация ПАСЕ № 1791 (2007) «О состоянии прав человека и демократии в Европе» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int>

(дата обращения: 12.06.2020).

145. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН по случаю семидесятилетия Организации Объединенных Наций (A/70/L/4) от 21 октября 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/3> (дата обращения: 20.10.2020).

146. Свод правил процедуры, принятых договорными органами по правам человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека - URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 11.10.2016).

147. Соглашение о временных мерах в Афганистане до восстановления постоянных правительственных институтов (Боннское соглашение) 2001 г.// Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] // URL: <https://peacemaker.un.org/afghanistan-bonnagreement2001> (дата обращения: 25.09.2020).

Правовые акты, утратившие силу

148. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. (ред. от 14.03.1990) [Электронный ресурс] -Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

149. Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 12 июля 1991 г. № 1599-1 [Текст] // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 19. ст. 621, 622.

150. Закон РСФСР «О Конституционном суде РСФСР» (В редакции Закона Российской Федерации от 25.02.93 г. № 4549-1) [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102020039&backlink=1&&nd=102012069> (дата обращения: 24.07.2022.)

151. Декрет о мире, принят II Всероссийским Съездом Советов 26 октября 1917 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111503-dekret-o-mire-prinyat-ii->

vserossiyskim-sezdom-sovetov-26-oktyabrya-8-noyabrya-1917-g (дата обращения: 23.11.2020).

152. Закон «О конституционном надзоре СССР» 1989 г. [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР». 1989. № 29. ст. 572-573.

II. Правоприменительная практика

Российская правоприменительная практика

153. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1.

154. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2015 год. [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2022).

155. Информация Конституционного Суда РФ «Методические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10. 2021) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.04.2024).

156. Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации (подготовлен Верховным Судом РФ, январь 2023 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406818354/> (дата обращения: 12.03.2024).

157. Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации (подготовлен Верховным Судом РФ) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.07.2023).

158. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2022 года. [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2023).

159. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021)» (подготовлен Верховным Судом РФ) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2022).

160. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 (2022) (подготовлен Верховным Судом РФ) [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.02.2022).

161. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного суда 08.12.2021) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 2.

162. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2017 г. [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2022).

163. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018). Судебная коллегия по гражданским делам. «Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 03. 2018) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. 2019. № 1.

164. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.

165. Определение Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2006 г. № КАС-129 [Электронный ресурс] - Доступ информационно-справочной системе «КонсультантПлюс» (дата

обращения: 10.01.2022).

166. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 322-О от 5 марта 2013 г. по жалобе граждан Лабутина Василия Германовича и Тетерина Вячеслава Николаевича на нарушение их конституционных прав положением пункта 13 статьи 28 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

167. Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ - URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15518.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

168. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 г. №76-О «По жалобе гражданина Буркова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.05.2022)

169. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3 по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-

процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» [Текст] // Вестник Конституционного Суда. 2010. № 1.

170. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ 2013. № 1.

171. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2020 г. № 1184-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никольченко Жанны Богдановны на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О принятии в российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», частью 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации и положениям статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03. 2016).

172. Определение конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1999 г. № 62-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности статей 2, 3 и 12 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2022).

173. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2002 г. № 229-О «О прекращении производства по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности отдельных положений общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской

Федерации» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2022).

174. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.06. 2022).

175. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского суда Н.В. Григорьевой» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5.

176. Определение Конституционного суда РФ № 1422-О от 7 июля 2016 г. по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

177. Определение Конституционного Суда РФ № 485-О от 4 апреля 2013 г. «По жалобе гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части 1 статьи 3.5 и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

178. Определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 N 1422-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

179. Определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 N 1422-О

«По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

180. Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2018).

181. Определение Конституционного Суда РФ от 11.03.2005 N 148-О «По жалобе граждан Гришина Михаила Ивановича, Грошевой Галины Ивановны, Мустафенкова Владимира Трофимовича и Назарова Валентина Васильевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», части третьей статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5.

182. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1708-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Мехдиева Джейхуна Саидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision350961.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).

183. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации

№ 1-П от 25 января 2001 г. «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ - URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения 12.05.2015)

184. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 14-П от 13 мая 2014 года по делу «О проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н. Якимова» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision165398.pdf> (дата обращения: 25.09.2019).

185. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 7-П от 10 марта 2016 г. «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального Закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision165398.pdf> (дата обращения 10.05.2015).

186. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 7-П от 10 марта 2016 года по делу «О проверке конституционности ч. 1 ст. 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального Закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision165398.pdf> (дата обращения: 25.09.2019).

187. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации

от 12 марта 2015 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 24.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобой ряда граждан» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС КонсультантПлюс.

188. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2017 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.03.2023).

189. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015.

№ 6.

190. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

191. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С. В. Пустовалова [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 3.

192. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2017 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В. И. Сергеенко» [Электронный ресурс] // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11. 05. 2022).

193. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года

по делу «Ангугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ 2017. № 5. ст. 866.

194. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законодательного собрания Красноярского края» в связи с жалобой гражданина В.А. Худоренко» [Электронный ресурс] // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11. 05. 2022).

195. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.

196. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ 2014. № 3.

197. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

198. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 284 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И. П. Серебренникова» [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03. 2016).

199. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

200. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Строймаркет» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. № 98. 2011.

201. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой ООО «Медрейтинг» [Текст] // СЗ РФ 2021. № 22. Ст. 3915.

202. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2014 года по делу «О проверке конституционности положений части 18 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации

местного самоуправления в Российской Федерации», пункта 4 статьи 10 и пункта 2 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 3 статьи 7 Закона Ивановской области «О муниципальных выборах» в связи с жалобой граждан А.В. Ерина и П.В. Лебедева» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision165398.pdf> (дата обращения: 25.09.2019).

203. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. №8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3.

204. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. «По делу о проверке конституционности частей пятой и шестой статьи 370 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Хмелевских» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2022).

205. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан,

разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2023).

206. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2016 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в связи с жалобой А.Г. Оленева» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 6.

207. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2016 г. № 1422-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

208. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03. 2016).

209. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П По делу о проверке конституционности статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

(дата обращения: 20.06.2022).

210. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ - URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения 12.05.2015).

211. Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13 марта 1992 г. № П-РЗ – I «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан», Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 года «О референдуме Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» [Текст] // Вестник Конституционного Суда. 1993. № 1.

212. Постановление Конституционного Суда РСФСР от 4 февраля 1992 г. № 2П-3 «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» [Текст] // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. ст. 669.

213. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999. № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 6.

214. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П

«По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» [Текст] // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 7154.

215. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» [Текст] // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 7154.

216. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 37-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» [Текст] // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 7155.

217. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 38-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» [Текст] // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 7156.

218. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» [Текст] // СЗ РФ. 2022. 41, ст. 7157.

219. Постановление Конституционного Суда РФ от 03. 10.2023 № 46-П

«По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» [Текст] // СЗ РФ. 2023. № 42. Ст. 7596.

220. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 г. «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное место жительства в названные регионы» [Текст] // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

221. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2021 № 32-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона "Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.Ф. Данилова» [Текст] // СЗ РФ. 2021. № 28 (часть II). Ст. 5631.

222. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2017 № 36-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.

223. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.1998. № 11-П. «По делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации, между Государственной Думой и Президентом Российской Федерации об обязанности Президента Российской Федерации подписать принятый Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 4.

224. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 № 14-П «О проверке конституционности положения подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.И. Ильченко» [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2017).

225. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2017 г. № 11-П «по делу о проверке конституционности части статьи 40, частей 10-11 статьи 42 Федерального Закона «О выборах депутатов государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юрьевича» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022).

226. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.1997 № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5.

227. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.ноября 2016 года N 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ - URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения 12.04.2017).

228. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016 № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» [Текст] // Вестник Конституционного

Суда РФ. № 1. 2017.

229. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Балаяна, М.С. Дзюбы и других» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

230. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 года № 19-П «О проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Ростовской области» [Электронный ресурс] // Официальный сайт конституционного суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения 05.08.2015).

231. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 года «О проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» [Электронный ресурс] // Официальный сайт конституционного суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision68565.pdf> (дата обращения 06.01.2015).

232. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

233. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «А» статьи

64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» [Текст] // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

234. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П «О проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» [Электронный ресурс] // Официальный сайт конституционного суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 18.05.2015).

235. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 года № 16-П «О проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения 18.05.2015).

236. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.10.2016 № 20-П по делу «О проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального Закона «О порядке выезда их Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х» [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2017)

237. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошика, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ - URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision36802.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

238. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2021 г. «О проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи

47 Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Ефремова» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.07.2022).

239. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 2.

240. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 года № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта «а» части первой статьи 161 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Чеботарского» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ - URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения 12.04.2017).

241. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03. 2023. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части второй статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Великанова» [Текст] // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2747.

242. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30359.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).

243. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30359.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).

244. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

245. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошика, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ - URL <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision36802.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

246. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2008 года № 16 «О внесении в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации Конституционного закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в

разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.06.2016).

247. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [Текст] // РГ № 6121 (145) от 5 июля 2013 г.

248. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ – URL: <https://vsrf.ru/documents> (дата обращения: 10.10.2018).

249. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» [Текст] // РГ. 2009. 11 ноября. № 211.

250. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

251. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ 2003. № 12.

252. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 2.

253. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012

года № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лиц для отбывания наказания» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ 2012. № 8.

254. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ.2022. № 2.

255. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23. (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004.№ 2.

256. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 (ред. от 29.06.2021) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

257. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 1.

258. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04. 2023).

259. Решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 05.03.2007 по делу N 3-7/07 «О признании пункта 1 статьи 4 Закона Республики Саха (Якутия) «Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики

Саха (Якутия)» от 30.11.2004 173-3 N 353-III недействующим [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=A99CCDF93DB1F75987257AA2423F3A9A&SORTTYPE=0&BASENODE=32904-10&ts=hoZz5mS06vXTTDUy&base=SODV&n=763&rnd=DD24F1FB5317EB856A5077F2292C97C6#9ZB16mSlHKiDTtk4> (дата обращения: 17.10.2021).

260. Решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 05.03.2007 по делу № 3-7/07 «О признании пункта 1 статьи 4 Закона Республики Саха (Якутия) «Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики Саха (Якутия)» от 30.11.2004 173-3 N 353-III недействующим [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=A99CCDF93DB1F75987257AA2423F3A9A&SORTTYPE=0&BASENODE=32904-10&ts=hoZz5mS06vXTTDUy&base=SODV&n=763&rnd=DD24F1FB5317EB856A5077F2292C97C6#9ZB16mSlHKiDTtk4> (дата обращения: 17.10.2021).

261. Решение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2014 г.» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2022).

Международная правоприменительная практика

262. 10th General Report on the CPT's Activities (1999) (includes a section on Women deprived of their liberty); 13th General Report on the CPT's Activities (2002-2003) (includes a section on deportation of foreign nationals by air) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения - 12.05.2017).

263. 1st General Report on the CPT's Activities (Nov. 1989 - Dec. 1990) (includes sections on Main features of the CPT, The emphasis placed on the preventive nature of the CPTs functions and Visits) [Электронный ресурс] //

URL: <https://rm.coe.int/1680696a3e> (дата обращения - 11.07.2017)

264. 21st General Report on the CPT's Activities (2010-2011) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения - 11.07.2017).

265. 24th General Report on the CPT's Activities (2013-2014) (includes sections on the phenomena of intimidation and reprisals and on juveniles deprived of their liberty under criminal legislation) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения - 12.05.2017).

266. 25th General Report on the CPT's Activities (2015) (includes a section on the situation of life-sentenced prisoners) [Электронный ресурс] // <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения - 11.07.2017).

267. 8th General Report on the CPT's activities covering the period 1 January to 31 December 1997 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения - 11.07.2017).

268. 9th General Report on the CPT's Activities (1998) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/annual-reports> (дата обращения - 11.07.2017).

269. Amicus Curiae Brief for the Constitutional Court of Moldova on the Interpretation of Articles 78.5 and 85.3 of the Constitution of Moldova (CDL-AD (2010)002-e) [Электронный ресурс] // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)002-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)002-e) (дата обращение: 26.05.2018).

270. Amicus curiae brief for the European Court of Human Rights in the case of Berlusconi v. Italy, adopted by the Venice Commission at its 112th Plenary Session (Venice, 6-7 October 2017) (CDL-AD(2017)025-e) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.venice.coe.int> (дата обращения 01.06.2018).

271. Amicus Curiae Opinion (Proceedings before the European Court of Human Rights) on the nature of proceedings before the Human Rights Chamber and the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina adopted by the Commission at its 63rd plenary session (Venice, 10-11 June 2005) (CDL-

AD(2005)020-е) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.venice.coe.int> (дата обращения 01.06.2018).

272. Comité de Derechos Humanos. EXAMEN DE LOS INFOBMES-PRESENTADOS POR LOS ESTADOS PARTES DE CONFORMIDAD CON EL ARTICULO 40 DEL PACTO. Informes iniciales de los Estados Partes que deben presentarse en 1977(CCPR/C/I/Add.23) 14 de marzo de 1978 [Электронный ресурс] // URL: <https://tbinternet.ohchr.org/SitePages/Home.aspx> (дата обращения: 12.01.2021).

273. Comments of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on draft General Comment 33: «The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения - 7.02.2017)

274. Comments of the United States of America on the Human Rights Committee's «Draft General Comment 33: The Obligations of States Parties Under the Optional Protocol to the International Covenant Civil and Political Rights» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения - 7.02.2017).

275. Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Report on the fifty-fourth, fifty-fifth and fifty-sixth sessions. Economic and Social Council. Official Records Supplement No. 2, 2016. p. 16. (§ 54) [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G16/097/00/PDF/G1609700.pdf?OpenElement> (дата обращения - 15.01.2016).

276. Committee on the Elimination of Racial Discrimination. General recommendation No. 32. The meaning and scope of special measures in the International Convention on the Elimination of All Forms Racial Discrimination // [Электронный ресурс] URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения -

12.02.2017).

277. Compilation of Venice Commission Opinions and reports Concerning freedom of Expression and media CDL-PI(2016)011 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.venice.coe.int/> (дата обращения: 23.06.2020).

278. Compilation of Venice Commission Opinions and reports Concerning electoral systems CDL-PI(2019)001 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.venice.coe.int/> (дата обращения: 23.06.2020).

279. Compilation of Venice Commission Opinions Concerning Constitutional Provisions for Amending the Constitution. CDL-PI (2015)023 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.venice.coe.int/> (дата обращения: 23.06.2020).

280. Concluding observations Committee on the Elimination of Racial Discrimination on the combined fourth to eighth periodic reports of South Africa. 5 October 2016. (CERD/C/ZAF/CO/4-8), § 31 [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 12. 01.2017).

281. Concluding observations on the seventh periodic report of the Russian Federation. 28 April 2015. (CCPR/C/RUS/CO/7) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 12. 01.2017).

282. CPT standards (CPT/Inf/E (2002) 1 - Rev. 2011 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psychargos.gov.gr/Documents2/%CE%9D%CE%95%CE%91/eng-standards.pdf> (дата обращения - 10.05.2017).

283. Draft General Comment No 33 (CCPR/C/GC/33/CRP.3) Second revised version as of 18 August 2008. Comments by the Government of Sweden [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения - 7.02.2017)

284. European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission) Draft Opinion on the constitutional situation in Bosnia and Herzegovina and the powers of the High Representative CDL(2005)021rev

[Электронный ресурс] // URL: <https://www.venice.coe.int> (дата обращения: 20.02.2021).

285. European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/en/web/cpt> (дата обращения: 23.09.2023).

286. European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment Text of the Convention and Explanatory Report (CPT/Inf/C (2002) 1) (§ 26) [Электронный ресурс] // URL: <https://rm.coe.int/16806dbaa3> (дата обращения - 02.06.2017).

287. General comment No. 1: Reporting by States parties [Электронный ресурс] // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCESCR%2fGEC%2f4756&Lang=ru (дата обращения: 20.22.2021).

288. General comment No. 20: Article 7 (Prohibition of torture, or other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment); Замечание общего порядка № 2 Комитета против пыток ООН «Имплементация статьи 2 государствами-участниками» [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 12.05.2017).

289. General Comment No. 25 - The right to participate in public affairs, voting rights and the right of equal access to public service (Art. 25) CCPR/C/21/Rev/1/Add/7 [Электронный ресурс] // URL: <https://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 20.06.2020).

290. General Comment on State Obligations under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights in the Context of Business Activities (the discussions on 21 February 2017) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 05.04.2017).

291. General recommendation No. 25: Article 4, paragraph 1, adopted by the Committee on the elimination of discrimination against women (temporary special measures) [Электронный ресурс] // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=

INT/CEDAW/GEC/3733&Lang=en (дата обращения - 22.11.2016).

292. Human Rights Committee. General comment No. 36 Article 6: Right to life (the discussions on 14 July 2015) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 05.04.2017).

293. Joint Opinion on Draft Amendments to Legislation on the Election of People's Deputies of Ukraine, adopted by the Venice Commission at its 96th Plenary Session (Venice, 11-12 October 2013) (CDL-AD(2013)026-e [Электронный ресурс] // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2013\)026-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2013)026-e) (дата обращения: 25.05.2018).

294. Opinion on «whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea's 1992 Constitution is compatible with constitutional principles» adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21-22 March 2014) CDL-AD(2014)002-e [Электронный ресурс] // URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282014%29002-e> (дата обращения: 03.06.2023).

295. Opinion on the Draft Federal Law amending the Federal Law "on General Principles governing the Organisation of Legislative (Representative) and Executive State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation" and the Federal Law "on Fundamental Guarantees of Russian Federation Citizens' Electoral Rights and Right to Participate in a Referendum" adopted by the Commission at its 61st Plenary session (Venice, 3-4 December 2004) CDL-AD(2004)042-e [Электронный ресурс] // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2004\)042-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)042-e) (дата обращения: 11.06.1918).

296. Opinion on the Federal Law on the Amendments to the Federal Law on Defence of the Russian Federation - Adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session (Venice, 17-18 December 2010) (CDL-AD(2010)052-e)

[Электронный ресурс] // URL:
[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)052-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)052-e) (дата обращения: 28.05.2018).

297. Opinion on the Prohibition of Financial Contributions to Political Parties from Foreign Sources (amicus curiae opinion for the European Court of Human Rights) adopted by the Venice Commission at its 66th Plenary Session (Venice, 17-18 March 2006) CDL-AD (2006)014-e [Электронный ресурс] // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2006\)014-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)014-e) (дата обращения 11.06.2017).

298. Opinions adopted by the Working Group on Arbitrary Detention at its sixty-sixth session, 29 April–3 May 2013 №. 8/2013 (Russian Federation) [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/158/14/PDF/G1315814.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.05.2022).

299. Poland's commentary to the Draft General Comment № 33 of The Human Rights Committee [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения - 7.02.2017).

300. Public statement concerning Belgium of 13 July 2017. (CPT/Inf (2017) 18) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/public-statements> (дата обращения - 14.07.2017).

301. Public statement concerning Greece of 15 March 2011 (CPT/Inf (2011) 10) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/public-statements> (дата обращения - 14.07.2017).

302. Public statement concerning the Chechen Republic of the Russian Federation of 10 July 2001 (CPT/Inf (2001) 15) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.int/en/web/cpt/public-statements> (дата обращения - 14.07.2017).

303. Report of The Human Rights Committee. General Assembly. Official records: thirty-ninth session. Supplement № 40·(A/39/40). 1984. p. 144-146 [Электронный ресурс] // URL:

[http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f39%2f40\(SUPP\)&Lang=ru](http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f39%2f40(SUPP)&Lang=ru) (дата обращения - 02.02.2017).

304. Report on Constitutional Amendment adopted by the Venice Commission at its 81st Plenary Session (Venice, 11-12 December 2009) (CDL-AD 2010) 001) [Электронный ресурс] // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2010\)001-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)001-rus) (дата обращения: 22.05.2018).

305. RESOLUTION (90) 6 ON A PARTIAL AGREEMENT ESTABLISHING THE EUROPEAN COMMISSION FOR DEMOCRACY THROUGH LAW (Adopted by the Committee of Ministers on 10 May 1990 at its 86th Session) [Электронный ресурс] // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680535949 (дата обращения 12.05.2017).

306. Resolution RES (2002) 3 Adopting the Revised Statute of the European Commission for Democracy through Law (CDL(2002)027-e) [Электронный ресурс] // URL: [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/?pdf=CDL\(2002\)027-e&lang=EN#](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/?pdf=CDL(2002)027-e&lang=EN#) (дата обращения: 09.06.2018).

307. Statutory Resolution No. (93)28 on partial and enlarged agreements. Adopted by the Committee of Ministers on 14 May 1993 at its 92nd Session [Электронный ресурс] // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680063761 (дата обращения 12.05.2017).

308. The Committee on the Rights of the Child. General Comment: on children in street situations [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 05.04.2017).

309. Views adopted by the Human Rights Committee «N.S. v. Russian Federation». Communication №. 2192/2012. 1 June 2015. (CCPR/C/113/D/2192/2012) [Электронный ресурс] // URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1962> (дата обращения 10.01.2017).

310. Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (104th session). Communications Nos. 1853/2008 and 1854/2008. «Atasoy and Sarkut v. Turkey» [Электронный ресурс] // URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1627> (дата обращения - 22.11.2016).

311. Гражданские и политические права. Комитет по правам человека. Изложение фактов. 15 (Rev.1) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet15rev.1ru.pdf> (дата обращения - 10.10.2016).

312. Дело «Амаду Садио Диалло» (Республика Гвинея против Демократической Республики Конго) решение от 30 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/103/16244.pdf>. (дата обращения – 10.11.2016).

313. Доклад Комитета против пыток. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят вторая сессия. (A/52/44) Нью-Йорк. 1997 г. С. 9 [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 19.01.2017).

314. Доклад о независимости судебной системы: часть I Независимость судей. 6 марта 2009 г. (CDL-JD (2009)001) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.venice.coe.int> (дата обращения: 9 сентября 2018).

315. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2015 год // Бюллетень Минюста РФ. 2017. № 1-3.

316. Заключительные замечания Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей по второму периодическому докладу Азербайджана от 27 мая 2013. (CMW/C/AZE/CO/2) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения - 06.02.2017).

317. Заключительные замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации по восьмому–одиннадцатому периодическим докладам Туркменистана. 7 февраля 2017. (CER/C/TKM/CO/8-11) § 5 [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org> (дата обращения 15.02.2017).

318. Заключительные замечания Комитета по насильственным исчезновениям по докладу Арменией в соответствии с п. 1 ст. 29 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (CED/C/ARM/CO/1) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 28.01.2017)

319. Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по объединенным третьему–пятому периодическим докладам Словакии. 20 июля 2016. (CRC/C/SVK/CO/3-5) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения - 11.02.2017).

320. Заключительные замечания Комитета против пыток по объединенным пятому и шестому периодическим докладам Польши. 23 декабря 2013. (CAT/C/POL/CO/5-6). [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения - 11.02.2017).

321. Заключительные замечания Комитета против пыток по седьмому периодическому докладу Финляндии от 20 января 2017 года (CAT/C/FIN/CO/7) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения - 06.02.2017).

322. Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции) URL: [Электронный ресурс] // <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 18.03.2017).

323. Замечание общего порядка № 19 (2016 год) Комитета по правам ребенка «О бюджетных ассигнованиях для осуществления прав детей (ст. 4) (CRC/C/GC/19) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 18.12.2016).

324. Замечание общего порядка № 20 (2016) об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте от 6 декабря 2016 г. Комитет по правам ребенка (CRC/C/GC/20) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения – 12.03.2017).

325. Замечание общего порядка № 20 Комитета по экономическим,

социальным и культурным правам «Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) [Электронный ресурс] // URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=9&DocTypeID=11 (дата обращения: 25.05.2020).

326. Замечание общего порядка № 33 «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах. ССР/С/ГС/33 [Электронный ресурс] // URL:

http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=ССР%2fС%2fГС%2f33&Lang=ru (дата обращения - 12.05.2015).

327. Замечание общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) от 16 декабря 2014 г. (ССР/С/ГС/35) [Электронный ресурс] // URL: <https://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 10.10.2018).

328. Замечание общего порядка № 6 (2005) «Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения» (СР/С/ГС/2005/ 6) от 3 мая 2006 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 18.02.2017).

329. Замечание общего порядка № 9 (2006). Права детей инвалидов от 27 февраля 2007 г. (СР/С/ГС/9) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 01.03.2017).

330. Замечание общего порядка № 19 - Статья 23 (семья) Комитета по правам человека ООН [Электронный ресурс] // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fССР%2fГЕС%2f6620&Lang=ru (дата обращения: 25.01.2022).

331. Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 1 (2001) по пункту 1 ст. 29: Цели образования [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 11.10.2016).

332. Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 7

(2005) «Осуществление прав ребенка в раннем детстве (CRC/C/GC/7/Rev. 1) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 11.10.2016)

333. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 27 – Статья 12 (свобода передвижения) [Электронный ресурс] // URL: <https://european-court-help.ru/zamechanie-obshhego-porjadka-27-statja-12-svoboda-peredvizhenija/> (дата обращения: 25.05.2020).

334. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 8 [Электронный ресурс] // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f35&Lang=ru (дата обращения - 11.02.2017).

335. Замечания общего порядка № 16 (2013) Комитета по правам человека «Об обязательствах государств, касающихся воздействия предпринимательской деятельности на права детей» [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения - 10.10.2016).

336. Замечания общего порядка № 35 Комитета по правам человека «Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) [Электронный ресурс] // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f35&Lang=ru (дата обращения 11.09.2017).

337. Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка № 4 (2003) «Здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции о правах ребенка» от 1 июля 2003 (CRC/GC/2003/4) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 18.02.2017).

338. Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (статьи 4 и 42 и пункт 6 статьи 44)» [Электронный ресурс] // URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fGC%2f2003%2f5&Lang=ru (дата обращения 2. 02.2017).

339. Замечания общего порядка Комитета по правам человека № 6.

[Электронный ресурс] // URL:
http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6620&Lang=ru (дата обращения 12.03.2017).

340. Кодекс надлежащей практики в сфере политических партий (Венецианская комиссия) [Электронный ресурс] // URL:
https://www.venice.coe.int/images/SITE%20IMAGES/Publications/MainDocsElectionsPP_RUS.pdf (дата обращения: 23.04.2020).

341. Комментарий Российской Федерации к проекту Замечаний общего порядка № 33 Комитета по правам человека по вопросу об обязательствах государств-участников первого Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года [Электронный ресурс] // URL:
<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC33-ObligationsofStatesParties.aspx> (дата обращения - 7.02.2017).

342. Консультативное заключение Международного суда ООН «О законности применения ядерного оружия в свете принципов и норм международного права» [Электронный ресурс] // URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/187.pdf> (дата обращения: 03.03.2018)

343. Мнение Комитета о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Сообщение № 60/2013) от 21 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW/C/63/D/60/2013&Lang=ru (дата обращения: 02.04.2020).

344. Общая рекомендация № 35 Комитета по ликвидации расовой дискриминации. Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения - 10.10.2016).

345. Ответ правительства Российской Федерации к докладу Европейского Комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или

унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) по итогам посещения Северо-Кавказского региона Российской Федерации с 27 апреля по 6 мая 2011 года (СРТ/Inf (2013) 2) [Электронный ресурс] // URL: <https://rm.coe.int/1680697bd5> (дата обращения 12.05.2017).

346. Постановление Европейского суда по правам человека «A, B and C v Ireland» (жалоба № .25579/05) от 16 декабря 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-102332%22%5D%7D> (дата обращения: 20.01.2022).

347. Постановление Европейского Суда по правам человека «Airey v. Ireland» (жалоба № 6289/73) от 9 октября 1979 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 08.08.2016).

348. Постановление Европейского Суда по правам человека «Ananyev and others v. Russia» (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08) от 10 января 2012 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2022).

349. Постановление Европейского суда по правам человека «Anchugov and Gladkov v. Russia» (жалобы №№ 11157/04 и 15162/05) от 4 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22%3A%5B%22Anchugov%20and%20Gladkov%22%2C%22documentcollectionid%22%3A%5B%22GRANDCHAMBER%22%2C%22CHAMBER%22%2C%22itemid%22%3A%5B%22001-122260%22%5D%7D> (да обращения: 10.04.2023)

350. Постановление Европейского суда по правам человека «Bayatyan v. Armenia» (жалоба № 23459/03) от 7 июля 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-105611%22%5D%7D> (дата обращения: 15.01.2022).

351. Постановление Европейского суда по правам человека «*Bouyid v. Belgium*» (жалоба №. 23380/09) от 28 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-157670> (дата обращения: 24.05.2022).

352. Постановление Европейского Суда по правам человека «*Broniowski v. Poland*» (жалоба № 31443/96) от 22 июня 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-61828> (дата обращения: 07. 02.2022)

353. Постановление Европейского Суда по правам человека «*Burdov v. Russia (no. 2)*» (жалоба № 33509/04) от 15 января 2009 г. по делу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90671>. (дата обращения: 2.02.2022).

354. Постановление Европейского суда по правам человека «*Catan and others v. Moldova and Russia*» (жалобы №№ 43370/04, 8252/05 и 18454/06) от 19 октября 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 08.09.2021).

355. Постановление Европейского суда по правам человека «*Chernetskiy v. Russia*» (жалоба № 18339/04) от 16 октября 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 08.09.2021).

356. Постановление Европейского суда по правам человека «*Demir and Baykara v. Turkey*» (жалоба № 34503/97) от 12 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:\[%22001-89558%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-89558%22]}) (дата обращения: 16.01.2022).

357. Постановление Европейского Суда по правам человека «*Dubská and Krejzová v. the Czech Republic*» (жалобы №№. 28859/11 and 28473/12) от

15 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:\[%22001-168066%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-168066%22]}) (дата обращения: 20.01.2022).

358. Постановление Европейского суда по правам человека «Dudgeon v. the United Kingdom» (жалоба N 7525/76) от 22 октября 1981 г. // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.01.2022).

359. Постановление Европейского суда по правам человека «Dvorski v. Croatia» (жалоба № 25703/11) от 20.10.2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.01.2017).

360. Постановление Европейского суда по правам человека «Engel And Others v The Netherlands» (жалоб № №. 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72) от 23 ноября 1976 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.08.2016).

361. Постановление Европейского Суда по правам человека «Fedotova and others v. Russia» (жалобы №№ 40792/10, 30538/14 and 43439/14) от 13 июля 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-163362%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-163362%22]}) (дата обращения: 12.01.2022).

362. Постановление Европейского суда по правам человека «Georgian Labour Party v. Georgia» (жалоба № 9103/04) 8 июля 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87446> (дата обращения: 03.03.2023).

363. Постановление Европейского Суда по правам человека «Golder v. the United Kingdom» (жалоба № 4451/70) от 21 февраля 1975 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL:

<http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.03.2017).

364. Постановление Европейского Суда по правам человека «*Guerra and Others v. Italy*» (жалоба № 14967/89) от 19 февраля 1998 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения 01.08.2016).

365. Постановление Европейского суда по правам человека «*Naas v. Switzerland*» (жалоба № 31322/07) от 20 января 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-102940%22>} (дата обращения: 20.01.2022).

366. Постановление Европейского суда по правам человека «*Hamalainen v. Finland*» (№ 37359/09) от 16 июля 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 26.04.2017).

367. Постановление Европейского суда по правам человека «*Hirst v. United Kingdom*» (жалоба № 74025/01) от 6 октября 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-70442%22>} (дата обращения: 20.01.2022).

368. Постановление Европейского суда по правам человека «*Ilascu and others v. Moldova and Russia*» (жалоба № 48787/99) от 8 июля 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 08.09.2021).

369. Постановление Европейского Суда по правам человека «*Ireland v. the UK*» от 18 января 1978 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.08.2016).

370. Постановление Европейского суда по правам человека «*Karácsony and Others v. Hungary*» (жалобы №№ 42461/13 и 44357/13) 17 мая 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам

человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 03.09.2019).

371. Постановление Европейского суда по правам человека «Karelin v. Russia» от 20 сентября 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 03.02.2022).

372. Постановление Европейского суда по правам человека «Khoroshenko v. Russia» (жалоба № 41418/04) от 30 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156006> (дата обращения: 05.02.2023).

373. Постановление Европейского суда по правам человека «Kiyutin v. Russia» (жалоба № 2700/10) от 10 марта 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 16.01.2022).

374. Постановление Европейского суда по правам человека «Konstantin Markin v. Russia» (жалоба № 30078/06) от 22 марта 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: [https://hudoc.echr.coe.int/ukr#{%22itemid%22:\[%22001-109868%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/ukr#{%22itemid%22:[%22001-109868%22]}) (дата обращения: 14.01.2022).

375. Постановление Европейского суда по правам человека «Lambert and Others v. France» (жалоба №. 46043/14) от 5 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:\[%22001-155352%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-155352%22]}) (дата обращения: 20.01.2022).

376. Постановление Европейского Суда по правам человека «Lopez Ostra v. Spain» (жалоба № 16798/90) от 9 декабря 1994 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения 01.08.2016).

377. Постановление Европейского Суда по правам человека «Mata Estevez v. Spain» (жалоба № 56501/00) от 10 мая 2001 г. [Электронный ресурс]

// Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 14.08.2016).

378. Постановление Европейского суда по правам человека «Mehmet Eren v. Turkey» (жалоба № 32347/02) от 14 октября 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88895> (дата обращения: 22.05.2022).

379. Постановление Европейского суда по правам человека «Mennesson v. France» (№ 65192/11) от 26 июня 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 26.04.2017).

380. Постановление Европейского суда по правам человека «Novikova and others v. Russia» (жалобы №№. 25501/07, 57569/11, 80153/12, 5790/13 и 35015/13) от 26 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.06.2018).

381. Постановление Европейского суда по правам человека «ОАО Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia» (жалоба № 14902/04) от 20 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-106308> (дата обращения: 10.04.2023).

382. Постановление Европейского суда по правам человека «Perinçek v. Switzerland» (жалоба № 27510/08) от 15.10.2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 12.01.2017).

383. Постановление Европейского суда по правам человека «Pini and Others v. Romania» от 22 июня 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:\[%22001-61837%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-61837%22]}) (дата обращения: 12.01.2022).

384. Постановление Европейского Суда по правам человека «Powell

and Rayner v. the United Kingdom» (жалоба № 9310/81) от 21 февраля 1990 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения 01.08.2016).

385. Постановление Европейского Суда по правам человека «Rantsev v. Cyprus and Russia» (Жалоба № 25965/04) от 7 января 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 12.12.2016).

386. Постановление Европейского Суда по правам человека «Saadi v. the United Kingdom» (жалоба № 13229/03) от 29 января 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 12.12.2016).

387. Постановление Европейского суда по правам человека «Schalk and Kopf v. Austria» (жалоба № 30141/04) от 24 июня 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%22001-99605%22%7D> (дата обращения: 20.01.2022).

388. Постановление Европейского Суда по правам человека «Sneersone and Kampanella v. Italy» (№ 14737/09) от 12 июля 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 15.03.2017).

389. Постановление Европейского суда по правам человека «Soering v. the United Kingdom» (жалоба № 14038/88) от 07 июля 1989 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%22001-57619%22%7D> (дата обращения: 16.01.2022).

390. Постановление Европейского суда по правам человека «Soering v. the United Kingdom» (жалоба № 14038/88) от 07 июля 1989 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%22001-57619%22%7D> (дата обращения: 16.01.2022).

391. Постановление Европейского суда по правам человека «Szabo and Vissy v. Hungary» (жалоба №. 37138/14) 12 января 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.09.2018).

392. Постановление Европейского суда по правам человека «Tomov and Others v. Russia» от 9 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 03.02.2022).

393. Постановление Европейского Суда по правам человека «Tytler v. the United Kingdom» (жалоба № 5856/72) от 25 апреля 1978 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 01.08.2016).

394. Постановление Европейского суда по правам человека «Veselov and Others v. Russia», (№№ 23200/10, 24009/07 и 556/10) от 2 октября 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL:<http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 26.04.2017).

395. Постановление Европейского суда по правам человека «Vo v. France» (жалоба № 53924/00) 8 июля 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%22001-61887%22>} (дата обращения: 16.01.2022).

396. Постановление Европейского Суда по правам человека «W. J. and D. P. v. the United Kingdom» (жалоба № 12513/86) от 13 июля 1987 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 06.10.2016).

397. Постановление Европейского Суда по правам человека «X. and Y. v. the United Kingdom» (жалоба № 9369/81) от 3 мая 1983 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 08.08.2016).

398. Постановление Европейского суда по правам человека «Yabloko

Russian United Democratic Party and Others v. Russia» (жалобы №№ 18860/07) 8 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.09.2018).

399. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Ananyev and others v. Russia» (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08) от 10 января 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108465> (дата обращения: 23.05.2020).

400. Постановление Европейского Суда по правам человека: «Gerasimov and Others v. Russia» (жалобы №. 29920/05, 3553/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11) от 1 июля 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. - URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 03.02.2022).

401. Регламент (правила процедуры) Европейского суда по правам человека // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

402. Резолюции № 1896 (2012) «О соблюдении Российской Федерации своих обязанностей и обязательств (предварительная версия) от 2 октября 2012. [Электронный ресурс] // URL: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2012\]/\[Oct2012\]/Res1896_rus.asp#P6_163](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2012]/[Oct2012]/Res1896_rus.asp#P6_163) (дата обращения: 13.06.2018).

403. Рекомендации по методам работы Венецианской комиссии (Принято Венецианской комиссией на 84-м пленарном заседании. Венеция, 15-16 октября 2010 г.) (CDL (2010) 034) [Электронный ресурс] // URL: http://www.izak.ru/img_content/pdf/rekomendacii_po_metodam_raboty_vk.pdf (дата обращения: 13.06.2018).

404. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов. Руководящие принципы и пояснительный доклад CDL-AD(2002)023rev2 [Электронный ресурс] // URL:

[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2002\)023rev2-cor-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2002)023rev2-cor-rus) (дата обращения: 22.04.2020).

405. Совместная общая рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин/замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике. 14 ноября 2014 (CEDAW/C/GC/31/CRC/CG/C/18) [Электронный ресурс] // URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 05.04.2017).

406. Сообщение Комитета по правам человека «Евдокимов против России» (Сообщение № 1410/2005) от 9 мая 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F101%2FD%2F1410%2F2005&Lang=ru (дата обращения: 04.06.2020).

407. Сообщение Комитета по правам человека от 24 октября 2014 года (Сообщение № 1987/2010) Views adopted by the Human Rights Committee at its 112th session «Anatoly Stambrovsky v. Belarus» 24 October 2014 CCPR/C/112/D/1987/2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1894> (дата обращения - 12.03.2017).

408. Стамбульский протокол. Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания ООН. Нью-Йорк и Женева, 2004 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/training8Rev1ru.pdf> (дата обращения - 06.04.2017).

409. Стандарты Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [CPT/Inf/E (2002) 1 - Rev. 2004] [Электронный ресурс] // URL: <http://sutyajnik.ru/documents/3547.html> (дата обращения - 09.05.2017).

410. Стандарты тюремного заключения (Выдержки из второго Общего доклада, опубликованного в 1992 году) CPT/Inf (92) 3 (§ 47, 49, 50)

[Электронный ресурс] // URL: <https://rm.coe.int/1680696a3f> (дата обращения 12.06. 2017).

***Правоприменительная практика Комитета
Конституционного надзора СССР***

411. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 4 апреля 1991 г. № 20 (2-22) «О положениях законодательства, ограничивающих равенство возможностей граждан в области труда и занятий» [Текст] // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 17. ст. 501.

412. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 15 февраля 1991 г. № 15 (2-23) «О законодательстве Литовской республики, предусматривающем уголовную ответственность за действия, связанные с созданием и участием в деятельности общественно-политических организаций» [Текст] // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 9. ст. 206.

413. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 3 апреля 1991 г. № 19 (2-25) «Об обеспечении в законодательстве СССР права обвиняемого на защиту» [Текст] // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991 № 17. ст. 500.

414. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 21 июня 1990 г. № 2-2 «О несоответствии норм законодательства, исключających для ряда работников судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров, положениям Конституции СССР, Законов СССР, международных актов о правах человека» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2022).

415. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 26 октября 1990 г. № 11 (2-1) «О законодательстве по вопросам прописки граждан» [Электронный ресурс] - Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01. 2022).

416. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 25 октября 1990 г. № 9 (2-9) «О запрете совмещения должностей руководителями государственных органов власти и управления,

установленном в законодательстве РСФСР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990 № 47. ст. 1002; Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 29 ноября 1990 г. № 12 (2-12) «О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан» [Текст] // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990 № 50. ст. 1080.

417. Постановление Комитета конституционного надзора от 4 апреля 1991 г. № 21 «О присоединении СССР к факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах» [Текст] // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991 № 17. ст. 502.

Зарубежные правовые акты

418. Конституции Республики Болгария 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

419. Конституции Румынии 1991 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=111> (дата обращения: 14.12.2020).

420. Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/constitution.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

421. Конституция Итальянской Республики 1947 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=148> (дата обращения: 12.12.2020).

422. Конституция Королевства Нидерландов 1983 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=143> (дата обращения: 05.04.2021).

423. Конституция Португальской Республики 1976 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=141> (дата обращения: 06.04.2021).

424. Конституция Республики Армения 1995 г. [Электронный ресурс]

// URL: <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

425. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс]
// URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 03.07.2019).

426. Конституция Республики Казахстан 1995 г. [Электронный ресурс]
// URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=129> (дата обращения: 09.12.2020).

427. Конституция Республики Польша 1997 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=112> (дата обращения: 20.04.2019).

428. Конституция Словацкой Республики 1992 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=110> (дата обращения: 06.03.2020).

429. Конституция Федеративной Республики Германия 1949 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 05.04.2021).

430. Конституция Чешской Республики 1992 г. [Электронный ресурс]
// URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=106> (дата обращения: 06.03.2020).

431. Конституция Франции 1958 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=138> (дата обращения: 12.05.2023).

III. Научная и специальная литература

Монографии

432. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность [Текст] / С. А. Авакьян. - 2. изд. – М.: РЮИД, 2000. - 528 с.

433. Азаров, А., Ройтер, В., Хюфнер, К. Защита прав человека. Международные и российские механизмы [Текст] / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. - М.: Московская школа прав человека, 2000. – 390 с.

434. Амирова, М.А. Международные судебные учреждения и внутреннее право Российской Федерации: монография [Текст] / М.А. Амирова. – М.: ЮНИТИ-ДИАНА: Закон и право, 2011. – 215 с.

435. Баглай, М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права [Текст] / М. В. Баглай, В. А. Туманов. - Москва: БЕК,

1998. - 505 с.

436. Байтин, М. И. Государство и политическая власть [Текст] / М. И. Байтин - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. - 239 с.

437. Безбородов, Ю.С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции: монография [Текст] / Ю.С. Безбородов. - М.: Проспект, 2018. – 240 с.

438. Безбородов, Ю.С. Международные модельные нормы [Текст] / Ю. С. Безбородов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 152 с.

439. Блищенко, И.П., Ж. Дориа Прецеденты в международном публичном и частном праве [Текст] / И.П. Блищенко, Дориа Ж. – 2 е изд., доп. – М.: Издательство МНИМП, 1999. – 472 с.

440. Бурков, А.Л. Конвенция о защите прав человека в судах России [Текст] / А.Л. Бурков; предисл. – А.И. Ковлер. - М.: Волтерс Клувер, 2010. – 448 с.

441. Валеев, Р.М. Контроль в современном международном праве [Текст] / Р.М. Валеев; Казан. гос. ун-т. юрид. фак. - 2. изд., доп. и перераб. - Казань: Центр инновац. технологий, 2003. - 319 с.

442. Варпаховская, Е.М. Международно-правовые стандарты в области защиты прав жертв преступлений [Текст] / Е. М. Варпаховская; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Иркутский юридический ин-т. - Иркутск: Изд-во Иркутского юридического ин-та (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008. - 179 с.

443. Василенко, В.А. Основы теории международного права [Текст] / В. А. Василенко. - Киев: Выща шк., 1988. - 287 с.

444. Венецианская комиссия: о конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии: сборник аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы [Текст] / [сост. Т. Я. Хабриева, Р. А. Курбанов, В. И. Лафитский]; под ред. Т. Я. Хабриевой; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Институт законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. - 576 с.

445. Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право [Текст] = Venice commission: one hundred steps to democracy through law: монография / Р. А. Курбанов (рук.) [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой и В. И. Лафитского; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва: Статут, 2014. - 254 с.

446. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Городец-издат, 2001. - 507 с.

447. Воронцова, И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации [Текст] / И. В. Воронцова, Т. В. Соловьева; под ред. О. В. Исаенковой. – М.: Волтерс Клувер, 2010. - 214 с.

448. Гаврилов, В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем: монография [Текст] / В.В. Гаврилов. – 2 -е изд. – М.: ИНФА-М, 2018. – 224.

449. Глотов, С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека [Текст] / С. А. Глотов; Саратов. гос. акад. права. - Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 1999. - 534 с.

450. Глотов, С.А. Россия и Совет Европы: политико-правовые проблемы взаимодействия [Текст] / С. А. Глотов. - Краснодар: Сов. Кубань, 1998. - 421 с.

451. Гобозов, И.А. Государство и национальная идентичность. Глобализация или интернационализация? [Текст] / И. А. Гобозов. - М.: ЛЕНАНД. 2019. - 200 с.

452. Горшкова, С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство: [Монография] [Текст] / С. А. Горшкова; Независимый ин-т междунар. права, Центр исслед. гос. ун-та Высш. шк.

экономики. – М.: НИМП, 2001. - 348 с.

453. Дегтярев, К. Спасет ли консенсус суд? Размышления о роли европейского консенсуса в прецедентном праве Европейского Суда по правам человека /М.В. Агальцова, А.Ю. Бушев, М.Р. Воскобитова и др. Вып. 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». [Текст] - М.: Статут, 2016. - 655 с.

454. Демин, А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования [Текст]: монография. / А. В.Демин – М.: Проспект, 2016. 240 с.

455. Елифанов, А.Е., Лакеев, А.Е. Действие международно-правовых стандартов в правовой системе Российской Федерации [Текст]: монография / А. Е. Елифанов, А. Е. Лакеев. – М.: Юрлитинформ, 2014. - 173 с.

456. Зимненко, Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть [Текст] = International law and the legal systems of the Russian Federation: курс лекций / Б. Л. Зимненко; Российская акад. правосудия, Дипломатическая акад. М-ва иностранных дел Российской Федерации. – М.: Статут, 2010. - 414 с.

457. Зимненко, Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции: справочное пособие [Текст] / Б. Л. Зимненко. – М.: Российская академия правосудия: Статут, 2005. - 538 с.

458. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция [Текст] / В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2010. – 544 с.

459. Кабышев, В.Т. С Конституцией по жизни. Избранные научные труды [Текст] / В.Т. Кабышев. - М.: Формула права, 2013. -320 с.

460. Калашников, С.В. Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики [Текст]: [монография] / С. В. Калашников; под ред. Д. С. Велиевой; Поволжская акад. гос. службы им. П. А. Столыпина. – М.: Изд-во ДМК Пресс, 2010. - 159 с.

461. Карапетов, А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в

европейском и американском праве [Текст] / А. Г. Карапетов. – М.: Статут, 2011. – 308 с.

462. Карташкин, В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве [Текст] / В. А. Карташкин. – М.: Ин-т государства и права, 1995. - 132 с.

463. Касьян, Н.Ф. Консенсус в современных международных отношениях: Междунар.-правовые вопр. [Текст] / Н. Ф. Касьян. – М.: Междунар. отношения, 1983. - 117 с.

464. Комарова, В.В. Интернационализация институтов и ценностей демократии: тенденции и проблемы [Текст] / В.В. Комарова // Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. – М.: ИГП РАН, 2017. – 224 с.

465. Конюхова, И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия [Текст] / И А. Конюхова; Российская акад. правосудия. – М.: Формула права, 2006. – 493 с.

466. Красиков, Д. В., Липкина, Н.Н. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности [Текст]: монография / Д. В. Красиков, Н. Н. Липкина; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Саратовская гос. юридическая акад.». - Саратов: Саратовская гос. юридическая акад., 2014. – 186 с.

467. Красинский, В.В. Защита государственного суверенитета: монография [Текст] / В.В. Красинский. – М.: Норма, 2017. – 608 с.

468. Кулапов, В.Л., Потапенко Е.Г. Теоретические основы правовой интеграции: монография. [Текст] / В. Л. Кулапов, Е.Г. Потапенко - М.: Юрлитинформ, 2011. – 184 с.

469. Лукашова, Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение [Текст] / Е. А. Лукашева; Ин-т государства и права

Российской академии наук. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - 383 с.

470. Лукашук, И.И. Международное право в судах государств [Текст] / И. И. Лукашук. - СПб.: Социал.-коммерч. фирма «Россия-Нева», 1993. - 300 с.

471. Лукашук, И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе [Текст] / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – М.: Спарк, 1997. - 321 с.

472. Лукашук, И.И. Нормы международного права в правовой системе России [Текст] / И. И. Лукашук; Акад. ун-т при Ин-те государства и права Рос. акад. наук. - Москва: Спарк, 1997. – 89 с.

473. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров: [в 2 т.] [Текст] / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. - Москва: Волтерс Клувер, 2004. - 658 с.

474. Лукьянцева, Г. Е. Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав и основных свобод [Текст] / Г. Е. Лукьянцев. – М.: Звенья, 2000. - 278 с.

475. Лютов, Л.Н. Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соответствие и перспективы совершенствования [Текст]: научно-практическое пособие / Н. Л. Лютов. – М.: Юстицинформ, 2012. - 127 с.

476. Манелис, Б.Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях [Текст] / Б. Л. Манелис - Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. - Ташкент: Наука, 1964. - 306 с.

477. Митюков, М.А., Барнашов, А.М. Очерки конституционного правосудия: Сравн.-правовое исслед. законодательства и судеб. практики [Текст] / М. А. Митюков, А. М. Барнашов. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. - 404 с.

478. Морган, Р., Эванс, М. Борьба против пыток в Европе [Текст] / Пер. на русск. А.М. Ващенко, А.В. Иванченкова – М.: Междунар. отношения, 2002. – 310 с.

479. Мюллерсон, Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность [Текст] / Р. А. Мюллерсон. – М.: Юрид. лит., 1991. - 156 с.
480. Нешатаева, Т. Н. Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография [Текст] / Т.Н. Нешатаева. – М.: Норма: ИНФА-М, 2013. – 304 с.
481. Нешатаева, Т.Н. Международные организации и право: Новые тенденции в междунар.-правовом регулировании [Текст] / Т. Н. Нешатаева. – М.: Дело, 1998. - 270 с.
482. Осьминин, Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право: [монография] [Текст] / Б. И. Осминин. – М.: Инфотропик Медиа; Берлин: Infotropic media, 2010. - 383 с.
483. Осьминин, Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств [Текст] / Б. И. Осминин. – М.: Волтерс Клувер, 2006. - 386 с.
484. Пряхина, Т.М. Конституционная доктрина Российской Федерации: науч. Издание [Текст] / Т.М. Пряхина; науч. ред. В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 323 с.
485. Резников, Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности: монография [Текст] /Е.В. Резников. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 199 с.
486. Смбатьян, А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права [Текст] / А. С. Смбатьян– М.: Статут. 2012. – 270 с.
487. Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика [Текст]: сборник аналитических статей / [под ред. М. Р. Воскобитовой]. – М.: Анахарсис, 2005. - 528 с.
488. Стандарты справедливого правосудия [Текст]: международные и национальные практики / [Воскобитова М. Р. и др.]; под ред. Т. Г. Морщаковой; [Фонд «Либеральная миссия»]. – М.: Мысль, 2012. - 583 с.
489. Султанов, А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории

и правоприменительная практика [Текст] / А. Р. Султанов. – М.: Статут, 2012. - 333 с.

490. Туманов, В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности [Текст] / В. А. Туманов– М.: Издательство НОРМА, 2001, - 304 с.

491. Тункин, Г.И. Основы современного международного права [Текст]: Учеб. пособие [Текст] / Г. И. Тункин, д-р юрид. наук ; Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Кафедра гос. права и советского строительства. – М., 1956. - 48 с.

492. Тункин, Г.И. Теория международного права [Текст] / Г. И. Тункин; Под общ. ред. Л. Н. Шестакова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: Зерцало, 2000. - 397 с.

493. Ульяшина, Л. В. Международно-правовые стандарты в области прав человека и их реализация: теория и практика применения [Текст] / Л. В. Ульяшина. – Вильнюс: Европ. Гуманитар. ун-т, 2013. – 400 с.

494. Усенко, Е.Т. Очерки теории международного права [Текст] / Е. Т. Усенко. – М.: Норма, 2008. - 238 с.

495. Ушаков, Н.А. Суверенитет в современном международном праве [Текст] / Н. А. Ушаков – М.: Изд-во ИМО, 1963. - 271 с.

496. Хабриева, Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции [Текст]: [монография] / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. - М: Норма, 2005. - 319 с.

497. Хижняк, В.С. Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы [Текст] / В.С. Хижняк - Под ред. В.Т. Кабышева. – Изд. 2 – е, испр. и доп. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2007. – 278 с.

498. Чуров, В. Е., Эбзеев, Б.С. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России [Текст] / В. Е. Чуров, Б. С. Эбзеев; [Центральная избирательная комис. Российской Федерации, Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной

избирательной комис. Российской Федерации (РЦОИТ при ЦИК России)]. – М.: РЦОИТ, 2015. - 79 с.

499. Эбзеев, Б. С. Глобализация и государственное единство России [Текст] / Б. С. Эбзеев, Р. У. Айбазов, С. Л. Краснорядцев. – М.: Формула права, 2006. - 305 с.

500. Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности [Текст] / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма, 2007. – 384 с.

501. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации [Текст] / Б. С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. - 574 с.

502. Эбзеев, Б.С., Айбазов, Р.А., Краснорядцев С.Л. Глобализация и государственное единство России [Текст] / Б. С. Эбзеев, Р. У. Айбазов, С. Л. Краснорядцев. – М.: Формула права, 2006. - 305 с.

Статьи в научных журналах и иных издания

503. Абашидзе, А. Х., Солнцев, А.М. Балканы – ахиллесова пята евроатлантической безопасности (к 15-летию Дейтонских соглашений) [Текст] / А. Х. Абашидзе, А.М. Солнцев // Обозреватель: Научно-аналитический журнал. - 2010. - № 8 (247). - С. 57-65.

504. Абашидзе, А.Х., Конева, А.Е. Укрепление системы договорных органов по правам человека [Текст] / А.Х. Абашидзе, А. Е. Конева // Московский журнал международного права. - 2013. -№ 4 (92). - С. 19-37.

505. Абдрашитова, В.З. Правовая природа решений Европейского Суда по правам человека [Текст] / В.З. Абдрашитова // Закон. - 2007. - № 10. - С. 213-220.

506. Авакьян, С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование [Текст] / С.А. Авакьян // Социальные интересы. - 2001. - № 4. - С. 44-47.

507. Автономов, А.С. Рассмотрение индивидуальных сообщений

договорными органами в системе Организации Объединенных Наций [Текст] / А.С. Автономов // Международное правосудие. -2013. - № 3. - С. 78 – 94.

508. Алисиевич, Е.С. Система правовых стандартов Европейского Суда по правам человека [Текст] / Е.С. Алисиевич // Юрист-международник. - 2006. - № 4. - С. 29-41.

509. Амирамова, М.А. Проблема применения в российской правовой системе актов, принимаемых комитетами по правам человека [Текст] / М.А. Амирамова // Международное публичное и частное право. - 2005. - № 4. - С. 18-23.

510. Аничкин, Е.С., Рудт, Ю.А. Соотношение универсальных и национальных ценностей в странах Европейского Союза [Текст] / Е.С. Аничкин, Ю.А. Рудт // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2013. - № 2(29). - С. 86-88.

511. Анишина, В.И. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на российское правосудие [Текст] / В.И. Анишина // Международное публичное и частное право. - 2007. - № 3. - С. 5-8.

512. Анишина, В.И. Правовая природа актов судебного правотворчества [Текст] / В.И. Анишина // Журнал российского права. - 2006. - № 10. - С. 124-139.

513. Ануфриева, Л.П. Enigma российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права» [Текст] /Л.П. Ануфриева // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2019. - № 3. - С. 4–25.

514. Бабай, А.Н., Тимошенко В.С. Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России [Текст] / А.Н. Бабай, В.С. Тимошенко // Закон. - 2006. - № 11. - С. 96-99.

515. Баглай, М. Выступление на Всероссийском совещании «Международно-правовые стандарты в российской правоприменительной практике» [Текст] /М. Баглай // Российская юстиция. - 2003. - № 3. - С. 5-7.

516. Баранов, П.П. Международное право и конституционное право

Российской Федерации: современные проблемы соотношения, взаимодействия и взаимопроникновения [Текст] / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2014. - № 1. - С. 88-96.

517. Барнашов, А.М. Взаимодействие норм международного и российского права в решениях Конституционного Суда РФ [Текст] / А.М. Барнашов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Ч. 34 / Под ред. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2006. С. 25-34.

518. Барнашов, А.М. О применении Конституционным Судом Российской Федерации общепризнанных принципов и норм и международных договоров в РФ [Текст] / А.М. Барнашов // Российский ежегодник международного права 2006. СПб. 2007. С. 48-49.

519. Батурин, П.В. Международно-правовые положения в формировании правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации [Текст] / П.В. Батурин // Российский юридический журнал. - 2006. - № 2. - С. 54-60.

520. Бахин, С.В. Всеобщая декларация 1948 года: от каталога прав человека к унификации правового статуса личности [Текст] // Правоведение. - 1998. - № 4 (223). - С. 3-11.

521. Бахин, С.В. Субправо: новые тенденции в унификации международного права [Текст] / С.В. Бахин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2002. - № 1. - С. 149-158.

522. Безбородов, Ю.С. Концепция «мягкого права» в доктрине и структуре международного права [Текст] / Ю.С. Безбородов // Российский юридический журнал. - 2004. - № 4. - С. 69-74.

523. Безруков, А.В. Роль Конституционного Суда России в обеспечении конституционного правопорядка [Текст] / А.В. Безруков // Российское право: образование, практика, наука. - 2017. - № 4. - С. 22-28.

524. Белов, С.А. Конституционная модель легитимации решений органов международных организаций [Текст] / С.А. Белов // Журнал

конституционного правосудия. - 2018. - № 2 (62). - С. 1-10.

525. Берестнев, Ю. Распространение решений Европейского Суда по правам человека [Текст] /Ю.Берестнев // Российская юстиция. - 2001. - № 3. - С. 16-18.

526. Берестнев, Ю.Ю. Стандарты Совета Европы и российская практика [Текст] / Ю.Ю. Берестнев // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. - 2003. - № 1 (42). - С. 158-159.

527. Бернхардт, Р. Европейский Суд по правам человека в Страсбурге: новый этап и новые проблемы [Текст] /Р. Бернхардт // Государство и право. - 1999. - № 7. - С. 57-62.

528. Бошно, С.В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) [Текст] / С.В. Бошно // Государство и право. - 2007. - № 4. - С. 72-78).

529. Бояшов, А. Расширение функций СНГ в гуманитарной области: потенциал евразийской интеграции в области прав человека [Текст] /А. Бояшов // Евразия. Эксперт. - 2021. - Вып. 1. - С. 70-74.

530. Бояшов, А.С. Роль судей Европейского суда по правам человека в поддержании демократических норм [Текст] / А. С. Бояшов // Актуальные проблемы Европы. - 2015. - № 3. - С. 164-182.

531. Варпаховская, Е.М. История развития международно-правовых стандартов по защите жертв преступлений [Текст] / Е. М. Варпаховская // История государства и права. - 2009. - № 3. – С. 10-13.

532. Велиева, Д.С., Пресняков М.В. Исполнение решений ЕСПЧ: национальные демократические процедуры vs правовая определенность [Текст] /Д.С. Велиева, М.В. Пресняков // Вестник ПАГС. - 2020. - № 6. - С. 10-27.

533. Вильдхабер, Л. Прецедент в Европейском Суде по правам человека [Текст] /Л. Вильдхабер // Государство и право. - 2001. - № 12. - С. 5-17.

534. Витрук, Н.В. Защита прав и свобод человека и гражданина

Конституционным Судом Российской Федерации в контексте действия международного права [Текст] / Н. В. Витрук // Государственная власть и права человека. Томск, 2001. С. 24-36.

535. Витрук, Н.В. Конституция Российской Федерации как ценности и конституционные ценности [Текст] / Н. В. Витрук // Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции и 60-летию Всеобщей декларации прав человека (Санкт-Петербург, 13-14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., - 2009. - С. 270- 272.

536. Витрук, Н.В. О юридической силе решений Европейского Суда по правам человека [Текст] / Н.В. Витрук // Общеизвестные принципы и нормы международного права в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева и др. М., - 2004. - С. 238-239.

537. Волеводз, А.Г. Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета ООН по правам человека [Текст] / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2017. - №3. - С. 3-7.

538. Воскобитова, М.Р. Обзор решений Европейского Суда по правам человека на предмет приемлемости по жалобам, поданным против РФ [Текст] / М. Р. Воскобитова // Государство и право. - 2002. - № 8. - С. 24-33.

539. Габрелян, Э.В. Суверенитет и права человека в условиях глобальной модернизации [Текст] / Э. В. Габрелян // Правоведение. - 2013. - № 4. (309). - С. 41-50.

540. Гаврилов, В.В. Развитие концепции правовой системы в отечественной доктрине права: общетеоретический и международно-правовой подходы [Текст] / В. В. Гаврилов // Журнал российского права. - 2004. - № 1. - С. 76-87.

541. Ганюшкина, Е.Б. Ограничение деятельности государств нормами международного права [Текст] / Е. Б. Ганюшкина // Журнал российского права. - 2006. - № 10. - С. 134-139.

542. Гарлицкий, Л. Конституционные ценности и Страсбургский суд [Текст] / Л. Гарлицкий // Сравнительное конституционное обозрение. - 2008. - № 6 (67). - С 81-88.

543. Гарлицкий, Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия [Текст] / Л. Гарлицкий // Сравнительное конституционное обозрение. - 2006. - № 1. - С. 9-29.

544. Глотов, С.А. Европейская конвенция и Европейский суд по правам человека в праве и правоприменительной практике Российской Федерации: теоретико-правовые вопросы [Текст] / С.А. Глотов // Право и образование. - 2012. - № 7. - С. 79-85.

545. Голубок, С. Постановления и решения Европейского Суда по правам человека и соображения Комитета по правам человека: их статус и юридические последствия в российской правовой системе [Текст] / С. Голубок // Российский ежегодник международного права. - 2010. - СПб. 2011. - С. 114-137.

546. Голубок, С.А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту [Текст] / С. А. Голубок // Правоведение. - 2007. - № 1. - С. 112-124.

547. Голубок, С.А., Тимофеев М.Т. Где начинается и чем заканчивается свобода слова: замечания общего порядка № 34 Комитета по правам человека [Текст] / С.А. Голубок, М.Т. Тимофеев // Международное правосудие. - 2012. - № 3. - С. 32-36.

548. Гошуляк, В.В. Конституционная модель российского федерализма в перспективе решений Венецианской комиссии [Текст] / В. В. Гошуляк // Конституционное и муниципальное право. - 2019. - № 9. - С. 36-40.

549. Грачева, С.А. Конституционный путь к доктрине субсидиарности в международном праве [Текст] / С. А. Грачева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2020. - № 1. - С. 52-73.

550. Гринин, Л.Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета [Текст] / Л.Е. Гринин // Век глобализации. - 2008. - №1. - С. 86-97.

551. Гришин, Н.В. Международный уровень управления в сфере избирательного процесса [Текст] / Н. В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2015. - № 3 (44). - С. 83-92.

552. Гусейнов, Л. Особенности толкования международных договоров и правах человека [Электронный ресурс] /Л. Гусейнов // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - 1999. - № 2. / URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/1999-2/1999-2-guseinov> (дата обращения: 02.06.2022).

553. Гюлумян, В.Г. Принципы толкования Европейской Конвенции прав человека (критика и защита) [Текст] / В. Г. Гюлумян // Журнал конституционного правосудия. - 2015. - № 3. (45). - С. 6-18.

554. Дагуев, А.В. Некоторые особенности производства по делам о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров РФ [Текст] / А. В. Дагуев // Юридический мир. - 2008. - № 11. - С.34-39

555. Даниленко, Г.М. Применение норм международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда [Текст] / Г. М. Даниленко // Государство и право. - 1995. - № 11. - С. 115-120.

556. Де Лондрас Ф., Дегтярев К. «А., В. и С. против Ирландии»: возникновение блокирующего внутригосударственного консенсуса [Текст] /Ф. Де Лондрас, К. Дегтярев // Международное правосудие. 2013. № 1(5). С. 23-35.

557. Демин, А.В. «Мягкое право» и «жесткое право»: общие признаки и критерии разграничения [Текст] / А. В. Демин. // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4-томах. Волжский университет имени В.Н. Татищева. Тольятти. - 2015. - С. 98-102.

558. Демин, А.В. К вопросу о переносе концепции «мягкого права» на уровень национальных правовых систем [Текст] / А. В. Демин // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. - 2015. - № 1. - С. 190-195.

559. Демин, А.В. Феномен «мягкого права» pro contra [Текст] / А. В. Демин // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2014. - № 4 (41). - С. 6-10.

560. Демичева, З.Б. Еще раз о проблеме признания решений Европейского Суда по правам человека в качестве источника российского права [Текст] / З.Б. Демичева // Московский журнал международного права. - 2007. - № 3. - С. 194-202.

561. Демичева, З.Б. К вопросу о понятии «правовые стандарты Совета Европы» [Текст] / З. Б. Демичева // Московский журнал международного права. - 2006. - № 3. - С. 42-52.

562. Денильханов, А.Х., Муратшина, Ю.Р. Правопорядок и институты правопорядка в современном социуме: социально-философский анализ [Текст] / А. Х. Денильханов, Ю. Р. Муратшина // Ценности и смыслы. - 2021. - № 5 (75). - С. 43-63.

563. Джантаев, Х.М. Консенсус – метод принятия решений в международных организациях [Текст] / Х. М. Джантаев // Вопросы гуманитарных наук. - 2016. - № 4. - С. 78-83.

564. Дикман, С. С. Юридическая природа решений Комитета ООН по правам человека: основные проблемы [Текст] / С.С. Дикман // Труды Института государства и права Российской академии наук / Ин-т государства и права Рос. акад. наук. М., - 2007. - С. 75-87.

565. Доронина, О.Н., Калинин В.А. Влияние европейских стандартов в области прав человека на российское законодательство и правоприменительную практику [Текст] / О. Н Доронина., В.А. Калинин // Адвокатская практика. - 2008. - № 1. - С. 21-24.

566. Егоров, С.Н. Международные избирательные стандарты: понятие,

форма закрепления, значение для России [Текст] / С.Н. Егоров // Вестник РУДН, серия Юридические науки. - 2011. - № 4. - С. 19-26.

567. Ельцова, Т.С. Прекращение действий актов официального нормативного толкования во времени и его взаимосвязь с действием во времени интерпретируемого нормативного правового акта [Текст] / Т.С. Ельцова // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. - 2010. - № 4 (1). - С. 272-276.

568. Ефремова, Н.Н. Влияние международно-правовых стандартов судебной защиты прав человека на российскую доктрину правосудия в сфере предпринимательской деятельности [Текст] / Н.Н. Ефремова // Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации. Материалы конференции. Саратов, - 2006. - С. 219-222.

569. Зайцева, Е.А. Мягкого право: объективная реальность или юридическая метафора? [Текст] / Е.А. Зайцева // Современное право. - 2012. - № 1. - С. 35-38.

570. Заметина, Т.В. Принципы российского федерализма и императивные нормы международного права: вопросы соотношения [Текст] / Т.В. Заметина // Конституционное и муниципальное право. - 2009. - № 8. - С. 14-17.

571. Зимненко, Б. Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство [Текст] / Б. Зимненко // Российская юстиция. - 2003. - № 10. - С. 10-13

572. Зимненко, Б.Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие [Текст] / Б. Л. Зимненко // Российская юстиция. - 2003. - № 9. - С. 6-10.

573. Зимненко, Б.Л. О месте и значении правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека в правовой системе российской Федерации [Текст] / Б. Л. Зимненко // Российское правосудие. - 2017. - № 4 (132). - С. 112-138.

574. Зимненко, Б.Л. Решения Европейского Суда по правам человека и

правовая система Российской Федерации [Текст] / Б. Л. Зимненко // Государство и право. - 2008. - № 7. - С. 32-38.

575. Зимненко Б.Л. Соотношение международно-правовых и внутригосударственных норм в правовой системе России [Текст] Б. Л. Зимненко // Российский ежегодник международного права. - 2001. - СПб., - 2001. - С. 126-129.

576. Зинченко, Е.Ю., Хазов Е.Н. Правовые проблемы соблюдения международных избирательных стандартов в национальном избирательном праве [Текст] / Е.Ю. Зинченко, Е.Н. Хазов // Международный журнал конституционного и государственного права. - 2018. - № 1. - С. 36-39.

577. Зорькин, В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России [Текст] / В.Д. Зорькин // Сравнительное конституционное обозрение. - 2008. - № 4 (65). - С. 7-20.

578. Зорькин, В. Д. Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации [Текст] / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. - 2016. - № 1 (49). - С. 1-9.

579. Зорькин, В. Россия и Страсбург: проблемы реализации Конвенции о правах человека [Текст] / В. Зорькин // РГ от 21.10.2015. - № 238 (6809).

580. Зорькин, В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле [Текст] / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. - 2005. - № 3. - С. 3-9.

581. Зорькин, В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле [Текст] / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. - 2004. - № 9. - С. 26-33.

582. Зорькин, В.Д. Предел уступчивости [Текст] / В.Д. Зорькин // РГ. - № 5325. - 29 октября 2010 г.

583. Иваненко, В.С. Международные договоры и Конституция России в российской правовой системе: проблемные вопросы правового статуса и взаимодействия [Текст] / В.С. Иваненко // Вестник Университета имени О.Е.

Кутафина (МГЮА). – 2015. - № 6. - С. 54-70.

584. Игумнова, Л.О. Европейские механизмы диффузии универсальных ценностей и международных норм [Текст] / Л.О. Игумнова // Вестник ИрГТУ. - 2012. - № 1 (60). - С. 233-239.

585. Исполинов, А.С. Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России с Европейским судом по правам человека [Текст] / А.С. Исполинов // Государство и право. - 2017. - № 6. - С. 26-34.

586. Исполинов, А.С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров [Текст] / А.С. Исполинов // Законодательство. - 2016. - № 9. - С. 79-87.

587. Кабышев, В.Т. Элементы понятия государственной власти [Текст] / В.Т. Кабышев // Проблемы конституционного права / Отв. ред. И.Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 20-27.

588. Кадышева, О.В. Применение положений соглашений Всемирной торговой организации российскими судами: обзор арбитражной практики [Текст] / О.В. Кадышева // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 1 (80). - С. 85-90.

589. Канашевский, В.А. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации [Текст] / В.А. Канашевский // Журнал российского права. - 2003. - № 4. - С. 122-126.

590. Карташкин, В.А. Россия и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Текст] / В.А. Карташкин // Московский журнал международного права. - 1996. - № 3. - С. 21-27.

591. Каширкина, А.А., Морозов А.Н. Международные рекомендательные акты в российской правовой системе: пределы и возможности использования [Текст] А.А. Каширкина // Журнал российского права. - 2015. - № 2. - С. 135-147.

592. Ковлер, А.И. Критерии справедливого судебного разбирательства: международные стандарты и их имплементация в национальном правосудии

[Текст] / А.И. Ковлер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. - № 1. - С. 21-25.

593. Ковлер, А.И. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по делам против Российской Федерации (2006-2008 гг.) [Текст] / А.И. Ковлер // Российское правосудие. - 2008. - № 8 (28). - С. 4-15.

594. Ковлер, А.И. Проблемы международного права в решениях Европейского Суда по правам человека (международная правосубъектность индивида и иммунитет государства) [Текст] / А.И. Ковлер // Российский ежегодник международного права. - 2003. - СПб.: Россия-Нева. - 2003. - С. 299-306.

595. Ковлер, А.И. Фокин, Е.А. Венецианская комиссия и Европейский Суд по правам человека: точки соприкосновения [Текст] / А.И. Ковлер, Е.А. Фокин // Международное правосудие. - 2021. - № 2. - С. 72-92.

596. Кожевников, О.А., Крысанов А.В. Конституционная реформа 2020: к вопросу об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции в Российской Федерации [Текст] / О.А. Кожевников, А.В. Крысанов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 77-85.

597. Кожеуров, Я. С. Споры о соотношении Конституции России и Европейской конвенции о защите прав человека: можно ли избежать цугцванга? [Текст] / Я. С. Кожегуров // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 2 (63). - С. 49-54.

598. Комарова, В.В. Деятельность уполномоченного по правам человека в российской Федерации в сфере политических прав: современные вызовы [Текст] / В.В. Комарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2021. - № 4 (80). - С. 64-75.

599. Комарова, В.В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) [Текст] / В.В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 14. № 8 (117). - С. 23-31.

600. Комарова, В.В. Конституционные поправки: некоторые факторы

эффективности публичной власти [Текст] / В.В. Комарова // Конституция 2020: Эволюция публичной власти. Материалы V Общероссийского юридического форума. Уфа, - 2021. - С. 48-56.

601. Комарова, В.В. Правовое пространство СНГ – некоторые аспекты теории становления [Текст] / В.В. Комарова // Научные труды Северо-Западного института РАНХиГС. - 2023. - Т. 14. № 2 (59). - С. 119-126.

602. Комкова, Г.Н. Использование прецедентов Европейского суда по правам человека о нарушении принципа равенства органами конституционной юстиции России [Текст] / Г.Н. Комкова // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сб. науч. трудов. Казань: ООО «Офсет-сервис», 2006. С. 318-324.

603. Комкова, Г.Н. Модификация современной Конституции России [Текст] / Г.Н. Комкова // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. - 2015. - Т. 15, выпуск 1. - С. 90-95.

604. Кондрашев, А.А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России [Текст] / А.А. Кондрашев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2018. - №4. - С. 21-29.

605. Конюхова (Умнова), И.А. Проблемы взаимодействия конституционного и международного публичного права [Текст] / И.А. Конюхова (Умнова) // Российское правосудие. - 2009. - № 5 (37). - С. 11-17.

606. Корольков, П.А. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека и их реализация в российском уголовном процессе [Текст] П.А. Корольков // Журнал российского права. - 2011. - № 11. - С. 110-118.

607. Косолапов, М.Ф. Конституционное право на обращение в международные органы в государствах СНГ: проблемы становления правозащитного механизма [Текст] / М.Ф. Косолапов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 166-169.

608. Косолапов, М.Ф. Принцип демократии: транснациональное

измерение [Текст] / М.Ф. Косолапов // Правовая политика и правовая жизнь. - 2020. - № 3. - С. 41-45.

609. Косолапов, М.Ф. Тенденции формирования правовых стандартов Совета Европы в области права на интеллектуальную собственность [Текст] / М.Ф. Косолапов // Актуальные вопросы модернизации института прав человека в конституционном и международном праве. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, - 2014. - С. 213-217.

610. Кротов, А.В. Пределы государственного суверенитета в постановлениях Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ [Текст] / А.В. Кротов // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 8 (87). - С. 78-80

611. Крусс, В.И. Проблемы конституционализации правовой системы России в контексте глобальной и региональной интеграции [Текст] / В.И. Крусс // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. - 2013. - № 35. - С. 100-115.

612. Крыжан, В.А. О содержании принципа правовой определенности [Текст] / В.А. Крыжан // Пермский юридический альманах. - 2018. - № 1. - С. 81-88.

613. Кряжков, В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации [Текст] / В.А. Кряжков // Государство и право. - 2020. - № 9. - С. 18-32.

614. Кряжков, В.А. Конституционный Суд РФ как участник процесса исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека [Текст] / В.А. Кряжков // Государство и право. - 2017. - № 5. - С. 21-33.

615. Кузьмин, И.А. Правовые и политические позиции в контексте внутригосударственных и международных отношений [Текст] И.А. Кузьмин // Гуманитарные и юридические исследования. - 2020. - № 4. - С. 152-158.

616. Куликов, А.В. Методы принятия решений в международных

организациях и на международных конференциях [Текст] / А.В. Куликов // Московский журнал международного права - 2000. - № 3. - С. 185-219.

617. Куликов, К.В. О полномочии Конституционного Суда Российской Федерации по разрешению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов и международных судов [Текст] / А.В. Куликов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. - 2022. - № 5 (91). - 132-141.

618. Кутейников, А. Е. Демократия вне государства? Деятельность многосторонних международных структур по созданию современной демократической модели [Текст] / А.Е. Кутейников // Актуальные проблемы Европы. - 2015. - № 3. – С. 15-44

619. Куусимяки, Р. О статьях пятой и шестой Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [Текст] / Р.О. Куусимяки // Московский журнал международного права. - 1997. - № 4. - С. 67-80.

620. Лазарев, В. В., Мурашова, Е. Н. Место решений Европейского Суда по правам человека в национальной правовой системе [Текст] / В.В. Лазарев, Е.Н. Мурашова // Журнал российского права. - 2007. - № 9. - С. 110-124.

621. Лаптев, П.А. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека и правовая система Российской Федерации [Текст] / П.А. Лаптев // Российское правосудие. - № 11. - 2008. - С. 99-108.

622. Лафитский, В.И. Стандарты Венецианской комиссии Совета Европы в контексте проблем обеспечения национального электорального суверенитета [Текст] / В.И. Лафитский // Избирательное законодательство и практика. - 2016. - № 4. - С. 18-20.

623. Лебедева, Я.И. Правовой анализ заключения Венецианской комиссии на проект изменений, вносимых в Конституцию Турецкой республики [Текст] / Я.И. Лебедева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. - № 3. - С 156-163.

624. Лившиц, Р.З. Судебная практика как источник права [Текст] / Р.З.

Лившиц // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49-57.

625. Лимонникова, М.А. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия): консультативный орган Совета Европы [Текст] / М.А. Лимонникова // Марийский юридический вестник. 2005. № 4. С. 160-166.

626. Липкина, Н.Н. Принцип европейского консенсуса в практике Европейского суда по правам человека [Текст] Н.Н. Липкина // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. 2016. С. 49-54.

627. Лондрас, Ф., Дягтерев, К. «А., В. и С. против Ирландии»: возникновение блокирующего внутригосударственного консенсуса [Текст] / Ф. Лондрас, К. Дягтерев // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 23-35.

628. Лукашук И.И. Конституция России и международное право [Текст] / И.И. Лукашук // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 29-41.

629. Лукашук, И.И. Международное «мягкое» право [Текст] / И.И. Лукашук // Государство и право. 1994. № 8-9. С. 159-167.

630. Луць, О.Н. Избирательные правовые стандарты Совета Европы [Текст] О.Н. Луць // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: в 2 ч. Российский университет дружбы народов. М., 2012. С. 559-571.

631. Мамонов, В.В. Конституционные ценности современной России [Текст] / В.В. Мамонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 125-132.

632. Марочкин, С.Ю., Сашникова, О.В. О применении норм международного гуманитарного права в правовой системе Российской Федерации [Текст] / С.Ю. Марочкин, О.В. Сашникова // Российский ежегодник международного права. 2005. С. 53-60.

633. Марочкин, С.Ю., Халафян, Р.М. Международное «мягкое» право в правовой системе российской Федерации [Текст] / С.Ю. Марочкин, Р.М.

Халафян // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 57-59.

634. Марченко, М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания [Текст] / М.Н. Марченко // Правоведение. 2003. № 2. С. 186-193.

635. Матвеева, Т.В. К вопросу о «мягком праве» в регулировании международных частноправовых отношений [Текст] / Т.В. Матвеева // Государство и право. 2005. № 3. С. 62-71.

636. Минаева, М.М. Международные правовые стандарты защиты жизни ребенка до и после рождения [Текст] / М.М. Минаева // Международное публичное и частное право. 2010. № 6. С. 10-13.

637. Мингазов, Л.Х. Проблемы взаимодействия национального и международного права: конституционно-правовая сфера [Текст] / Л.Х. Мингазов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. № 4. С. 52-59.

638. Митюков, М.А. О применении конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров [Текст] / М.А. Митюков // Конституционное правосудие и международно-правовые стандарты прав человека в России. Материалы международного круглого стола. Нальчик, 2002. С. 32-36.

639. Морщакова, Т. Применение международно-правовых норм о правах человека в конституционном правосудии [Текст] Т. Морщакова // Конституционное правосудие на рубеже веков. М., 2002. С. 182-190.

640. Муратова, О.В. Акты «мягкого» права как регуляторы частноправовых отношений [Текст] / С.В. Нарутто // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения 2015. № 4. С. 629-630.

641. Нарутто, С.В. Верховенство Конституции как основа конституционного правопорядка [Текст] / С.В. Нарутто // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 30-35.

642. Нарутто, С.В., Смирнова В.А. Конституционный Суд и международные обязательства России [Текст] / С.В. Нарутто // Правовая

политика и правовая жизнь. М., Саратов 2004. № 1. С. 156-163.

643. Несмеянова, С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей [Текст] / С.Э. Несмеянова // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 4. С. 71-74.

644. Несмеянова, С.Э. Конституционное правосудие в условиях глобализации [Текст] / С.Э. Несмеянова // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2018. С. 30-34.

645. Несмеянова, С.Э. Конституционный Суд России: итоги работы и перспективы [Текст] / С.Э. Несмеянова // Российский юридический журнал. 2012. № 3 (84). С. 103-108.

646. Несмеянова, С.Э. Международные договоры как объект конституционного судебного контроля [Текст] / С.Э. Несмеянова // Российский юридический журнал. 2015. № 3 (102). С. 139-143.

647. Несмеянова, С.Э. Роль Конституционного Суда в развитии конституционного законодательства [Текст] / С.Э. Несмеянова // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения. Материалы VII Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 66-73.

648. Несмеянова, С.Э. Функции органов конституционного судебного контроля [Текст] / С.Э. Несмеянова // Современное общество и право. 2011. № 1 (2). С. 20-23.

649. Нешатаева, Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву [Текст] / Т.Н. Нешатаева // Международное правосудие. 2017. № 2 (22). С. 64-79.

650. Нешатаева, Т.Н. Независимый суд: от международного стандарта к реализации без имитаций [Текст] / Т.Н. Нешатаева // Закон. 2010. № 2. С.

47-60.

651. Нешатаева, Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права [Текст] / Т.Н. Нешатаева // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3 (136). С. 124-140.

652. Никитина, И.Э. Роль международных судов в деле универсализации действия норм современного международного права [Текст] / И.Э. Никитина // Российский судья. 2015. № 10. С. 36-39.

653. Николаев, А.М. Место решений Европейского суда по правам человека в правовой системе Российской Федерации [Текст] / А.М. Николаев // Конституционное и муниципальное право 2007. № 17.

654. Нусбергер, А. Развитие прецедентного права Европейского Суда по правам человека на основе решений о России [Текст] / А. Нусбергер // Право и политика. 2005. № 10. С. 88-93.

655. Овсепян, Ж.И. К обсуждению концепции статуса конституционного правосудия в сфере защиты фундаментальных прав и свобод на основе принципов и норм международного права в период глобализации [Текст] / Ж.И. Овсепян // Журнал конституционного правосудия. М., 2011. № 1 (19). С. 1-11.

656. Овсепян, Ж.И. Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации о статусе Республики Крым и города федерального значения Севастополя как новых субъектов Российской Федерации [Текст] / Ж.И. Овсепян // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (вып. XV): Сборник научных трудов. – Казань: ООО «Офсет-сервис». 2020. С. 205-207.

657. Оганесян, С.М. Понятие международных стандартов прав человека [Текст] / С.М. Оганесян // Международное публичное и частное право. 2008. № 2 (41). С. 18-24.

658. Оганесян, Т.Д. Процедура пилотного постановления Европейского Суда по правам человека: правовая сущность и содержание [Текст] / Т.Д. Оганесян // Журнал зарубежного законодательства и

сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 128-134.

659. Осветимская, И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации [Текст] / И.И. Осветимская // Правоведение. 2017. №2 (331). С. 150-167.

660. Осятыньский, В. Парадоксы конституционного заимствования [Текст] / В. Осятыньский // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 53-67.

661. Павлова, Л.В. Формы и методы имплементации стандартов Совета Европы в национальное законодательство [Электронный ресурс] / Л.В. Павлова // Журнал международного права и международных отношений. № 3. 2012 – URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2012-3/2012-3-pavlova> (дата обращения: 07.09.2020).

662. Поленина, С.В. Выступление на Всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» [Текст] / С.В. Поленина // Государство и право. 1996. № 2. С. 4-6.

663. Половченко, К.А. Влияние правовой природы на порядок формирования органа конституционного контроля: опыт Боснии и Герцеговины [Текст] К.А. Половченко // Пробелы в российском законодательстве. № 2. 2017 С. 38-42.

664. Пшеничников, М.А. К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов [Текст] / М.А. Пшеничников // Международное публичное и частное право № 3 (36). 2007 С. 32-34.

665. Ромашов, Ю.С. Об условии формирования общепризнанных норм [Текст] Ю.С. Ромашов // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 32-40.

666. Романовский, Г. Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения конституционного Суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран [Электронный ресурс] / Г.Б. Романовский // Lex Russica. 2017. № 2

(123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-anchugova-i-gladkova-i-resheniya-konstitutsionnogo-suda-rf-organov-konstitutsionnogo-kontrolya-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 07.01.2022).

667. Ромашов, П.А. О некоторых новых полномочиях Конституционного Суда РФ [Текст] / П.А. Ромашов // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов. Сборник научных статей / Отв. ред. В.Г. Голубев, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 128-135.

668. Россия и Страсбург: проблемы реализации Конвенции о правах человека». Интервью Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html> (дата обращения: 10.01.2022).

669. Саликов, М.С. Международные договоры РФ как объекты конституционного судебного контроля [Текст] / М.С. Саликов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 21-26.

670. Саликов, М.С., Нечкин, А.В. Конституционные ценности современного российского государства [Текст] / М.С. Саликов, А.В. Нечкин // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 9-75.

671. Салтыков, К.Г. Оттенки смысла юридических терминов [Текст] / К.Г. Салтыков // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 1 (42). С. 160-163.

672. Сауляк, О.П., Зейналов, Ш.А. Конституционный правопорядок и проблемы имплементации общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему [Текст] / О.П. Сауляк, Ш.А. Зейналов // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2019. № 1 (19). С. 29-37.

673. Сердюк, А.Л., Керопян, Е.Г. Проблемы и перспективы формирования региональной системы защиты прав человека в пространстве СНГ [Текст] А.Л. Сердюк, Е.Г. Керопян // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 179-281.

674. Снежко, О.А. Правовая природа конституционных ценностей

современной России [Текст] / О.А. Снежко // Сравнительное конституционное обозрение 2005. № 2 (51). С. 13-19.

675. Солнцев, А., Конева, А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах [Текст] / А. Солнцев, А. Конева // Международное правосудие 2013. № 4 (8). С. 84.

676. Соловьева, А. Д. Международный правопорядок: понятие и сущность (теоретико-правовой аспект) [Текст] / А.Д. Соловьева // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 20-23.

677. Стремоухов, А.В. Международные стандарты прав человека: определение и классификация [Текст] / А.В. Стремоухов // Международное публичное и частное право. № 5(80). 2014. С. 3-5.

678. Талалаев, А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ [Текст] / А.Н. Талалаев // Государство и право. 1998. №3. С. 64–70.

679. Талалаев, А.Н. Конституционный Суд и международные договоры России (к вопросу о конституционности международных договоров РФ) [Текст] / А.Н. Талалаев // Государство и право. 1996. № 3. С. 118-123.

680. Татаринов, С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в укреплении и развитии конституционных ценностей [Текст] / С.А. Татаринов // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 224-230.

681. Тиунов, О.И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов [Текст] / О.И. Тиунов // Международное публичное и частное право. № 2 (11) 2003. С. 14-21.

682. Тиунов, О.И. Международно-правовые стандарты прав человека: достижения и перспективы в свете современных реалий [Текст] / О.И. Тиунов // Конституционное правосудие и международно-правовые стандарты прав человека в России. Материалы международного круглого стола. Нальчик,

2002. С. 22-30.

683. Тиунов, О.И. Роль международно-правовых стандартов в регулировании взаимодействия международного и национального права [Текст] / О.И. Тиунов // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 69-83.

684. Тихомиров, Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права [Текст] / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3-12.

685. Тихомиров, Ю.А. Развитие теории конституционного права [Текст] / Ю.А. Тихомиров // Государство и право. 1998. № 7. С. 5-13.

686. Толстых, В.Л. Решения международных судов и правовая система Российской Федерации [Текст] / В.Л. Толстых // Российское правосудие. 2008. № 3 (23). С. 40-48.

687. Туманов, В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека [Текст] / В.А. Туманов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 78-84.

688. Туманов, В.А. Выступление на всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» [Текст] / В.А. Туманов // Государство и право. 1996. № 2. С. 4-10.

689. Тхагалегова, М.М. Гармонизация взаимодействия институтов конвенционного и конституционного нормоконтроля суверенитет правовых систем [Текст] / М.М. Тхагалегова // Ученые записки юридического факультета СПбГЭУ. Вып. 39 (49) 2015. С. 42-54.

690. Улетова, Г., Малиновский, О. К вопросу о повышении эффективности реализации решений Европейского суда по правам человека в правовой системе России [Текст] / Г. Улетова, О Малиновский // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 7. С.39-40.

691. Умнова, И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной

правоприменительной практики [Текст] И.А. Умнова // Государство и право. 2014. № 11. С. 18-26.

692. Усенко, Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция [Текст] / Е.Т. Усенко // Московский журнал международного права. 1995. № 12. С. 13-28.

693. Де Лондрас, Ф, Дектярев, К. «А., В. и С. против Ирландии»: возникновение блокирующего внутригосударственного консенсуса [Текст] / Ф. де Лондрас, К. Дектярев // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 23-35.

694. Фогельсон, Ю.Б. Мягкое право и верховенство права [Текст] / Ю.Б. Фогельсон // Журнал российского права. 2014 № 11. С. 22-33.

695. Хабриева, Т.Я. Конституция как инструмент правовых, социальных и политических преобразований [Текст] / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 150-154.

696. Халафян, Р.М. Конституционный Суд Российской Федерации и международное «мягкое право» [Текст] // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 98-103.

697. Хартвиг, М. Влияние международного права на внутригосударственное право на примере Европейской конвенции по правам человека [Текст] М. Хардвиг // Имплементация норм международного права в национальное законодательство: теория и практика. Материалы III международной научно-практической конференции органов конституционного контроля. Минск, 2001. С. 19-25.

698. Хижняк, В.С. Международное право и российский конституционализм [Текст] / В.С. Хижняк // Московский журнал международного права. 2004. № 2. С. 208-218.

699. Хижняк, В.С. Приоритеты, цели и принципы конституционно-правовой политики Российской Федерации в сфере информационных отношений в условиях глобализации [Текст] / В.С. Хижняк // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 102-110.

700. Хижняк, В.С. Роль президента и органов исполнительной власти Российской Федерации в конституционно-правовом механизме взаимодействия национального права России и международного права на международном уровне [Текст] / В.С. Хижняк// Юридическая наука и образование. 2008. № 1. 108-116.

701. Хисамов, Э.Р. Некоторые особенности реализации полномочий Конституционного Суда РФ по проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров [Текст] Э.Р. Хисамов// Казанская наука. 2013. № 9. С. 246-248.

702. Хлестова, И.О. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституции Российской Федерации [Текст] И.О. Хлестова // Журнал российского права. 1997. № 13. С. 20-25.

703. Цалиев, А.М. Международные стандарты прав человека в российском законодательстве и в решениях конституционных (уставных) судов [Текст] А.М. Цалиев // Конституция Российской Федерации развитие современной государственности (к 15-летию Конституции Российской Федерации): сборник тезисов докладов. Саратов. 2009. С. 8-12.

704. Чашин, А.Н. Легитимация системы источников (форм) права [Текст] / А.Н. Чашин // Евразийская адвокатура. 2018. №6 (37). С. 102-106.

705. Черниченко, С.В. Взгляд на определенные положения Конституции Российской Федерации с международно-правовых позиций [Текст] С.В. Черниченко // Вестник Дипломатической академии МИД России «Международное право». 2013. С. 52-59.

706. Черногор, Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования [Текст] Н.Н. Черногор // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 5-16.

707. Чернышев, И.А. Европейский суд по правам человека в практике российского конституционного правосудия [Текст] И.А. Чернышев // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 112-115.

708. Чиркин, В.Е. Общечеловеческие ценности и российское право

[Текст] / В.Е. Чиркин // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 64–76.

709. Чиркин, В.Е. Российская конституция и международный опыт [Текст] / В.Е. Чиркин // *Государство и право*. 1998. № 12. С. 5-14.

710. Шарнина, Л.А. Пределы усмотрения при интернационализации конституционного права [Текст] / Л.А. Шарнина // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. № 1. 2018. С. 8-18.

711. Шугуров, М.В. Конституционализация международных норм прав человека и российское правосознание [Текст] / М.В. Шугуров // *Общественные науки и современность*. М., 2006. № 2. С. 67-77.

712. Эбзеев, Б.С. «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правопорядке России (новые смыслы в понимании источников права) [Текст] / Б.С. Эбзеев // *Государство и право*. 2019. № 12. С. 26-38.

713. Эбзеев, Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного закона [Текст] / Б.С. Эбзеев // *Государство и право*. 2020. № 4. С. 7-24.

714. Эбзеев, Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма [Текст] / Б.С. Эбзеев // *Юридическая техника*. 2017. № 11. С. 600-608.

715. Эбзеев, Б.С. Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) [Текст] / Б.С. Эбзеев // *Правоведение*. 1996. № 1. С. 12-18.

716. Эбзеев, Б.С. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Республиканская партия России против России», или утраченные иллюзии о гармоничной преемственности общеевропейских правовых стандартов [Текст] / Б.С. Эбзеев // *Юридическая техника*. 2011. № 5. С. 545-555.

717. Энтин, М.Л. Политико-правовые последствия вступления России в Совет Европы [Текст] / М.Л. Энтин // *Московский журнал международного права*. 1996 № 3. С. 97-111..

718. Ястребова, А.И. Соотношение понятий «общественный порядок», «правопорядок», «конституционный порядок». Конституционно-правовые аспекты [Текст] / А.И. Ястребова // Закон и право. 2013. № 12. С. 15-18.

Диссертации и авторефераты диссертаций

719. Акчурина, Т. Ф. Соотношение международного и внутригосударственного права: Вопросы общей теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т. Ф. Акчурина. - Казань, 2001. - 27 с.

720. Афоничкина, Н. В. Теоретические аспекты реализации права в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н. В. Афоничкина. - Казань, 2008. - 23 с.

721. Бризкун, К. А. Влияние рекомендательных актов международных организаций на развитие международно-правовых и внутригосударственных норм Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / К. А. Бризкун. – М., 2011. - 22 с.

722. Велижанина, М. Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. Ю. Велижанина. – М., 2007. - 29 с.

723. Волков, В. Н. Суверенизация институтов российской государственной власти в условиях глобальной политико-правовой унификации: автореф. дис. ... кандидата юрид. наук [Текст] / В. Н. Волков. - Ростов-на-Дону, 2008. - 25 с.

724. Гагаева, Е. А. Влияние Европейского права на конституционное законодательство государств Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е. А. Гагаева. - Челябинск, 2010.— 26 с.

725. Горшкова, С. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и правовая система Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. А. Горшкова. – М.: 1998. - 22 с.

726. Грачев, Н. И. Государственное устройство и суверенитет в

современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 [Текст] / Н. И. Грачев. – М., 2009. - 43 с.

727. Дадуани, А. Г. Роль Организации Объединенных Наций в содействии демократии: международно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. Г. Дадуани - М.: 2006. - 19 с.

728. Демичева, З. Б. Правовые стандарты совета Европы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / З. Б. Демичева. – М., - 2006. - 26 с.

729. Ижиков, М. Ю. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. Ю. Ижиков. – М.: - 2012. - 25 с.

730. Каламанова, С. В. Суверенитет государства в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 [Текст] / С. В. Каламанова– М.,; 2011. - 203 с.

731. Карасева, И. А. Конкуренция конституционных ценностей в практике конституционного суда Российской Федерации и конституционных судов Зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И. А. Карасева– М., 2014. - 30 с.

732. Ключев, П. А. Проблемы суверенитета в сложных государственных образованиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / П. А. Ключев. - Саратов, 2007. - 25 с.

733. Бурла, В.М. Система ценностей в конституциях государств-членов Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.М. Бурла. - М., 2022. -30 с.

734. Конуров, А. И. Государственный суверенитет в условиях глобализации: автореф. дис. ... доктора полит. наук [Текст] / А. И. Конуров. – М., 2012. - 41 с.

735. Курьянович, Н. В. Экономические аспекты национальной безопасности России в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. эконом. наук [Текст] / Н. В. Курьянович. – СПб., - 2008. - 18 с.

736. Лимонникова, М. А. Венецианская комиссия Совета Европы :

правовые аспекты создания и деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. А. Лимонникова. – М., 2010. - 26 с.

737. Любченко, М. Я. Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: [Текст] / М. Я Любченко. – М., 2018. - 28 с.

738. Матвеев, Д. Ю. Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: Конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д. Ю. Матвеев. – М., 2003. - 28 с.

739. Моисеев, А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: в контексте глобализации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук [Текст] / А. А. Моисеев – М., 2007. - 45 с.

740. Морозов, А. Н. Международные межведомственные договоры Российской Федерации в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. Н. Морозов. – М., 2008. - 26 с.

741. Пастухова, Н. Б. Суверенитет и федеративная организация российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... докт. юрид. наук [Текст] / Н. Б. Пастухова. – М., 2010. - 46 с.

742. Перчаткина, С. А. Реализация решений Европейского Суда по правам человека органами судебного конституционного контроля: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. А. Перчаткина. – М., 2011. - 30 с.

743. Порфирьев, А.И. Национальный суверенитет в российском федерализме: автореф. дис. ...канд. юрид. наук [Текст] / А.И. Порфирьев. – М.: 2008. – 34 с.

744. Пшеничнов, М. А. Конституция России и международное право: проблемы взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. А. Пшеничнов. - Нижний Новгород, 1998. - 23 с.

745. Рамазанов, С. О. Глобализация как социальный процесс: структурно-компонентный анализ: автореф. дис. ... кандидата философ. наук: 09.00.11 [Текст] / С. О. Рамазанов - Тверь, 2009. - 18 с.

746. Халафян, Р. М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р. М. Халафян. - Казань, 2016. - 28 с.

747. Хасянов, Р. Ш. Европейский публичный порядок, европейское правовое пространство и европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: их соотношение и взаимодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р. Ш. Хасянов. - СПб.: 2005. - 24 с.

748. Хижняк, В. С. Конституционно-правовой механизм взаимодействия внутригосударственного права Российской Федерации и международного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 [Текст] / В. С. Хижняк. - Саратов, 2008. - 56 с.

749. Чернышова, О. С. Реализация конституционного права личности на судебную защиту в Европейском Суде по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 [Текст] / О. С. Чернышова. – М., 2005. - 24 с.

750. Юрьева, Н. П. Национальный экономический суверенитет в условиях глобализации: автореф. дис. ... кандидата эконом. наук [Текст] / Н. П. Юрьева. – М., 2009. - 33 с.